

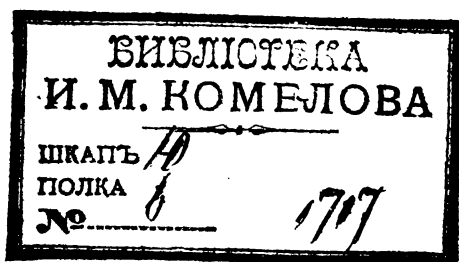
ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

СТАРИННЫХЪ ПОВѢСТЕЙ И СКАЗОКЪ РУССКИХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ПЫЩИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

лъци

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ

СТАРИННЫХЪ ПОВѢСТЕЙ И СКАЗОКЪ РУССКИХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. ШУБИНА.
Д.С.

Р

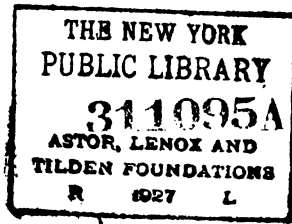
12
9091

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1857.

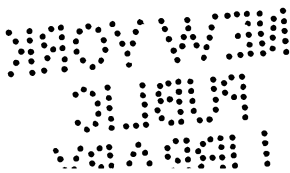
АУ.

Отдѣльные оттиски изъ IV-й книги Ученыхъ Записокъ, издаваемыхъ
Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетер-
бургъ, Мартъ, 1857 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *А. Миддендорфъ*.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Исторія древней Русской письменности распадается на два главные періода. Грань, ихъ раздѣляющая, есть эпоха Татарскаго нашествія, имѣвшая одинаково стѣснительное вліяніе и на общественный бытъ и на образованіе. Литературная дѣятельность, живая и свѣжая въ первомъ періодѣ, во второмъ замѣтно ослабѣла, не развивши тѣхъ началъ, которыя проявились въ древнихъ памятникахъ.

2. Удаленіе древней письменности отъ народно-поэтическихъ созданій должно быть приписано главнымъ образомъ Византійскому вліянію: не столько сильное сначала, чтобы заглушить порывы народнаго творчества, это вліяніе уничтожило въ послѣдствіи всякую возможность народнаго эпоса въ литературѣ.

3. Возрожденіе литературной жизни, какое хотятъ видѣть у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ, было еще слишкомъ слабо и долго не могло принести желанныхъ плодовъ: доказательство въ томъ, что даже реформа Петра Великаго не скоро выразилась въ литературѣ, которая продолжала быть чѣмъ то случайнымъ и нетвердымъ до второй половины XVIII-го столѣтія.

4. Древняя литература наша была бѣдна внутреннимъ развитіемъ и существенный интересъ ея изученія есть объясненіе исторіи народнаго быта и образованія.

5. Древнѣйшія изъ нашихъ переводныхъ повѣстей были живыми литературными явленіями своего времени, потому что передѣлывались подъ вліяніемъ Русскихъ понятій, и принимали въ себя особенности, принадлежавшія только Русской жизни.

Книга 7. С. 123.

6. Повѣствовательный отдѣлъ старинной письменности представляет нѣсколько важныхъ фактовъ для исторіи нашего народнаго эпоса, потому что характеръ послѣдняго отражался иногда и на чужихъ произведеніяхъ, которые по чему либо касались его области.

7. Въ народномъ сказочномъ эпосѣ такъ же можно замѣтить нѣкоторыя частныя подробности, появленіе которыхъ объясняется или вообще произведеніями письменности, или именно старинными переводными повѣстями.

8. Многія сказанія могли перейти въ нашу письменность отъ другихъ народовъ путемъ устнаго преданья; но вообще международныя сношенія оставили мало слѣдовъ въ памятникахъ литературы, такъ что кругъ иноземныхъ вліяній на нашу письменность былъ очень узокъ.

9. Старинная Русская повѣсть не одинъ разъ дополняетъ любопытными данными исторію средне-вѣковой повѣствовательной литературы, потому что указываетъ на существованіе нѣкоторыхъ памятниковъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ ученымъ исследователямъ романтическаго эпоса.

10. Обозначенные теперь памятники Русской повѣсти не исощаютъ всего запаса ея. Ислѣдованіе рукописей до сихъ поръ должно оставаться одною изъ главныхъ задачъ при изученіи не только древней литературы, но и вообще старины Русской.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
— Введеніе.	1
I. Вліяніе Византійское и южно-Славянское. — Русскія редакціи средне-вѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ: псевдо-Каллисеевъ. — Повѣсти о Троянской войнѣ: старинная «притча о крадахъ» и позднѣйшій переводъ книги Гвидона де Колумны ..	22
II. «Синагрипъ царь Адоровъ и Навивскія страны» или «Слово о Акирѣ премудромъ», сказка изъ Тысячи и Одной ночи. — «Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ». — Сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и пресвитерѣ Іоаннѣ. — Слово о полку Игоревѣ.....	63
III. «Слово о купцѣ Басаргѣ», Русская старинная повѣсть. — Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ. — Сказки о Соломонѣ: Нѣмецкая средне-вѣковая поэма о Морольфѣ, сказаніе о Китоврасѣ, суды царя Соломона, Сербскія сказки. — Слово о двѣнадцати снахъ Мамера царя.....	95
IV. Исторія Варлаама и Іосафата. — Притчи нравственно-религіознаго содержания. — Старинные сборники загадокъ. — Стихъ о Голубиной книгѣ. — Повѣсти, основанныя на загадкахъ.....	124
V. Басни Бидпая или Стефанитъ и Ихнилать. — Езопъ въ переводахъ XVII вѣка. — «Зрѣлище житія человѣческаго». — Переводы Гюлистана и Бостана, Саади, и басень Локмана	148
VI. Повѣсти изъ «Римскихъ Дѣяній». — Отдѣльные рассказы того же сборника въ другихъ редакціяхъ: повѣсть о царѣ Агеѣ, притча о насельникѣ и др. — «Зерцало великое», историческіе и легендарные рассказы. — Дидактическія сказанія: о чародѣйствѣ, о високоумномъ хмѣлѣ, о бѣсовской травѣ — табакѣ.....	180
VII. Историческіе рассказы. — Повѣсти Русскія и иноземныя. — Сказаніе о Дракулѣ Мутьянскомъ, о взятіи Царяграда, повѣсть о царицѣ Иверской Диварѣ. — Сказаніе объ Атылѣ, королѣ Угорскомъ; о Ва-	

	стр.
смиа, королевичъ златовласомъ Чешскія земли. — Повѣсть уми- лительная о Брунцвигѣ, старинный рыцарскій романъ Чешской литературы.....	209
VIII. Переводные рыцарскіе романы. — Книга о Мелюзинѣ. — Исторія Петра Златые-Ключи. — Цезарь Октавіанъ. — Повѣсть «изъ дре- внихъ лѣтописцевъ». — Повѣсть о княгинѣ Алдореской. — Апол- лонъ, король Тирскій. — Исторія о Бовѣ королевичѣ или Nuovo d'Antona	228
IX. Польское литературное вліяніе въ XVII-мъ столѣтіи. — Семь мудре- цовъ. — Апофеогмата. — «Смѣхотворныя повѣсти», или средне- вѣковыя «ацеци». — Русское сказаніе о злыхъ женахъ. — Нѣкто- рыя изъ новеллъ Боккаччо въ старинномъ Русскомъ переводѣ..	249
X. Опыты Русской повѣсти. — Сказаніе о Савѣ Грудцынѣ. — Рукопись старницы Маріи. — Повѣсть о Фролѣ Скобзевѣ. — Популярное чтеніе первой половины XVIII-го столѣтія: переводные романы и «жарты» или шуточные сборники	278
— Народныя произведенія, записанныя въ старыхъ рукописяхъ и сбор- никахъ	293
— Приложенія: отрывки изъ Александрин, Троянскихъ сказаній, Девге- ніева Дѣянія, Варлаама и Иосафа, Стефанита и Исихилата, Римскихъ Дѣяній, сказанія о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, изъ книги о Мелюзинѣ, изъ повѣсти о Семи Мудрецахъ.....	303
— Дополненія	357

Въ литературѣ неразвитой, не сознающей своихъ нуждъ или не достигшей истиннаго употребленія силъ, иногда можно встрѣтить столько же любопытныя черты для народной характеристики, какъ и въ литературѣ, ставшей въ число основныхъ двигателей общественной жизни. Эти блужданія народнаго ума, который иногда рѣзко высказываетъ свои выводы, но не останавливается на одной идеѣ, эти неопредѣленныя стремленія фантазіи, находящей красоту въ преувеличеніи и гротескѣ, эти внезапные порывы и лѣнивая неподвижность, выражая въ себѣ дѣйствіе историческихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь народную, освѣщаютъ темный путь ея развитія. И здѣсь, въ дѣятельности безсознательной, можно слѣдить за нѣкоторыми особенными направленіями, можно видѣть зародыши новаго движенія, которое обнаруживается несмѣлыми попытками и подражаніемъ; особенная привязанность къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и здѣсь отмѣчаетъ наклонности читателей и указываетъ на состояніе понятій и образованія: чѣмъ ближе были къ массѣ эти произведенія, чѣмъ охотнѣе она обращалась къ нимъ, тѣмъ легче становится открывать ея невыраженные иначе вкусы и потребности. Такъ несовершенно обнаруживаются симптомы жизни въ литературѣ начинающей свое существо-

ваніе, и таковы были явленія старой Русской письменности, которымъ часто нельзя отказать въ высокомъ достоинствѣ и интересѣ, но которыя еще много зависѣли отъ случайностей и не представляли строгаго и постояннаго развитія. Изученіе старинной повѣсти нашей, въ томъ видѣ, какъ она извѣстна теперь по остаткамъ и обрывкамъ, приводитъ къ подобному заключенію.

Повѣсть и романъ стали въ наше время основною литературною формою; ихъ классическіе предшественники далеко не имѣли того обширнаго значенія, какое приобрѣла эта форма впоследствии, въ литературахъ новой Европы. Самостоятельнымъ источникомъ новаго эпоса были произведенія, возникшія на богатой національной почвѣ, — древнія саги и легенды, фавль, новеллы, рыцарскія исторіи, въ которыхъ средневѣковой читатель встрѣчалъ и свои народныя преданья, и чужіе многи классическіе, и созданія восточнаго вымысла, давно сдѣлавшіяся достояніемъ западно-Европейской повѣи. Новая дѣятельность развивалась подъ живительнымъ вліяніемъ эпоса народнаго: ея разнообразныя произведенія поражаютъ и простотою своего поэтическаго достоинства и вѣрнымъ отраженіемъ національнаго характера; даже тѣ изъ нихъ, какія происходили изъ чуждаго источника, носили тотъ же общій отпечатокъ, въ новой для нихъ области принимая новыя черты. Въ этомъ литературномъ движеніи не доставало иногда самостоятельнаго основанія, при всемъ томъ факты его представляютъ живую и богатую данность лѣтописи. Эта средневѣковая повѣсть, нѣрѣдко общая одинаково для западныхъ и для восточныхъ литературъ, развивалась на обширномъ поприщѣ и въ своемъ распространеніи не одинъ разъ коснулась и русской письменности.

У насъ были извѣстны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній, которыя были знамениты въ средневѣковой литературѣ и принадлежали къ самымъ характеристическимъ явленіямъ ея. Старинная повѣсть наша представляетъ и другія любимыя стороны. Прежде всего она имѣетъ право на вниманіе историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю, она не имѣла тѣхъ интересовъ, какія соединялись

съ произведеніями историческими и чисто-назидательными, — при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій она занимала своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ, и, слѣдовательно, отвѣчала только чисто-литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны повѣсть наша представляетъ не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себѣ отражала. Вообще, при разборѣ старинной повѣсти необходимо являются такіе вопросы. Въ какомъ объемѣ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повѣствовательная литература, такъ богато разцвѣтавшая въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ? На сколько было въ ней начала самостоятельнаго, или, если наравнѣ съ другими сторонами нашей письменности она подчинялась чужому вліянію и пользовалась чужими богатствами, гдѣ были ея источники? Существовала ли связь между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ? Наконецъ, какіе факты открываются въ нашей повѣсти для характеристики народнаго быта и понятій?

Какъ главную, отрицательную, черту надобно замѣтить особенную бѣдность произведеній самобытно Русскихъ въ этомъ большомъ собраніи разнообразныхъ сказаній, повѣстей, сказокъ и романовъ. Народный эпосъ не сдѣлался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, какъ было у Чеховъ, имѣвшихъ Судь Любуши и Краледворскую рукопись. Напротивъ, наша народная словесность, какъ Болгарская и Сербская, издавна заключилась въ самой себѣ и начала отдѣльное существованіе. Слово о полку Игоревѣ становится явленіемъ исключительнымъ, какъ произведеніе, нераздѣльно связанное съ народнымъ эпосомъ и по духу и по внѣшней отдѣлкѣ. Известныя условія стариннаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль литературы, и это направленіе почти съ одинаковой силой удерживалось во всемъ старомъ періодѣ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободного выраженія началъ народно-поэтическихъ: эти послѣднія слишкомъ сильно проникались всеымъ богатствомъ народныхъ вѣрованій и вмѣстѣ съ ними вызвали противъ себя горячую и непрерывную полемику. Какъ древніе наши писатели

вооружались противъ «пѣсенъ и игръшъ бѣсовскихъ», такъ XVII столѣтіе считало предосудительнымъ и потому запрещало «сказки сказывать небыльи и загадки загадывать».

Восполненіемъ недостатка въ повѣсти, Русской по содержанию и происхожденію, служила обширная популярная литература иноземныхъ сказаній. Любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ и романическимъ рассказамъ, находили пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтія, сначала Старо-Славянская, потомъ Русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакціями сказаній, расхлѣбавшихся въ то же время и въ западно-Европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ во все не съ той точки зрѣнія, какъ смотрятъ теперь. И переводъ и передѣлка въ наше время не могутъ усвоить литературѣ чужаго произведенія и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смыслъ переводнаго сочиненія остается по прежнему несроденъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ отъ неслишкомъ большой разборчивости читателей, чужое и переводное принимали какъ свое, оригинальное. О книгѣ судили во ближайшихъ чертахъ содержанія, и считая переводъ за Русское сочиненіе, также легко и чисто-Русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія Русскія поучительныя слова отнесены въ рукописяхъ къ І. Златоусту. При этомъ взглядѣ переводъ терялъ и свою иноземную внѣшность: оставая безъ намѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣльватель замѣнялъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ Русскаго быта, потому что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей, или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло. Отъ того книга, передѣланная на Русскіе нравы, теряла свою исключительную физиономію и находила больше сочувствія у читателей. Тоже явленіе, но иногда въ размѣрахъ гораздо большихъ, повторялось въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ ли-

тературѣ начинающейсѣ, которая не имѣетъ понятія о литературной собственности и слѣдуетъ нехитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдѣ находишь его». Простодушіе, съ какимъ тогда поддѣлывали и травестировали чужое произведение, даетъ много цѣны этимъ новымъ вставкамъ и перемѣнамъ, потому что онѣ прямо взяты изъ той среды, къ которой авторъ ихъ принадлежалъ. Однако, здѣсь нѣ было обыкновенно никакого преднамѣреннаго желанія передѣлывать; оно было бы выше понятій того времени, — дѣло совершалось само собой. Писанныя литературы всегда и вездѣ подвержены были вліянію интерполяціи: каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлялъ глоссы и синонимы, которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало-по-малу начиналась сильная порча текста, отъ которой не далеко до передѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ и удерживалъ комментарий, третій распространялъ его и т. д., и въ крайнемъ предѣлѣ интерполяціи переводное произведение получало уже новый колоритъ, приближавшій его къ національности переводчика, и до нѣкоторой степени могло замѣнить недостатокъ сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первыя повѣсти, занесенныя къ намъ изъ Византійской литературы и отличающія первый періодъ нашей письменности. Эта эпоха была у насъ временемъ тѣснаго общенія съ дѣятельностью южно-Славянской. Русскіе пріобрѣтали по большей части готовые сказанія, которыя появлялись сперва въ южно-Славянской письменности и потомъ легко переходили въ Русскую, при единствѣ литературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники болѣе и болѣе укрѣплялись на Русской почвѣ, такъ что въ послѣдствіи уже только на ней продолжали свое существованіе: многіе изъ памятниковъ южно-Славянскихъ, извѣстные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ рукописяхъ Сербскихъ и Болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ Старо-Славянской письменности, потому что въ повѣствовательномъ отдѣлѣ ея сохранилось многое изъ классиче-

скаго наслѣдья и, кромѣ того, находилось значительное собранье восточныхъ и западныхъ сказаній, повѣстей и легендъ. Она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестящаго времени Греческой литературы—творенія Аристотеля, Эвклида, Гиппократы, Птолемея, Платона, съ другой сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ Индѣйскимъ, доходившимъ до нея путемъ Сирійскихъ, Арабскихъ и Персидскихъ переводовъ; но связямъ съ народами Германскими и Романскими, для нея доступны были и сказанья западно-Европейскія. Южно-Славянское посредничество принесло къ намъ многія повѣсти изъ этого источника: и сказанія классической древности, передѣланныя подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій и одѣтыя въ средневѣковую одежду, какъ баснословная *Исторія Александра Македонскаго*, приписываемая псевдо-Каллисмену, повѣсть о *Троянской войнѣ*; и сказочныя произведенія востока, или извѣстныя и западной Европѣ въ новѣйшихъ обработкахъ, какъ знаменитая *Калила-и-Димна*, или *Стефанитъ и Измлатъ*, — или же знакомыя только къ литературѣ Византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной Ночи о *Синагрипѣ* и мудромъ его министрѣ; и произведенія, навѣяныя христіанскою жизнью, отчасти сохранившія легендарный характеръ, отчасти смѣшанныя съ другими формами повѣсти, какъ *исторія Варлаама и Иосафата*; и средневѣковыя преданья о чудныхъ странахъ, одинаково любимыя и въ Византіи и въ западной Европѣ, какъ преданье о *царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ*. По старинной повѣсти о *Дьяннѣ Десваницѣ* можно заключать, что у насъ не были чужды и Византійскія героическія сказанья, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность Византійскаго міра съ Азіатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомнѣнно должна была выразиться подобными сказаньями, несмотря на то, что по своему схоластическому направленію Греческая литература Византійской эпохи всего менѣе способна была къ чему либо, похожему на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, лившимися въ южно-Славянскую письменность изъ Византіи, показываются тѣ народно-апокрифиче-

свѣя преданья, какія вообще играли очень важную роль въ среднѣ вѣка и у насъ получали развитіе, довольно своеобразное. Ихъ извѣстность не ограничивалась и не обуславливалась только письменными памятниками: основанныя первоначально на чужомъ преданьи, эти рассказы расходились не столько письменно, сколько путемъ устной передачи, и потому не мудрено, что въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ по спискамъ позднимъ, онѣ обнаруживаютъ извѣстное родство съ формами и даже содержаніемъ чисто-народнаго эпоса. Такъ наши *повѣсти о Соломонѣ* или отдѣльными подробностями или и въ цѣломъ составѣ повторяются въ народной словесности: одна изъ Сербскихъ сказокъ «о премудромъ Соломонѣ», представляетъ неоспоримыя слѣды единства съ нашимъ стариннымъ памятникомъ.

Весьма отличительная черта болѣе древнихъ повѣстей нашихъ заключается именно въ томъ, что онѣ принимаемы были со всей свѣжестью интереса и приходились къ понятіямъ читателей: на нихъ уже скоро оказался Русскій оттѣнокъ и потому въ ихъ замѣтованномъ содержаніи можно иногда встрѣтиться съ такими же вѣрными замѣтками или упоминаніями о Русскомъ бытѣ и съ выраженіемъ господствовавшихъ у насъ понятій, какъ въ Русскихъ сочиненіяхъ того же времени. Впрочемъ, это можно сказать почти только о древнихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Произведенія письменности южно-Славянской перестали приходить къ намъ, по крайней мѣрѣ въ прежнемъ количествѣ, уже около XIV столѣтія: съ паденіемъ политической независимости южно-Славянскихъ государствъ, упала и литературная дѣятельность; читалось и слышалось только то, что осталось отъ предыдущей эпохи. Русская письменность не могла вознаградить этого недостатка уже потому, что и въ ней время Татарскаго владычества отозвалось замѣтнымъ усыпленіемъ и застоемъ. Поэтому XIV — XVI столѣтія нашей литературы представляютъ не только мало замѣчательнаго въ повѣствовательномъ родѣ, но даже и мало рукописей, посвященныхъ повѣсти и сказкѣ. Древнѣйшіе списки большей частью вовсе не дошли до нашего времени, и почти все содержаніе старинной повѣсти нашей извѣстно теперь изъ рукописей и сборниковъ XVII вѣка, обнаружившаго большую любовь къ этому чтенію. Съ этой

поры открывается новый періодъ нашей повѣсти: оставаясь какъ и прежде переводною по преимуществу, она увеличивала свой объемъ и, усвоивая мало-по-малу чужіе рассказы, перешла и къ собственнымъ попыткамъ, болѣе или менѣе замѣчательнымъ. Но для нея былъ уже закрытъ источникъ, которымъ она пользовалась прежде: литература падшей Византіи не доставляла намъ своихъ памятниковъ, хотя пріѣзды ученыхъ Грековъ, приносившихъ съ собою разныя произведенія, не прекращались до Петра Великаго. Въ замѣнъ того образовались новыя литературныя сношенія, сблизившія нашу повѣсть съ романтической поэзіей средневѣковой Европы. Впрочемъ только изрѣдка можно выслѣдить у насъ прямыя связи съ западною литературой: хотя въ XV и XVI столѣтіяхъ значительно усилилось знакомство Русскихъ съ иностранцами въ сношеніяхъ житейскихъ, торговыхъ и дипломатическихъ, однако, по причинѣ понятной, оно почти никогда не доходило до такой короткости, чтобы сдѣлать возможнымъ литературное заимствованіе или подражанье. Средство для перехода средневѣковыхъ романтическихъ произведеній въ нашу письменность доставила литература Польская. Ея участіе, сначала едва замѣтное, увеличивается болѣе и болѣе въ XVII столѣтіи, и сдѣлалось тогда такимъ же главнымъ источникомъ стариннаго популярнаго чтенія, какъ прежде Византійскій или южно-Славянскій. Опредѣляя начало этого вліянія по тѣмъ памятникамъ, какіе до сихъ поръ были обозначены, едва ли можно восходить далѣе XVI столѣтія; притомъ только къ этому времени Польская литература пріобрѣла большую самобытность и пришла въ столкновеніе съ литературами западными, особенно Нѣмецкой: отсюда явились въ ней многія западныя произведенія, потомъ перешедшія и къ намъ.

Нѣкоторые факты позволяютъ думать, что Чешская словесность также не оставалась чуждою для нашей письменности и могла передать ей или свои повѣсти и романы, или переводы западныхъ, которыми вообще была богата. Немногое было переведено съ Нѣмецкаго; одна старинная повѣсть заимствована изъ Итальянской литературы среднихъ вѣковъ.

Западные памятники, хотя и очень охотно приняты были нашими читателями, но вообще не получали въ глазахъ ихъ такой цѣны, какую имѣли въ свое время сказанія Византійской эпохи. Они любопытны, впрочемъ, иногда и по своей роли въ нашей словесности, и по отношенію къ средне-вѣковой романтической литературѣ. Бѣольшая часть и Византійскихъ и западныхъ произведеній, извѣстныхъ у насъ встарину, принадлежатъ къ тому кругу поэтическихъ созданій, которымъ ученые изслѣдователи романтическаго эпоса дали удачное названіе «странствующихъ» (*wandernde Dichtungen*). При всемъ различіи своего происхожденія — восточнаго или западнаго, Азіатскаго или Европейскаго, — онѣ сходны были въ одномъ, своей всеобщей извѣстности. Это странствованіе поэтическихъ произведеній было до того обыкновеннымъ и почти необходимымъ явленіемъ, что каждое замѣчательное сказаніе или повѣсть расходилось повсюду, и у разныхъ народовъ видоизмѣняя свою физиономію, получали длинную литературную исторію, нелишенную характеристическихъ особенностей. Такъ было съ Германскими и Романскими сказаніями, которыя хотя и возникали въ отдѣльной національности, какъ саги о Дитрихѣ Бернскомъ, романы объ Артурѣ или Карлѣ Великомъ, но тѣмъ не менѣе становились общимъ достояніемъ народовъ западно-Европейскихъ, отчасти по причинѣ ихъ тѣснаго политическаго сближенія, отчасти по единству ихъ нравственныхъ интересовъ, развившихся подъ одинаковыми условіями образованія. Тоже было и съ преданіями о событіяхъ и лицахъ классическаго міра, и рассказами, пришедшими изъ Византіи и съ востока; баснословная исторія Александра, Троянскія сказанія, повѣсть о семи мудрецахъ, Калила - и - Димна, въ каждой западной литературѣ имѣли своихъ представителей и пользовались почетомъ. Множество мелкихъ рассказовъ, новеллы, анекдотическія повѣсти, отчасти принадлежавшіе народной словесности, распространялись также быстро и обширно, какъ и основные памятники романтическаго эпоса. Это оригинальное явленіе нашло уже многихъ объяснителей между новѣйшими учеными: труды Донлопа, Сильвестра де-Саси, Я. Гримма, Вольфа, В. Шмидта, Ад. Келлера, Грессе и другихъ, представляютъ въ высокой степени любопытную картину распространенія по-

этических созданий в средние века. Памятники Русской старинной письменности еще на одну степень раздвигают этот круг странствований, открывая иногда до сих пор неопределенные факты его истории. Таким образом, наш перевод одной сказки из Тысячи и одной ночи, сделанный без сомнения с Греческого, указывает, что в литературу Византийской известен был и этот знаменитый сборник вместе с другими сказочными сборниками востока, — и следовательно дает новое средство объяснять сходство, какое находят в его содержании со многими из старинных повестей западно-Европейских «Дэвние Девгеніево», переведенное в древнюю эпоху нашей письменности, и кажется неизвестное из Греческих источников, иметь немалую цену для истории средневекового эпоса в литературу Византийской, как остаток самобытного героического романа Византийской эпохи. Подобным образом, более позднее Русское сказание, основанное на мифах о Соломонѣ, подтверждает родство некоторых памятников Германского эпоса с преданиями Византийскими, сближая Нѣмецкое стихотворение XV века с его предполагаемым Греческим источником.

Из числа этих памятников к нам перешли между прочим через Польскую литературу: знаменитый в средние века сборник легенд, повестей и сказок, известный под именем *Римских Дэвний* (*Gesta Romanorum*); рыцарские истории — о *Феѣ Мелюзиль*, о рыцарѣ *Петрѣ Златыхъ - Ключахъ*, о цезарѣ *Оттонѣ* и друг.; быть может, знаменитая повесть о *Семи Мудрецахъ*; известные в свое время *фацеции* или шуточные рассказы и анекдоты, наконец несколько *новелл Боккаччо* и т. д. Мы заметили уже, что позднейшие переводы с Польского существенно отличаются от памятников древнего периода тем, что редко передѣлывались в Русском духѣ и чаще сохраняли свою иностранную одежду; их чуждая внешность переставала казаться странною уже тогда, когда читатель привыкалъ к господствовавшей в них литературной манерѣ. Из этого нельзя однако заключить, что позднейшія наши повести имѣли мало читателей; не говоря о томъ, что, появившись большею частию в XVII столѣтіи, онѣ еще не успѣли достаточно проявиться

новой средой и приноровиться къ Русскимъ нравамъ, какъ это было возможно для древнихъ памятниковъ, — инья изъ этихъ повѣстей были переведены не одинъ разъ и чрезвычайно распространялись въ рукописяхъ, слѣдовательно встрѣчали большее сочувствіе.

Такимъ образомъ переводная Русская повѣсть всего болѣе заимствовала изъ двухъ ближайшихъ источниковъ — южно-Славянскаго и Польскаго. Господство ея простиралось и на первую половину XVIII вѣка, въ томъ классѣ народа, который еще не совсѣмъ отказался отъ старинны: вмѣстѣ съ новыми романами, переведенными съ Нѣмецкаго, Французскаго и Польскаго въ Петровскую эпоху, прилежно читались и прежнія повѣсти семнадцатаго столѣтія. Инья изъ нихъ даже чаще попадаются въ спискахъ прошлаго вѣка.

Попытки самостоятельной повѣсти были немногочисленны и не получили надлежащаго развитія. Съ одной стороны, повѣсть постоянно подчинялась требованіямъ историческаго изложенія, и примѣръ чистаго эпоса въ Словѣ о полку Игоревѣ, остался безъ послѣдствій; позднѣйшіе грамотѣи чувствовали его прелесть, но никогда не могли подняться до его эпической высоты; отличаясь всего болѣе многословіемъ и напыщенностью, эти сочинители могли внести изъ Слова только отдѣльныя фразы въ свои тяжелыя схоластическія сказанія, и дальше идти не могли. Во множествѣ старинныхъ историческихъ повѣстей, жизнеописаній и сказаній о замѣчательныхъ событіяхъ, нерѣдко можно замѣтить участіе народно-поэтическаго преданія, но всегда оно затемняется, рутинною сухостью изложенія и смѣшанное съ чисто историческимъ разказомъ не получило отдѣльнаго развитія; такъ что эти сказанія имѣютъ почти только значеніе историческихъ матеріаловъ. Другія повѣсти, принадлежащія вполне области фантазіи, какъ *Слово о купцѣ Басарѣ*, или составлены по чужимъ образцамъ или же безпѣтны по мысли и изложенію, несмотря на нѣкоторые приемы, свойственные народной поэзіи. Нѣтъ такой поэтической мысли и вышности и на тѣхъ полу-историческихъ повѣстахъ, которыя повторены Русскими съ чужаго преданья, какъ повѣсть о парицѣ *Димарѣ*, сказаніе о мутьянскомъ воеводѣ *Дракулѣ*. Примѣровъ легкой

повѣсти, взятой изъ Русскаго быта, въ родѣ сказанія о *Савель Грудцынѣ*, исторіи о *Фролѣ Скоблевѣ*, до сихъ поръ извѣстно очень мало, и они не составляютъ цѣлаго направленія. Эти повѣсти вообще любопытны: по чертамъ народной жизни, но по характеру неопредѣленны, потому что не успѣли образоваться въ отдѣльную независимую форму.

Въ концѣ стараго періода въ нашихъ грамотѣяхъ и книжникахъ развилась необыкновенная охота къ повѣстямъ и сказкамъ. Сборники XVII вѣка сдѣлались потому главнымъ хранилищемъ этого разряда старинныхъ произведеній; значительное количество рукописей, посвященныхъ подобному содержанию, указываетъ, что именно легкая, забавная и занимательная повѣсть стала тогда чувствительною потребностью въ нашемъ популярномъ чтеніи. Многія рукописи отличаются особеннымъ изяществомъ, во вкусѣ того времени, написаны очень ровно и красиво, съ гравированными заставками и начальными буквами, украшены выѣтками и картинами; онѣ принадлежали вѣроятно любителямъ и даютъ намъ понятіе о тогдашнихъ иллюстрированныхъ или дорогихъ изданіяхъ. Въ этихъ литературныхъ сборникахъ господствовала обыкновенная неразборчивость нашихъ старинныхъ собирателей; здѣсь соединялись и сказанія византийскія, и новѣйшіе переводы, и баснословныя повѣсти изъ русской исторіи, и апокрифическія преданья. Въ XVII столѣтіи явилось желаніе воспользоваться и тѣмъ матеріаломъ, какой доставляла народная словесность, и рядомъ съ чужими повѣстями и сказками стали записывать и свои; такъ извѣстный стихъ о Голубиной книгѣ уже встрѣчается въ рукописяхъ этого времени. Къ сожалѣнію, подобныя попытки обнаруживались рѣдко: и не передали намъ народныхъ миѳовъ въ той одеждѣ, которую носили они два вѣка тому назадъ и раньше; сказки и былины явились впервые въ XVIII столѣтіи въ размѣрахъ болѣе обширныхъ, но зато пострадали отъ книжниковъ и передѣльвателей. Какъ много замѣчательныхъ подробностей могли бы сохранить старинные списки, можно судить по прекрасному тексту повѣсти о *Горь-Злочастіи*.

Народный эпосъ во всю эту эпоху сберегался только въ устахъ самаго народа. Имена эпическихъ героевъ изрѣдка упо-

минаются въ старой письменности, хотя она имѣетъ много свидѣтельствъ о народныхъ преданіяхъ. Что эпосъ сохранилъ свою свѣжесть и жизненность въ народѣ, не подлежитъ сомнѣнію; присутствіе эпического строя открывается даже въ языкѣ древнѣйшихъ памятниковъ. Пословица, притча, загадка, сравненіе еще сохраняли свое сознательное употребленіе, какое утратили въ нашихъ глазахъ; даже въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ всего меньше можно было бы ожидать того, въ дѣловыхъ бумагахъ и грамотахъ, мы встрѣчаемся съ тѣми свойствами и оборотами рѣчи, какіе по преимуществу усвоены народнымъ эпосомъ. Жизненность народнаго эпоса необходимо предполагаетъ и его исторію: былины о Владиміровыхъ богатыряхъ, какъ мы знаемъ ихъ теперь, конечно слишкомъ далеки отъ своего первообраза; и ихъ измѣненія начались въ очень отдаленное время. Смѣшеніе сюжетовъ, вставка новыхъ именъ и обстоятельствъ, намекая на первобытный видъ произведеній, указываютъ и позднѣйшія эпохи — Татарскаго владычества, Московскаго царства, Сибирскихъ походовъ, — наложившія свою печать на преданія древняго эпоса. Характеръ древнѣйшихъ былинъ и позднѣйшихъ историческихъ пѣсенъ, такъ отличны одинъ отъ другаго, что даютъ возможность опредѣлить до нѣкоторой степени свойства народнаго творчества въ ту и другую эпоху. Историческій эпосъ имѣлъ такимъ образомъ свою исторію и въ отношеніи къ внѣшней цѣлости и развитію содержанія, и въ отношеніи народнаго авторства. Несравненно меньше фактовъ представляется теперь для объясненія сказки, другаго основнаго направленія эпической народнаго поэзіи. Большая часть нашихъ сказокъ существуетъ до сихъ поръ только въ устной передачѣ, и потому очень трудно обозначить вѣрно и кругъ ихъ содержанія и развѣтвленіе этихъ произведеній народнаго фантазіи. Сказка неясными слѣдами отражаетъ въ себѣ доисторическій бытъ; ея таинственныя и волшебныя существа очевидно имѣютъ миеологическое значеніе, теперь слишкомъ затемненное временемъ. Для самого народа уже необъяснимы многія имена, эпитеты и атрибуты сказочныхъ героевъ, но они, такъ или иначе, повторяются до сихъ поръ, какъ преданіе глубокой старины. Древность современныхъ сказокъ легко опредѣляется и сама собой и сравненіемъ

съ преданьями другихъ народовъ; при всемъ томъ сказка терпѣла много нарушеній своей первобытной формы, прежде чѣмъ получила нынѣшній видъ. Сохраняясь только памятью народа, сказка необходимо испытывала вліяніе новыхъ началъ жизни и должна была примѣняться отчасти къ понятіямъ позднѣйшихъ поколѣній. Какъ общіе племенные мифы разбились на вѣтви въ разныхъ народностяхъ, такъ дѣлались сказки и въ отдѣльномъ народѣ по условіямъ историческимъ и этнографическимъ. Иныя изъ нихъ образовались вѣроятно уже въ ту эпоху, за которой можетъ слѣдить исторія, потому что народъ не теряетъ своей способности олицетворять и поэтизировать явленія, поражающія его фантазію, и мифъ возможенъ вездѣ и всегда. Паленіе древней сказки началось безъ сомнѣнія очень рано, внѣшнимъ раздробленіемъ ея, смѣшеніемъ разныхъ мифовъ въ одинъ, раздѣленіемъ одного общаго преданья на частныя, независимыя рассказы, при чемъ однако мало измѣнились самыя сюжеты. Замѣчательный примѣръ этого представляютъ наши сказки о звѣряхъ, такъ называемый *животный эпосъ*. Въ его содержаніи много аналогическаго съ Нѣмецкими сказками, литературныя обработки которыхъ такъ знамениты были въ средніе вѣка. Записанный давно, Германскій эпосъ вошелъ не только въ Нѣмецкіе и Французскіе, но и въ Латинскіе памятники и слѣдовательно могъ удержать древнѣйшія черты своего состава. И по главнымъ героямъ и по ихъ похождениямъ, Германскій эпосъ однороденъ съ нашимъ и даже дополняется имъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, такъ что Нѣмецкіе изслѣдователи Ройнгарта, дорожащіе даже незначительными отрывками древняго сказанія, могли бы многое для его объясненія найти въ рассказахъ, теперь извѣстныхъ въ нашей народной словесности. Между тѣмъ у насъ, какъ у другихъ Славянъ, животный эпосъ не сохранился въ цѣлыхъ, законченныхъ сказаніяхъ, каковы древнія Нѣмецкія и Французскія, но разбился на множество мелкихъ и большей частью безсвязныхъ сказокъ.

Былина и сказка были основныя формы народнаго нашего эпоса, выдѣлившіяся изъ общей массы эпическаго преданья. Съ теченіемъ времени, въ дальнѣйшемъ развитіи народной словесности, онѣ мѣняютъ свой характеръ, расширяютъ или сѣ-

уживаютъ свои границы. Былина, мифическая въ своемъ основаніи, выражается въ историческую пѣсню; сказка принимаетъ въ себя чуждые элементы, несродные съ древнимъ ея смысломъ и становится былью, анекдотомъ. Это явленіе совершается постепенно, и представляя фазы ихъ развитія, выражаетъ въ тоже время ихъ упадокъ. Такимъ образомъ наша сказка дала мѣсто и другимъ сторонамъ народной мысли, юмору и сатирѣ; конечно они уже издавна вошли въ поговорку и притчу, но сатирическая сказка есть явленіе, свойственное позднѣйшимъ эпохамъ народной словесности, и ни въ какомъ случаѣ не коренное, если только сатира присоединена къ сказкѣ мифической. Этотъ юморъ обращался или противъ смѣшныхъ сторонъ человѣческаго характера или противъ недостатковъ общественнаго быта, и потому выраженіе его выходило изъ предѣловъ сказки, даже изъ предѣловъ народнаго творчества, потому что въ специальной сатирѣ, точка зрѣнія принадлежитъ гораздо меньшему кругу людей. Въ послѣдствіи не такъ строга становится и граница сказки съ народнымъ анекдотомъ, который довольствуется не затѣйливимъ, но забавнымъ содержаниемъ и за нимъ не имѣетъ другой цѣли. Кругъ народнаго повѣствованія завершается огромнымъ количествомъ мѣстныхъ сказаній, составляющихъ этнографическую характеристику народа, потому что содержаніе ихъ по большей части находится въ ближайшей связи съ народнымъ бытомъ. До сихъ поръ мы имѣемъ только отрывочные пересказы подобныхъ преданій; между тѣмъ онѣ представляютъ много любопытнаго для изученія народнаго эпоса, такъ какъ мѣстное преданіе или примыкаетъ по своей главной мысли къ обще-народнымъ повѣрьямъ и сказкамъ, или прямо специализируетъ, ихъ приурочивая къ частнымъ условіямъ.

Въ какомъ же отношеніи находилась поэзія, народная и по содержанію и по формѣ, къ памятникамъ книжной литературы? Состояніе народной поэзіи въ періодѣ до-Петровскомъ, неясно до сихъ поръ именно потому, что существованіе ея мало выразилось въ произведеніяхъ письменности; то есть, она не имѣла существенной связи съ явленіями книжной литературы. Не таково было ея положеніе у народовъ западно-Европейскихъ:

не только Нѣмецкая и Романская, но даже и Латинская литература средних вѣковъ утверждались на основаніи народной поэзіи и заимствовали изъ нея и мысль и иногда выраженіе. Свойства образованія и условія литературнаго развитія на западѣ и у насъ были слишкомъ различны, и аналогія, которую хотѣли иногда видѣть наши изслѣдователи между древней нашей письменностью и литературами западно-Европейскими, должна ограничиваться только немногими частными случаями, иначе становится натянутою и ложною. Если мы, съ своей стороны, можемъ указать только въ двухъ-трехъ поэтическихъ памятникахъ тѣсное родство съ народнымъ эпосомъ, то обвиненія старой нашей литературы въ бѣдности совершенно справедливы. Бѣдность заключается именно въ отдаленіи отъ національныхъ мотивовъ, которые одни могли дать литературѣ свѣжесть и силу. Изъ памятниковъ письменности нашей можно извлечь только случайные слѣды народной поэзіи, каковы лѣтописныя вставки изъ народныхъ притчъ, пословицъ и сказаній, упоминанія духовныхъ сочиненій о народныхъ повѣрьяхъ и преданьяхъ и т. п. Такое своеобразное положеніе народной словесности существовало какъ необходимый историческій фактъ и причина его лежитъ, какъ мы прежде замѣтили, въ давнишней борьбѣ противъ народнаго начала въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и обрядахъ, — борьбѣ, открывшейся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности и продолжавшейся до конца стараго періода. Можно думать впрочемъ, что сильнѣйшій упадокъ народнаго начала связаць съ общимъ ослабленіемъ литературы въ среднюю эпоху ея исторіи, преимущественно блѣдную и схоластическую. Одна изъ причинъ, поддерживавшихъ это явленіе, едва ли не заключается въ томъ обстоятельстве, что очень долго вся письменность наша была въ рукахъ однихъ духовныхъ лицъ. Это было и въ западныхъ литературахъ, но тамъ общее направленіе приобрѣло такую силу, что писатель уже подчинялся его вліянію; между тѣмъ у насъ онъ скорѣе непріязненно смотрѣлъ на то, что выходило изъ круга его дѣятельности. При томъ наше образованіе всегда оставалось духовнымъ, и свѣтскій писатель необходимо долженъ былъ идти по тойже дорогѣ: по крайней мѣрѣ извѣстныя намъ со-

чиненія бояръ и дьяковъ позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы не колеблясь признали бы ихъ духовными лицами.

Такимъ образомъ народная поэзія не была въ нашей письменности корнемъ литературнаго развитія и даже не имѣла въ ней замѣтной роли; но, говоря о старинной повѣсти, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ, большей частью внѣшнихъ, отношеній и связей народной поэзія съ произведеніями книжными. Легко ожидать подобнаго явленія, если старинная повѣсть обращалась въ обширной массѣ разнородныхъ читателей, и, какъ мы видѣли, встрѣчала иногда живое сочувствіе. Достаточно нѣсколькихъ сближеній, чтобы убѣдиться, что, какъ элементы книжные входили въ содержаніе народнаго эпоса, такъ и въ сказаніяхъ переводныхъ, извѣстныхъ по стариннымъ сборникамъ, многое преобразовалось въ инныя формы отъ вліянія народно-поэтическаго взгляда.

Чужія повѣсти иногда особенно занимали читателей по какимъ нибудь чертамъ своего содержанія, безпрестанно переписывались и расходились въ новыхъ спискахъ. Извѣстно, какимъ удивительнымъ превращеніямъ подвергается иногда въ рукописныхъ литературахъ одно и то же произведеніе: сравнивъ нѣсколько списковъ какой нибудь любимой встарину повѣсти, можно безъ труда видѣть, что все множество вариантовъ часто бываетъ только слѣдствіемъ обширнаго распространенія повѣсти, переходившей во всѣ стороны и во всѣ разряды читателей. Не говоря о томъ, что при подобномъ распространеніи внѣшнія подробности сглаживались подъ Русскія формы, самое изложеніе много выигрывало въ пользу народности склада и языка. На этомъ и останавливались, большей частью, переводныя повѣсти. Но случалось, что эти травестированные рассказы смѣшивались съ оригинальными произведеніями народа и, не смотря на чужое происхожденіе, получали право гражданства въ нашемъ сказочномъ эпосѣ; герои переводныхъ повѣстей изображались тѣми же красками, какъ богатыри сказокъ и былинъ. Такъ, по свидѣтельству знатоковъ, варианты рукописныхъ сказаній о Соломонѣ повторяются въ Малорусскихъ преданьяхъ; такъ Итальянскій романъ XIII — XIV вѣка превратился въ Русскую на-

родную сказку о Бовѣ королевичѣ. Тѣмъ же путемъ произошли многіе изъ нашихъ народныхъ анекдотовъ, въ которыхъ хотѣли видѣть проявленіе Русскаго юмора, и которые однако составляютъ принадлежность Нѣмецкой или вообще западной анекдотической литературы среднихъ вѣковъ. Извѣстныя лубочныя изданія, съ XVII вѣка занимающія важное мѣсто въ народномъ чтеніи, представляютъ много заимствованныхъ разсказовъ, принадлежащихъ старинной рукописной повѣсти.

Съ другой стороны чисто-народныя произведенія подвергались книжному вліянію. Въ нихъ очень легко могли появиться отдѣльныя подробности чуждаго происхожденія; въ кругъ народныхъ знаній давно перешли многія повѣрья о чудныхъ далекихъ странахъ, дивныхъ звѣряхъ и птицахъ, заключенныя сначала въ переводныхъ сборникахъ, въ родѣ средневѣковаго «Физиолога», и потомъ распространившіяся посредствомъ азбуковниковъ и имъ подобныхъ популярныхъ книгъ; отсюда они появлялись въ пѣснѣ, былинѣ, и можетъ быть въ сказкѣ. Такой переходъ миеовъ во многихъ случаяхъ можно считать болѣе естественнымъ, чѣмъ живое преданіе, которому нерѣдко даютъ слишкомъ обширное значеніе. Иногда народная поэзія заимствовала и цѣлые сюжеты изъ книжныхъ преданій и повѣстей; это должно было произойти конечно тамъ, гдѣ сфера книжнаго знанія относилась къ живѣйшей струнѣ въ народныхъ понятіяхъ и могла поэтому служить эпическимъ матеріаломъ, и отсюда явились опозтизированные сюжеты духовныхъ стиховъ «объ Алексѣѣ божіемъ человекѣ», о «Федорѣ Тиронѣ», о «Борисѣ и Глѣбѣ», даже стихи о Голубиной книгѣ, о «Георгіи Храбромъ» и другіе. Мотивы послѣднихъ не всегда принадлежать народной фантазіи, но давно ею восприняты, они связаны съ національными миеами и развиты наравнѣ съ ними. Не всѣ духовные стихи одинаково древни, но многіе принадлежать далекой старинѣ; стихъ о Голубиной книгѣ, одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній Русской эпической поэзіи, въ XVII столѣтіи является уже какъ вѣчто законченное: очевидно, чтобы распространиться въ народѣ, отразить его понятія и принять самый складъ выраженія, преданіе, служащее основой стиха, должно было давно усвоиться народу. Наконецъ въ народной поэзіи обнару-

живалось вліяніе и книжной повѣсти. Въ былинахъ съ героями Владимірова времени выставляются иногда богатыри переводныхъ сказаній, какъ обрусѣвшій «Полканъ-богатырь». Народная сказка къ своему оригинальному содержанию примѣшивала частности, заимствованныя изъ того же источника: «мечъ-кладенецъ», необходимый спутникъ сказочнаго героя, едва ли не былъ чертой заимствованной, также какъ магнитная гора, притягивавшая далеко плывущіе корабли, или *нагай*-птица (старинное *ногъ*), выносящая сказочнаго царевича изъ подземной страны на святую Русь. Даже цѣлые эпизоды могли быть обработаны на основаніи чужихъ рассказовъ: къ числу заимствованныхъ относится, быть можетъ, наша сказка «о злой женѣ», попавшей въ яму и напугавшей бѣса, очень извѣстная и въ средневѣковой западной повѣсти.

Обозрѣніе старинной Русской повѣсти разлагается слѣдовательно на два главные вопроса: одинъ касается книжнаго чтенія древней эпохи, совмѣщающаго различныя сказанья среднихъ вѣковъ; другой относится къ чисто-народному эпосу. Для рѣшенія послѣдняго вопроса до сихъ поръ собрано чрезвычайно мало необходимыхъ данныхъ: нѣсколько десятковъ былинь, нѣсколько духовныхъ стиховъ, составляютъ весь матеріалъ, доступный теперь для изслѣдователя; сказки до сихъ поръ записывались и издавались людьми, нисколько не приготовленными, да и не заботившимися о вѣрной передачѣ народныхъ рассказовъ; въ изданіи г. Афанасьева въ первый разъ принята правильная метода. Такъ какъ полный фактичскій обзоръ не можетъ принести здѣсь существеннаго результата, мы ограничимся здѣсь только объясненіемъ старинной рукописной литературы повѣстей или популярнаго чтенія, по тѣмъ матеріаламъ, какими могли пользоваться. За тѣмъ могутъ быть собраны извѣстныя до сихъ поръ данныя для исторіи народнаго эпоса, былинь и сказокъ.

Мы старались показать содержаніе старинныхъ литературныхъ сборниковъ, заключающіяся въ нихъ, большей частью переводныя, повѣсти и сказанья, и нѣкоторыя сочиненія собственно Русскія; и такъ какъ почти все наши переводы представляютъ одну эвическую область съ произведеніями средне-

вѣковой романтической литературы, то необходимо было упомянуть объ ихъ литературной исторіи, чтобы поставить наши сказанія въ настоящемъ свѣтѣ. Чисто-фактическіе приемы совершенно достаточны въ этомъ случаѣ, потому что ими ясно опредѣляется достоинство разбираемыхъ памятниковъ; многія изъ указаній, нами сдѣланныхъ, требуютъ еще подробнѣйшаго и точнѣйшаго опредѣленія. Перечисляя повѣсти, нужно было, съ другой стороны, приводить самые списки и рукописи, чѣмъ достигается и библиографическая и историко-литературная цѣль: всѣ почти произведенія старинной повѣсти извѣстны только по рукописямъ, слѣдовательно далеко не для всѣхъ доступны, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя повѣсти встрѣчались до сихъ поръ въ одномъ экземплярѣ, какъ замѣчательное «Девгеніево Дѣяніе»; указаніе списковъ необходимо и потому, что вѣрное понятіе о всякомъ памятникѣ рукописной литературы достигается только обширнымъ сличеніемъ списковъ. При этомъ мы дѣлали указанія на слѣдующія собранія:

— *Толстовское*, принадлежащее Публичной Библиотекѣ. Здѣсь находятся многіе прекрасные сборники повѣстей и сказокъ, большею частью XVII столѣтія, и отдѣльныя рукописи сказаній, напримѣръ «Варлаамъ и Иосафатъ», «Александрія» и др. Вообще, Толстовское собраніе вполне заслуживаетъ обширнаго описанія, потому что «Обстоятельное описаніе» Калайдовича и г. Строева коротко и нерѣдко неточно.

— *Погодинскія* рукописи представляютъ нѣсколько драгоценныхъ памятниковъ; назовемъ прекрасный списокъ «Стефанита и Ихвилата», единственные экземпляры «Девгеніева Дѣянія» и «повѣсти о Горѣ-Злочастіи», и басень Езопа въ переводѣ второй половины XVII столѣтія.

— Рукописи *Фролова*, *Дубровскаго*, *Каменецкаго* и г. *Сухтелена*, также, какъ и собраніе г. Погодина, принадлежащія Публичной Библиотекѣ. Всѣ эти собранія впрочемъ далеко не такъ богаты.

— *Румянцовское* собраніе, довольно извѣстное по «Описанію» г. Востокова, имѣетъ вообще немного сборниковъ сказочнаго содержанія; изъ любопытнѣйшихъ рукописей укажемъ самый старыи текстъ «сказанія о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ»; рѣд-

кую «повѣсть о Соломонѣ», «Великое Зерцало» XVII вѣка и нѣсколько списковъ «Александрія».

Мы обязаны г. Забѣлину свѣдѣніями объ его рукописномъ собраніи и сообщеніемъ нѣсколькихъ любопытныхъ сборниковъ XVII—XVIII столѣтія; мы пользовались также нѣкоторыми рукописями г. Тихонравова. Всѣ другія собранія извѣстны намъ только по печатнымъ каталогамъ, какъ превосходныя рукописи Царскаго, принадлежація теперь гр. Уварову; бібліотека Московскаго Общества Исторіи и Древностей; бывшее собраніе Демидова, и другія. Само собою разумѣется, что матеріалы наши были бы значительно пополнены, еслибы можно было воспользоваться и этими богатыми собраніями и другими книгохранилищами, неизвѣстными даже и по каталогамъ.

Такъ какъ старинныя рукописи XVII и XVIII вѣка представили и нѣсколько данныхъ для исторіи народнаго эпоса, былины и сказокъ, мы означили тѣ народныя произведенія, которыя были нами встрѣчены въ старинныхъ спискахъ. Нѣтъ сомнѣнія что со временемъ могутъ быть найдены и другіе памятники народной словесности, вѣрно записанные старинными грамотѣями. Говорить о достоинствѣ подобныхъ текстовъ было бы излишне.

Въ приложеніяхъ помѣщены выписки изъ нѣкоторыхъ старинныхъ повѣстей. Приложенія могли бы быть распространены еще болѣе, но теперь мы представляемъ только пробы, а не большой выборъ изъ этихъ произведеній. Здѣсь должна быть сдѣлана одна оговорка. Въ печатаніи рукописныхъ памятниковъ у насъ принято правиломъ заботиться о вѣрнѣйшей передачѣ списка, служившаго оригиналомъ; это правило доводятъ иногда до крайности, гдѣ оно становится только помѣхой и излишествомъ. Этотъ способъ имѣетъ большую цѣну, но тогда, когда дѣло идетъ о памятникахъ древнихъ, важныхъ не только по содержанію, но и по мелкимъ особенностямъ языка и правописанія. Мы слѣдовали ему, приводя выписки или изъ рукописей старыхъ, или любопытныхъ по орфографіи. Но большею частью эта мелкая точность не была для насъ необходима; памятники XVII и XVIII вѣка, нами приводимые, не имѣютъ этой филологической важности, и въ перепискѣ ихъ достаточно было сохранить *чтеніе*, а не способъ написанія. Во первыхъ, всѣ сокра-

пенія, которыми обильны рукописи XVII вѣка, разрѣшаются весьма обыкновеннымъ чтеніемъ и слѣдовательно не нуждаются въ точномъ соблюденіи подлинника. Во вторыхъ, эти рукописи нерѣдко обильны и ошибками часто-ореографическими, которыя были ошибками и въ старину; сохраненіе ихъ вислолько не прибавило бы колорита памятнику, потому что онѣ обнаруживаютъ только незнаніе переписчиковъ: удерживать неправильное употребленіе буквы љ и тому подобные случаи, значило бы только неприятно пестрить текстъ, безъ всякой пользы.

II.

Вліяніе Византійское и южно-Славянское. — Русскія редакціи средневѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ: псевдо-Каллисеевъ. — Повѣсти о Троянской войнѣ: старинная «притча о краяхъ» и позднѣйшій переводъ книги Гвидона де-Колумны.

Древній періодъ нашей письменности представляетъ много началъ, развитіе которыхъ могло бы дать средства къ самостоятельной и разнообразной дѣятельности въ литературѣ; характеръ первыхъ произведеній ея обнаруживаетъ благопріятныя условія, въ которыхъ народныя поэтическія стремленія не были заглушаемы вліяніемъ чужой литературы и, напротивъ, очень ярко выражали свои права. Внѣшнія отношенія ставили правда Русскихъ авторовъ въ зависимость отъ литературы Византійской, наследованную нами черезъ южно-Славянское посредничество; но эта зависимость не была совершеннымъ подчиненіемъ, и ея дѣйствіе умѣрялось свѣжей привязанностью къ началамъ национальнымъ. Тринадцатое столѣтіе открыло новый періодъ въ умственной и нравственной жизни древней Руси: внѣшнія несчастія, стѣсненіе самобытности, должны были невыгодно отразиться и въ литературѣ, и дѣйствительно эпоха Татарскаго владычества положила замѣтный отпечатокъ на ея памятникахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, многія произведенія до-Татарскаго періода или совершенно погибли, или остались уединенными свидѣтелями того, въ какихъ размѣрахъ и въ какомъ направленіи могло совершаться прежде литературное движеніе. До насъ дошло только незначительное число рукописей этого времени; рукописи, а съ ними и самыя сочиненія, терпѣлись отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ что о многихъ памятникахъ мы можемъ только догадываться; потому очень часто трудъ изслѣдователя древнѣйшей Русской словесности состоитъ только въ томъ, чтобы возстановить по возможности ея фактической составъ и объемъ.

Во внѣшней ея исторіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тѣсная связь ея съ Византійской литературой средних вѣковъ, связь, которая и по извѣстнымъ нынѣ памятникамъ можетъ быть опредѣлена довольно точно. Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержанія, принятыхъ нами вмѣстѣ и христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки уцѣлѣли до сихъ поръ, — переводы Греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками Русской литературной дѣятельности. Званіе хронографовъ дало первому нашему лѣтописцу возможность представить въ началѣ своего труда короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ Маламы несомнѣнно принадлежитъ десятому вѣку, столько же древенъ и Амартоль, слѣды котораго въ Несторѣ указывалъ еще Альтеръ (*Philol.-krit. Miscell. Wien 1799. 99—100*). Въ историческихъ хронографахъ заключался переходъ къ произведеніямъ чисто-литературнаго характера, какія перешли къ намъ въ послѣдствіи такъ же изъ Византійскаго источника; по нѣкоторымъ, неяснымъ впрочемъ, намекамъ и эти послѣднія можно отнести къ отдаленной старинѣ. Были ли всѣ эти произведенія трудомъ собственно Русскихъ переводчиковъ — другой вопросъ; по крайней мѣрѣ ихъ прямо-Русское происхожденіе не мѣшало ихъ дѣйствию на читателей и они помогали между тѣмъ расширенію Русскаго литературнаго запаса.

Тотъ широкій путь, которымъ переходили къ Русскимъ читателямъ Византійскія произведенія, составляли Болгарская и Сербская письменность, во все время ихъ цвѣтущаго состоянія.

Многое, на что у насъ смотрѣли иногда какъ на Русское, было принадлежностью литературы южно-Славянскихъ; но переходя къ намъ, въ нихъ оно иногда не оставляло никакихъ слѣдовъ своего существованія. Памятники Болгарскіе сохранились большею частію въ Русскихъ спискахъ, передѣлывавшихъ особенности старо-Славянскаго текста, и только у насъ они получили въ послѣдствіи важное значеніе, — какъ древніе переводы Византійцевъ для позднѣйшихъ составителей хронографовъ. Сближеніе словесности южно-Славянской съ нашею, обуславливалось съ одной стороны единствомъ литературнаго языка, съ другой единствомъ исповѣданія и проистекавшими изъ него обстоятельствами. Взаимное общеніе народовъ приводило къ намъ духовныхъ учителей изъ Болгаріи и Сербіи; они приносили къ намъ памятники своей литературы, важные тѣмъ болѣе, что были очень понятны и для Русскаго читателя. Въ числѣ главныхъ органовъ этого посредничества долго была Аѳонская гора; уже давно упоминаются путешествія Русскихъ къ Святогорскимъ обителямъ, и давно Русскіе получили тамъ право гражданства. Тамъ составлялись переводы Греческихъ писателей; тамъ писалось множество рукописей, которыя приносимы были потомъ въ Россію и расходились по всѣмъ ея краямъ. Въ послѣдствіи характеръ сношеній много измѣнился, когда съ паденіемъ Византіи и Аѳонская гора подверглась преслѣдованію и угнетенію; и тогда однако она не переставала посвящать Русскимъ плоды своей дѣятельности; въ XVI столѣтіи имя Максима Грека блистательнымъ образомъ напоминало объ Аѳонской горѣ. Наконецъ, Аѳонскіе иноки приходили въ Россію всего больше въ надеждѣ на помощь и за милостынею отъ царя и народа. Еще раньше кончилось содѣйствіе нашему образованію со стороны Болгаръ и Сербовъ: съ паденіемъ политическимъ прекратилось у нихъ и развитіе литературное, такъ что наконецъ у нихъ не являлось ни своихъ новыхъ произведеній, ни переводовъ; литература Сербскаго языка жила только въ Дубровницкихъ памятникахъ, явившихся независимо отъ старинной словесности Сербіи православною. Какъ бы въ замѣнъ прежняго, въ Болгаріи и Сербіи распространялись уже Русскіе памятники, даже самыя списки Русской редакціи.

Несомнѣнны однако и прямыя отношенія нашей литературы съ Византійскою. Переводы съ Греческаго дѣлались и дома на Руси; языкъ этотъ былъ извѣстенъ многимъ; притомъ къ намъ постоянно собиралось много Греческихъ выходцевъ. Лѣтопись отмѣчаетъ иногда самые переводы, какъ фактъ любопытный; такъ въ Софійскомъ Временникѣ упомянуто о переводѣ поэмы Георгія Писиды — «Похвала къ Богу о сотвореніи всея твари». Въ соединеніи съ тѣмъ, что досталось намъ изъ южно-Славянскаго источника, Русская письменность обнаруживаетъ обширное знакомство съ разными отраслями Византійской литературы, и теперь сохраняетъ многіе памятники этой послѣдней, неизвѣстные въ Греческомъ подлинникѣ; точно также она сберегала многіе южно-Славянскіе переводы. При изученіи памятниковъ Византійской повѣствовательной или поэтической литературы, извѣстной вообще очень мало, необходимо обратиться и къ старинной Русской письменности, гдѣ иногда остается ихъ единственный слѣдъ. Такъ, до недавняго времени ученые мало были знакомы и съ Византійскими редакціями знаменитыхъ сказаній объ Александрѣ, которыя подъ нѣсколькими видами повторяются въ старинныхъ нашихъ передѣлкахъ, и теперь существуютъ во множествѣ списковъ, нерѣдко дополняющихъ изданные Греческіе тексты.

Старинная наша «Александрія» — какъ ее называли — представляетъ особенный видъ того произведенія Греческой литературы, которое обыкновенно приписывается псевдо-Каллисѣену, и которое, распространившись въ Латинскихъ редакціяхъ во всей Западной Европѣ среднихъ вѣковъ, сдѣлалось источникомъ множества поэтическихъ сказаній и романовъ, описывавшихъ подвиги и славу Александра Македонскаго. Исторія его у насъ, какъ и вездѣ, была одною изъ любимыхъ книгъ народнаго чтенія; это общее сочувствіе, съ какимъ вообще встрѣчали романъ псевдо-Каллисѣена, объясняютъ и симпатичной личностью самаго героя и поэтическимъ колоритомъ, приданнымъ ему уже въ первоначальной формѣ сказанія. Далекіе походы Александра, слава и важное историческое значеніе его завоеваній, оставили неизгладимое впечатлѣніе: для Восточныхъ народовъ онъ не забытъ и до сихъ поръ; на Западѣ онъ увлекалъ своимъ рыцарскимъ характеромъ — его великодушіе, благородство, счастье

оружія и даже ранняя смерть дали ему особенную прелесть въ глазахъ средневѣковаго читателя. Странствованія и чудныя открытія Александра нашли такое же участіе, какъ и военные его подвиги; его историки отнесли къ нему фантастическія преданія о земляхъ и народахъ, ходившія со временъ Гомера, прибавили къ нимъ многое взъ баснословныхъ сказаній Востока, и рассказъ объ Александрѣ сталъ романическою этнографіею и романическимъ описаніемъ природы, гдѣ нашли мѣсто всякія чудныя существа въ родѣ Гомеровыхъ циклоповъ и лестригоновъ, Геродотовыхъ аримасповъ, Ктезіевыхъ макробіевъ и пр. Крестовые походы напомнили о странныхъ людяхъ, удивительныхъ физическихъ явленіяхъ, видѣнныхъ Александромъ; на отдаленномъ Востокѣ искали таинственнаго эльдорадо, полнаго чудесъ и опасностей.

Переходя отъ одного народа къ другому, сказанія объ Александрѣ мѣнялись въ духѣ разныхъ національностей, и такимъ образомъ явились отдѣльныя ихъ редакціи, сходныя въ главныхъ фактахъ и отличныя въ подробностяхъ и колоритѣ событій и преданій; частныя мненія получали большее развитіе и новый смыслъ или вставлялись цѣликомъ изъ другаго источника, хотя бы ихъ и не допускалъ первобытный видъ сказанія. Такое приравленіе къ извѣстной національности выразилось уже въ первыхъ редакціяхъ исторіи, въ первыхъ попыткахъ соединить разсѣянныя подробности въ одно цѣлое. Зародыши ея относятся къ эпохѣ, слѣдовавшей за смертью Александра, когда его исторія уже начинала покрываться туманомъ; полное изложеніе основнаго преданья приурочиваютъ къ Александрійской эпохѣ. Отсюда объясняютъ, почему вообще въ западныхъ редакціяхъ отцемъ Александра является не Филиппъ, а Египетскій царь Нектанебъ: происходя отъ него, Александръ становился уже не завоевателемъ Египта, а прямымъ наслѣдникомъ послѣдняго царя. Басню эту, по мнѣнію Летронна, породило тайное чувство національнаго самолюбія, присвоивавшее своему народу славу чужаго героя и желавшее скрыть свое собственное пораженіе. Восточныя преданія съ той же задвѣй мыслию представляютъ Александра сыномъ Персидскаго царя Дараба. Въ западно-Европейскихъ передѣлкахъ исторіи, преданіе о Нектанебѣ не

имѣло конечно особеннаго смысла, и было принято какъ чисто-историческій фактъ. вмѣсто того западныя редакціи варьировали исторію Александра въ другихъ отношеніяхъ и опять изображали ее въ новомъ свѣтѣ. Мы сообщимъ только немногіе факты изъ литературной исторіи сказаній объ Александрѣ, чтобы показать отношеніе Русскихъ редакцій къ первоначальному разсказу, и объяснить, почему наши редакціи разнятся иногда другъ отъ друга.

Друшія изслѣдованія о началѣ и древнемъ видѣ этихъ сказаній объ Александрѣ: — *St-Croix*, Examen critique des historiens d'Alexandre le Grand. Paris 1804; — *F. (Friedländer* или по Б. де-Ксвирею *Favre*), Vie d'Alexandre le Grand, коротенькая, но очень любопытная статья по поводу изданія карт. Маи Юлія Валерія (Mediol. 1817.) въ Bibliothèque universelle de Genève 1818. VII. Littérature p. 218—229, 322—349; — *Berger de Xivrey*, Notice de la plupart des manuscrits..., contenant l'histoire fabul. d'Alexandre le Grand, connue sous le nom de Pseudo-Callisthènes, обширная статья, помѣщенная въ Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi t. 13. 2, 162 — 219 и выписки 219 — 307; *Grässe*, Die grossen Sagenkreise des Mittelalters. Dresden u. Leipzig 1842, 435 — 456. Псевдо-Каллисѣенъ изданъ въ первый разъ на Греческомъ языкѣ К. Мюллеромъ по нѣсколькимъ спискамъ въ Дадотовой Scriptorum Graecorum Bibliotheca, Paris 1846 (Arrianus, Fragmenta scriptorum de rebus Alexandri Magni, Pseudo-Callisthenes) съ прекраснымъ предисловіемъ, объясняющимъ исторію Греческаго текста.

Греческая исторія, а вмѣстѣ съ нею и Русскіе переводы разсказываютъ, что Нектанебъ обладалъ волшебными знаніями, посредствомъ которыхъ легко побѣждалъ враговъ своихъ. Однажды царству его стало угрожать новое ополченіе изъ разныхъ народовъ Востока; Нектанебъ увидѣлъ, что обыкновенная его защита будетъ недостаточна, и рѣшился искать спасенія въ дальнихъ странахъ. Онъ оставилъ отечество; Египтяне долго ждали его, наконецъ обратились къ оракуламъ и получили такой отвѣтъ: «бѣжавшій царь снова придетъ въ Египетъ, но не

старцемъ, а юношей, и побѣдить враговъ нашихъ Персовъ» (Ps.-Call. 1, 34). Между тѣмъ Нектанебъ поселяется въ Македоніи, пріобрѣтаетъ славою мудрости всеобщую извѣстность, знакомится съ Олимпіадой—дочерью царя Эѳіопскаго, Фола,—приходитъ къ ней подъ видомъ и символами Юпитера Аммона и дѣлается отцемъ Александра. Воспитаніемъ ребенка занимался самъ Нектанебъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ; по предсказанію самого Нектанеба, Александръ сдѣлался причиною смерти отца своего и тогда только узналъ о своемъ происхожденіи. Когда умеръ и Филиппъ, Александръ началъ войну съ Персидскимъ царемъ, но передъ тѣмъ покорилъ сосѣднихъ народовъ и присоединилъ ихъ къ своему воинству. Онъ приходилъ даже въ Италію; «Римляне же тогда не имяху царя — рассказываетъ Румянц. Александрія, въ хроногр. № 456 л. 142 — но сами власть правяху, и срѣтоша Александра съ честію и со многими дарми и фарижъ, сирѣчь конь, изведоша, корькодиловымъ сѣдломъ осѣдланъ, и отъ камени адаманта изнесоша ему оружіе Александра Фариха, сына Пріяма, царя тройска, еже Агаменъ, царь греческіи, взялъ въ Трои, и копіе алеѳандиново з бисеромъ и каменіемъ многоцѣннымъ принесоша Якша Келомонича (т. е. Аякса Теламонида) и имѣхъ 17, и щитъ Таркинія царя Римскаго, кожею аспидовою повлаченъ; и славно вииде в Римъ и срѣте его ереи Аполоновъ, и покади, и поклонися ему, и принесе ему злато и миро и ѳиміянъ, и вси царіе западніи пріидоша к нему со многими дарми, еже не воевати ихъ моляхуся, и повелѣ имъ дань даяти от 12 лѣтъ и воиска вооруженна» (иначе въ Ps.-Call. р. 29 — 31 pot.). Жители Египта признали Александра своимъ царемъ, потому что на немъ исполнились предсказанія Нектанеба и оракуловъ; здѣсь онъ строитъ Александрію, отправляется за тѣмъ въ Тиръ, посѣщаетъ Финикію и Палестину.

Услышавъ о намѣреніяхъ Александра, Дарій отправляетъ къ нему высокопѣрныя письма, и съ ними игрушки, которыми Александру будто всего приличнѣе заниматься, какъ ребенку; Александръ отвѣчалъ смѣло и бойко. Отъ спора дѣло дошло до битвы; псевдо-Каллисѳенъ сохраняетъ здѣсь главные историческіе факты, но въ описаніяхъ сраженій не жалѣетъ своей

фантази и даетъ разсказу очень много неисторическаго блеска. Побѣдивъ Дарія и женившись на дочери его Роксанѣ, Александръ думаетъ о новомъ походѣ, въ Индію; Поръ встрѣтилъ его со львами и слонами, но царь Македонскій хитростью взялъ надъ нимъ верхъ въ единоборствѣ и сѣлъ на его престолѣ. Несметныя богатства Индѣйскаго властителя достались Александру; ему привели коней Пора, «перезей индѣйскихъ», львовъ ловныхъ и леопардъ—«сирѣчь бобровъ», объяснилъ Русскій передѣлыватель; — «на золотыхъ чепяхъ все то ко Александру приведоша, чѣмъ Поръ царь тѣшился», сказано въ одномъ изъ позднихъ списковъ исторіи. Затѣмъ Александръ отправился къ гимнософистамъ, — «нагомудрецы» или «голомудрецы» въ нашемъ переводѣ, — обитавшимъ въ пещерахъ или подъ открытымъ небомъ, и удивлялся строгости ихъ жизни и презрѣнію земной суеты: они не признавали его могущества, и онъ не рѣшился воевать съ ними, чувствуя ихъ нравственное превосходство. Далѣе, онъ увидѣлъ на морѣ островъ, гдѣ была царская гробница, заключающая огромныя сокровища; одинъ изъ полководцевъ отправился осмотрѣть островъ, но едва вступилъ на него съ своими спутниками, какъ онъ скрылся въ пучинѣ.

Еще до войны противъ Пора, Александръ встрѣчалъ на пути много удивительныхъ вещей; теперь походы его представляютъ цѣлый рядъ чудесъ, и самый характеръ странствованій измѣняется: единственною причиною ихъ становится непреодолимая и неопредѣленная любознательность. Не думая о завоеваніяхъ, Александръ старается проникнуть все таинственное въ природѣ, и въ невѣдомыхъ до него странахъ находить необыкновенныхъ людей и животныхъ. Это—люди съ собачьими головами, люди съ птичьими ногами и туловищемъ, съ глазами и ротомъ на груди, одноногіе, циклопы, великаны и пигмеи, или столько же уродливыя животныя. Его вниманіе останавливаютъ и чудныя феномены природы: то приходитъ онъ въ страну, гдѣ войско его мучится отъ жестокаго зноя, то теряетъ дорогу отъ непроницаемаго мрака и идетъ въ это время по землѣ, совершенно покрытой драгоцѣнными камнями; то встрѣчаетъ непроходимый ровъ и строитъ черезъ него желѣзную «комару». Онъ отправляется наконецъ и въ воздушное путешествіе на гри-

фахъ, прислушивается къ говору птицъ, которыхъ разспрашиваетъ объ ихъ жизни, законахъ и обычаяхъ; опускается въ глубину моря, чтобы извѣдать его внутренность, и рыбы толпами стекаются къ Александру. Онъ приходитъ къ солнечному городу (Гелиополь), «откуда солнце восходитъ», встрѣчаетъ ужасныхъ «нечистыхъ» народовъ, и чтобы избавить отъ нихъ вселенную, заключилъ ихъ камнемъ сунклитомъ въ горахъ «сѣверскихъ», откуда имъ нѣтъ исхода; «сунклитъ же (асингитъ) такова вещь — никакое желѣзо его растлiti не можетъ, и огонь его не возметъ». Этотъ рассказъ о заключеніи нечистыхъ народовъ, повторенный у Меѳодія Патарскаго, находится и въ другомъ любопытномъ сочиненіи, въ Румянц. сборникѣ XVII в. № 363, л. 454 сл.: Александръ загналъ нечистые народы въ тѣсное пространство между горъ и «закова неступившееся мѣсто вратами желѣзными и сонклитомъ помаза; и сонклитъ же той есть вещь давна такова, его же огонь не жжетъ, ни желѣзо не сѣчетъ; внутрь же вратъ тѣхъ на 300 попришь купивою насади и ту поганые языцы загради». Въ числѣ этихъ народовъ были между прочимъ и Татары. Далѣе, въ одномъ озерѣ Александръ велѣлъ поймать рыбу, и въ ней нашли «камень свѣтелъ, яко солнце сіяетъ въ нощи»; потомъ сражался съ чудными людьми «горѣ чловѣкъ, долу конь, иже нарицахуса исполины», которые въ нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ названы *anticipando* «полканами»; встрѣчаетъ царство амазонокъ и посылаетъ имъ вмѣсто себя коще какъ царя. Узнавъ о говорящихъ деревьяхъ, онъ поспѣшилъ къ нимъ спросить ихъ о будущемъ; деревья предсказали ему, что онъ умретъ въ Вавилонѣ и не оставитъ потомства. Александръ посѣтилъ и Кандакию, царяцу земли Мурвинской или Эѳіопіи, а по другимъ преемнику Семирамиды; при этомъ онъ едва не погибъ отъ сына Кандакинъ—у Юлія Валерія Charogos, у псевдо-Каллисѣена и въ Русскихъ редакціяхъ Дорнѣ, Δωρτѣ, — желатаго на дочери Пора. Наконецъ, послѣ новыхъ странствій, Александръ прибылъ въ Вавилонъ и умеръ тамъ отъ отравы; передъ смертью онъ простился съ Роксаною, со всѣми придворными, волнами и конемъ «дучипаломъ» или «волуеглавымъ конемъ», который съ яростью растерзалъ его отравителя кравчаго Вріонуша. Раздѣливъ свое царство и давъ наставленіе «волосте-

лямъ», Александръ умеръ при восходѣ солнца; царица Олимпіада и Роксана причитали горько и жалостно, и «столько плачь и рыданіе бысть тогда о царѣ Александрѣ, — говорится въ одномъ позднемъ спискѣ, — якоже отъ созданія міра никто такова плача не видалъ и не слыхалъ, и потомъ не чають быти и до скончанія міра: понеже бо вся вселенная и вся земля рыдаху объ немъ и плакаху отъ мала и до велика, яко отъ гласу плачевнаго и земли возстонати и чаяти вопля того гласъ былъ и до небеси слышать». Исторія оканчивается исчисленіемъ городовъ, построенныхъ Александромъ.

Такъ вообще передаются подвиги Александра въ нашихъ редакціяхъ; однако при общемъ сходствѣ содержанія подробности и самый подборъ событій не всегда одинаковы въ разныхъ спискахъ. Это зависѣло не столько отъ Русскихъ интерполяцій, сколько отъ вариантовъ Греческаго текста, который измѣнялся съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, такъ что два перевода съ разныхъ списковъ необходимо должны были отличаться одинъ отъ другаго. Исторія псевдо-Каллисеева романа объясняетъ это несходство Греческихъ редакцій, а за ними и нашихъ списковъ. Произведеніе, означаемое именемъ псевдо-Каллисеева, не дошло до нашего времени въ прежнемъ своемъ видѣ; въ немъ много вставокъ разнаго времени и разнаго направленія. Нѣтъ сомнѣнія однако, что это произведеніе извѣстно было въ древности: у многихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей замѣчаютъ слѣды его, но опредѣлить имя автора нѣтъ никакой возможности. Кромѣ Каллисеева, который и потому не могъ быть сочинителемъ этой исторіи, что умеръ гораздо раньше Александра (328 г. до Р. Х.), сочиненіе приписывали какому-то Езопу, Симеону Сиеу — извѣстному переводчику басенъ Бидпая, Антисееву и пр., но всѣ эти имена явились только отъ ошибокъ переписчиковъ и простыхъ quirgoquo; Армянскій переводъ V столѣтія называетъ авторомъ Аристотеля, Еврейскій — Птолемея. Эпоху появленія псевдо-Каллисеева ученые опредѣляли также различно: отъ одиннадцатаго вѣка, когда жилъ Симеонъ Сиеу, ее отодвигали и дальше въ древность, до Александрійскаго періода и Птолемеевъ. Всего вѣрнѣе причислять романъ псевдо-Каллисеева къ тѣмъ анонимнымъ произведеніямъ, которыя со-

ставляются не вдругъ, а мало-по-малу, и потому не могутъ быть отнесены къ одному автору. Преданія, собранныя здѣсь, встрѣчаются у многихъ писателей изъ первыхъ вѣковъ нашей эры, такъ что необходимо принять начало ихъ около самой эпохи Александра. Разказы о чудесныхъ подвигахъ и странствіяхъ Македонскаго царя тогда уже могли принять баснословный колоритъ и распространиться въ сочиненіяхъ болѣе или менѣе историческихъ. Въ древнихъ литературахъ такую же почти роль играли подложныя жизнеописанія, сочиненія и письма знаменитыхъ людей, какъ въ наше время подложные мемуары; и тѣ и другіе являются обыкновенно вскорѣ по смерти лицъ, которымъ приписываются, и достигаютъ своей цѣли, привлекая общее любопытство. Таковы могли быть и письма Александра къ его наставнику Аристотелю, Олимпіадѣ, къ амазонкамъ и брахманамъ; онѣ разказываютъ о чудесахъ, видѣнныхъ Александромъ въ Индіи и т. п. и потому составляютъ быть можетъ самую интересную часть романа. Письма эти вносятся обыкновенно въ текстъ псевдо-Каллисѣена, но встрѣчаются въ древнихъ манускриптахъ и отдѣльными статьями, напр. *Alexandri epistola ad Aristotelem de situ et mirabilibus Indiae; epilogus de mirabilibus, quae vidit Alexander, ad Aristotelem magistrum* и др. въ рукописяхъ Парижской бібліотеки. Съ другой стороны, въ мѣстныхъ преданіяхъ имя Александра связывалось съ частными обстоятельствами исторіи извѣстной страны или города; псевдо-Каллисѣенъ, или вообще авторъ произведенія, могъ воспользоваться ими, на сколько самъ ими интересовался, и дѣйствительно придавалъ иногда исторіи мѣстный, специальный оттѣнокъ. Онъ почерпалъ наконецъ свѣдѣнія и въ разказахъ прежнихъ историковъ, которые также не были свободны отъ вліянія фантастическихъ преданій и собственнаго вымысла: такимъ образомъ возникаетъ связь между Александромъ историческимъ и Александромъ псевдо-Каллисѣена. Можно также указать, въ числѣ источниковъ, поэмы или поэтическіе разказы о дѣяніяхъ Александра, или недошедшіе до насъ или уцѣлѣвшіе въ немногихъ отрывкахъ, и риторическія упражненія, столько любимыя въ эпоху упадка Греко-Римской литературы. И въ тѣхъ и въ другихъ конечно меньше было заботы о вѣрной передачѣ фактовъ, чѣмъ

о рѣзкости и картинности описанія. Всѣ эти источники можно отчасти указать и въ позднѣйшихъ редакціяхъ псевдо-Каллисоена: сохранившіеся фрагменты древнихъ историковъ Александра нерѣдко согласны съ нимъ въ разсказѣ; сомнительная переписка Александра вѣроятно была вставлена также изъ готоваго источника. Многое принадлежитъ и неизвѣстнымъ компиляторамъ и сочинителямъ романа; они давали общій тонъ цѣлому и выставляли тѣ стороны его, которыя имѣли для нихъ національный или другой интересъ, какъ упомянутая нами басня о Нектанебѣ. Преданье о Юпитерѣ-Аммонѣ могло быть современно Александру; его знаетъ Юстинъ, заимствовавшій у Клитарха; Эратосѣенъ считаетъ его фактомъ общеизвѣстнымъ. Нектанебъ, какъ замѣна Юпитера, обличаетъ эвгемерическія понятія составителей исторіи, и намекаетъ на Александрійское начало преданія; Египетскіе папирусы, по изслѣдованіямъ Летронна, упоминаютъ о магическихъ знаньяхъ этого царя, — слѣдовательно, разсказъ о немъ могъ отчасти утверждаться на историческихъ данныхъ. Другія мѣста псевдо-Каллисоена также открываютъ въ составителѣ Александрійца: въ разсказѣ объ основаніи Александріи, авторъ упоминаетъ многія мѣстности его, какъ всѣмъ извѣстныя; называетъ мѣсяцы Египетскими именами и т. п.: Александріи достается право владѣть гробомъ знаменитаго завоевателя, который постоянно называетъ ея жителей «своими Александрійцами», οἱ ἡμέτεροι Ἀλεξανδρεῖς. Въ этихъ мѣстахъ, пристрастныхъ къ Александріи и безъ сомнѣнія древнихъ, многія другія вставки вошли въ составъ романа позднѣе. Для насъ особенно любопытны тѣ изъ нихъ, которыя произошли отъ Еврейскихъ и Сирійскихъ читателей или гдѣ отражались Византійскія понятія (*Müller, Ps. — Call. xvj*); эти вставки особенно развиты въ Русскихъ редакціяхъ. Различіе текстовъ увеличивалось и случайными интерполяціями, которыя при новой перепискѣ еще даѣе уклонялись отъ правильнаго чтенія. Такъ Мюллеръ думаетъ объяснить разсказъ о походѣ Александра въ Римъ: въ одномъ спискѣ исторіи говорится, что перейдя Граникъ, Александръ направился въ Ликаонію, область Малоазійскую; въ другомъ писецъ вмѣсто Ликаоніи поставилъ Луканію, область южной Италіи, затѣмъ и вмѣсто Луканіи явились Сици-

лія и Итадія; мы видѣли, какой оборотъ придавъ этому разсказу въ нашемъ старинномъ переводѣ.

Въ слѣдствіе подобныхъ вставокъ, случайныхъ и намѣренныхъ, уже Греческіе тексты разныхъ временъ и мѣстностей представляютъ значительные варианты; Латинскій переводъ Юлія Валерія, относимый къ IV в. по Р. Х., имѣеть свои особенности. На востокѣ, гдѣ псевдо-Каллисѣенъ появляется очень давно, онъ долженъ былъ измѣниться еще болѣе. Моисей Хоренскій, Армянскій писатель V столѣтія, разсказываетъ преданіе о Нехтанебѣ согласно съ псевдо-Каллисѣеномъ; къ тому же времени относятъ цѣлый Армянскій переводъ сказанія. Еврейскій писатель бенъ-Горіонъ или псевдо-Горіонидъ, в христіанско-Арабскій историкъ АбульФараджъ повторяютъ тоже преданіе, потому что непосредственно слѣдовали Греческому прототипу. Иначе представлена исторія Александра у писателей Мугаммедавскихъ, хотя и для нихъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, главнымъ источникомъ служили Греческія сказанія псевдо-Каллисѣена. По мнѣнію Моля (*Livre des Rois I, p. XLIX*), Фирдоси замѣнилъ недостатокъ Персидскихъ преданій именно Греческими, которыя могъ знать изъ Арабскаго перевода. Весь составъ и порядокъ разсказа Фирдоси очевидно взятъ изъ псевдо-Каллисѣена (*Spiegel, Alexandersage 14, 61 — 62*). Передѣлавъ генеалогію Александра, который сталъ у него сыномъ Персидскаго царя Дараба, Фирдоси бросилъ другой колоритъ на всю исторію; псевдо-Каллисѣеновы подробности изложены въ духѣ Мугаммеданской жизни; мѣстности приурочены къ странамъ, знакомымъ Фирдоси по господству или описаніямъ Арабовъ; чудеса, видѣнныя Александромъ, Фирдоси сливаетъ съ восточными мѣтами. Благодаря тому же стремленію восточныхъ писателей осмыслить для себя подвиги славнаго героя фактами близкими и понятными, для насъ становится очень любопытна поэма Низами, по отношенію къ Русской исторіи. Искендер-наме Низами болѣе независима отъ Греческихъ сказаній, чѣмъ произведеніе Фирдоси, и оттого націонализированіе въ ней сильнѣе. По Низами, Искендеръ былъ сынъ одной благочестивой женщины, воспитанный Филиппомъ; его экспедиціи направлены къ странамъ Мугаммеданскимъ или такимъ, которыя были съ

нии въ близкихъ сношеніяхъ; войска непріятеля его Дара составлены изъ жителей Ирана, Харезма, Газны, а въ рядахъ своего воинства Александръ, кромѣ Македонянь и Египтянь, велеть Франковъ, Грековъ и Русскихъ. Побѣдивъ Дара и женившись на его дочери Рушенгъ т. е. Роксанѣ, Александръ посѣщаетъ Арменію, Абхазію, строитъ Тифлисъ, затѣмъ отправляется въ Берду (Berdaa). Этотъ городъ съ прекрасной окрестной землей, принадлежалъ тогда царю Нушабе — у псевдо-Калл. Кандакія, у Фирдоси Кидаса, — которая славилась мудростью и красотой; заключивши союзъ и дружбу съ Нушабе, Александръ пошелъ въ Индію и Китай, и здѣсь онъ получалъ извѣстіе, что Русскіе напали на его союзницу и разрушили Берду. Александръ предпринялъ походъ, явился сперва въ Кипчакъ, гдѣ ему очень понравилось, что женщины не закрываютъ лица покрываломъ, и потомъ выступилъ противъ Русскихъ; войско ихъ, кромѣ Русскихъ, состояло изъ Буртасъ, Аланъ и Хазаръ, но не смотря на ихъ геройское сопротивленіе, Александръ послѣ двухъ походовъ остался побѣдителемъ и получилъ богатую добычу, между прочимъ много драгоценныхъ мѣховъ, употребленія которыхъ сначала никакъ не могъ постигнуть. «Любопытно въ историческомъ отношеніи, замѣчаетъ Гаммеръ, что Персидскій поэтъ шестаго вѣка геджиры, или двѣнадцатаго по христіанскому лѣтосчисленію, упоминаетъ о Русскихъ такъ обстоятельно и даетъ имъ такую важность. Оканчивая въ одинъ походъ войны съ Египтянами, Персами, Армянами, Индѣйцами и Китайцами, Искендеръ предпринимаетъ два похода противъ Русскихъ, царь которыхъ Кайталъ, или Кинталъ, дѣлается наконецъ его плѣнникомъ» (Gesch. d. schön. Redekünste Persiens. Wien 1818, 117 ff.). Г. Эрдманъ думаетъ, что Низами описываетъ здѣсь походъ Игоря на Византію, относя его ко временамъ Александра; но Персидскому поэту не было никакого интереса вставлять такое отдаленное и чуждое для него событіе. Низами постоянно сближаетъ разсказъ съ исторіей и географіей своего отечества, и вставка доказываетъ, что онъ самъ зналъ или слышалъ о Русскихъ; въ сущности она имѣетъ нѣкоторое историческое основаніе, потому что уже въ девятомъ вѣкѣ Русскіе были знакомы съ этимъ

краемъ востока, а десятое столѣтіе представляетъ двѣ извѣстныя и кажется несомнительныя экспедиціи Русскихъ на востокъ, упоминаемыя Масуди и Ибнъ-эль-Атиромъ. Отсутствие критическаго такта, обыкновенное у писателей восточныхъ, позволило Низами смѣшать двѣ разныя эпохи и отнести къ Александру событія позднѣйшія и дѣйствительныя (ср. Карамз. 3, пр. 279). Другія обстоятельства исторіи Низами взялъ прямо у псевдо-Каллисѣена; также описываетъ онъ посольство Дарія и посѣщеніе Дарія Александромъ подъ видомъ посла, которое Шпигель несправедливо считаетъ выдумкой восточныхъ писателей, потому что оно упоминается даже и въ нашихъ редакціяхъ (ср. Ps.-Call. II, 13 — 15), и пр., но вообще Низами рисуетъ своего героя на подобіе тѣхъ неудержимыхъ воителей, которые явились первыми распространителями ислама.

Объ Александрѣ въ восточныхъ преданіяхъ см. — *I. v. Hammer*, *Alexander nach d. Sagen d. Morgenlandes* въ *ero Rosenöl*, Stuttgart 1813. I Bd.; — *Démétrius de Gobdelas*, *Histoire d'Alexandre - le - Grand suivant les écrivains orientaux*, Varsovie 1822; — *Fr. Spiegel*, *Die Alexandersage bei den Orientalen*. Leipzig 1851 и др. Отрывокъ изъ Искендер-наме Низами изданъ въ книгѣ г. Эрмана, *De expeditione Russorum Berdaam versus auctore inprimis Nisamio*, Casani 1826 — 1832. 3 vol. съ Латинскимъ переводомъ (1, 43 — 67) и объясненіями. Г. Григорьевъ, въ статьѣ о походахъ Руссовъ на востокъ (въ *Журналѣ Минист. Народн. Пр.* 1835. 2, 229 сл.), признаетъ въ поэмѣ Низами много историческаго среди вымысловъ; разсказъ Ибнъ-эль-Атира о походѣ Русскихъ на Бердау въ 944 г. сообщенъ Акад. Куникомъ въ *Bulletin historico-philologique* 1847. IV, № 13. Ученыя Записки I и III Отдѣленій Академіи 2, 636. 794.

Не распространяясь о западныхъ передѣлкахъ псевдо-Каллисѣена, которыя представляютъ вообще Александра образцомъ средневѣковаго рыцарства и окружаютъ его феодальной обстановкой, обратимся къ нашей «Александріи». Въ Славянскихъ литературахъ псевдо-Каллисѣенъ былъ извѣстенъ по двумъ разнымъ источникамъ: къ Болгарамъ, Сербамъ и Русскимъ онъ пе-

решель изъ Византійскихъ редакцій, къ Полякамъ и Чехамъ изъ Латинскихъ или западныхъ. Стихотворные отрывки Чешской Александриды, собранныя въ «Выборѣ изъ старо-Чешской литературы» (Прага 1845. 170, 1071 sq.), составлены, какъ думаютъ, по Французской поэмѣ Готье-де-Шатильона или по Нѣмецкой ея передѣлкѣ, и принадлежатъ къ XIII столѣтію; позднѣе является Книга о wssech skutciech welikeho Alexandra, изданная въ Пльзенѣ 1513, переводъ знаменитой книги о сраженіяхъ Александра Великаго — Liber Alexandri Magni de preliis, — какъ называется она въ старыхъ Латинскихъ изданіяхъ; Чешскій переводъ находится впрочемъ и въ рукописяхъ половины XV вѣка (*Jungmann*, Hist. liter. české 1849, 68). Польскій переводъ изданъ подъ заглавіемъ Historia o żywocie i znamienitych sprawach Alexandra Wielkiego Króla Macedońskiego и пр., въ Краковѣ 1550, также 1690, 1701 г. (*Maciejowski*, Dod. do Piśm. 359; ср. ib. 148). Старинная Русская повѣсть ведетъ начало отъ Византійскихъ редакцій псевдо-Каллисена, чрезъ южно-Славянскіе переводы. Разбирая одинъ Сербскій и Русскіе списки Александрии, Востоковъ замѣтилъ между ними большое сходство и объяснилъ, что послѣдніе имѣли первообразомъ Сербскую редакцію; онъ не вполне впрочемъ опредѣлилъ подлинникъ Сербскаго перевода. «Что касается до содержанія сего, исполненнаго разными анахронизмами и небылицами житія Александра, говоритъ онъ, довольно упомянуть только, что это не есть ни Арріаново повѣствованіе, ни переводъ извѣстной баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ, о коей говорить Фабрицій, и которая существуетъ также на Греческомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνα καὶ πράξεις. Но Словенскому сказочнику была какъ видно извѣстна сія исторія о Александрѣ Македонскомъ, ибо онъ взялъ изъ нея главныя обстоятельства, какъ-то приключенія Нектанавы... и пр., рассказывая впрочемъ многое иначе и съ большими подробностями, иное же выпуская или переставлявая. Сербу могла быть извѣстна исторія сія, если не въ Латинскомъ или Греческомъ подлинникѣ, то въ переводѣ Богемскомъ или Польскомъ». Говоря о баснословной исторіи Александра въ хронографѣ, Востоковъ прибавляетъ: «сказка сія полчѣе и Сербской и Латин-

ской баснословной исторіи и содержитъ противу той и другой разныя несходства, въ мѣстахъ же и согласна... Но подлинникъ сей сказки писанъ вѣроятно на Греческомъ, а не на Латинскомъ: сіе заключать можно по нѣкоторымъ Греческимъ словамъ, оставленнымъ безъ перевода, напр. въ одномъ мѣстѣ поставлено *αγγελ* вм. вѣстникъ; переводъ Словенскій весьма древень» (Оп. Р. Муз. № 175. 454 — 456). Подлинникомъ Сербскаго перевода былъ именно Греческій текстъ псевдо-Каллисена, который для Сербской литературы былъ доступнѣе Латинской, Чешской или Польской редакціи; при томъ Сербскій переводъ безъ сомнѣнія много старѣе двухъ послѣднихъ. Русскія редакціи, стоявшія въ связи съ Сербской, иногда значительно разнятся отъ издавнаго Греческаго текста, но этого естественно ожидать въ сочиненіи, которое и на Греческомъ языкѣ представляетъ важныя варианты въ рукописяхъ. Гораздо чаще сравненіе Русскаго текста съ напечатанными у Мюллера кодексами открываетъ буквальныя переводы съ Греческаго; уже въ старинныхъ азбуковникахъ отмѣчено много Греческихъ словъ изъ нашей «Александрѣи»; Латинскія слова, какія встрѣчаются въ нашихъ спискахъ, точно также принадлежатъ новому Византійскому языку псевдо-Каллисена. Въ доказательство послѣдняго достаточно привести переводъ одной фразы; въ Греческомъ текстѣ читаемъ: *χρόνου δὲ ἰκανοῦ γενομένου ἐξπλωράτορες τινες, οὗτω καλούμενοι παρὰ Ῥωμαίους, κατὰ δὲ Ἑλληνας κατάσκοποι*, и проч.; въ Латинской исторіи *de preliis* эти лица названы просто *custos* и *exors*, у Юлія Валерія переведено просто *quodam tempore nuntiatum est*, въ нѣкоторыхъ нашихъ спискахъ «вѣстницы Нектанавы царя», но въ Румянц. списокѣ № 456 буквально сходно съ Греческимъ: «времени жъ доволну бывшу *εκσπλωρατορι* нѣци, тако нарицаеміи Римляне (т. е. Римлянами, у Римлянъ), Еллинскіи же расоцы» (отъ корня *соч-ити*). Сербская рукопись, Румянц. № 175, также сохраняетъ слѣды Греческаго подлинника; такъ въ разсказѣ о томъ, какъ Александръ учился у Аристотеля небесной мудрости (л. 7 — 8), всѣ названія планетъ Греческія. Соотвѣтствіе Греческому тексту удержалось даже въ позднихъ нашихъ спискахъ, много разъ измѣненныхъ и вспорченныхъ.

Исное указаніе на Сербскій подлинникъ нашихъ редакцій приведено уже Востоковымъ. Въ Румянц. списокѣ № 175 сказано, что Александръ основалъ одинъ городъ и «нарече имя ему Драмъ, по Сербскому же языку наречется потечинце»; въ Русскомъ епискѣ поставлено «по Сибирскому языку», т. е. писецъ не понималъ или не разобралъ въ своемъ оригиналѣ слова «Сербскій», которое очевидно опредѣляетъ подлинникъ Русскихъ списковъ. Это вѣрное объясненіе подтверждается другими рукописями, гдѣ это мѣсто написано правильно, напр. въ Погодинскомъ сборникѣ Публичной Библиотеки, XVII вѣка, № 1772, на л. 225 читаемъ: «градъ же ту созда и нарече имя ему Драмъ, ѡже по Сербскому языку потечинцо наречется». Русскіе списки оставляли иногда безъ перемѣны Сербскія слова, хотя и неупотребительныя въ Русскомъ языкѣ, и даже въ рукописяхъ XVIII вѣка удерживается слово *жуоерь*, которымъ чествитъ Македонскаго царя Дарій въ своихъ посланіяхъ; букефалъ называется *дуциаломъ*; въ южно-Славянскои передѣлкѣ Греческаго слова, которую иные сочли даже Славянскимъ словомъ.

Время перевода псевдо-Каллисеева опредѣлить трудно. Востоковъ замѣтилъ, что онъ очень древень, но большая часть списковъ принадлежитъ уже XVII вѣку, немногіе къ XVI столѣтію; прямыхъ свидѣтельствъ о переводѣ не сохранилось, такъ что единственнымъ средствомъ для рѣшенія вопроса остаются филологическія и историко-литературныя вѣроятности. Старинныя формы языка проглядываютъ даже въ позднихъ спискахъ исторіи, и съ перваго раза можно видѣть, что переводъ принадлежитъ не семнадцатому и не шестнадцатому вѣку; не смотря на испорченность новѣйшихъ списковъ еще легко отличить правильность языка въ ихъ древнемъ первообразѣ. Сербскую редакцію должно безъ сомнѣнія отнести къ тому времени, когда Сербская литература еще жила собственными силами и была близко знакома съ произведеніями Византіи. Едва ли подобныя сказанія могли явиться тогда, какъ она впала въ бездѣйствіе; примѣры другихъ произведеній, заимствованныхъ нами изъ литературъ южно-Славянскихъ, также относятся къ вѣтующей порѣ ихъ развитія. Въ пользу давности Славянскаго псевдо-Каллисеева много говоритъ то обстоятельство, что подробное сказаніе

его объ Александрѣ записано въ переводномъ хронографѣ Малалы въ списокѣ XV вѣка, сдѣланномъ съ рукописи 1261 года. Въ этомъ замѣчательномъ списокѣ переводъ Малалы прерывается длинною вставкой, на л. 311—341, которая озаглавлена «Книги Олѣксандръ»; судя по началу и заключенію вставки, приведеннымъ у кв. Оболенскаго въ описаніи рукописи (Времен. М. Общ. кн. 9, стр. ххij, хххv), «Книги» эти ни что иное, какъ псевдо-Каллисѣенъ, которому онѣ соотвѣтствуютъ и по содержанію главъ (см. гл. 198—202 въ оглавленіи сборника). Въ хронографѣ Малалы исторія начинается такимъ образомъ:

«Добліи мнятся быти и храборъ Александръ Макидонскыи, яко все сътворивъ поспѣвающее ему имѣя присно къ доброму дѣлу промышленіе; толико бо лѣтъ проводи съ всѣми языки брань творя и біася, якоже не можаху хотящи грады по извѣсту исписати, Александрова же дѣянія и добраа дѣла душа, тѣла его, и юже въ дѣлѣхъ его вазнь и мужество, се уже речемъ, начытокъ отъ рода его сътворше, и которого бѣ отца сынъ» и проч. Ср. въ Румянц. хронографѣ № 456 л. 132 обор.

Тѣми же словами начинается псевдо-Каллисѣенъ въ изданіи Мюллера I, 1.

Ἀριστός μοι δοκεῖ γενέσθαι καὶ γενναιότατος Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδῶν, ἰδίως πάντα ποιησάμενος, συνεργούσαν αὐτῷ εὐρῶν αἰετὰς ἀρεταῖς τὴν πρόνοιαν· τοσοῦτον γὰρ ἐν ἐκάστῳ τῶν ἔθνῶν πολεμῶν καὶ μαχόμενος διήγαγε χρόνον, ὅσος οὐκ ἤρκει τοῖς βουλομένοις τὰς πόλεις ἀκριβῶς ἱστορῆσαι. Τὰς δὲ Ἀλεξάνδρου πράξεις καὶ τὰς ἀρετὰς τοῦ σώματος αὐτοῦ καὶ τῆς ψυχῆς, καὶ τὴν ἐν τοῖς ἔργοις εὐτυχίαν καὶ τὴν ἀνδρείαν ἤδη λέγομεν, τὴν ἀρχὴν ἀπὸ τοῦ γένους αὐτοῦ ποιούμενοι, καὶ τίνας πατρὸς ἦν υἱός κ. τ. λ.

Въ Погодинской рукописи XVI вѣка, заключающей «Лѣтописецъ Еллинскій и Римскій» или компиляцію изъ Амартола, Малалы и другихъ писателей, снова вставлена длинная исторія Александра, вѣроятно также псевдо-Каллисѣенова (Врем. ib. хсvij.). Она есть и въ большей части хронографовъ, гдѣ помѣщается рядомъ съ древними переводами Византійцевъ. Вопросъ состоитъ теперь въ томъ, была ли исторія Александра вставлена въ хронографъ Малалы Русскимъ составителемъ сборника въ

XV столѣтіи, или же она была и въ древнѣйшемъ подлинникѣ 1261 года? Принимать, что Александрія прибавлена къ хронографу еще Григоріемъ, переводчикомъ Малалы, — какъ сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, — нельзя безъ подтвержденія этого и другими фактами, кромѣ соединенія Александріи съ Малалой въ рукописи XV вѣка. Судя по описанію, въ этомъ спискѣ Малалы нѣтъ его собственнаго разсказа объ Александрѣ (р. 189—196 ed. Вонп.), вмѣсто чего вставлена исторія псевдо-Каллисоена; можно думать, что такой видъ текста находился и въ древнѣйшемъ подлинникѣ, потому что, если мы не ошибаемся, и позднѣйшіе хронографы не приводятъ этого мѣста Малалы, постоянно выписывая псевдо-Каллисоена. Замѣтимъ также, что нѣкоторыя вставки, какія есть въ Старославянскомъ переводѣ Малалы, принадлежатъ не переводчику, а находились безъ сомнѣнія въ томъ Греческомъ текстѣ, которымъ онъ пользовался, и гдѣ Малала былъ дополненъ и исправленъ по другимъ книгамъ и писателямъ. Таково напр. мѣсто хронографа на л. 354 о Кесарѣ Юліи, приписанное кн. Оболенскимъ Малалѣ (ср. р. 215 ed. Вонп.), на самомъ же дѣлѣ взятое изъ «сокращенной хронографіи» Іоіля, напечатанной въ Нибуровскомъ изданіи вмѣстѣ съ Малалой (см. р. 24). По компиляторскому характеру Византійцевъ легко даже предположить, что псевдо-Каллисоевъ внесенъ былъ въ Греческую лѣтопись Малалы и вмѣстѣ съ ней былъ переведенъ пресвитеромъ Григоріемъ.

Но если этотъ вопросъ еще теменъ, то съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что переводъ былъ не одинъ: только этимъ можно объяснить значительную разницу списковъ касательно самаго содержанія. Варіанты списковъ по языку и вообще по внѣшности т. е. опущеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, раздѣленіе на главы и т. п. могутъ быть объяснены легко, потому что не рѣдко зависѣли только отъ писца; Русскія вставки опять были случайны, потому что, разъ появляясь въ рукописи, удерживались только въ тѣхъ спискахъ, которые съ нея были сдѣланы, тогда какъ въ другихъ прежнее чтеніе не нарушалось. Но въ нашихъ текстахъ, какъ и въ Греческихъ, находятся существенныя разночтенія, въ которыхъ одинъ и тотъ же фактъ передается различнымъ образомъ. Возьмемъ одинъ примѣръ. По

кодексамъ, напечатаннымъ у Мюллера, убійцею Филиппа называется или Фессалоникскій вельможа Павзанія, который совершилъ преступленіе въ театрѣ, и захваченный тотчасъ же Александромъ, былъ преданъ казни; или совершенно другое лицо, Анаксархъ, въ нашихъ редакціяхъ названный «царемъ Пелапольскимъ», — онъ послѣ убійства похищаетъ Олимпиаду, но Александръ преслѣдуетъ его съ войскомъ и побѣждаетъ въ сраженіи. Нѣкоторые Греческіе списки соединяютъ оба разсказа, иначе, представляютъ Анаксарха и Павзанію однимъ лицомъ, *Ἀναξαρχὸς ὁ καὶ Παυσανίας* = Анаксархъ, онъ же и Павзанія (Ps.-Call. 1, 24. Müller xv); но очевидно, что это соединеніе чисто вѣдншее и позднѣйшее. Въ Латинской исторіи de rebus и у Юлія Валерія названъ только Павзанія; въ нашихъ редакціяхъ помѣщены оба разсказа, т. е. Павзанія и Анаксархъ раздѣляются, и потому необходимо предположить два независимыя перевода, въ основаніи которыхъ были Греческіе списки, въ этомъ случаѣ несходные. Совмѣстное существованіе обѣихъ разсказовъ въ одномъ текстѣ не имѣло бы никакого смысла. Если мы вспомнимъ при этомъ, что Александрія прибавлена къ Болгарскому переводу Малалы, и что языкъ ея въ этой редакціи носитъ скорѣе Болгарскіе, нежели Сербскіе признаки, то существованіе двухъ разныхъ переводовъ, Болгарскаго и Сербскаго, которыми воспользовались Русскіе передѣлыватели, становится внѣ всякаго сомнѣнія. Бить можетъ, переводы сдѣланы были и не одинъ разъ, но полного опредѣленія ихъ отличій можно достигнуть только сличеніемъ многихъ списковъ. Подобные варианты встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Александрии, напр. въ описаніи похода въ Пису Олимпійскую, Италію и западную Европу, знакомства Александра съ Рахманами и пр., и наши редакціи важны особенно тѣмъ, что многіе варианты ихъ неизвѣстны изъ Греческихъ списковъ и могутъ служить имъ дополненіемъ. Для опредѣленія Славянскихъ редакцій «Александрии» особенно необходимо обратить вниманіе на древній переводъ Амартола, въ которомъ сказанія объ Александрѣ, принадлежаща псевдо-Каллисѣону, также нашли себѣ мѣсто; къ сожалѣнію, мы не имѣли случая пользоваться рукописями Амартола.

Сказанія объ Александрѣ или вносимы были въ хронографы, гдѣ помѣщались по хронологическому порядку событій, или встрѣчаются въ сборникахъ и отдѣльныхъ рукописяхъ. Въ каждомъ значительномъ собраніи рукописей находится по нѣскольку списковъ исторіи; иные изъ нихъ написаны очень щедровато; украшены ваньетами и картинами. Въ Греческихъ кодексахъ исторія называется Βίβλος Ἀλεξάνδρου, какъ выше «книги Олѣксандръ», Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνα καὶ πράξεις, Καλλιμαχένης ἱστορεῖ Ἀλεξάνδρου πράξεις и т. п.; у насъ она имѣетъ обыкновенно два сдѣльныхя заглавія и родъ введенія, котораго недостаетъ въ Греческихъ спискахъ Мюллера; и то и другое привелъ Востоковымъ въ описаніи Румянцовскихъ текстовъ. Въ Сербской рукописи, Румянц. № 175, исторія озаглавлена—«житіе и последованіе достопѣннымъ члкомъ и воинномъ оустриляющимъсе ва брани, еже ѡбо чтити и раздѣити и слышати блженнаго мужа пра Александра, како воева и како назвасе пръ въ сей земли под'солнечной. Начнемъ ѡже ѡ рожденіи и ѡ смърти его», начин. «бистъ великой премѣдрости и храбрости и крѣпости ѡтвердившихсе» и пр. (см. Оп. Р. Муз. 217.). За предисловіемъ слѣдуетъ: «начнѣмъ ѡбо ѡ рожденіи Александрове», начин. «говоре снѣ Филиповъ бити емѣ, но не бѣди то, но Нектевана (sic) пра Египтского снѣ есть», какъ у псевдо-Каллисоена: Ἀπατώνται γὰρ πολλοὶ λέγοντες εἶναι αὐτὸν Φιλίππου τοῦ βασιλέως υἱόν· ὅπερ οὐκ ἀληθές, ἀλλὰ τοῦ Νεκτεναβῶ κ. τ. λ. Въ Русскихъ спискахъ заглавія приводятся нѣсколько иначе; въ Толстовской рукописи Отд. 1, № 34 (по описанію, сост. Калайдовичемъ и Строевымъ М. 1825), означенной въ каталогѣ Публичной Библіотеки въ Отд. XVII. F. № 8, написанной красивымъ полууставомъ XVII вѣка и украшенной почти 350 картинами, въ началѣ прибавлена особая статья, «слово сказательно о велицѣмъ Іереміи пророцѣ, о кончинѣ его и о принесеніи мощей его царемъ Александромъ Макидонскимъ отъ Египта въ Александрію» — имѣющая отношеніе къ самой исторіи; далѣе, л. 7 «Книга, глаголемая Александрія, полезно и честно слышати добродѣтельнаго мужа Александра великаго Макидонскаго царя, и како и откуда бысть и..... доколѣ прииде; сихъ ради добродѣтелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася; подобаетъ же сего чтучи ра-

зумѣти, и разумѣющимъ сего воинствомъ и добродѣтелемъ уподобитися» и пр.; затѣмъ предисловіе, — нач. «бысть великое божіе промышленіе» и пр., — заключающее похвалу Александру Македонскому, и наконецъ новое заглавіе, «Сказаніе и хоженіе славнаго царя Александра великія Македоніи, наказаніе храбрымъ людемъ нынѣшняго времени, чудно и полезно слышати, аще кто хошетъ послушати, повѣсть творимъ о рожденіи и о храбрости его,» начин. «глаголють бо его быти сына царя Филиппа, вѣсть то тако, но ложь» и пр. (ср. Ps.-Call. 1, 1.). Эти заглавія варьируются въ большей части полныхъ списковъ Александріи (ср. Опис. Р. Муз. 755.). Карамзинъ приводит списокъ Александріи, занесенный въ Синод. Псковскую лѣтопись, гдѣ исторія названа такъ: «повѣсть о храбрости Александра, царя Макидонскаго, къ воинствомъ устремляющимся полезно есть слышати—створивый есть *Аріанъ*, ученикъ Епиктита философа» (Кар. 5, пр. 427), но имя Арріана поставлено здѣсь по ошибкѣ; оно взято изъ самой исторіи, гдѣ имя Арріана упомянуто также, какъ въ Греческомъ текстѣ (Оп. Р. Муз. 756. Ps.-Call. p. 106). Въ началѣ или срединѣ исторіи у насъ прибавляется родословная царей, предшественниковъ Александра на Персидскомъ престолѣ; эта генеалогія взята изъ Византійскихъ хронографовъ. Собственныя имена очень испорчены: «Даріи Арсумуянинъ» Румянц. хронографа № 456 есть конечно *Δαρείος ὁ Ἀσσαλαίου* Византійцевъ, напр. Малалы р. 193; Ксерксъ передѣлывается въ Криса или Кривса и т. п.

Укажемъ нѣкоторые списки Александріи въ отдѣльныхъ рукописяхъ и сборникахъ, не называя тѣхъ, какіе помѣщены во множествѣ хронографовъ:

— Миклошичъ упоминаетъ Сербскую рукопись Александріи XVI вѣка (см. Vergleich. Gram. d. Slaw. Spr. I, xij); Шафарикъ называетъ Сербскую рукопись 1719 г. (Wiener Jahrb. d. Liter. 1831. Bd. 53. Anz. Bl. 49).

— Толст. списки XVII вѣка, въ сборникахъ, полные и сокращенные, которые озаглавливаются «избраніе отъ хоженія Александра царя Македонскаго»: — Отд. 2, № 104 по катал. Публ. б-ки Отд. XVII. Q. № 65, л. 245 — 314; — 2, 175 Публ. б-ки XVII. Q. 18, л. 517 — 539; — 2, 187 л. 1 —

229; — 2, 215 Публ. б-ки XVII. Q. 27, л. 202 — 300; — 2, 366 Публ. б-ки XV. Q. 13 рукопись на 168 л.; — 1, 110 история Александра и другие отрывки, на Българскомъ нарѣчїи, и др.

— Публ. б-ки XVII. O. 12 сборникъ XVII вѣка, гдѣ на л. 68 — 119 «повѣсть царя Александра Македонскаго храбраго».

— Царскаго № 309 (по каталогу, сост. Строевымъ. М. 1848) рись вѣроятно Александрии XVIII вѣка, съ картинками на каждой страницѣ, на 140 л.; — № 438 съ неполнымъ спискомъ л. 22 — 176; — № 451 л. 88 — 242.

— Б-ки Моск. Общ. Ист. и Древн. (по описанію Строева. М. 1845) № 71 и 223 списки поздніе.

— Списокъ Александрии XVII вѣка, внесенный въ Разрядную книгу, находится въ Парижской библиотекѣ; история Александра въ рукописи XVII в., принадлежащая Берлинской б-кѣ, вѣроятно заключаетъ также псевдо-Каллисена (см. *С. Строева*, Оп. памяти., наход. внѣ Россїи, стр. 97, 124).

Въ рукописяхъ XVIII вѣка встрѣчается также история Александра, Квинта Курція, которую списывали съ печатнаго изданія, вышедшаго при Петрѣ В., напр. б-ки М. Общ. № 120 и друг. — Отрывокъ изъ Александрии о походѣ въ Индію и на востокъ разсказанъ былъ Полевымъ въ Моск. Телеграфѣ 1832. 11, 374 — 390 и 24, 558 — 575, но безъ всякихъ объясненій.

Большая извѣстность Александрии въ старинной Русской литературѣ прямо опредѣляется большимъ количествомъ списковъ; изящество нѣкоторыхъ рукописей исторїи показываетъ, что она принадлежала къ числу любимаго чтенія. Имя Александра было знакомо у насъ издавна; еще Даниилъ Заточникъ желаетъ своему князю «силу Самсонову, храбрость Александрову»; впрочемъ лѣтопись наша, приводя нѣсколько разъ извѣстное преданіе о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, заимствуетъ его не изъ псевдо-Каллисена, но изъ другаго источника. Преданіе въ первый разъ примѣнено у Нестора къ Половцамъ; далѣе, разсказывая о дивномъ чудѣ въ землѣ Югры, лѣтописецъ думаетъ, что тамъ были «люде, заклепенїи Александромъ Македоньскимъ царемъ», потому что, разсказываетъ онъ сходно съ псевдо-Каллисеномъ,

Александръ «взиде на восточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту челоуѣкы нечистыя..., то видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полуношныя страны въ горы высокія, и Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ горы полуношныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть; и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ ѿ жеши; вещь бо сунклитова сица есть: ни огонь можетъ вжести его, ни желѣзо его приметъ; въ послѣдняя же дни... взидутъ и си сквернии языки, яже суть въ горахъ полуношныхъ». Наконецъ, это общеизвѣстное преданіе отнесли еще къ одному темному народу, Татарамъ; всѣ лѣтописи, говоря о первомъ ихъ нашествіи подъ 1223—24 год., упоминаютъ о нихъ одними словами. Мы видѣли, что псевдо-Каллисѣецъ не забылъ этого преданія (Ps.-Call. p. 138—139); но лѣтописецъ нашъ заимствовалъ свой рассказъ у Меѳодія Патарскаго, который приводитъ его также обстоятельно (см. Рус. Ист. Сб. 6, 154—156. Карамз. 2, пр. 64. Ps.-Call. p. 142—143). Меѳодій Патарскій взялъ его или изъ псевдо-Каллисѣева или скорѣе слѣдовалъ здѣсь болѣе основному преданію, которое внесено было и въ исторію Александра; имѣя о «нечистыхъ народахъ» имѣлъ обширную извѣстность, даже у Мугаммеданъ, относившихъ его къ національному герою, Дзуль-Карнеину, подвиги котораго смѣшивали съ подвигами Александра. Можно было бы ожидать, что лѣтописецъ нашъ, говоря о народахъ заключенныхъ Александромъ, сослался бы на псевдо-Каллисѣева, если бы дѣйствительно Александрія наша была современна переводу Мала-лы,—потому что это преданіе очень тѣсно связано съ дѣяніями Александра; слѣдовательно, называя Меѳодія Патарскаго, онъ или выражаетъ свое предпочтеніе къ его авторитету, или же простое незнаніе Александрія, которая въ то время еще не появилась въ Русской письменности. Такъ или иначе, но это приращеніе рассказа о нечистыхъ народахъ къ событіямъ нашей исторіи, объясняетъ, почему Александрія могла найти сочувствіе у старинныхъ читателей: ея преданья касались того фантастическаго міра, въ которомъ искало себя пиши народное воображеніе. Наши читатели съ особеннымъ интересомъ слѣдили

за чудесными разказами псевдо-Каллисена и принимали на вѣру то, что говорилъ онъ о необыкновенныхъ предметахъ, видѣнныхъ Александромъ; потому въ нашихъ редакціяхъ мистическая и мистическая сторона исторіи занимаетъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ редакціяхъ западныхъ, или даже тѣхъ Византійскихъ текстахъ, которые изданы Мюллеромъ.

Общій характеръ нашихъ предѣлокъ остался тотъ же, какъ въ ихъ источникѣ, т. е. Византійскія измѣненія исторіи прививались и у насъ. Въ Греческихъ редакціяхъ, какъ и въ другихъ, забывалось историческое значеніе Александра; уже давно этотъ герой представленъ былъ въ новой обстановкѣ, принадлежавшей жизни и понятіямъ христіанскимъ. Какъ будто олицетворяя вражду Грековъ съ ихъ вѣчными врагами на востокѣ, Александръ вооружается противъ народовъ *языческихъ*, дѣйствуетъ по высшимъ опредѣленіямъ, отличается уваженіемъ къ святынямъ, и смиренно признаетъ суетность своей славы. Византійскія редакціи уже сильно проникнуты были этимъ элементомъ; такъ что нашимъ предѣлывателямъ псевдо-Каллисена оставалось сохранить его Византійскіе оттѣнки, чтобы удовлетворить понятіямъ Русскихъ читателей. Правда, у насъ число вставокъ христіанскаго и баснословнаго характера значительно и онѣ полнѣе развиваютъ предметъ, чѣмъ изданные теперь Греческіе тексты, но этого нельзя приписывать только нашимъ предѣлкамъ; изданіе Мюллера, хотя и основано на позднихъ спискахъ, не вполне однако выражаетъ Византійскій вѣдъ псевдо-Каллисена, яснѣе выступающій въ Русскомъ переводѣ. Въ этомъ послѣднемъ, напр., имя Александра соединено съ преданьями объ основаніи Царяграда: мать Александра Олимпіада по смерти Филиппа вышла за царя Виза, отъ котораго Византия и получила свое названіе; въ другомъ случаѣ разсказывается, что по завоеваніи Рима и всей Европы, Александръ отправился въ морское путешествіе и поручилъ три тысячи ладей воеводѣ Византу; самъ царь основалъ при устьяхъ Нила городъ «во имя свое», Антиохъ построилъ Антиохію, а Византъ прибылъ съ флотомъ своимъ «въ тѣсноту Трахинскаго моря» и основалъ городъ Византию. Очевидно, что эта вставка, которой недостаетъ въ текстахъ Мюллера (Ps.-Call. 1, 31, 36), могла быть сочинена.

только Византійцемъ, потому что для него только была интересна. Исторически извѣстно, что Византія, хотя и соединенная съ именемъ Виза, основана еще въ половинѣ седьмага вѣка до Р. Х., а съ Филиппомъ и Александромъ была въ постоянной враждѣ. Въ подобныхъ разсказахъ наши редакціи всего скорѣе могли передавать только то, что было въ ихъ подлинникѣ. Александру постоянно приписываются христіанскія понятія; нерѣдко онъ приноситъ молитвы Богу-Савооу; его пребываніе въ Іерусалимѣ описывается съ любопытными подробностями. Въ послѣднемъ случаѣ нѣкоторые списки Александріи вставляютъ цѣлую статью о двѣнадцати камняхъ «ниже на еоудѣ», принадлежащую Епифанію Кипрскому (περὶ τῶν δώδεκα λίθων); помѣщенные въ ней описанія камней и чудесныхъ свойствъ ихъ, получали видное мѣсто въ старинныхъ азбуковникахъ, откуда переходили и въ область народныхъ знаній и повѣрій. Бесѣды Александра съ рахманами и главнымъ ихъ мудрецомъ, который названъ игуменомъ, отличаются у насъ аскетическимъ направленіемъ; странствія его къ чудесамъ природы были завлекательны по своей таинственности; встрѣча Александра съ Горговіей напоминала читателямъ другія мистическія преданія; на дальнемъ востокѣ онъ доходилъ до рая и видѣлъ страну, гдѣ мучились грѣшники; тамъ же видѣлъ онъ и двухъ колоссальныхъ людей и узналъ, что это были первые люди....

Но кромѣ оттѣнковъ мистическихъ, сказанія объ Александрѣ давно уже принимали и историческія примѣненія. Желая осмыслить для себя походъ Александра въ Скиѳію, Русскій, а можетъ быть и Болгарскій передѣлыватель исторіи, назвалъ Скиѳовъ Куманами (Ps.-Call. 1, 23 pot.); также переведено это имя и въ другихъ мѣстахъ — Куманы вступаютъ въ войско Александра и служатъ переводчиками (Ps.-Call. 1, 26 pot.). Самъ Александръ въ древнѣйшихъ спискахъ назывался сыномъ «Поруна» великаго т. е. Юпитеръ Аммона; по рукописи XV-го вѣка, посланный Александра, Онизикратъ, пришедши къ Дандамію, учителю рахманъ, говоритъ ему: «радоуиса, оучителю върахмановъ, сѣъ бжїи Пороуна велика, царь Александръ, еже есть всѣмъ члкомъ влѣка, зоветь та» (Врем. 9, стр. хvi). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя замѣны могли быть сдѣланы только въ то время, когда

еще не былъ затерянъ смыслъ этихъ древнихъ именъ; имя Куманъ уцѣлѣло и въ послѣдствіи, но уже требовало объясненія; новый передѣлыватель помогъ этому недостатку, назвавши царя Куманъ — Тактамышемъ (въ другихъ спискахъ — Атламышъ, Атымышъ и пр.). Когда Тохтамышъ былъ убитъ въ сраженіи, Александръ поставилъ Куманамъ другаго царя, именемъ Тура, «малъ убо возрастомъ бѣше, но помысломъ и храбростію великъ». Замѣтимъ, что Греческій текстъ не называетъ Скиѣскихъ царей; Латинская исторія de preliis и Юлій Валерій не упоминаютъ о Скиѣскомъ походѣ. Другія подробности, вставленныя Русскими толкователями, иногда столько же замысловаты. Авторитетъ Александріи поддерживался тѣмъ, что многіе рассказы и преданія повторялись въ другихъ уважаемыхъ сочиненіяхъ, каковы статьи Меодія Патарскаго, Евсевія и др.; мѣстности, описанныя въ Александріи, отмѣчены были въ космографіяхъ, которыя упоминаютъ и «страну Муринскую», мнимую родину царицы Олимпіады, и стеклянныя горы подъ востокомъ солнца, куда доходилъ Александръ Македонскій, и Макарійскіе острова, гдѣ живутъ счастливые Рахмане, «нагіе, подъ самымъ востокомъ солнца, — и царя у себя имѣютъ, вѣрують же на небо къ Богу,..... одѣваютца листвіемъ древянымъ, а питаются овощемъ, и жены и дѣти имѣютъ, а ризъ, и скота, и хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны не имѣютъ же» (Румянц. сборн. № 380, л. 84 — 90). Александрія дополнялась иногда изъ постороннихъ источниковъ: такъ вѣроятно прибавлена первая статья въ Толст. рукописи 1, 34; въ Румянц. списокъ № 456, на обор. л. 167 находится любопытная вставка — «иное *отъ писанка* о Рихъманехъ». Мудрые отвѣты рахманъ на вопросы Александра переносили читателей въ кругъ ихъ собственныхъ загадокъ; имя Рахманъ было вставлено даже въ народныя сказанія (Архивъ, Калач. 2, 2, 45); въ одной сказкѣ самому Александру приписывается изобрѣтеніе и первое разведеніе садовъ; въ другой рассказывается, какъ Александръ заключилъ въ горахъ Гога и Магога, и какъ они выйдутъ изъ горъ и опустошатъ землю (Kohl, Reis. in Südrussl. 1841. 1, 292): такимъ образомъ Александрія можетъ быть интересна и для изученія народныхъ преданій. Существенное значеніе ея состоитъ въ томъ, что она

была однимъ изъ главныхъ фактовъ того вліянія, какое имѣлъ свѣтскій отдѣлъ Греческой литературы на письменность южно-Славянскую, а чрезъ нее и на древне-Русскую словесность.

Меньшею извѣстностью пользовались въ старину Троянскія сказанія, развившіяся особенно въ литературахъ Западной Европы, гдѣ онѣ рано уже примкнули къ національнымъ преданіямъ. Такой примѣръ поданъ былъ еще въ Энеидѣ Virgilія, которая мифомъ о переселеніи Энея связала чужое произведеніе съ исторіей Рима; новѣйшіе народы точно также относили свое начало къ Троѣ и въ Греческихъ сказаньяхъ находили свою первобытную исторію. Укоренившееся мнѣніе, что новыя національности, въ отношеніямъ политическимъ и образованію, составляютъ продолженіе древняго Греко-Римскаго міра, способствовало распространенію Троянскихъ сказаній, въ которыхъ такимъ блестящимъ образомъ выразилась его героическая сторона. Между всѣми классическими мифами, получившими сильное обращеніе въ средневѣковую эпоху, сказанія Троянскія и исторія Александра встрѣтили самое теплое участіе. Въ половинѣ и концѣ XI-го столѣтія были написаны леонинскія стихотворенія de excidio Trojae Бернардомъ Флѣри и Гильдебертомъ Турскимъ; во второй половинѣ XII-го явилась новая Иліада, а около 1161 года вышла знаменитая Histoire de la guerre de Troye сѣверно-Французскаго трувера Бенуа-де-Сен-Мора, сочиненіе котораго было существеннымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже единственнымъ источникомъ для Нѣмецкихъ поэтовъ, передѣлывавшихъ Троянскій мифъ. Гораздо ранѣе воспользовались Троянскими сказаніями, чтобы объяснить происхожденіе разныхъ новѣйшихъ народовъ отъ героевъ Троянской исторіи.

Извѣстное мѣсто Ипатьевской лѣтописи, гдѣ по поводу коварства Изяслава лѣтописецъ восклицаетъ: «о леть зла есть, яко же Омиръ пишетъ, до обличенья сладка есть, обличена же зла есть; кто въ ней ходитъ, конецъ золъ пріиметь» (Ипат. 173),— мѣсто, которое могло бы подать поводъ къ заключенію объ извѣстности у насъ Гомера, теряетъ свой авторитетъ уже потому, что такого изрѣченія нѣтъ въ текстѣ Иліады и Одиссея. Это заключеніе было бы невозможно и въ случаѣ достовѣрности изрѣченія, потому что главными источниками подобныхъ ци-

татъ у нашихъ лѣтописцевъ и старинныхъ писателей служали сочиненія духовныхъ писателей или гномическіе сборники въ родѣ Пчелы. Не говоря теперь о мѣтѣи кн. П. П. Вяземскаго, который открываетъ тѣсную связь между Словомъ о Полку Игоревѣ и гомерическими сказаніями о Троѣ, замѣтимъ только, что извѣстность Гомера въ средніе вѣка ограничивалась немногими Византійскими учеными, которые занимались объясненіемъ текста, а вмѣсто Гомера получили большой авторитетъ позднѣйшія, иногда подложныя произведенія; между ними особенно важны сочиненія, приписанныя Дарету и Диктису, которыя въ одной передѣлкѣ дошли и до Русской литературы. Стараясь схватить одну внѣшность въ содержаніи Троянскихъ сказаній, средневѣковые писатели всего охотнѣе обращались къ новѣйшимъ баснословнымъ сочиненіямъ; если они не дорожили и Энеидой, то Гомеръ былъ извѣстенъ только по имени. Содержаніе гомерическаго эпоса было такъ многозначительно, что уже древняя литература представила многія дополненія къ нему; порожденныя желаніемъ округлить эту великолѣпную исторію; такъ Гомеръ дополненъ былъ посредствомъ *Κύπρια ἔπη*, Иліадѣ предпослали какъ введенію новыя поэмы, начинавшія съ путешествія Аргонавтовъ; послѣ смерти Гектора, описывались битвы Грековъ съ Амазонками, Эѳіопами, и окончательное разрушеніе Трои; Киклики рассказывали о возвращеніи Греческихъ героев въ отечество. Римская литература съ своей стороны привнесла обильную дань Гомеру въ поэтическихъ и ученыхъ произведеніяхъ. Въ средніе вѣка, когда вопросъ касался Троянскихъ сказаній, древніе писатели уступали первенство Дарету и Диктису. Даретъ (Dares), которому приписывали очень извѣстную въ средніе вѣка исторію паденія Трои, упоминается въ Иліадѣ 5. 9. 10, какъ Троянскій жрецъ бога Ифеста. Эліанъ и другіе писатели положительно увѣряютъ, что знали Фригійскую Иліаду Дарета, подъ которой надобно понимать какое нибудь подложное Греческое сочиненіе. Незвѣстный писатель временъ Константина воспользовался преданіемъ и составилъ книгу *de exidio Trojae*; Латинскій переводъ приписанъ былъ Корнелію Непоту; который въ приложенномъ къ книгѣ, и также подложномъ, письмѣ къ Саллюстію рассказываетъ, что нашелъ рукопись, писанную са-

нимъ Даретомъ, въ Афинахъ, гдѣ этотъ послѣдній пользовался будто бы гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ Гомеръ. Предполагаемое сочиненіе Дарета сдѣлалось въ средніе вѣка однимъ изъ главныхъ источниковъ Троянскихъ сказаній, и было напечатано въ первый разъ s. l. et a. (1470) въ Кельнѣ. Думаютъ однако, что извѣстная теперь Даретова исторія не была переводомъ Греческой поэмы, упомянутой Эліаномъ, а скорѣе сокращеніемъ болѣе обширнаго произведенія; но полный Даретъ былъ безъ сомнѣнія извѣстенъ въ средніе вѣка, потому что западныя Иліады, вѣрныя вообще Дарету, иногда отличаются отъ него большими подробностями, которыя трудно объяснить изъ другаго источника; и одинъ изъ знаменитѣйшихъ передѣльвателей Троянскихъ сказаній, Гвидонъ де-Колумна, нерѣдко приводитъ цитаты изъ Дарета, не находящіяся въ извѣстномъ теперь сокращеніи. Сочиненіе, приписанное Диктису, въ такой же степени недостоверно: въ предисловіи книги рассказывается, что Диктисъ, изъ острова Крита, извѣстный спутникъ Идоменея, составилъ дневникъ Троянской войны; сочиненіе долго оставалось въ неизвѣстности; наконецъ при Неронѣ землетрясеніе въ Критскомъ городѣ Гноссѣ, гдѣ погребенъ былъ Диктисъ, открыло могилу его, и пастухи увидѣли въ ней оловянный ящикъ, заключавшій въ себѣ твореніе Диктиса; Грекъ Эвпраксидъ представилъ сочиненіе Нерону. Далѣе Кв. Септимій, предполагаемый авторъ Латинской обработки, относимой къ началу IV-го вѣка по Р. Х., извѣщаетъ, что онъ перевелъ эту книгу, въ которой Эвпраксидъ замѣнилъ только пуническія буквы подлинной рукописи буквами Греческаго алфавита. Первое изданіе Диктиса сдѣлано было въ 1477 г. въ Милапѣ. Различныя мнѣнія ученыхъ по этому предмету собраны въ изданіи Смидса (Amstel. 1702): несомнѣнные грецизмы въ языкѣ, обнаруженные Перизоніемъ, показываютъ, что Латинскій Диктисъ дѣйствительно былъ переведенъ съ потеряннаго теперь Греческаго подлинника; сочиненіе, обнимающее исторію войны и судьбу Греческихъ героев по возвращеніи изъ-подъ Трои, основано по преимуществу на Иліадѣ и обширнѣе книги Дарета. Если бы эта послѣдняя и прежде была извѣстна въ своемъ короткомъ видѣ, то безъ сомнѣнія Диктисъ былъ бы предпочтенъ

какъ источникъ полнѣйшій; между тѣмъ на дѣлѣ было не такъ. Диктисомъ воспользовались только въ концѣ его сказаній, т. е. именно тамъ, гдѣ онъ болѣе неудовлетворителенъ.

Существованіе Греческаго сочиненія съ именемъ Диктиса подтверждается свидѣтельствомъ Византійца Малалы, который повторяетъ исторію объ открытіи его творенія при Неронѣ (р. 250); разные отрывки Диктиса сохранились и въ лѣтописи Кедрина. Малала въ изложеніи Троянскихъ сказаній не разъ ссылается на то, καὶ ὁ σοφώτατος Δίctus ὁ ἐκ τῆς Κρήτης ὑπερμημαίτισε (р. 107): такъ, говоря о Поликсенѣ, о Цирцѣ (р. 119), рассказывая о томъ, какъ Одиссей послѣ кораблекрушенія былъ взятъ Финикіянами и отправленъ Идомеемъ въ Итаку (р. 122), о возвращеніи героевъ изъ-подъ Трои (р. 132), объ Эгистѣ, Орестѣ и Клитемнестрѣ (р. 135), Малала постоянно указываетъ свой источникъ въ сочиненіи Диктиса, по которому вообще передалъ исторію Троянской войны (р. 107). Переводъ этого повѣствованія Малалы, принадлежащій X-му столѣтію, есть вѣроятно древнѣйшій рассказъ о Троянскихъ событіяхъ, какой узнали Русскіе читатели; слѣдовательно извѣстность Диктиса дошла и до нашей древней словесности. Въ упомянутомъ архивномъ спискѣ Малалы XV-го вѣка, Троянская исторія помѣщена вслѣдъ за книгою Руои, съ особеннымъ заглавіемъ, неправильно къ ней отнесеннымъ (Врем. 9, стр. xxjx), нач. «Въ лѣто же Давида царствова въ Илиградѣ, сирѣчь въ Фругійстей странѣ, Пріимъ, сынъ Лаомедонтовъ» и пр. Mal. р. 91. Ἐν δὲ τοῖς χρόνοις τοῦ Δαβὶδ ἐβασίλευσε τοῦ Ἰλίου, ἦτοι τῆς Φρυγῶν χώρας, Πρίαιμος υἱὸς Λαομέδοντος.... Какъ во всемъ переводѣ, такъ и въ этомъ рассказѣ старо-Славянское чтеніе нерѣдко полнѣе извѣстнаго Греческаго подлинника, какъ легко видѣть, сравнивъ изданный Калайдовичемъ отрывокъ (I. Экз. Б. 178 — 188) съ соотвѣственнымъ Греческимъ текстомъ.

Любопытнѣе другое сказаніе, древнѣйшій списокъ котораго относится къ половинѣ XIV-го столѣтія. Это «повѣсти о извѣствованныхъ вѣщи — еже о краলেখъ причя и о рож'енихъ и прѣбыванихъ», помѣщенные въ Ватиканскомъ спискѣ перевода Манассіи (Оп. Р. Муз. 385, № 269); притчи недостаетъ въ Патріаршемъ спискѣ, который писанъ въ 1345 г. и вѣроятно нѣсколько древнѣе

Ватиканскаго. Переводъ стихотворнаго хронографа Манассіи относятся къ XIV-му вѣку (*Биллярскій*, О ср.-Болг. вокал. 5—6); названная повѣсть помѣщена въ Ватиканскомъ спискѣ тотчасъ послѣ разсказа о Троянской войнѣ самаго Манассіи, но къ сожалѣнію Румянц. копія Ватиканской рукописи прерывается на началѣ этого любопытнаго произведенія. Востоковъ называетъ его народною сказкой и говоритъ, что оно писано на простомъ Болгарскомъ или Сербскомъ нарѣчій XIV-го вѣка, которое значительно разнится отъ языка въ переводѣ Манассіи. Повѣсть начинается описаніемъ Троянской мѣстности, затѣмъ идетъ родословіе Троянскихъ царей до Пріама, разсказывается сонъ Гекубы и рожденіе Париса; исторія останавливается на его подвигахъ. Первымъ основателемъ Трои названъ «Пришедъ краль» или, быть можетъ по опискѣ, «Придешъ краль»; трудно сказать, кого понималъ сочинитель подъ этимъ именемъ; по мнѣнію Востокова, оно могло быть Славянскимъ и составлено также, какъ слово *оушидѣ* или *оушедѣ*, въ смыслѣ бѣглеца, въ Изборникѣ 1073 г. Троянскіе цари приведены въ такомъ порядкѣ: Оилоуша *Ilus*, Ламедонъ или Ламедонъ *Laomedon*, Шарикоуша *Assaracus*, Дардануша *Dardanus*, Троилоуша или Троилоушъ *Troilus*, Прѣймоушъ или Прѣймоуша *Priamus*; впрочемъ порядокъ невѣренъ. Другіе собственныя имена передѣланы въ томъ же родѣ, напр. Кашантоуша рѣка *Xanthus* и пр. вездѣ буква *з* замѣняется посредствомъ *ш*, а въ имени Париса и *ж*: Парижъ; по мнѣнію Востокова, это обнаруживаетъ Латинскій или вообще западный источникъ, которымъ руководствовался нашъ сказочникъ; имя Пріамовой жены, Іакоупа, ближе къ Латинскому *Hecuba*, нежели къ Греч. *Ἑκάβη*, и «Диевошъ кордиа», не позванная на бракъ Пелея, также есть Лат. *Discordia*.

Въ сокращеніи, эта повѣсть, вмѣстѣ съ хроникой Манассіи, вошла и въ позднѣйшіе хронографы. Въ Румянц. хронографѣ № 454 она помѣщена 106-ю главой, подъ названіемъ «повѣсть о созданіи и поплѣненіи Тройскомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидѣ царѣ Іудейстѣмъ», нач. «баше въ первая времена царь вѣкій имянемъ Придѣшъ» и пр. Разсказъ идетъ въ томъ же порядкѣ: парица Якама (Іакоупа, *Hecuba*) не хотѣла умертвить сына, какъ велѣлъ ей Пріамъ, и бросила

его вдали отъ города; пастыръ овчій нашелъ ребенка, и онъ сталъ отъ того называться Фарижъ Пастыревичъ; рѣшая споръ между тремя женами «пророчицами», Фарижъ присудилъ золотое яблоко «Ведуши госпожѣ», которая за это открыла Фарижу его происхожденіе, и онъ возвратился къ отцу и пр. Имена остальныхъ героевъ или странно передѣланы или замѣнены Славянскими: Улиссъ называется Урекшишь, но Діана — Велъшою, Ифигенія — Цвѣтанюю. Любопытно, что въ построеніи города Пріаму помогаютъ «два діавола земленіи», подъ которыми разумѣются Тебушь Rhoebus, и Нептенабушь Neptunus (Op. P. M. 743). Позднѣйшіе Русскіе тексты очевидно сохраняютъ многіе слѣды древняго южно-Славянскаго подлинника. Происхожденіе этой повѣсти довольно темно: въ содержаніи ея нѣтъ особенныхъ разнорѣчій съ извѣстными фактами; нѣтъ и національныхъ примѣненій, кромѣ нѣсколькихъ неологизмовъ. Но она важна, какъ любопытный памятникъ старинной литературной дѣятельности: безъ сомнѣнія она была не переводомъ, а самостоятельнымъ пересказомъ Троянской исторіи, сдѣланнымъ на основаніи Латинскаго или вообще западнаго источника; возможности такого заимствованія нельзя отвергать уже и потому, что до сихъ поръ отношенія древней письменности Болгарской извѣстны очень мало, а старинная формація собственныхъ именъ, напр. Фарижъ вмѣсто Парисъ, Полимнешерь вмѣсто Полимнесторъ и т. п. не встрѣчается въ книжныхъ переводахъ съ Греческаго, и едва ли не показываетъ вліянія народной рѣчи. Въ старо-Славянской литературѣ могла отчасти проявляться такая любовь къ Троянскимъ сказаніямъ, какая была господствующею на Западѣ; тамъ, какъ мы замѣтили, съ этимъ пристрастіемъ соединялись и движенія народнаго самолюбія, — писатели и поэты среднихъ вѣковъ хотѣли въ Грекахъ и Троянахъ видѣть родоначальниковъ своего племени. Григорій Турскій, Фредегаръ и другіе историки, Нѣмецкая Kaiserchronik производятъ Франковъ отъ Троянъ; Іорнандъ производитъ отъ нихъ Готовъ, въ Эддѣ потомками Троянъ считаются Датчане; генеалогія Англійскихъ королей точно также была доведена до Троянскихъ витязей. Даже въ чисто-національныхъ сказаніяхъ вставлены были герои Греческіе и Троянскіе, или отъ нихъ происходив-

шіе, напр. въ Нибелунгахъ, Вальтеръ Аквитанскомъ, въ сѣверныхъ сагахъ. Имя Троянъ и Энея имѣло свою прелесть и для Славянскихъ писателей: извѣстны баснословныя генеалогіи Польскихъ лѣтописцевъ, по которымъ чистые Славяне оказывались потомками Римлянъ; для многихъ Греческихъ писателей Болгаре были прямыми наследниками Эракійцевъ и Пеоновъ; такъ и Болгарскій переводчикъ Малалы замѣтилъ: «сіи Ахилеусъ и мыйи воя своя, иже нарицахуса тогда Муръмедонесъ, нынѣ Болгаре», представляя предковъ участниками Троянской борьбы.

О Даретъ и Диктисъ см. *Grässe*, Lehrbuch einer allgem. Literär-Gesch. Dresd. u. Leipz. 1837—1854. 1, 1256—57; — *J. Dunlop's* Geschichte der Prosadichtungen, übers. v. Liebrecht. Berlin 1851, 178—179; — *Cholevius*, Gesch. der deutschen Poësie nach ihren antiken Elementen. Leipz. 1854. 109 ff. Новѣйшее изданіе Дарета и Диктиса гес. А. Dederich, Bonn 1835.

Рукописи повѣсти о Троянскомъ созданіи и поплѣненіи встрѣчаются безпрестанно въ хронографахъ, напр. Румянц. № 456, полууст. XVII в. л. 198—202 «повѣсть о созданіи и плѣненіи Троискомъ и о конечномъ разореніи еже бысть при Давидѣ царѣ Юдеискомъ», начин. «бѣше въ первая времена царь въ кін именовъ Придешъ» и пр.; въ скорописномъ хронографѣ XVII в. № 459 л. 7—17 и пр.; мы пользовались третьимъ спискомъ, въ неполной рукописи хронографа, принадлежащей г. О., XVII вѣка. — Списки встрѣчаются и въ сборникахъ, напр. Толст. 2. 104, или по каталогу Публ. б-ки XVII. Q. 65 изъ XVII вѣка, л. 314—337 съ тѣмъ же заглавіемъ, и друг.

Въ сборникахъ и хронографахъ XVII столѣтія встрѣчается и Русскій переводъ знаменитой Троянской исторіи Гвидона де-Колумны. Основнымъ источникомъ ея были Даретъ и Диктисъ; ими пользовался еще прежде Бенуа де-Сень-Моръ; Англійскій монахъ Іосифъ Iscarius или Devonius, который ѣздилъ на востокъ съ Ричардомъ Львиное-Сердце и воспѣлъ его подвиги въ «Антиохедѣ», написалъ гекзаметрами l. sex de bello Trojano, по Дарету; трудъ Гвидона былъ новой самостоятельной вариацией этого содержанія, и по своей связи съ другими обработками Троянскихъ сказаній играетъ важную роль въ ихъ исторіи. Гвидо де-Колумна или Колонна былъ родомъ изъ Мессины; въ

1262—1272 г. онъ предпринялъ свой трудъ по просьбѣ архіепископа Салернскаго, но въ 1273 отпавился съ королемъ Эдуардомъ, возвращавшимся изъ крестоваго похода, въ Англію, гдѣ составилъ нѣсколько, впрочемъ неизвѣстныхъ, сочиненій объ Англійской исторіи; воротившись года черезъ три въ Мессину, онъ снова принялся за свою работу и окончилъ ее въ 1287 г. Сочиненіе въ большей части манускриптовъ называется *Historia de bello Trojano*, и начинается съ похода Аргонавтовъ и перваго разрушенія Лаомедонтова города Язономъ и Геркулесомъ. Новая Троя, основанная Пріамомъ, была осаждаема десять лѣтъ и наконецъ предана Антеноромъ и Энеемъ, которые указали Грекамъ средство ввести въ городъ роковаго коня; затѣмъ разсказаны приключенія Греческихъ героевъ по возвращеніи изъ-подъ Трои. Какъ вообще въ средніе вѣка пренебрегали Гомеромъ, едва зная его по имени, такъ и Гвидонъ объясняетъ въ предисловіи, что не пользовался Гомеромъ, который хотя и славился въ свое время у Грековъ (*suīs diebus maximae auctoritatis Homerus apud Graecos*), но скрылъ настоящую истину событія, выдумывая чего не было и передавая иначе то, что было, — потому что, продолжаетъ онъ, Гомеръ вводитъ языческихъ боговъ, которые будто бы сражались въ битвахъ, какъ живые люди. Чтобы избѣжать неправдоподобности и представить разсказъ о войнѣ безъ ложныхъ прибавленій — «особенно для тѣхъ, кто занимается грамматикой», — Гвидонъ обратился къ Дарету и Диктису, какъ очевидцамъ и несомнѣннымъ историкамъ Троянской осады. Виргилій и Овидій подверглись тому же невыгодному отзыву. Несмотря на то, мнимая достовѣрность не помѣшала Гвидону обстановить свою исторію богатыми украшеніями романтическаго эпоса. Средневѣковые поэты вообще получали готовые факты у Дарета и Диктиса, но передавали ихъ такъ, какъ они представлялись ихъ собственной фантазіи. Гвидонъ меньше другихъ увлекался желаніемъ изукрасить описываемыя событія, тѣмъ не менѣе у него Троянская война получила колоритъ романтической: Ахиллесъ и Гекторъ изображены совершенными паладинами; Иліонскія стѣны построены изъ мрамора, и дворецъ Пріама великолѣпенъ, какъ волшебные замки рыцарскихъ романовъ.

Изложение Гвидона имѣетъ вообще свои достоинства; онъ не столько, какъ другіе, поражаетъ анахронизмами и ошибками географическими, старается о группировкѣ событій и послѣдовательности разсказа, который постоянно снабжаетъ нравственными замѣчаніями. Онъ разсуждаетъ о легкомысліи женщинъ, объ испорченности жрецовъ, вѣтренности молодежи въ танцахъ и пр. Все сочиненіе приводится къ мысли, что величайшія событія часто бываютъ вызваны незначительными случаями, и что по этому властители должны умѣрять порывы своего характера и страстей. Лаомедонтъ оскорбилъ Аргонавтовъ, и за этимъ послѣдовало разрушеніе первой Трои и похищеніе Гезіоны; когда Пріамъ требовалъ назадъ свою сестру, отказъ Грековъ подалъ поводъ къ похищенію Елены; эта невѣжливость повлекла величайшіе перевороты: разрушеніе прекраснаго города, смерть тысячи людей и бѣдствіе вдовъ и сиротъ. Изъ этого несчастія произошли однако благодѣтельные плоды, потому что далекія страны были заселены Троянскими выходцами: Брутъ отправился въ Британію, Франкъ во Францію, Антеноръ въ Венецію, Сиванъ или Сикулъ въ Сицилію и Тусцію, Эней основался въ Италіи и пр. Троянская война изображается у Гвидона и современныхъ ему поэтовъ, какъ цѣлое переселеніе народовъ, и была не только споромъ Греціи и Трои, но и борьбою частей свѣта, потому что за Грековъ стоитъ вся Европа и Африка, сторону Пріама взяла Азія. Уже Гвидонъ упоминаетъ о Персахъ и Кароагенянахъ; его Троя, съ высокими стѣнами, величественными дворцами и башнями, кажется вторымъ Константинополемъ и служить представительницей всей Азіи. Какъ далеко зашло наконецъ это возвеличеніе Троянской войны, можно видѣть изъ поэмы Коврада Вюрцбургскаго, Нѣмецкаго поэта XIII вѣка; онъ пересчитываетъ при этомъ случаѣ, что на Троянское побоище выставили свои войска также Венгрія, Россія, Данія, Англія, Норвегія, Испанія и пр., а Нѣмецкіе рыцари, какъ и слѣдуетъ ожидать, одержали тамъ верхъ надъ всѣми другими. Замѣтимъ и странное произведеніе, написанное въ XV столѣтіи по поводу взятія Константинополя Турками: *Florentini Turonensis Carmen de destructione Constantinopolitana s. de ultione Trojanorum contra Graecos* (Paris. s. a. = 1496), гдѣ, какъ видно изъ заглавія, не-

ненависть Турокъ противъ Грековъ объясняется какъ продолженіе вражды Троянской. Другое сближеніе сдѣлано было въ Русской повѣсти XV вѣка о созданіи и взятіи Царяграда: говоря о Троядѣ, гдѣ Константинъ хотѣлъ прежде основать свою столицу, и гдѣ «всемирная побѣда бысть Грекомъ надъ Фряги», авторъ ея думалъ о битвѣ Троянской, и случайно или съ намѣреніемъ смѣшалъ Фряговъ - Латинцевъ съ Фригами - Троянами (Срезневскаго, Пов. о Царегр. 28), считая Грековъ побѣдителями тѣхъ и другихъ: это недоразумѣніе очень любопытно.

Сочиненіе Гвидона Мессинскаго скоро разошлось по всей Западной Европѣ. Латинскій подлинникъ его изданъ былъ въ первый разъ s. l. et a., а по Брюне первымъ изданіемъ была *Historia Trojana prosaice composita*, Col. 1477. Прежде всего явилось нѣсколько Итальянскихъ переводовъ, въ первой половинѣ XIV вѣка; одинъ изъ нихъ напечатанъ 1481 г. въ Венеціи. Французскій переводъ *La destruction de Troie* вышелъ также очень давно; Испанскій въ Толедо 1512, Кастильское переложеніе въ Мединѣ 1587. Нѣмецкое изданіе *Nie vahet sich an die köstlich hystori die da sagt von der erstörung der edeln auch allergrösten statt Troia. wölche Hystori gründtlich beschriben haben die hochgelehrten meyster, herr Dares von Troya, auch herr Numerus von Kriechen vnd ander meyster*, — напечатанное s. l. et a., относятся къ 1474 г. (Augsb.), а самый переводъ къ концу XIV вѣка; въ 1479 г. вышло Голландское изданіе. Однимъ изъ самыхъ старыхъ изданій книги Гвидона было Чешское; переводъ относится къ началу XV вѣка, и книга напечатана, вѣроятно въ Пльзенѣ, вскорѣ по изобрѣтеніи книгопечатанія: Добровскій относилъ ее къ 1476 г., считая упомянутый въ ней 1468 г. временемъ оригинальной рукописи (*Gesch. der Böhm. Spr.* 135, 309); однако Юнгманъ и другіе оспаривали это мнѣніе и полагаютъ 1468 годомъ изданія (*Jungmann, Hist.* 65—66); въ 1488 появилось уже второе Чешское изданіе Троянской исторіи. Существовалъ ли полный переводъ Гвидона на Польскомъ языкѣ, трудно сказать положительно; сокращеніе его книги приведено въ хроникѣ Бѣльскаго.

Русскій переводъ конечно не древнѣе XVII вѣка; какъ можно судить изъ языка и изъ того, что повѣсть не встрѣчается рань-

ше этого времени; къ тому же заключенію приводитъ и значительная безцвѣтность перевода, какую вообще нерѣдко можно найти въ литературѣ XVII столѣтія. Повѣсть замѣняетъ иногла въ хронографахъ упомянутую исторію «о созданіи и поплѣненіи Тройскомъ»; такъ переводъ Гвидона помѣщенъ въ Румянц. хронографѣ XVII вѣка, № 457 л. 296 подъ заглавіемъ «повѣсть о црствѣ Троянскомъ и о конечномъ разореніи его, сие бысть во дни Дѣда цря»; сначала вступленіе, за которымъ л. 297 начинается и самое сочиненіе «кнѣга гл҃глеман Трои. ѿ Пелте цри Тесалийскомъ, како посла брата своего Ез'она добыти златое рѣно» и пр., въ 56 главахъ. Передавая названія главъ, Русскій писецъ или переводчикъ выражался, можетъ быть по привычкѣ, такимъ образомъ — «о силномъ цревиче и храбромъ витязе о Екторе, и колко Греческихъ црей оуби», что припоминало ему своя исторіи о храбрыхъ витязяхъ и царевичахъ (Оп. Р. М. 763). Въ другомъ Румянц. хронографѣ XVII в. № 458 Троянская исторія Колумны находится въ сокращеніи по хроникѣ Бѣльскаго: «ѿ златомъ рѣнѣ волшебнаго ѡвна», начин. «въ лѣта ѿ Адама зѡѣ цри Авдонѣ судіи во Израили, црствовалъ на востоцѣ Атанасъ царь» (Опис. 773). Таже короткая редакція находится и въ другихъ хронографахъ, напр. Толст. 1.325, Публ. 6-ки IV. Ф. 90, исторія о златомъ рунѣ волшебнаго ѡвна помѣщена 24-ю главою сборника, и начинается тѣмъ же: «въ лѣто отъ Адама зѡѣ цри Авдоніи судіи, иже во Израили, царствовалъ на востоцѣ Атанасъ царь, царипу имѣя Нефилю, и родила ему сына именемъ Фрика, да дщерь Елену — т. е. Геллу, — и та у него царица Нефиля умре, и потомъ взялъ другую жену» и пр. Второе отдѣленіе сокращенной редакціи озаглавлено здѣсь «о восхищеніи златаго руна и о градѣ Мидіи», далѣе «о брани Трояновъ со Греки и о разореніи его (sic) и о Еркulesѣ храбромъ и о дѣвицѣ и о зміи»; наконецъ «о созданіи града Трои, по разореніи перваго града, и о конечномъ разореніи и о плѣненіи его при Давидѣ царѣ Іудейстѣмъ» (начин. «по смерти же Лаомедонта царя нача царствовати въ Троянскомъ государствѣ сынъ его Пріямъ, и совѣтуя раскопаннѣя грады сооружити» и пр.)

Отдѣльно списки Гвидона встрѣчаются рѣдко. Въ Погодиномъ сборникѣ сказочнаго состава, № 1772 по описи, при-

надлежащемъ нынѣ Публичной б-кѣ, на л. 1 — 96 находится эта Троянская исторія подъ заглавіемъ: «вначало предисловію на исторію разоренія Трои, списано судією Гвидономъ де Колумна Мессаннѣйскимъ (sic?), нынѣ же первое написаніе о Велѣи (т. е. Пелѣи) цари Теосомискомъ (sic) приводяща Езона да ся пошлетъ дабыти златое руно» т. е. *Incipit prologus super historia destructionis Trojae composita per judicem Guidonem de Columna Messanensem*, какъ начато первопечатное изданіе Гвидона и какъ осталось и въ позднѣйшихъ перепечаткахъ. Впрочемъ, помѣщенный здѣсь въ дурномъ списокѣ переводъ не соотвѣтствуетъ Латинскому изданію, которое было у насъ подъ руками (Argent. 1489.), и много короче его. Главы Русскаго перевода послѣ заглавія идутъ въ такомъ порядкѣ: л. 6 «о Меди, како любовію Азонавою узавися», л. 10 «о Мединнине наказаніи Азона и о златорунной брани и о *врачеваніи* на волы и на змію, дѣлаемыхъ отъ нея», обор. л. 11 «(о) наказаніи Медининѣ ко Азону о златорунномъ и что ему дастъ», обор. л. 12 «како Азонъ приступи къ златому руно по наученію Медину», л. 18 «о разореніи первые Троянскаго царства отъ Азона и Еркулеса за обиду, какъ шли для златаго руна» и пр.; въ Латинскомъ оригиналѣ послѣ пролога слѣдуетъ 2-я глава — *Incipit liber primus de Peleo rege Thesalie inducente Jasonem ut se conferat ad aureum vellus habendum*, 3-я *de Grecis applicantibus in pertinentias Troie et de Laomedonta rege licenciante Jasonem et Herculem de locis illis*, 4-я *de Medea qualiter amore Jasonis capta fuit*, 5-я *de Medea instruente Jasonem de aurei velleris certamine et de medelis ad pugnam faciendam cum bobus et dracone operandis*, 6-я *qualiter Jason accessit ad aureum vellus*, 7-я *de destructione prime Troie per Jasonem et Herculem* и т. д.

При Петрѣ В., который старался пріохотить грамотныхъ людей къ чтенію и въ выборѣ книгъ для перевода нерѣдко очень вѣрно угадывалъ вкусъ нашихъ читателей, Троянская исторія Гвидона была переведена снова и издана въ 1709 году подъ заглавіемъ: «исторія въ ней же пишеть, о разореніи града трої Фрігійскаго царства, і о созданіи его і о великіхъ ополчѣтельныхъ бранехъ, како ратовашася о ней царіе і князі вселенныя, і чего раді толіко і таковое царство троянскіхъ державцовъ нѣз-

вержеса, і въ полѣ запустѣнія положіся» и т. д. За тѣмъ въ заглавіи слѣдуетъ похвала Дату-Греку и Фригію-Дарію, т. е. Диктису и Дарету, а Омиръ, Виргилій и Овидій Соломенскій т. е. Sulmonensis. отвергаются «многія бо въ нѣхъ несогласія і баснѣ обрѣтошася». Далѣе — «напечатана же славенскі повелѣніемъ царскаго Величества въ типографіи Московскоі Лѣта Господня 1709-го въ мѣсяцѣ Іюніи», 8° 479 стр. Слѣдующія изданія—1712. 1717. 1760... 1785. 1791. 1817—сдѣланы были почти безъ перемѣнъ, но въ послѣднихъ заглавіе выписывалось короче. Количество изданій само говоритъ объ успѣхѣ книги; но кромѣ того она появлялась и въ другомъ видѣ, именно въ переводѣ на Русскій языкъ, подъ названіемъ «Исторія о разореніи Тром, столичнаго города Фригійскаго царства,—переведенная съ *Греческаго* на Славенскій языкъ, а нынѣ съ онаго вновь переложенная на чистый Россійскій Иваномъ Михайловичемъ». М. 1791.— 92 и друг. Мы встрѣтимся еще разъ съ этимъ Михайловымъ, передѣльвателемъ старинныхъ Славянскихъ пронаведешій. Всѣ эти изданія показываютъ обширную извѣстность книги, которая вѣроятно и до сихъ поръ услаждаетъ досуги извѣстнаго разрада читателей.

Вообще о Гвидонѣ де-Колумна см. *Grässe*, Sagenkreise 116—120; — *Liebrecht's* Dunlop 179—180; — *Cholevius*, Gesch. d. deutsch. Poes. 101, 126 ff.; — *Brunet*, Manuel du libraire et de l'amateur de livres. Врх. 1838. 1,573 — 574.

— Особенную, не встрѣчавшуюся намъ, Троянскую исторію указываетъ г. Строевъ въ б-кѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. № 89 въ рукописи XVII в. безъ начала и окончанія, на 218 л. Ср. хронографъ XVII вѣка, тойже б-ки, № 286 л. 266 — 320, глава 401 «повѣсть velmi полезна и дивна и преизящна о Троянскомъ царствѣ. еже бѣ во Еллинѣхъ, како создася и како разорися для прекрасныя парицы Елены», въ двухъ частяхъ, — въ первой 6, во второй 55 главъ; можетъ быть таже исторія Гвидона.

— Въ рукописяхъ XVIII вѣка находятя и простые списки съ печатныхъ Петровскихъ изданій. Таковы: — Толст. 5, 39 рукопись 1771 года, — Царскаго № 693, — Б-ки Моск. Общества № 88 списокъ 1743 г., сдѣланный съ изданія 1717, и друг.

III.

«Синагрипъ, царь Адоровъ и Наливскія страны» или «Слово о Акирѣ премудромъ», сказка изъ Тысячи и одной ночи. — «Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ чловѣкъ». — Сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и пресвитерѣ Іоаннѣ. — Слово о полку Игоревѣ.

Мы остановимся теперь на другихъ произведеніяхъ древняго періода, которыя принадлежатъ тому же Византійскому источнику, но отличаются отъ Александрій и сказаній Троянскихъ тѣмъ, что выходятъ изъ ряда историческихъ сюжетовъ и относятся уже чисто къ области фантазіи. Ихъ немного, но безъ сомнѣнія только потому, что немного сохранилось, а не потому, что столько же было ихъ и прежде. Это одни изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древней свѣтской литературы; несмотря на ихъ чужое происхожденіе, въ нихъ отразилось много той свѣжести, какая часто поражаетъ въ древнѣйшихъ памятникахъ нашихъ, и какая становится болѣе и болѣе рѣдкою въ книжныхъ произведеніяхъ поздней письменности. Одинъ изъ этихъ памятниковъ есть сказка изъ Тысячи и одной ночи въ древнемъ Русскомъ или вѣрнѣе южно-Славянскомъ переводѣ, которая занесена была между прочимъ въ замѣчательный сборникъ XIV или XV вѣка, сохранившій намъ Слово о полку Игоревѣ. Она помѣщена была въ сборникѣ четвертою статьею, передъ самымъ Словомъ, и озаглавлена «Синагрипъ царь Адоровъ и Наливскія страны». Первый издатель Слова сообщил очень короткое извѣстіе о содержаніи рукописи; въ послѣдствіи, этотъ недостатокъ былъ нѣсколько исправленъ Карамзинымъ, который помѣстилъ немногіе отрывки изъ сборника въ примѣчаніяхъ къ своей исторіи. Сборникъ принадлежалъ къ разряду хронографическихъ, и кромѣ того заключалъ нѣсколько статей сказочнаго или чисто-литературнаго характера; легко оцѣнить важность сборника, вспомнивъ, какъ вообще мало подобныхъ рукописей и болѣе поздней эпохи сохранилось до нашего времени; нѣкоторыя статьи его считались до сихъ поръ окончательно потерянными. Впрочемъ сказаніе о Синагрипѣ не принадлежитъ къ ихъ

числу, потому что нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ XVII и XVIII вѣка; оно извѣстно теперь въ двухъ главныхъ редакціяхъ: одна — древнѣйшая, подходящая къ описанной Карамзинымъ, другая — поздняя, отличная и по заглавію и отчасти по содержанию. Въ этомъ послѣднемъ видѣ, повѣсть называется «Слово о Акирѣ», «Сказаніе о премудромъ Акирѣ и сынѣ его Анаданѣ» и т. п., по именамъ другихъ дѣйствующихъ лицъ.

Источникъ Слова указанъ былъ Карамзинымъ по Казоттову продолженію перевода Тысяча и одной ночи, начатаго Галланомъ (*Nouveaux contes arabes ou supplém. aux Mille et une nuits etc. par M. l'abbé ... Paris 1788, 4 t.*), гдѣ во второмъ томѣ помѣщена «исторія Синкариба и двухъ его визирей». Но сравненіе нашей сказки съ Казоттовымъ текстомъ не могло бы привести ни къ какимъ точнымъ выводамъ, если бы нужно было опредѣлить отношеніе нашего Слова къ его прототипу; потому что Казоттъ, не имѣя достаточнаго званія восточныхъ языковъ, чрезвычайно невѣрно передавалъ восточные рассказы, и, что еще хуже, украшалъ ихъ цвѣтами собственной фантазіи и прибавлялъ, чего не было въ подлинникѣ. Гаммеръ не считалъ даже книги Казотта переводомъ Тысячи и одной ночи; исторію Синкариба онъ исключалъ однако изъ числа рассказовъ, которые принималъ за собственное сочиненіе Казотта (ср. *Hammer, Der T. und ein. Nacht noch nicht übers. Märch., Erzähl. u. Anekd.; deutsch v. Zinserling. St. u. Tüb. 1823. I, xxvij. xlvij*). Послѣдующія открытія оправдали нѣсколько Казотта, потому что повѣсти его найдены были въ Арабскихъ и Персидскихъ рукописяхъ учеными Росселемъ и Скоттомъ, а Коссенъ-де-Персеваль нашелъ и самую рукопись Парижской бібліотеки, служившую для него оригиналомъ. Коссенъ-де-Персеваль издалъ новый переводъ, какъ другое продолженіе Галланова: *Les Mille et une nuits, trad. par M. Galland, cont. par M. Caussin de Perceval (Paris 1806. 9 t.)*, гдѣ наша повѣсть находится въ осьмомъ томѣ, подъ заглавіемъ — исторія мудраго Гейкара. Послѣ него сказка о Синкарибѣ или Гейкарѣ переведена была снова (*Le sage Heucar. Conte trad. de l'arabe par Agoub. Paris 1824*), и эта послѣдняя передача, по отзывамъ специалистовъ, гораздо удовлетворительнѣе прежнихъ. Мы пользовались ею въ прекрасномъ из-

даніи Габихта, Ф.-д.-Гагена и Шалля, гдѣ сказка занимаетъ 561—568 ночи (Taus. und eine Nacht. arab. Erzählungen. 2-te Ausg. Breslau 1827. 13, 86—126).

Содержаніе нашего Слова очень сходно съ текстомъ въ изданіи Габихта, и расходится съ нимъ только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Въ сказкѣ Тысячи и одной ночи исторія передана слѣдующимъ образомъ. Гейкаръ былъ первымъ министромъ Сенхариба, царя Аравіи (или Ассура) и Ниневіи; онъ славился могуществомъ, познаніями и мудростью, но не былъ счастливъ, потому что у него не было дѣтей. Напрасно онъ взялъ себѣ шестьдесятъ женъ, надежды его не исполнялись, и Гейкаръ, по опредѣленію неба, усыновилъ племянника своего Надана. Гейкаръ выбралъ для него восемь кормилицъ, и когда ребенокъ выросъ, самъ Гейкаръ началъ учить его «чтенію, грамматикѣ, морали и житейской философій»; онъ представилъ наконецъ Надана царю, какъ своего преемника, и потомъ въ теченіе многихъ дней и ночей дѣлалъ Надану нравственныя и политическія наставленія. Мы не будемъ передавать ихъ, потому что онѣ не точно переведены у Габихта и несходны съ поученіемъ нашего Слова. Сдѣлавшись самъ правителемъ, Наданъ возгордился и не уважалъ своего благодѣтеля; оскорбленный Гейкаръ отдалъ свой домъ его меньшему брату. Наданъ рѣшился отомстить мудрому Гейкару: онъ написалъ отъ имени его подложныя письма къ царямъ Персидскому и Египетскому, гдѣ Гейкаръ обѣщалъ предать имъ безъ боя владѣнія Сенхариба, въ долину Башринъ; письма запечатаны были печатью стараго министра и подкинуты во дворцѣ. Въ то же время Наданъ отъ имени царя велѣлъ Гейкару собрать войска въ той же долинѣ, потому что Сенхарибъ желалъ будто показать ихъ послу Египетскаго фараона. Царь изумился, прочитавъ подкинутое письмо, но по совету Нада~~на~~ отправился на означенное мѣсто, чтобы убѣдиться въ измѣнѣ Гейкара; онъ увидѣлъ собранныя войска и съ ужасомъ возвратился во дворецъ. Гейкаръ, приведенный къ царю, понялъ коварство Надана, но пораженный его неблагодарностью, не могъ сказать ни слова въ свое оправданіе. Сенхарибъ осудилъ его на смерть; но исполнитель казни, Абу-Сомейка, обязанный Гейкару, далъ ему средство спастись отъ казни. Гейкаръ

поселился въ потаенной комнатѣ своего дворца; Наданъ оскорблялъ его беззащитную жену.

Молва о смерти Гейкара распространилась, и Египетскій фараонъ прислалъ Сенхарибу надменное требованіе — прислать въ Египетъ архитектора, который бы выстроилъ дворецъ между небомъ и землей и могъ отгадать загадки фараона; за то послѣдній обѣщалъ Сенхарибу трехлѣтнюю подать Египта; въ противномъ случаѣ Сенхарибъ долженъ былъ прислать трехлѣтніе доходы Ассиріи. Ни одинъ изъ совѣтниковъ царя не зналъ, что дѣлать; Сенхарибъ вспомнилъ прежняго мудраго министра и предался неутѣшной горести; тогда Абу-Сомейка открываетъ ему спасеніе Гейкара. Обрадованный царь возвратилъ Гейкару свою милость и просилъ его помощи; Гейкаръ потребовалъ сорокъ дней на приготовленіе къ путешествію въ Египетъ. Онъ велѣлъ ловчимъ своимъ поймать двухъ сильныхъ орловъ, прикрутилъ къ нимъ два ящика изъ легкаго дерева и шелковыя веревки длиною въ двѣ тысячи локтей, и приучилъ орловъ летать, съ посаженными въ ящики мальчиками, во всю длину веревки; на воздухѣ мальчики должны были кричать, что имъ было приказано. Послѣ того Гейкаръ отправился въ Египетъ, подъ именемъ Абимакама; онъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе фараона мудрыми отвѣтами. Когда онъ явился однажды къ царю, фараонъ одѣтъ былъ въ порфиру, и спросилъ Гейкара, съ чѣмъ сравнить онъ его и вельможъ двора его; Гейкаръ уподобилъ его изображенію божества, а придворныхъ поклонникамъ. На другое утро царь одѣтъ былъ въ красное платье, а вельможи въ бѣлое: Гейкаръ сравнилъ его съ солнцемъ, а вельможъ съ лучами солнца. На третій день Гейкаръ сравнилъ его со луной, а вельможъ съ звѣздами; наконецъ, когда фараонъ надѣлъ красную одежду, а вельможи разноцвѣтныя платья, мудрецъ уподобилъ его мѣсяцу низанъ (апрѣль), а придворныхъ цвѣтамъ, которые онъ производитъ. Когда же фараонъ спросилъ, съ чѣмъ сравнить онъ своего государя, — Гейкаръ потребовалъ сперва, чтобы фараонъ сошелъ съ престола, когда онъ будетъ говорить о своемъ повелителѣ, и потомъ сказалъ, что нѣтъ царя могущественнѣе Сенхариба: онъ повелитъ, и солнце не распространяетъ лучей своихъ, мѣсяцъ и звѣзды останавли-

ваются въ теченіи, — онъ даетъ знакъ, и буря и ураганы сры-
ваются на землю, уничтожаютъ мѣсяцъ низанъ и разносятъ его
цѣпты. Фараонъ догадался, что такіе мудрые отвѣты можетъ
дать только Гейкаръ, но потребовалъ исполненія главной задачи.
Когда Египтяне собрали матеріалы для зданія, Гейкаръ пустилъ
орловъ съ мальчиками; поднявшись высоко на воздухъ, маль-
чики кричали: «несите же намъ камней, извести и цемента,
строить дворецъ фараону; мы только этого и ожидаемъ. Ско-
рѣе, работники! цѣлый часъ мы все еще съ пустыми руками;
странно оставлять насъ такъ долго безъ дѣла!»... а люди Гей-
кара стали бить оторопѣвшихъ Египтянъ, требуя, чтобы они
несли мальчикамъ нужные матеріалы. Фараонъ отказался отъ
воздушнаго дворца и предложилъ другую загадку: что это за
новъ у твоего повелителя — когда онъ ржетъ въ Ниневіи, то
очень пугаетъ моихъ кобылицъ? Гейкаръ скоро обѣщалъ дать
отвѣтъ и, пришедши домой, началъ жестоко бить кошку, такъ
что сосѣди сказали объ этомъ царю. На вопросъ фараона, за-
чѣмъ онъ бьетъ беззащитное животное, Гейкаръ сказалъ: «оно
виновнѣе, чѣмъ вы думаете; мой повелитель Сенхарибъ подарилъ
мнѣ прекраснаго, съ звонкимъ голосомъ пѣтуха, который безъ
устали распѣвалъ во всѣ часы дня и ночи; кошка, которую я
теперь наказываю, сбѣгала въ прошлую ночь въ Ниневію и за-
душила его». — Какъ же можетъ это быть, спросилъ фараонъ,
отъ моей столицы до Ниневіи 360 миль? — «Если вы это знаете,
сказалъ Гейкаръ, какимъ же образомъ слышно здѣсь ржаніе
коня, который стоитъ въ Ниневіи»?... Гейкаръ отгадалъ и дру-
гія загадки. Фараонъ призналъ себя побѣжденнымъ, далъ трех-
лѣтніе доходы своей страны, наградилъ щедро Гейкара и за-
ключилъ дружбу съ Сенхарибомъ. Гейкаръ былъ милостиво
принятъ своимъ повелителемъ; Абу-Сомейка былъ снова награ-
жденъ по просьбѣ Гейкара; Наданъ отданъ былъ въ полную
власть оскорбленнаго отца. Гейкаръ заключилъ его въ мрачную
тюрьму, и пещшая его, каждый разъ осыпалъ упреками за не-
благодарность и испорченность сердца: Наданъ мучился угры-
зеніями совѣсти и умеръ ужасною смертью. «Судьба преступ-
наго Надана, сказано въ заключеніи Арабской сказки, оправ-
дываетъ вѣчную истину: наказаніе всегда идетъ за пре-

ступленіемъ, и кто копасть яму брату своему, — падаетъ въ нее самъ».

Въ книгѣ Шави и Казотта сказка очень растянута; въ Русскомъ переводѣ прошедшаго столѣтія, напечатанномъ довольно уютно, она занимаетъ около ста страницъ (Продолженіе Т. и о. ночи. М. 1794—95. 4, 1—96). Есть и значительные варианты: вводится жена Гейкара, будто бы тетка Сенхарипа, которая принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ мужа, ѣдетъ съ нимъ въ Египетъ, гдѣ ее принимаютъ за волшебницу и пр., чего нѣтъ ни въ Русскомъ старинномъ сказаніи, ни въ текстѣ Габихта, и исключеніе женщины вовсе не принадлежитъ Русской редакціи, какъ думалъ, кажется, Полевой. Отъ растянутости Казоттова перевода, сказка потеряла много живости и эффектности; многое измѣнено, напр. Абу-Сомейка не играетъ важной роли, потому что спасеніе Гейкара устроено женой его; Наданъ, по Казотту, умеръ повѣсившись на волосахъ, чего вовсе нѣтъ у Габихта. Вообще наше сказаніе въ обѣихъ редакціяхъ гораздо ближе къ этому послѣднему.

Но прежде чѣмъ займемся опредѣленіемъ Русскихъ редакцій, сообщимъ нѣкоторыя подробности изъ внѣшней исторіи этой замѣчательной сказки. Уже Французскій переводчикъ «мудраго Гейкара» замѣтилъ, что исторія его во многомъ сходна съ біографіей Езопа, какъ рассказываетъ ее Планудъ. Сходство дѣйствительно очень велико и несомнѣнно доказываетъ, что одинъ рассказъ служилъ прототипомъ другаго: біографія Езопа въ томъ мѣстѣ, гдѣ сближается она со сказкой Тысячи и одной ночи, составляетъ почти буквальный переводъ ея или на оборотъ. Не принимая на себя рѣшенія того, какое изъ этихъ произведеній было первоначальной формой разсказа, приведемъ только не многіе факты, объясняющіе этотъ вопросъ. Исторія Езопа, какъ почти всѣхъ древнихъ баснописцевъ, давно представлялась въ миѣтической обстановкѣ, такъ что мы не знаемъ о немъ почти ничего, исторически-вѣрнаго; многіе совершенно отвергаютъ существованіе такого лица. Преданіе изображаетъ его съ уродливой и смѣшной наружностью, но съ умомъ чрезвычайно острымъ и находчивымъ; сначала онъ былъ рабомъ Афинянина Демарха, или другихъ, потомъ Самійца Ксанеа и пр., наконецъ

получилъ свободу. По словамъ разныхъ древнихъ писателей, онъ былъ любимцемъ Креза, у котораго встрѣтился и много бесѣдовалъ съ Солономъ. Новѣйшіе изслѣдователи придаютъ мало значенія этимъ извѣстіямъ, не подкрѣпленнымъ точными данными; еще меньшимъ довѣріемъ пользуется обширная біографія, приписываемая Плануду, Константинопольскому монаху (1340—1353), который славился въ свое время обширною ученостію, писалъ стихотворенія, сочиненія по части богословія, грамматики, и перевелъ на Греческій языкъ многихъ Римскихъ писателей. Какъ большая часть Византійскихъ ученыхъ, Максимъ Планудъ былъ только компиляторъ и собиратель; неудовлетворительность его біографіи Езопа видна съ перваго взгляда, когда онъ влагаетъ въ уста Езопу стихи Эврипида, жившаго гораздо позднѣе. Біографія перемѣшана нравоучительными изрѣченіями и баснями самого Езопа, и нѣкоторыми чертами напоминаетъ рассказы о другихъ мудрецахъ; такъ уже давно замѣчено, что рассказъ объ уродливости Езопа находится и въ преданьяхъ объ Арабскомъ баснописцѣ Локманѣ. Ученый де-ла-Крозъ думалъ, что авторъ біографіи составилъ ее отчасти изъ собственныхъ выдумокъ, отчасти изъ этихъ восточныхъ преданій; по мнѣнію другихъ, Планудъ отнесъ къ Езопу то, что вычиталъ о другихъ мудрецахъ и философахъ Греческихъ; его изрѣченія, его *βραδύλογος* сравнивали съ тѣмъ, что извѣстно изъ Плутарха и другихъ о Сократѣ, Демосѣенѣ, Віантѣ и пр.; находили у Плутарха и задачи, которыя пересылали цари другъ другу, — такъ что многое объясняется и Греческими источниками. Всего чаще указывали на сходство преданій о Езопѣ и Локманѣ; трудно сказать, съ которой стороны было здѣсь заимствованіе. Столько же неясно и то, какимъ образомъ въ біографію Езопа вошли главные обстоятельства Арабской сказки о Гейкарѣ; если бы біографія дѣйствительно принадлежала Плануду и была составлена въ половинѣ XIV-го вѣка, то всего вѣроятнѣе было бы предположить, что вставка сдѣлана самимъ Планудомъ, — между тѣмъ нѣтъ почти никакого сомнѣнія и ученые соглашаются въ томъ, что біографія только носитъ имя Плануда, а не въ самомъ дѣлѣ сочинена имъ въ XIV-мъ столѣтіи. Новѣйшій издатель біографіи, Вестерманнъ, долагаетъ на-

печатанную имъ редакцію — очень мало отличную отъ Планудовой, — не раньше *десятаго* вѣка и слѣдовательно думаетъ о времени, гораздо древнѣйшемъ Плануда (V. Aes. p. 2, 4), такъ что на долю послѣдняго остается только новая редакція сочиненія, существовавшая прежде.

Латинскій переводъ Планудовой біографіи помѣщенъ въ изданіи Езопа — Excudebat Rob. Stephanus 1529. VII Cal. Septemb. и въ другихъ изданіяхъ; Греческій текстъ съ переводомъ Роб. Стефана въ Aesopi Phr. vita et fab., gr. et lat. Venet. 1770; другой Греческій списокъ въ Vita Aes. ex Vratisl. etc. codd., ed. *Westermann*, Brunsvigae 1845. Замѣчанія о Планудѣ и его біографіи въ *Theaurus epist. Lacrozianus*, ed. Uhlius. Lips. 1742 — 46. 1, 170 — 172. 2, 153; — *Fabricii*, Bibl. Graec., ed. Harless 1, 618; — *Furia*, Aesop. p. X sq.; — *A. Pauly*, Real-Encyclop. d. class. Alterthumswiss. 3, 411. Къ сожалѣнію, мы не имѣли книги Грауэрта (*Grauert*. Diss. acad. de Aesopo et fab. Aesop. Bonn 1825), который также касается этого предмета.

Разсказъ, соотвѣтствующій повѣсти о Гейкарѣ, составляетъ только часть Планудовой біографіи Езопа (Rob. Steph. 37—44, *Westerm.* 43 — 52), въ началѣ которой собираются извѣстія о походеніяхъ Езопа во время рабства, за тѣмъ слѣдуетъ въ ней пребываніе его на о. Самѣ и у Креза. Отправившись оттуда, говоритъ біографія, Езопъ странствовалъ по свѣту и бесѣдовалъ съ мудрецами. Онъ пошелъ и въ Вавилонъ, и выказавши тамъ свою мудрость, получилъ большое значеніе при царѣ Ликерѣ, или по Вестерманну Ликургѣ; потому что въ то время цари, живя между собою въ мирѣ, для забавы посылали въ письмахъ другъ другу философскія задачи (или загадки, *προβλήματα*), и не отгадывавшій посылалъ дань тому, кто предложилъ задачу. Езопъ, разрѣшая присылаемыя Ликеру задачи, прославилъ этого царя, и чрезъ него самъ посылалъ задачи другимъ царямъ, и такъ какъ они не въ состояніи были разрѣшить ихъ, то должны были присылать Ликеру дань (и такимъ образомъ царство Вавилонское усилилось). Вавилонскій царь играетъ здѣсь роль Сенхарриба. Бездѣтный Езопъ усыновляетъ Энна или Эна (*Ἄνος* притча, басня; въ этомъ же родѣ объясняли имя Езопа), который однако не выполнялъ его ожиданій: по Вестерманну *ὁ Ἄνος γὰρ ἠ-*

τιῶν τῶν τοῦ βασιλέως μία συνεπλάκη, по Р. Стефану cum adoptantis concubina gem habuit. Езопъ хотѣлъ предать его смерти, или выгнать изъ своего дома; мстительный Энъ обвинилъ его предъ царемъ въ измѣнѣ; Езопъ спасается отъ казни при помощи Гермиппа (Абу-Сомейка), и въ послѣдствіи снова является къ царю, когда Ликеръ былъ устрaшенъ письмомъ Египетскаго царя Нектанеба. Энъ былъ выданъ Езопу, который не сталъ мстить ему за клевету и только сдѣлалъ приличное нравоученіе; Энъ умеръ отъ угрызеній совѣсти. Когда Езопъ отправился въ Египетъ и подобно Гейкару исполнилъ мудренныя требованія Нектанеба, Египетскій царь воскликнулъ: «счастливъ Ликеръ, имѣющій въ своемъ царствѣ такую мудрость!» По возвращеніи Езопъ съ Египетскою данью, Ликеръ велѣлъ воздвигнуть ему золотую статую. — За тѣмъ Езопъ отправляется въ Грецію и гибнетъ тамъ жертвою мщенія Дельфійцевъ, которыхъ оскорбилъ своими шутками.

Вымыселъ событія, его подробности скорѣе можно счесть произведеніемъ восточной фантазіи; въ Арабской сказкѣ видна и большая полнота въ развитіи сюжета; но съ другой стороны есть возможность считать это и Греческою баснею позднѣйшаго происхожденія. Имя Нектанеба знакомо было изъ исторіи Александрa, и если эта послѣдняя проникла въ Арабскую литературу, то также могло быть и съ мифомъ объ Езопѣ, особенно въ ту эпоху, когда Арабская литература усвоила себѣ много Греческихъ произведеній. По крайней мѣрѣ хронологическія данныя не мѣшаютъ предположенію о переходѣ біографіи Езопъ въ составъ Тысячи и одной ночи. Первоначальной основѣ этого сборника многіе приписывали Индѣйское происхожденіе, но отъ времени до времени онъ подвергался многимъ передѣлкамъ и въ сборникъ вносились новѣйшія сочиненія. Нѣкоторые критики не признаютъ впрочемъ такой его давности, и въ самомъ содержаніи Тысячи и одной ночи находятъ доказательство ея поздняго появленія. «Правда, говоритъ одинъ ученый ориенталистъ, разбирая содержаніе Тысячи и одной ночи, — мы находимъ мѣсто дѣйствія нѣкоторыхъ происшествій въ Индіи, Персіи, Китаѣ, даже Ассиріи, ихъ эпоха отнесена отчасти къ первобытнымъ временамъ, и этотъ обманъ поддерживается встав-

кою чужихъ именъ и картинами нравовъ и обычаевъ иноземныхъ; но для знатока, вездѣ во всемъ образѣ представленія, видна рука Мугаммеданско-Арабскаго писателя» (*Chezy*, въ *Hermes oder krit. Jahrb. d. Liter. Bd. 33, 1-es H. 96*, съ указаніемъ на С. де-Саси въ *Journal des Savans 1817*, пов. р. 686). Считаю Египетъ мѣстомъ, гдѣ составилъ сборникъ, изданный Габихтомъ, критикъ относитъ его къ довольно позднему времени, около XIV-го вѣка (*Hermes ib. 94, 96, 99 и 108*), такъ что включеніе Греческой біографіи не имѣетъ ничего невозможнаго. Басня о Гейкарѣ могла впрочемъ образоваться и на чисто Арабской почвѣ, заключая, быть можетъ, передѣлку преданія о Моисеѣ, — и потомъ въ легкой передѣлкѣ перейти къ Грекамъ, какъ случилось со сборникомъ сказокъ Калила-ва-Димна: несомнѣнное существованіе Греческаго перевода сказки о Гейкарѣ можетъ подтвердить, что въ отношеніи къ біографіи Езопа заимствованіе сдѣлано было писателемъ Византійскимъ. Что касается до цѣлаго преданья, то нельзя не признавать родства его съ тѣмъ, которое Іосифъ Флавій и Вильгельмъ Тирскій относятъ къ Соломону и Тирскому царю Гирану, и которымъ ученые несправедливо объясняли происхожденіе средневѣковаго сказанія о Маркольфѣ. Главнымъ сюжетомъ опять является споръ двухъ царей о мудрости посредствомъ трудныхъ загадокъ, которыя они пересылали другъ другу. Такимъ образомъ содержаніе разсказа обобщается еще болѣе; и всего вѣроятнѣе предположить его родину на Востокѣ, можетъ быть у Евреевъ, которымъ принадлежалъ и этотъ мифъ о Соломонѣ, и, какъ думаетъ Як. Гриммъ, древнѣйшая редакція повѣсти о Маркольфѣ. (*Heidelberg. Jahrb. der Liter. 1809. 5 Abth. 2, 249 ff.*). Столь же общій, и вѣроятно также восточный, мотивъ повторился въ разсказѣ о летаніи мальчиковъ на орлахъ; онъ извѣстенъ по многимъ другимъ мифамъ и сказаніямъ. Одинъ древній писатель Арабскій говоритъ, что Нимродъ, когда ему неудалось построить Вавилонскую башню, вздумалъ подняться на воздухъ, на четырехъ птицахъ, къ которымъ прикрѣпленъ былъ родъ экипажа. Этотъ мифъ встрѣчается и въ сказкахъ Сомадевы, приводится и во второмъ путешествіи моряка Синдбада, въ Тысячѣ и одной ночи; онъ извѣстенъ и въ романтической литературѣ среднихъ

вѣковъ, гдѣ Huon de Bourdeaux совершаетъ такую поѣздку на грифѣ (*Liebrecht's Dunlop* 184, 477). Въ баснословной повѣсти псевдо-Каллисена Александръ предпринималъ воздушное путешествіе на грифахъ или «звѣряхъ крыматыхъ», которыми онъ управлялъ, показывая имъ на копьѣ кусокъ мяса. Сербская сказка относитъ преданье къ другому герою, славному по мудрости; ему нужно было видѣть «морске дубине и небеске висине», и чтобъ достигнуть послѣдняго, онъ «ухвати два ноја (= *noga* орла, грифа), па им за неколико дана не да ништа јести док добро огладне, па им онда привеже за ноге велику котарицу у коју он уѣ и сједне држећи рукама више себе и више нојева на дугачком ражѣу печено јагье. Нојеви желећи да би пециво дохватили, полете у висину, и тако су све лећело докле Премудри не удари ражѣм у небо, па онда обрне ражаѣ на ниже те га нојеви свесу на земљу»..... (*Вук, Прип.* 1853. 200). Въ Словацкихъ и Польскихъ преданьяхъ разсказъ о томъ, какъ охотникъ леталъ на драконѣ въ адъ, — очень сходный съ приведеннымъ, связывается съ мифомъ о Ягѣ-бабѣ (*Kollar, Zpiew. Slow.* 1834. 1, 12). Для Сербской сказки упомянутыя повѣсти могли служить если не основаніемъ, то второстепеннымъ источникомъ разсказа.

Какой же видъ получила Арабская сказка въ Русскихъ редакціяхъ и какимъ образомъ перешла она въ нашу древнюю литературу? Старинная редакція сказанія о Синагрипѣ, сохранившаяся теперь въ одной изъ рукописей б-ки Моск. Общества исторіи и древностей, ближе къ тексту Габихта, чѣмъ позднѣйшія передѣлки, — какъ и слѣдуетъ ожидать, хотя самый текстъ Габихта конечно не есть древнее Арабское чтеніе. Весьма любопытная особенность старинной нашей редакціи состоитъ въ томъ, что вся исторія передается отъ имени Акира (Гейкара), говорящаго о себѣ въ первомъ лицѣ. Это объясняется по нашему мнѣнію восточной формой сказочныхъ сборниковъ, которая всегда старается связать отдѣльные разсказы въ одно цѣлое какимъ нибудь побочнымъ обстоятельствомъ; такъ всѣ Тысяча и одна ночь соединены именемъ Шехеразады; обыкновенно въ одинъ разсказъ вставляется другой, съ этимъ соединенъ третій и такъ далѣе, и читатель непривычный скоро теряетъ главную нить цѣлаго.

Въ первоначальномъ сборникѣ исторія Гейкара принадлежала вѣроятно къ числу такихъ вводныхъ разсказовъ, и въ этомъ видѣ дошла къ намъ. Древняя Русская редакція представляетъ еще много особенностей, неизвѣстныхъ позднимъ спискамъ, а иногда и самой редакціи Габихта. Посылая подложныя письма къ царямъ Персидскому и Египетскому, Наданъ приглашаетъ ихъ явиться именно «на поле Егупетское (= долина Бапринъ), мѣсяца августа въ 25 день»; спасенный отъ казни, Акиръ скрылся въ приготовленное ему женой и другомъ его «мѣсто въ земли, 4 локоть въ долготу, 4 въ ширину, 4 въ глубину»: пространство отъ Египта до Нивевія царь считаетъ въ 1000 и 80 верстъ и т. д. Многія изъ такихъ подробностей или опущены въ новыхъ спискахъ или же непоняты.

Мы уже сказали, что Русскіе списки раздѣляются на два отдѣла. Карамзинъ сообщилъ начало повѣсти о Синагрипѣ по древнѣйшей руси, слѣдующимъ образомъ: «Въ то время азъ Акиръ книжчій бѣ, и речено ми есть отъ Бога: отъ тебе чало ве родится. Имѣніе же имѣя паче всѣхъ человѣкъ; пояхъ жену и устроихъ домъ, и жихъ 60 лѣтъ, и не бысть ми чада, и създахъ требники и възгнѣтихъ огонь, и рѣхъ: Господи Боже мой! аще умру и не будетъ ми наследника, и ркутъ человѣци: *Акиръ праведенъ бѣ и Богу истинно служаше; аще умреть и не обратится мужескъ пль (погъ), иже постоитъ на гробъ его, ни двмческъ пль, иже бы его оплакала; ни иже по немъ задницу (наслѣдство) възметъ...* И нынѣ прошу у тебе, Господи Боже мой! даждь ми мужескъ погъ: гда преставлюся, да всыплеть ми прѣсть на очи мои» (Ист. 3, пр. 272). Въ сборникѣ 6-ки Моск. Общ. конца XV вѣка, № 189, л. 90 — 104 обор. находится таже редакція: «Синагрипъ царь Адоровъ и Наливской страны», нач. «въ того время азъ Акиръ книжчій бѣхъ», и т. д. Мы пользовались спискомъ этой статьи не совсѣмъ удовлетворительнымъ (за который приносимъ благодарность И. Е. Забѣлину), и потому не всегда могли полагаться на свое чтеніе текста.

Другая, новѣйшая форма сказанія нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ, напр. — Румянц. сборн. XVII в. № 363, л. 438—454 «Сказаніе объ Акирѣ премудромъ царя Синографа Аливицкаго и Аизорскаго», приведено мною, хотя и неполнѣ, въ Отеч. Запискахъ 1855. № 2.

— Погодинск. сборн. Публ. 6-ки, по описи № 1772, XVII в., л. 190—202 «Сказаніе о Акирѣ премудромъ и о царствіи царя Синографа земля Алевитцкой и Анизорской», нач. «Бысть нѣкіи человекѣ Акирѣ премудрыи въ земли Алевитской и Анизорской».

— Полеваго, списокъ напечатанный въ Р. Вѣстн. 1842 1, 54 — 65 «Слово о Акирѣ премудромъ». Повидимому изданіе несовсѣмъ вѣрно, если это таже рпись, по которой П. разсказалъ повѣсть объ Акирѣ въ М. Телеграфѣ 1825 11, 227—235.

— Ундольскаго, въ сборникѣ, откуда было напечатано Слово о в. к. Дмитріи Ивановичѣ (Времен. кн. 14), — «о премудромъ Акирѣ и сынѣ его Анаданѣ», нач. «въ земли Алевитстей»...

— Царскаго (нынѣ гр. Уварова) № 440 сборн. конца XVII в. л. 642 — 653 (отдѣльная рпись) «Сказаніе великаго царя Синографа, Алевицкой земли и Азорской, и о Акирѣ премудромъ»; — № 449 сборн. нач. XVIII в. л. 39—48 «Слово зѣло полезно о Акирѣ премудромъ», начин. «бысть нѣкіи человекѣ, именемъ Акирѣ премудрый, въ землѣ Алевицкой и Анизорской»; — № 451 сборн. нач. XVIII в., л. 249—270 «Сказаніе о премудромъ Акирѣ и о сынѣ его Анаданѣ и о ихъ премудрости, и какъ Анаданѣ отца своего оклеветилъ царю Синографу».

Различіе заглавій ввело въ ошибку г. Снегирева, который считаетъ сказки о Синагрипѣ и Акирѣ за два отдѣльных произведенія, въ Валуевск. сборн. 212. Грессе смѣшиваетъ Синагрипа съ Серендибомъ и называетъ наше сказаніе переводомъ «Трехъ Серендибскихъ царей», въ *Allgem. Literär-Gesch.* 2 Bd. 3, 978. 994.

Въ древнемъ своемъ видѣ, нашъ переводъ безъ сомнѣнія вѣрно передавалъ чужое сказаніе; онъ не лишился восточнаго колорита въ разсказѣ, но уже отразилъ вліяніе Русскихъ переписчиковъ и читателей. Мы уже говорили о томъ приноровленіи чужихъ сказаній къ своей національности, какое было очень обыкновенно въ средніе вѣка. Это несознательное желаніе усвоить собственной народности знаменитую личность или событіе, дѣйствовало незамѣтно, мало-по-малу, и конечно оставило безъ вниманія требованія исторіи или даже здраваго смысла. Въ одной Французской передѣлкѣ псевдо-Каллисена, Александръ на пути

къ Юпитеру-Аммону принимаетъ посольство Родосскихъ рыцарей, qui luy apportèrent les clefs et tributz de leurs provinces, et receut d'eux les foys et homages et furent bons amys; Испанскій поэтъ XIII-го вѣка, передѣлавшій ту же исторію, говорить, что Тетида для того, чтобы уберечь Ахиллеса отъ войны, скрыла его въ монастырѣ бенедиктинцевъ. Читатели не находили этого страннымъ, потому что въ подобныхъ измѣненіяхъ иногда былъ только вѣрный переводъ чужаго понятія на общеизвѣстный языкъ: называя служителей Фараона его *тмвунами* и т. п., Русскій передѣлыватель желалъ только выразиться яснѣе для читателя. Наставленія Гейкара Надану переданы нашимъ сказаніемъ въ особомъ поученіи, которое могло принадлежать и подлиннику, но скорѣе вставлено было при переводѣ; Греческая біографія Езопа сообщаетъ собственную мораль, собранную изъ стиховъ и изрѣченій Эалеса, Питтака, Софокла, Эврипида и особенно Менандра. Русское поученіе указано г. Востоковымъ и въ другихъ рукописяхъ, гдѣ оно помѣшалось отдѣльной статьей, напр. въ Румянц. рукописи Ветх. Зав. XV-го вѣка, № 27, гдѣ на л. 409 — 411 находится «поученик ѿ стѣх ѿ мѣжи христовлюбци внимайте глы всакомѣ наказанію отца свонго кже рече к сѣмъ свонмѣ», приведенное нами въ Отеч. Зап. 1855, № 2, и авторомъ статьи о древне-Русскихъ псевдонимахъ въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. 1855. 151—153. Это поученіе болѣе сходно съ поученіемъ древней редакціи нашего сказанія; поздніе списки значительно его интерполировали. Поученіе древняго списка повѣсти пространнѣе Румянц. статьи и представляетъ нѣсколько любопытныхъ афоризмовъ, напоминающихъ или общеизвѣстныя изрѣченія или пословицы. Акиръ учитъ Надана хранить царскую тайну — пусть она сгніетъ въ его сердцѣ, — уважать умъ въ человѣкѣ, не смѣяться надъ чужими недостатками, не завидовать чужому счастью, быть правдивымъ. «Чудо, говоритъ онъ, живи въ человѣкѣ исперва възлюбленъ будетъ и наконецъ въ смѣхъ будетъ и въ укоризнѣ бываетъ; лжива чловѣка рѣчь яко птича *шентанія* суть, и безумніи послушаютъ его» (въ Румянц. рукописи недостаетъ второй половины изрѣченія). «Сыну, продолжаетъ онъ, уне есть чловѣку добра смерть, нели золь животь; сыну, уне есть овча нога въ своєю руку, нели плече въ

въ чужей рупѣ, и ближнее овча уне есть, нели дальней волъ; уне есть единъ врабѣи, иже въ ручѣ держиши негли тысяща птича летяща по аеру; уне есть коноплянъ портъ, иже имѣеши, нели брачиненъ, его же не имѣеши» и пр. Такія изрѣченія варьируются и въ пословицахъ, напр. «не сули журавля на небѣ, дай синицу въ руки», или «не сули журавля въ годъ, а хоть синичку да въ ротъ» (Бусл.) или пословица *una avis in laqueo plus valet octo vagis* въ Латинскомъ «Рейнардѣ» XII-го столѣтія (*Grimm, Reinh. Fuchs xcij*). Румянц. рукопись не имѣетъ этихъ изрѣченій. Къ общимъ нравственнымъ правиламъ, высказаннымъ очень оригинально, Акиръ прибавляетъ и простыя житейскія наставленія: не ходи, говоритъ онъ Надану, на обѣдъ, непобывавши прежде у хозяина; когда много выпьешь, то поменьше говори, и прославьешь умнымъ чловѣкомъ; на пиру долго не сиди, чтобъ тебя не прогнали раньше твоего ухода. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, Акиръ указываетъ и собственную опытность: «золчи и горести вкушахъ и не бысь пуще убожества..., желѣзо и камень подъяхъ и легчи ми ся мнѣть, нежели мужави, вѣдущему законъ, тязатись со ближнимъ своимъ».

Румянц. поученіе (№ 27) сокращено изъ поученія Акира; что таково было его происхожденіе, можно убѣдиться изъ самой формы его: оно именно названо наставленіемъ сыну, въ срединѣ постоянно тѣже обращенія къ «чаду», и въ заключеніи его сказано — «снѣ и чадо мое, ѡже навчѣхъ та ѡ хѣвѣ Исѣ, — иже науочихъ та и прими и разоуди и еже ти будть на ползу», слова, не нужныя здѣсь, но очень естественныя въ поученіи Акира. Составъ этого поученія не ясенъ еще для насъ; но авторъ упомянутой статьи о псевдонимахъ напрасно, кажется, опредѣляетъ его обыкновенными сборниками изрѣченій Соломона, Сираха, Пчелой и др. Хотя сходство иногда и есть, въ общей сложности оно не велико и очень отдаленно. Сокращенный списокъ поученія находится также въ Румянц. сборникѣ XV — XVI вѣка, № 358, об. л. 309 — 312 подъ заглавіемъ «поученіе отъ святыхъ книгъ о чядѣхъ». Наставленія Акира напоминаютъ иногда Пчелу, напр. въ «Сказаніи о пчелѣ» читаемъ: «Мудры сыне, какъ будещи въ людехъ, не смѣйся, въ смѣсѣ бо безумнѣ кошуны, а въ безуміи сваръ, а въ сварѣ бой, а въ бою смерть и грѣхъ и мука

вѣчная.... Сыне, испусти друга своего, первымъ днемъ развѣрися съ нимъ, и аще не повѣдаеть тайны твоя, то дружися съ нимъ, аще ли явить тавву твою, то отвратися отъ него» (Рум. № 363, л. 676); почти тѣми же словами повторено это въ нѣкоторыхъ спискахъ нашего сказанія. Таковы же изрѣченія Даниила Заточника «мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а-безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти»...., «какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити», или Пчелы «якоже немочно во холщевѣ мѣхъ воды удержати, тако и въ клеветникѣ злыхъ словесъ» (Москва. 1843. 9, 153). Нельзя думать, чтобы здѣсь заимствованіе было на сторонѣ поученія Акирова; значительная древность сказки даетъ возможность скорѣе считать ее источникомъ; позднія редакціи могли быть передѣланы Русскимъ по книгамъ, какія у него были подъ руками, но старинная редакція была конечно независима отъ Русскихъ гномическихъ сборниковъ. — Немногое только въ поученіи сходно съ восточною моралью Арабской сказки; напр. Гейкаръ также учить На-дана, — «прежде чѣмъ отправиться въ путь, возьми свое оружіе; ты не знаешь, гдѣ встрѣтишься со врагомъ» — «лучше носить камни и подвергать себя тяжкой работѣ съ мудрымъ, чѣмъ наслаждаться драгоценными напитками съ глупцомъ» — «испытай сперва друга, котораго себѣ выбираешь, и тогда дружися съ нимъ» — «ослѣпленіе сердца въ тысячу разъ хуже, чѣмъ слѣпота очей». Вообще наша древняя форма сказанія очень важна для объясненія гномической литературы.

Позднѣйшая редакція отъ долгаго пребыванія на Русской почвѣ получила много Русскихъ примѣненій, но въ то же время и потеряла многія оригинальныя черты древняго текста, которыя становились уже непонятны для читателей. Поздняя редакція много короче древней и представляетъ уже новый пересказъ сюжета, такъ что въ очень немногихъ мѣстахъ удержалось буквальное соотвѣтствіе чтеній: многія мѣста выкинуты, собственныя имена испорчены. *Синагрипъ* предѣланъ въ Сенеграфа и Синографа; *Наливскій* т. е. Ниневійскій въ Алевитскій; царь *Адоровъ* (= Торъ, Ассуръ араб. текста) называется Азорскимъ, Авзорскимъ, Анвзорскимъ, Анивзорскимъ; жена Акира получила имя Феодулин; царскій служитель, которому поручецо

казнить Акира, названный в древнем списке (в араб. Абу-Сомейка, в биографии Ез. Гермиппа), именуется Анбугиломъ, тогда какъ в древнемъ текстѣ *Анабугиль* — отрокъ, которому поручилъ Акиръ стеречь наказаннаго Анадана; подъ тѣмъ же именемъ отиравается Акиръ въ Египетъ, между тѣмъ по древней редакціи онъ называется въ этомъ случаѣ *Обекамъ*, что сходно съ Абимакамомъ Арабской сказки; наконецъ Персидскій царь Акисъ, которому Наданъ послалъ подложное письмо, въ позднихъ епискахъ упоминается безъ имени, а въ древнемъ называется *Алонъ*. Поученіе Акира, неполно переданное и Румянц. спискомъ № 363, у Полеваго сокращено въ нѣсколько строкъ.

Въ концѣ Арабской сказки находится второе поученіе Гейкара, гдѣ онъ укоряетъ Надана въ его нравственномъ паденіи; поученіе составлено изъ афоризмовъ, подобныхъ предъидущимъ, и кромѣ того изъ басень и апологовъ, которыми доказывается, что человѣкъ злаго сердца не можетъ исправиться, и что злоба всегда бываетъ причиною его собственной гибели. Эти замѣчательные апологи, пропущенные въ Греческой биографіи, сохранены въ нашемъ древнемъ сказаніи; эти коротенькія басни очевидно принадлежатъ древнему восточному аполугу и стоять внимательнаго разбора; къ сожалѣнію мы не можемъ привести ихъ съ нѣкоторой полнотой, что показало бы ихъ отношеніе къ извѣстной теперь Арабской сказкѣ. — «Сынъ мой, говорилъ мудрецъ Анадану, ты поступилъ какъ змѣя, которая хотѣла уязвить иглу; и вмѣсто того жестоко укололаеь сама; ты поступилъ со мной, какъ тотъ человѣкъ, который пустилъ стрѣлу противъ неба, но стрѣла не долетѣвши обратилась на его собственную голову; ты похожъ на свинью, которая пошла мыться въ банѣ съ боярами, но предпочла банѣ первую лужу, встрѣтившуюся на дорогѣ. Сынъ мой, продолжалъ онъ, лежала на пескѣ сѣть; пришелъ заяцъ и спросилъ ее: «что ты тутъ дѣлаешь?» — Кланяюся Богу. «Что держишь ты въ устахъ своихъ?» — Укрухъ хлѣба, отвѣчала сѣть, Заяцъ прельстился на укрухъ хлѣба, но запутался въ тенетахъ, и сказалъ сѣти: «если этотъ укрухъ такой коварный, то Богъ никогда не приметъ твоего поклоненія» (оже укрухо-съ свце клюкавъ, то твоего кланянія не приемлетъ Богъ никели же). Сынъ мой, ты подобенъ котлу, къ которому

прикованы золотыя кольца, дно же его не избавится отъ черноты (сыну, былъ ми еси якоже котлу прикованъ золотъ колцѣ, а дну его не избыти черноты), и проч. Изъ всѣхъ этихъ апологовъ, поздніе списки удержали только басню объ яворѣ и о волченкѣ, отданномъ учиться грамотѣ. Этотъ послѣдній апологъ, котораго такъ доискивался Гриммъ въ восточныхъ литературахъ (Reinh. Fuchs *сclxxxij*), пользовался большою извѣстностью въ области Германскаго животнаго эпоса. На него намекаетъ средневѣковое Нѣмецкое стихотвореніе словами :

swaz man dem wolve sagen mac
pater noster durch den tac,
waen, er sprichet anders niht
niwan «lamp».

Въ Латинской редакціи Рейнгарта изъ половины XII вѣка *dimque docet amen, quasi graecum accentuat agne*. Сюжетъ аполога о волченкѣ, учившемся грамотѣ, развитъ былъ въ отдѣльное стихотвореніе *der wolf in der schuole*, гдѣ волченокъ въ отвѣтъ на всѣ вопросы учителя говоритъ только о кушаньяхъ, которыя ему нравятся (*Grimm* *ib.* 333—341 *ср. сѣсј, ссххј*).

Многія испорченныя мѣста позднихъ списковъ становятся понятны только по сравненію текстовъ. Такъ въ новыхъ спискахъ непонятна первая загадка Фараона о конѣ Ниневійскомъ, въ слѣдствіе которой Акиръ велѣлъ бить Египетскаго бога «Виктора» (Рум.), «они бо тогда безвѣрни быша», прибавляетъ Русскій передѣльватель; у Полеваго это мѣсто столько же темно, но Египетское божество называется «Дохра». Мы видѣли, какъ это рассказано въ Арабской сказкѣ; въ Греческой біографіи Езопъ, какъ и Гейкаръ, въ отвѣтъ на загадку царя Египетскаго велѣлъ своимъ рабамъ взять кошку (*αἰλουρος*) и бить ее; Египтяне бросились жаловаться царю, который сказалъ Езопу: «ты сдѣлалъ дурно, Езопъ; это — изображеніе богини Бибасты, которую Египтяне чрезвычайно почитаютъ» (*Vesterm.* 50). Эта богиня, которую сравниваютъ съ Артемидой, по Египетской мифологіи была дочерью Изиды и Озириса; священнымъ животнымъ ея была кошка, подъ видомъ которой изображалась и сама богиня. Въ нашемъ древнемъ текстѣ Акиръ даетъ тоже приказаніе своимъ отрокамъ: «*иже дохорь (= дѣхорь) живъ, принесете ми, — и*

и отроци шедше яша дъхорь живъ, и принесоша ко мнѣ и рекохъ имъ: *бѣте, донелъже египетская земля слышитъ*», и Египтяне жаловались фараону, что Акирь «предъ нашими очима нашимъ богомъ посмѣяся, предъ нашимъ жертвищемъ потворы дѣять», и пр. Слѣдовательно *дъхорь* здѣсь также принимается за божество и позднѣйшій переписчикъ, не повнимавшій этого слова, легко могъ передѣлать его въ собственное имя — Дохра, и спутать вмѣстѣ съ тѣмъ другія подробности. Имя бога Виктора составилось конечно такимъ же образомъ. Въ этомъ разказѣ наша редакція вмѣстѣ съ Греческой біографіей удержала черту древняго подлинника, уже ненаходящуюся въ текстѣ Габихта. — По старинному списку, Акирь наказываетъ Анадана тѣмъ, что велѣлъ заковать его въ желѣзные ужи и далъ ему по хребту 1000 ранъ и по чреву 1000 ранъ т. е. ударовъ; выслушавъ послѣднее поученіе Акира, «той часъ надувся Анаданъ аки кнея и *пересъдесъ* на поль». Этого обстоятельства вовсе неупомянуто въ новыхъ спискахъ; за то въ нихъ есть другія вставки: освобожденный Акирь идетъ отыскивать свою жену и находить ее въ рабствѣ у Анадана, стерегущею верблюжье стадо; прибавлено также разсужденіе фараона съ придворными о томъ, что нужно взять дань съ Ассирійскаго царя.

Вообще новая редакція гораздо болѣе приноровлена къ Русской жизни. Акирь учитъ сына грамотѣ *Русской*, Алевитской и пр. (въ древн. спискѣ просто «всякой грамотѣ»); освободившись изъ заключенія, онъ идетъ *въ банехъ паритися*; у него своя дружина — *отроки*; царя фараона окружаютъ *посадники*; въ поученіи говорится, вѣроятно пословицею, «добро сытому у *великаго князя* обѣда ждать, также и праведному смертнаго часу ждать», тогда какъ обыкновенно упоминаются цари; Анбугилъ, говоря съ Синографомъ, называетъ себя уменьшительно Анбугилецъ по старинному Русскому обычаю, какъ *Федорецъ*, *Иванецъ* и т. п. Замѣтимъ еще передѣлки: по древнему списку, Акирь говоритъ, что пѣтухъ, которому дъхорь отгрызъ голову, будилъ его самого — «убужахся и идяхъ предъ свои князь»; по Рум. рукописи, это былъ «куръ златъ, пѣлъ рано, а будилъ нашего царя къ *застренью*». Въ позднѣйшихъ спискахъ, напр. *Погодинскомъ*, Акирь остерегаетъ сына отъ тѣхъ же пороковъ, какіе

Максимъ Грекъ, авторъ Домостроя и другіе наши моралисты XVI — XVII в. осуждали въ своихъ современникахъ.

Египетъ постоянно называется *градомъ*, въ такомъ же смыслѣ *градъ Алмеитъ*; это значеніе слова градъ встрѣчается и въ другихъ старыхъ памятникахъ; въ сказкахъ нашихъ, на оборотъ, подъ *царствомъ* понимается не рѣдко городъ, столица. Языкъ новыхъ редакцій получилъ отчасти народный складъ или въ составѣ предложенія или въ отдѣльныхъ фразахъ: поговорка «пѣнію время и молитвѣ часть», которою Акиръ отвѣчаетъ Авбугилу, встрѣчается уже въ Златой Чѣпѣ XVI вѣка (Калач. Арх. 2, 2, стр. 194) и сходна съ фразой царя Алексѣя Михайловича, написанной на Урядникѣ сокольничья пути; слова Акира въ послѣднемъ поученіи «сыну, иже ркли суть въ повѣстехъ, оже родивше то сыномъ звать, а еже скотъ даявше, то холопомъ звать» переданы въ Рум. списокѣ совершенной пословицей «не роженъ — не сынъ, не окупленъ — не холопъ, не вскормя себѣ ворога не видать», которая и теперь повторяется съ вариантами — «не купленъ — не слуга, а не рожденъ — не дитя» или «не срощенное — не дитя, не кунленное — не слуга» (*Снегур.*, Рус. въ Посл. 3, 86. Архив. 2, 2, 192). Витье веревокъ изъ песку, заданное фараономъ Акиру, извѣстно въ нашихъ народныхъ повѣрьяхъ какъ трудная задача, которою пользуются чародѣи (Абев. рус. сув. 1786. 315); Гриммъ приводитъ древнее изрѣченіе *ex sandi sima vinda, or dali diupom grand um grafa = ex arena fivem nectere, vallem suffodere* (Reinh. xxv); «изъ песку веревки вить» говорилось также пословицей на лат. и греч. языкѣ *ex arena fivem efficere, ἐξ ἄμμου σχομίον πλέσαι*.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ вариантовъ новой редакціи представляютъ тѣ мѣста сказанія, гдѣ выводится Египетскій посолъ Елътега. Онъ всегда называется грознымъ посломъ, какъ другіе послы въ нашихъ сказкахъ и былинахъ, а «грозенъ посолъ, по объясненію Чулкова, значитъ то, что въ старину рѣдко посылали пословъ, какъ только для объявленія войны, причемъ обыкновенно употребляли ругательныя слова и угрозы» (Рус. Ск. 1780. 1, 18). Елътега кромѣ того употребляетъ и насилия, одинаково описанныя въ спискахъ Полеваго (стр. 59), Румянновскомъ и Погодиномъ. Ни Арабскій текстъ, ни наша

древняя редакція вовсе не говорятъ о послѣ фараона; слѣдовательно, Русскій передѣлыватель, вставляя это лицо, долженъ былъ изображать его тѣми красками, какія находилъ въ своей дѣйствительности. Акиръ, отправляясь посломъ въ Египетъ, поступаетъ также, какъ дѣлалъ и въ царствѣ Синографа Египетскій посолъ; такимъ образомъ черты посла повторяются какъ постоянныя, эпическія (ср. Полев. стр. 62. Др. Р. Стих. стр. 35 о Щелканѣ). Елътега не упомянуть въ древнемъ спискѣ, но вставленъ, безъ сомнѣнія, очень давно, потому что рассказъ о немъ находится въ спискахъ, хотя и позднихъ, но независимыхъ одинъ отъ другаго. Древнѣйшая рукопись нашего сказанія принадлежала XIV-XV вѣку, но самое произведеніе еще старѣе и относится по этому ко времени сильнѣйшаго развитія Татарскаго владычества; характеръ грознаго посла тѣмъ болѣе напоминаетъ Татарскую эпоху: въ XIII же столѣтіи самое имя Елътеги становится современностью, потому что именно о такомъ лицѣ, вельможѣ Батыѣ, упоминаютъ наши лѣтописи (Кар., изд. 6-е 4, 36. пр. 42).

Мы уже замѣтили, что новые списки почти совершенно отступаютъ отъ чтенія рукописи XV вѣка; потому они представляютъ очень немного данныхъ о первоначальномъ текстѣ. Древняя редакція принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ памятниковъ старой письменности. Рукопись 6-ки Моск. Общества есть Русскій списокъ, въ которомъ однако сохранились нѣкоторыя особенности Южнославянскаго подлинника; формы языка, отдѣльныя слова и обороты указываютъ на древность произведенія, быть можетъ современную Слову о полку Игоревѣ. Въ изложеніи уцѣлѣли слѣды и Греческаго перевода Арабской сказки, по которому эта послѣдняя стала извѣстна въ литературахъ южно-Славянскихъ. Нѣкоторыя фразы, напр. обращеніе къ царю во время разговора «царю, въ вѣкы живи», ведутъ свое начало можетъ быть отъ Арабскаго подлинника; другія отзываются грецизмами, напр. письмо Акира къ Персидскому царю открывается обыкновенной Греческой формулой: «Синагрипа царя книжникъ и свѣтникъ (азъ) Акиръ Перскому царю Алону радоватись» т. е. χαίρειν какъ въ биографіи Езопа — Νεχτηναβὸ βασιλεὺς Αἰγυπτίων Λυκούργω βασιλεῖ Βαβυλωνίων

*

χαίρειν; мальчики, летавшіе на орлахъ, кричали Египетскимъ работникамъ — «понесите каменіе и керемиду» греч. κεραμίς, — ίδος, κεραμίτις слово употребленное также въ переводѣ Малалы (Врем. 9, xxxviii.) и въ старинной повѣсти о Царѣградѣ (Срезн. 40.). Не указываемъ другихъ переводовъ съ Греческаго, въ родѣ «всяко ти прошеніе створю, а еже о чадѣ то не проси у мене», потому что подобныя обороты уже давно вошли въ нашъ литературный языкъ того времени. Не говоря о правописаніи въ текстѣ XV вѣка, иныя слова указываютъ на южно-Славянскую редакцію, предшествовавшую Русской передѣлкѣ; таково Греческое слово *книшнаръ*, κεντηναριον centenarium, librae centum (Ducange, Glossar. Gr.) въ южно-Славянскомъ видѣ, и другія.

Кромѣ указаній въ языкѣ повѣсти, литературно-историческіе факты также подтверждаютъ существованіе Греческаго перевода сказки изъ Тысячи и одной ночи. Важное свидѣтельство объ этомъ составляетъ апокрифическая статья въ Румянц. списокѣ Златоуста № 181, относящемся къ 1523 г.; статья озаглавлена «чю^а стго Николы ѿ Синагрипи цри» на об. л. 308 ◀ 309, начин. «в таже лѣта поиде црь Синагрипъ на бра̂ и бы̂ на мори востапа вѣтри велици ѿ оуже кораблю разбитиса» и пр. Акиръ названъ здѣсь *рядцей* Синагрипа — «бы̂ оу него радца ѿмене» 'Акиръ прем'ръ ѿ хрт'анъ» — т. е. σύμβουλος что въ древнемъ списокѣ повѣсти переведено «свѣтникъ». Статья въ рукописи зачеркнута и кажется давно, иныя слова трудно разобрать; впрочемъ содержаніе очень темно и по испорченности чтенія и потому что въ рукописи недостаетъ листовъ. Статья безъ сомнѣнія Греческая, что видно изъ ея характера и языка, и слѣдовательно предполагаетъ Греческій переводъ Синагрипа, потому что только извѣстность этой сказки могла дать поводъ къ составленію апокрифа. На этомъ основаніи можно, по нашему мнѣнію, опредѣлить и то, какимъ образомъ Греческая біографія Езопъ относится къ разсказу Тысячи и одной ночи: Византійскій компиляторъ біографіи увлекся эффектною послѣдвгю и вставилъ его въ жизнеописаніе національнаго мудреца, не заботясь о невѣроятностяхъ историческихъ. Такимъ образомъ наше сказаніе о Синагрипѣ прибавляетъ къ исторіи Тысячи и одной ночи новый фактъ, неизвѣстный ея изслѣдователямъ, и

указываетъ еще одно произведеніе Византійской литературы, взятое изъ сказочныхъ сокровищъ Востока вмѣстѣ съ баснями Бидпая, сказаніемъ о Семи мудрецахъ и др.

Въ томъ же сборникѣ, гдѣ находился древнѣйшій списокъ Синагрипа, помѣщено было другое замѣчательное произведеніе «Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита». Сказаніе о Синагрипѣ знакомило нашихъ читателей съ областью Восточнаго вымысла; и характеръ и развитіе сюжета отражали въ себѣ обыкновенныя свойства Восточной поэзіи; Девгеніево житіе напротивъ было уже эпосомъ Европейскимъ, въ немъ литература наша получила Византійскій героическій романъ, произведеніе другого тона и съ другими красками. Карамзинъ называлъ это произведеніе старинной Русской сказкой, сочиненной въ XII-XIII вѣкѣ, но потомъ призналъ его не Русскимъ сочиненіемъ: это былъ такой-же переводъ или передѣлка, какъ повѣсть о Синагрипѣ. Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ передаетъ заглавіе повѣсти иначе; въ первомъ изданіи Слова о полку Игоревѣ статьи рукописи озаглавлены такимъ образомъ — «6 Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человекъ о брѣзости, о силѣ и о храбрости, 7 сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ, 8 аще думно есь слышати о свадьбѣ (sic) Девгѣевѣ и о всѣхъшениі Стратиговѣ», но изъ пересказа содержанія повѣсти у Карамзина видно, что это были не заглавія отдѣльныхъ статей, а только названія главъ самой исторіи; слѣдовательно настоящимъ именемъ ея было то, которое мы привели выше. Единственное свидѣніе о древнемъ списокѣ повѣсти оставлено Карамзинымъ (2, пр. 333. 3, пр. 272). Дѣяніе Девгеніево, говоритъ онъ, изображаетъ богатырство трехъ сыновей одной набожной вдовы и племянника ихъ Девгенія, дѣйствіе происходитъ въ Греческой землѣ; сочиненіе не богато стихотворными вымыслами: храбрецы бьютъ людей какъ мухъ и сѣкутъ головы тысячами. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ повѣсти: «Стъ Амера на сумежіи Грецкой земли и рече: боярство мое великое, сынове аравитѣсти! имѣете ли дрѣзость на гречкую землю, противу тѣ силѣ плки поставити? И единъ аравитянинъ велегласно рче... устны у него пяди; на конецъ устенъ висяху многы жуковины, и по конецъ носа 12 замка замчена». О Девгеніи сказано — «двѣнадцати лѣтъ мечемъ

играетъ, а на 13 лѣто копиемъ, а на 14 лѣто похушается всякыи звѣрь побѣдити»; онъ ѣдетъ къ славной красавицѣ Стратиговнѣ, играетъ подъ окнами ея на серебряныхъ гусляхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: «кажи ми отца своего и братію, каковы суть? И начя дѣва ему глаголати: на отца моему брони златы и шеломи златъ съ каменіемъ драгимъ и жемчюгомъ сажень, а конь у него покрытъ паволокою зеленою; а братія моя суть въ сребреныхъ бронехъ, только шеломи златы, а кони у нихъ чръленою паволокою покрыты». Побѣдивъ отца и братьевъ Стратиговны, Девгеній говоритъ имъ: «азъ старости твоя дѣла пожалую дамъ ти свободу, и сыномъ твоимъ; только знаменіе свое хошу възложить на васъ.... И бѣ на Стратигъ златъ крестъ прадѣда его многоцѣненъ, и у сыновъ его жуковины многоцѣнны съ драгимъ каменіемъ; то взя у нихъ за знаменія мѣсто». Онъ женится на Стратиговнѣ, и отецъ ея предлагаетъ ему дары—«пода Стратигъ своему зятю 30 фаревъ (ковей), а покрыты драгими паволоками, а сѣдла и узды златомъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и соколовъ 30 съ крмилици своими, и дасть ему кожуховъ 50, сухымъ златомъ шиты, и паволокъ великихъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ весь златомъ: вмѣшахуса во нь многы тисуца вои, и ужица бяху шатра того шолькова, а колца сребрена; и подасть ему вкону злату св. Феодоръ, и копіа 4 аравитская, и мечъ дасть прадѣда своего. А теща подасть ему драгихъ паволокъ зеленыхъ 30, кожуховъ 20, сухымъ златомъ шитыхъ съ драгимъ каменемъ и съ жемчюгомъ; пръвый шуринъ уноша подасть ему 50 поясовъ златокowanychъ, и ина шурья даша ему многы дары, имъ же нѣсть числа». Это замѣчательное произведеніе до сихъ поръ оставалось неизвѣстно по другимъ источникамъ; оно не было упомянуто ни въ одномъ описаніи нашихъ рукописныхъ собраній. Намъ удалось встрѣтить довольно поздній списокъ этой повѣсти въ Погодинскомъ сборникѣ Публ. б-ки, отмѣченномъ по описи № 1773 и принадлежащемъ XVII—XVIII вѣку. Здѣсь повѣсть помѣщена на обор. л. 342—361 подъ заглавіемъ «Деланіе прѣжнихъ временъ и храбрыхъ члвкъ, ѿ дерзости и ѿ храбрости и ѿ бѣдрости, прекраснаго Девгеніа» (начин. «бѣ нѣкая вдова царска роду» и пр.). Сарацинскій или Аравит-

скій царь Амиръ влюбился въ дочь одной набожной вдовы царскаго рода въ землѣ Греческой; онъ собралъ войско и пошелъ «пакости творити въ Греческой землѣ для ради красоты дѣвицы тоя», похитилъ дѣвушку и скрылся. Вдова посылаетъ трехъ сыновей въ погоню; «идите вы, сказала она имъ, и угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своея не возмете, и вы и сами тамо главы своя положте». Братья снарядились и бросились за Амиромъ какъ ястребы златокрылатые; на границѣ земли Аравитской они встрѣтили стражу Амира и начали бить ее, «яко добрые косцы траву косити». Приѣхавши потомъ къ стану царя, братья подняли на копьѣ царскій шатеръ, и Амиръ предложилъ имъ бросить жребій, кому изъ нихъ достанется биться съ нимъ за сестру ихъ; три раза былъ брошенъ жребій и каждый разъ приходилось меньшему брату, потому что онъ родился вмѣстѣ съ сестрой. Амиръ былъ побѣжденъ на поединкѣ, но соглашался принять истинную вѣру, если братья отдадутъ ему сестру свою. Братья спросили ее, какъ жила она у царя Амира: я рассказала ему о вашей храбрости, отвѣчала она, и онъ не велѣлъ никому входить въ мой шатеръ, велѣлъ сродникамъ скрыть мое лицо, и разъ въ мѣсяцъ приѣзжалъ посмотреть на меня издадека; но если Амиръ крестится, то не нужно вамъ зятя лучше его, потому что онъ и славою славенъ, и силою силенъ, и мудростію мудръ, и богатствомъ богатъ. Братья согласились и Амиръ, собравши множество сокровищъ, отказался отъ своего царства и уѣхалъ въ землю Греческую; свадьбу отпраздновали великолѣпнымъ пиромъ. Между тѣмъ мать Амира услышала о его отступничествѣ и послала трехъ Сарацинянъ на волшебныхъ коняхъ, вывести Амира изъ Греческой земли; въ тоже время царица Амира царя видѣла зловѣщій сонъ; призваны были волхвы, книжники и *фарисеи* и объяснили, что за Амиромъ присланы гонцы изъ Аравитской земли. Гонцы дѣйствительно были найдены въ тайномъ мѣстѣ за городомъ; ихъ крестили, а волшебные кони были отданы тремъ братьямъ-богатырямъ. Черезъ нѣсколько времени у Амира родился сынъ; его назвали Акритомъ, а въ крещеніи дали ему имя: прекрасный Девгеній. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ; на тринадцатомъ году онъ уже готовился

къ воинскимъ потѣхамъ, «самъ же юноша красенъ велми, лице же его яко свѣтъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велми великии яко чаши». Однажды, когда отецъ выѣхалъ съ нимъ на охоту, Девгеній изумилъ его и всѣхъ спутниковъ неустрашимостью своей въ борьбѣ съ дикими звѣрями; тутъ же убилъ онъ четырехглаваго змія и съ тѣхъ поръ сталъ думать о ратныхъ дѣлахъ. Сначала побѣждаетъ онъ Филипата, — который называется въ Погодинской рукописи: «Филипъ-папа», — и воинственную дочь его Максиміану, которые хотѣли вѣроломно завлечь его къ себѣ; побѣжденный Филипата сказалъ Девгенію, что есть на свѣтѣ витязъ храбрѣе и сильнѣе Девгенія, Стратигъ, съ четырьмя сыновьями и дочерью Стратигиной, которая имѣетъ мужскую дерзость и храбрость и которой напрасно добивались многіе цари и короли. За такое извѣстіе Девгеній обѣщалъ отпустить Филипата — «только возложу знаменіе на лице твое протчаго ради времени», — но хотѣлъ сперва увѣриться въ справедливости его словъ; сдавъ Филипата отцу, а Максиміану матери своей, Девгеній отправился на новыя подвиги, несмотря на всѣ увѣщанія Амира. Погодинская рукопись прерывается на описаніи похищенья Стратигиной; мы уже видѣли изъ выписокъ Карамзина, что Девгеній побѣдилъ и Стратига, и женился на славной красавицѣ. — Очевидно, что подобный разсказъ не могъ принадлежать Русскому или южно-Славянскому сочинителю, которому было бы странно выбирать такой сюжетъ. Дѣйствующія лица и мѣсто событій принадлежатъ землѣ Греческой, одно изъ главныхъ оснований повѣсти — противоположность Греческой земли съ Сарацинскою; характеромъ своимъ «Девгеніево Дѣяніе» указываетъ на Греческое произведеніе, относящееся къ темному въ Византійской литературѣ отдѣлу повѣстей и сказаній о герояхъ и богатыряхъ; его легко можно сравнить съ тѣми полуфантастическими исторіями, которыя порождены были крестовыми походами и странствованіями западныхъ рыцарей, и которыя составляютъ въ западныхъ литературахъ отдѣльный эпосъ Византійско-Палестинскій. Для Греціи противоборство восточнымъ завоевателямъ наступило гораздо равнѣе, и какъ въ памятникахъ западныхъ отражалась эпоха столкновенія запада съ востокомъ, ожесточенная

борьба съ невѣрными, романтическіе эпизоды далекихъ странствованій, — такъ подобныя мотивы существовали и для Византійской литературы. Впрочемъ памятники Византійскіе, обязанные своимъ происхожденіемъ этому историческому факту, извѣстны очень мало; къ нимъ именно причисляется и прототипъ Девгеніева Дѣянія, доказывающаго съ своей стороны давнипній переходъ къ намъ произведеній повѣствовательной Византійской литературы. Изложенію приданъ вообще поэтической колоритъ; сравненія, эпитеты, уподобленія и гиперболы встрѣчаются безпрестанно; повѣсть вѣроятно нравилась стариннымъ читателямъ, потому что нѣкоторыми подробностями очень похожа на наши сказки. Въстѣ съ сказаніемъ о Синагрипѣ, эта повѣсть дѣйствительно могла относиться къ XII — XIII вѣку, и появилась у насъ также чрезъ южно-Славянскій переводъ, слѣды котораго можно замѣтить на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: «сухое» злато — обыкновенный до сихъ поръ эпитетъ Сербской народной поэзіи; «тисуца» своимъ образованіемъ принадлежитъ южно-Славянскимъ нарѣчіямъ; слово «фарь» встрѣчается также въ исторіи Александра и въ сказкѣ о Синагрипѣ, иногда въ формѣ «фарижъ», и происходитъ отъ средне-Латинскаго *фарас*, также *фаръс*, *фаріон* по Дюканжу *equus arabicus... passim pro quovis equo praesertim generoso*, — или средне-Лат. *farius* (ср. Иват. 56, 162, *фаревъникъ* 170.). Погодинскій списокъ довольно далекъ отъ того вида повѣсти, какой имѣла она въ древнемъ спискѣ или въ подлинникѣ — несомнѣнное доказательство того, что повѣсть переписывалась нерѣдко и вообще была извѣстна охотникамъ до сказочнаго чтенія. Рѣдкость ея въ рукописяхъ должна быть поэтому объяснена той случайностью, которая господствуетъ надъ произведеніями литературы писанной. Но сравнивая немногія тожественныя строки у Карамзина и въ спискѣ Погодинскомъ, можно повидимому вывести заключеніе, что Дѣяніе Девгеніево не было переименовано до такой степени какъ сказка о Синагрипѣ, и въ позднемъ видѣ своемъ сохранила болѣе древняго если не въ языкѣ, то въ изложеніи сюжета.

Наконецъ, въ потерянномъ сборникѣ гр. Мусина-Пушкина находилось «Сказаніе о Индіи богатой» или извѣстное письмо пресвитера Іоанна къ Греческому императору Мануилу, въ свое

время знаменитое во всей Европѣ. Въ XII столѣтіи или еще раньше въ западной Европѣ начали говорить о существованіи сильнаго христіанскаго государства въ Азіи, которымъ управлялъ царь и вмѣстѣ священникъ Іоаннъ (Presbyter Johannes). Извѣстное сперва по темнымъ слухамъ и преданьямъ, имя это появилось и въ сочиненіяхъ путешественниковъ, напр. у Платона Карпини, Рубруквиса, Монте-Корвино и другихъ, которые съ увѣренностью говорили о загадочномъ пресвитерѣ; но извѣстія ихъ противорѣчили одно другому и понятія о неизвѣстномъ царствѣ запутывались болѣе и болѣе. Преданье впрочемъ сохранялось, и имя пресвитера Іоанна вошло въ народныя легенды: извѣстные три царя, отправляясь съ востока въ Визелемъ, поручали будто бы Іоанну управленіе своими Индѣйскими царствами (Simrock's Volksb. 4,456.); существованіе его подтверждалось письмами, которыя писалъ онъ къ Греческому императору, къ Фридриху Барбаруссу и др. о чудесахъ своего царства; Мандевилъ рассказывалъ о немъ въ своемъ сказочномъ путешествіи. Личность пресвитера Іоанна представлялась въ самыхъ смутныхъ чертахъ, но не подвергалась сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что хотѣли вѣрить невѣроятнымъ чудесамъ, которыя находились будто въ его странѣ. Его считали или Татарскимъ ханомъ, принявшимъ христіанство, или Индѣйскимъ царемъ и восточнымъ патриархомъ, дѣлали его главою сказочныхъ рахманъ, о которыхъ говорила исторія Александра; позднѣе его перенесли въ Абиссинію, гдѣ путешественники описывали что-то подобное христіанскому царству Іоанна. Между бумагами Кенигсбергскаго архива Карамзинъ нашелъ письмо одного великаго магистра Нѣмецкаго ордена, отъ 1407 г. 20 Января, къ царю Абассійскому или священнику Іоанну (Regi Abassiae sive presbytero Johanni); такимъ образомъ, смѣшивая Абиссинію и Абассію, его искали даже у Абхазовъ (Кар. 3, пр. 282.).

Древнее Русское «сказаніе о Индіи богатой» или письмо Іоанна къ Греческому императору Мануилу (Эммануилу Комнену), рассказываетъ по словамъ Карамзина, что Іоанну повинуются въ Индіи 72 царя, что въ его странахъ рождаются *потамы* — полчеловѣка и полпса, *урши* или медвѣди, фениксы, рыбы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ и сатиры; что люди тамъ не лгутъ,

потому что отъ всякой лжи блѣднѣютъ какъ мертвецы; что улицы намошены драгоценными камнями и пр. (Кар. 3, пр. 272). Позднѣйшія космографіи также упоминали объ этомъ царствѣ, помѣщая его въ Абиссиніи; въ Румянц. космографіи XVII в. № 380 на л. 90 разсказывается, что «кравество попа Яна — земля великая, пространна, на мысу великаго моря, вѣра же въ ней евангилицкая и еретическая; толико жъ горды имѣютъ нравы — аще пріѣзжіе гости... не учнетъ вѣры вѣровать, и они у нихъ на главахъ положить бумажны шлыки, зажигаютъ, и оттого згораютъ; изобилно же плодомъ и всякимъ богата». Сказаніе объ Индіи сохранилось у насъ въ позднихъ спискахъ и вѣроятно много передѣлано.

Списки: — Толст. 2. 104 Публ. Б-ки XVII. Q. 65. Сборн. XVII вѣка л. 494 — 497 «сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и о всѣхъ чудесѣхъ его, великомъ». Къ сожалѣнію, мы неимѣли случая просматривать этой рукописи.

— Ундольскаго, въ сборникѣ XVII в. (Времен. кн. 14).

— Тихонравова, въ скорописномъ сборникѣ XVII в., небольшого формата, гдѣ на 7 листкахъ помѣщено сказаніе «о Индѣйскомъ царствѣ», которое начинается такимъ образомъ: «Царь Мануилъ Греческій послалъ своего посла ко царю Ивану Индѣйскому и посла къ нему дары многи и повелѣ въпросити о величествѣ силы его и о царствѣ его и о всѣхъ чудесѣхъ его Индѣйской земли. И дошедъ посолъ земли Индѣйскія, и далъ дары царю Ивану и повелѣнная ему нача глаголати. Прия царь дары и рече царь Иванъ послу: рцы царю своему Мануилу — аще хочещи увѣдать мою силу и вся чудеса моего царства, продаи все свое царство и приди ко мнѣ самъ, и послужи мнѣ, и поставлю тя у себя слугою вторымъ или третьимъ, и паки возвратишися во свою землю. Да будещи ты (мене) десетерипцею свѣше, аще восхощещи писать царства моего, и ты со всѣми книжники своими не можещи исписати моего царства до исхода души твоей, и ни твоего царства не станеть, и тебя съ харатьею, на чемъ мое царство исписати, занеже негдѣ тобѣ моего царства земли писати и всѣхъ чудесъ. Азъ бо есмь до обѣда патріархъ, а послѣ обѣда царь, а царь есмь надъ тремя тысящами цари и шестью сотъ, а поборникъ есмь по православной вѣрѣ Христовой, а царства моего итти на

едину страну 10 мѣсець, а на иную страну не вѣдаю и самъ, гдѣ небо и земля соткнулась» и т. д.

— Полеваго, «Сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и великомъ и пресловущемъ государствѣ, и о всѣхъ чудесахъ земли тоя Индѣйскія: сколь велика земля; и сколько какихъ чудесъ и узорочій, и каковы въ ней люди и языцы, и каковы въ ней звѣри, и каковы въ ней птицы» напечат. въ Моск. Телегр. 1825 10, 93 — 105; списокъ очень поздній, и вѣроятно неточный.

Litterae presbyteri Johannis ad Constantinopolitanum imperatorem напечат. въ *Moshemi* Hist. Tartar. eccles. Helmst. 1741, app. p. 29—33 изъ *Assemani* Bibl. Orient. t. 3. p. 2. c. 9. p. cccxc sq. Новѣйшія изслѣдованія: *Ritter* Erdkunde 2, 2, 1, 283 ff. *Neander* Kirchengesch. 5, 1, 59 ff. (*Grässe*, Lit.-Gesch. 2, 2, 767 ff.). *Семеновъ*, Землевѣдѣніе Азіи. СПб. 1856. I, 679—700.

Таковы памятники, уцѣлѣвшіе отъ древней эпохи нашей словесности; большею частью мы не имѣемъ средствъ точнѣе опредѣлить ихъ литературныя отношенія т. е. время и обстоятельства перевода, побужденія, руководившія тогдашними писателями и пр. Какъ заключительный фазъ этого періода является самобытное произведеніе высокаго поэтическаго достоинства; мы понимаемъ Слово о полку Игоревѣ. Ни одинъ изъ памятниковъ нашей старины не подвергался столько разъ толкованіямъ, не былъ столько разъ подводимъ подъ разныя точки зрѣнія, какъ это Слово; если до сихъ поръ оно остается темнымъ по нѣкоторымъ отношеніямъ, виною тому прежде всего испорченность извѣстнаго текста, не дающая понимать его ближайшаго значенія, и неизвѣстность самого періода литературнаго, которому оно принадлежитъ, — неизвѣстность, за которой оставалась необъясненною возможность подобнаго явленія въ ту отдаленную пору. Это произведеніе замѣчательно не тѣмъ только, что въ немъ разсѣяно много истинно-поэтическихъ представленій, и не тѣмъ, что въ немъ обильною струей проходятъ образы народной поэзіи: если въ немъ много народнаго начала, то столько же, если не болѣе, частнаго авторскаго труда, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи Слово до сихъ поръ не находитъ основательной оцѣнки. Не имѣя теперь намѣренія опредѣлить его съ этой стороны, что потребовало бы специальнаго изслѣдованія, мы упомянемъ

только о мифіяхъ автора недавно напечатанныхъ и еще не конченыхъ «Замѣчаній на Слово о полку Игоревѣ», гдѣ въ первый разъ и очень оригинально выражена мысль, что сочинитель Слова вообще былъ ученый писатель своего времени, и что въ частности, относительно своего предмета, онъ глубоко изучилъ Гомера и Эврипида, и что наконецъ одна изъ главныхъ основъ поэмы — сближеніе Русскихъ событій съ *Троянскими* сказаніями, ходившими тогда по всей Европѣ. Знакомство съ Гомеромъ авторъ «Замѣчаній» объясняетъ, отчасти противъ общепринятыхъ мифій, значительною извѣстностію Гомера въ западной и восточной Европѣ и вліяніемъ свѣтской литературы Византійской на Русскую въ XI — XII столѣтіяхъ. Главныя положенія свои онъ излагаетъ такимъ образомъ: «...Единство, являющееся въ литературномъ направленіи XII столѣтія между всѣми современными писателями Восточной имперіи, Германіи, Франціи и Русскимъ пѣвцомъ, а также и общее стремленіе къ изученію Троянскихъ сказаній и соединеніе исторіи новѣйшихъ Европейскихъ племенъ съ древними родами, сильно подтверждають въ историческомъ отношеніи подлинность Слова о полку Игоревѣ и современность его съ событіемъ, въ ономъ изложенномъ. Но ни въ одномъ памятникѣ стремленіе это не представляется съ той силой, какъ въ сей пѣснѣ. Вездѣ видны слѣды учености и подражанія Латинскимъ родословіямъ. Въ пѣснѣ же сей воспоминанія про древніе роды являются съ характеромъ народности и полного убѣжденія. Весьма замѣтно, что пѣвецъ Игоревъ самъ вѣритъ и говоритъ людямъ вѣрящимъ и его понимающимъ». На основаніи этого, авторъ относитъ къ Троянскимъ сказаніямъ всѣ мѣста въ Словѣ, гдѣ упоминается имя Трояна, и другія темныя выраженія, объясняетъ имя *Бояна* Гомеромъ (какъ Гомеръ по преимуществу ποιητής роѣта безъ придачи собственнаго имени, такъ *боянь* вообще поэтъ по этимологическому значенію слова); *тропу* трояню — возвратомъ троянскимъ (τροπή); *дъву*-обиду, вступившую на землю даждь-божа внука, — Елепой; все это подтверждаетъ онъ многочисленными сличеніями съ писателями Греческими и другими, и постоянно открываетъ въ сочинителѣ Слова глубокое изученіе Троянскаго эпоса (Времен. кн. 11, 17). Вообще мысль о связи Слова о полку Игоревѣ съ Троянскими

сказаніями доведена авторомъ до такой крайности, что каждый безпристрастный изслѣдователь усомнится въ его гипотезахъ. Текстъ дошелъ до насъ въ такомъ испорченномъ видѣ, что полагаться на него не всегда можно, особенно при такихъ выводахъ; нѣтъ сомнѣнія, что въ текстѣ есть и пропуски и совершенное искаженіе подлинника. Далѣе, всѣ тѣ мѣста, гдѣ авторъ «Замѣчаній» видитъ слѣды Троянскаго мифа, составляютъ опору весьма непрочную: извѣстность Гомера у насъ очень сомнительна и нуждается въ доказательствахъ, несмотря на слова Ипатьевской лѣтописи и переводчика посланія Леонта къ Флавіану, да и самое имя *Троянь* по формѣ своей никакъ не можетъ быть отнесено къ Троѣ, отъ которой у насъ были только два прилаг. «Троиский» и «Трояньский», а смягченное окончаніе прилаг. указываетъ именно на Трояна (или Траяна). Другіе въ этомъ послѣднемъ случаѣ едва ли не справедливѣе вспоминаютъ о царѣ Троянѣ, играющемъ роль въ преданьяхъ южно-Славянскихъ; у Сербовъ имя Трояна пользуется особенной любовью. Всего естественнѣе находить здѣсь намеки не на Троянскую исторію, а на какія-то народныя преданья, теперь неизвѣстныя, но конечно не имѣющія отношенія къ Троянскимъ сказаніямъ. Мнѣнія автора «Замѣчаній» любопытны и имѣютъ свою цѣну въ томъ только отношеніи, что предполагаютъ въ сочинителѣ Слова не простаго подражателя народному эпосу, а писателя самобытнаго, имѣвшаго свой выборъ сюжета и изложенія. Сочинитель Слова опредѣляетъ себя такимъ образомъ въ самомъ началѣ своего произведенія: въ первыхъ словахъ пѣсни говорится именно о манерѣ, формѣ, приличной его предмету, и это самое показываетъ, что для него былъ возможенъ подобный выборъ. Въ обезображенномъ видѣ Слова, какой мы знаемъ теперь, можно однако видѣть, что здѣсь съ начала до конца господствуетъ одна авторская мысль, развиваемая литературнымъ образомъ; Слово о полку Игоревѣ представляетъ въ нашей старинной письменности примѣръ такого же героическаго эпоса, какимъ обладала Германская средневѣковая литература, т. е. эпоса, уже возвысившагося надъ уровнемъ народной словесности устной до замѣчательной по своимъ достоинствамъ литературной обработки. Если явленія литературы обыкновенно совершаются въ

известной постепенности, имѣютъ свои причины и слѣдствія, то легко прийти къ заключенію, что подобный памятникъ едва ли могъ образоваться такъ уединенно, какъ представляется намъ теперь. Ему предшествовало известное литературное развитіе, и оно сдѣлало возможнымъ появленіе такого факта; это предыдущее развитіе указало тѣ пути, которымъ могъ слѣдовать авторъ стариннаго эпоса: съ одной стороны передъ нимъ лежали богатые запасы народной поэзіи, — онъ ими и воспользовался значительно, — съ другой произведенія письменной литературы, вѣроятно не оставшіяся безъ вліянія на его форму. Указанныя нами прежде произведенія даютъ нѣкоторое понятіе объ этой литературной эпохѣ, и хотя мы не знаемъ всего объема древней повѣсти, но можемъ догадываться, что она составляла замѣтное звѣно въ тогдашней письменности и имѣла свою долю участія въ образованіи такого памятника, какъ Слово о полку Игоревѣ.

III.

«Слово о кунцѣ Басаргѣ», Русская старинная повѣсть. — Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ. — Сказки о Соломонѣ: Нѣмецкая средне-вѣковая поэма о Морольфѣ, сказаніе о Китоврасѣ, суды царя Соломона, Сербскія сказки. — Слово о двѣнадцати снахъ Мамери царя.

Повѣсти, къ которымъ переходимъ теперь, по большей части имѣли тѣснѣйшую связь съ народною словесностью, чѣмъ прежніе переводы Византійскихъ сказаній. Правда, и эти повѣсти не были прямо заимствованы изъ народной жизни, но онѣ увлекали читателей и отчасти измѣнялись въ своемъ характерѣ отъ сближенія съ образами народной поэзіи. Одна изъ нихъ принадлежитъ, если не ошибаемся, Русскому сочинителю, и любопытна какъ примѣръ того, какимъ образомъ старинные повѣствователи понимали и выполняли требованія тогдашней повѣсти. Всѣ другія были чужаго происхожденія, но на Русской почвѣ стали въ нѣкоторыя новыя отношенія.

Первая повѣсть рассказываетъ, почти во всѣхъ спискахъ одинаково, исторію Кіевского гостя Басарги и его сына, котораго звали Борзосмысломъ или Мудросмысломъ. Однажды силь-

ная буря застала ихъ на морѣ и принесла къ неизвѣстному городу; имъ правилъ нечестивый царь Смiанъ или Несмѣянъ, всѣхъ обращавшій изъ христіанства въ свою Еллинскую вѣру. Царь обѣщаль позволить купцу торговать безданно-безпошлинно въ своемъ царствѣ, обѣщаль даже отпустить потомъ Басаргу на родину съ дарами и проводниками, если только онъ приметъ его вѣру или отгадаетъ три загадки. Басарга пришелъ въ уныніе — онъ видѣлъ триста тридцать кораблей, хозяева которыхъ, не исполнившіе требованій Несмѣяна, томились въ темницахъ, и ожидалъ такойже участи себѣ. Семилѣтній сынъ извѣщаетъ Басаргу отъ гибели: по истеченіи срока, когда купецъ долженъ былъ отвѣтить на вопросы царя, они оба являются передъ Несмѣяномъ; дитя отгадываетъ первую засаду; на другой день царь собираетъ *ипатовъ* и *тироновъ*, князей и бояръ, чтобы они видѣли дивную мудрость семилѣтняго ребенка, и послѣдній снова отгадываетъ загадку. На слѣдующій день, приготавливаясь рѣшать третью загадку, ребенокъ потребовалъ, чтобы царь далъ ему свое одѣяніе и посадилъ его на своемъ престолѣ, чтобы весь народъ могъ его слышать и видѣть. Несмѣянъ согласился и Борзосмыслъ, вошедши на престолъ, спросилъ народъ, въ кого онъ вѣруеть, и когда всѣ признали себя христіанами, онъ отрубилъ голову нечестивому Несмѣяну; народъ призналъ мудраго ребенка своимъ царемъ, заключенные купцы были освобождены, патриархъ возвращенъ изъ заточенія и христіанская вѣра утверждена. Борзосмыслъ женился на обратившейся дочери Несмѣяна и правилъ царствомъ до конца жизни.

Содержаніе, какъ видно, довольно общее; рассказъ, можетъ быть извѣстный намъ и не въ первоначальной формѣ, обличаетъ книжные приемы средняго періода литературы до-Петровской; въ языкѣ замѣтны иногда слѣды народной рѣчи. По сюжету ее можно счесть и передѣлкой чужаго рассказа, но скорѣе она была Русскимъ сочиненіемъ, на что и указываютъ собственныя имена дѣйствующихъ лицъ. Въ одномъ изъ Румянцовскихъ списковъ повѣсти, находится даже варіантъ — что сынъ Кіевлянина Басарги, сдѣлавшійся царемъ неизвѣстнаго города, «по преставленіи своемъ приказа царство свое правити брату своему

Кирьяку Димитріевичю, а старѣйшинство приказа дядѣ своему Василью Кудрявому», — что впрочемъ могло быть прибавлено и послѣ. Карамзинъ, передавая содержаніе сказки (7, 229—230. пр. 411), называлъ ее Русскимъ сочиненіемъ и относилъ къ XV—XVI вѣку, но не высказалъ основаній своей догадки; Полевой, напротивъ, считаетъ повѣсть о Басаргѣ только Русскою передѣлкою; Снегиревъ приводитъ только мнѣніе Карамзина (Вал. Сб. 213). Нѣкоторыя подробности, дѣйствительно, какъ будто намекаютъ на чужой подлинникъ сказанія; во всѣхъ спискахъ повѣсти упоминаются «ипаты» (или неправ. «и попы») и «тироны» въ числѣ вельможъ, взятые съ средне-Греческихъ ἵππατος и τίρων или τήρων, Лат. tyro (*Ducange Gloss.*),—а въ Румянц. списокѣ № 380 дѣйствіе даже происходитъ въ Антіохіи: но, имя Антіохіи принадлежитъ одному только списку, излишнее же употребленіе Греческихъ словъ, было литературной манерой, въ которой находили тогда особенную красоту слога. Такія же ненужныя Греческія слова встрѣчаются въ сочиненіяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Русскимъ книжникамъ; не собирая многихъ примѣровъ, укажемъ только на автора Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, который говоритъ между прочимъ: «безбожный царь Мамай.... нача глаголати ко своимъ *оупатомъ* и княземъ и оуланомъ», Олегъ пишетъ къ Литовскому князю — «азъ же жду твоего *послисаря*» т. е. поклисаря; «сказываютъ, есть въ вотчинѣ его *калугерь* именемъ Сергія, но святъ и прозорливъ велми» и т. п. (Р. Ист. Сб. 3, кн. 1. 3, 5, 31). Большая простота содержанія не позволяетъ думать, чтобы наша повѣсть была передѣлкой какого нибудь Византійскаго сказанія; напротивъ, по незатѣйливости ее скорѣе можно считать произведеніемъ Русскаго грамотѣя. Главные мотивы ея — торжество истинной вѣры и препирательство загадками, были совершенно въ духъ времени и могли быть употреблены Русскимъ сочинителемъ. Притомъ и вопросы Несмѣяна не отличаются большой хитростью: «много ли тово или мало отъ востоку и до западу, скажи ми!» спрашиваетъ отъ Борзосмысла, и тотъ отвѣчаетъ: «тово, царю, ни мало ни много, день съ ношю, сонце придетъ весь кругъ небесныи, и отъ востоку и до западу единымъ днемъ, а ношю единою сонце пройдетъ отъ сѣвера до юга». Другая

пов.

7

загадка: «что днемъ десятая часть въ міру убываетъ, а ноцію десятая часть въ міръ прибываетъ?» на что отрокъ говоритъ: «то, царю, днемъ десятая часть солнцемъ воды усыхаетъ изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а ноцію десятая часть въ міръ прибываетъ, ино та часть воды исполняется, занеже солнцу зашелшу и не сіяюшу». Въ отвѣтъ на послѣднюю загадку, отрокъ убиваетъ нечестиваго царя и утверждаетъ истинную вѣру. Загадка составляетъ одинъ изъ существенныхъ пріемовъ народной поэзіи и тѣмъ легче могла быть введена Русскимъ сочинителемъ, что таже роль дана ей въ древнихъ переводныхъ повѣстяхъ. Вообще въ построеніи повѣсти можно замѣчать вліяніе образцовъ, какіе находилъ сочинитель въ тогдашней письменности: загадки встрѣчаются и въ Греческихъ сказаніяхъ, Александріи, сказкѣ о Синагрипѣ и другихъ, которыя были безъ сомнѣнія хорошо извѣстны нашему сочинителю; въ нихъ замѣтны и легендарныя стремленія, которыхъ нельзя не видѣть въ Словѣ о Басаргѣ. Представленіе мудраго семилѣтняго ребенка, который ѣздитъ верхомъ на палочкѣ, буквально сходно съ тѣмъ, какъ одна Сербская сказка рисуетъ «Премудраго» т. е. Соломона. Одинъ человекъ, желая получить совѣтъ отъ Премудраго, пришелъ на Соломоновъ дворъ; — «онда га узме један слуга, те га уведе у двор па пружи руку на једно дијете, које бјеше узјахало на штап на трче по двору: Ено оно је Премудри. — Чоек се зачуди, па помисли у себи: Шта ће оно дијете мени знати казати!».... (Вук, Прип. 194). Впрочемъ, это мотивъ общезвѣстный: Французская народная книга рассказываетъ о мудромъ ребенкѣ трехъ лѣтъ, которому задавалъ трудные вопросы императоръ Адрианъ (*Nisard, Hist. des livres populaires ou de la littérature du colportage, Paris 1854, 2, 16 — 19*); точно также въ Монгольской сказкѣ о мальчикѣ, скакавшемъ безъ сѣдла на черномъ быкѣ, мудрый ребенокъ своими отвѣтами удивляетъ опытнаго наставника (*St. Petersburg. Ztg. 1849, № 79*). Замѣтимъ наконецъ, что въ списокѣ, которымъ пользовался Карамзинъ, повѣсть является рассказомъ самаго купца, тогда какъ въ другихъ спискахъ этого нѣтъ. Личное имя Басарги встрѣчается иногда въ старину, напр. Тихонъ Басарга, архим. 1500 г. (Опис. Рум. Муз. 76). Число списковъ повѣсти довольно значительно.

— Румянц. № 370 миниатюрный сборн. XVII в. л. 60 — 114 «Сказаніе о Дмитріѣ о купцѣ», начин. «бысть нѣкто купецъ именемъ Дмитріи, въ Кіевѣ градѣ живаше» — короткая редакція; — № 378 сборн. XVII в. л. 332 — 346 «Слово о Дмитріѣ купцѣ зовомомъ пореклу Басаргѣ, Кіевленинѣ, и о мудромъ и о благоразумномъ сынѣ его, о отрочати добромудромъ-смыслѣ», начин. «бысть нѣкто купецъ богатъ зѣло въ русскои земли во градѣ Кіевѣ, именемъ зовомъ Дмитріи Басарга» — редакція пространная; — № 380 сборн. XVII в. л. 466—475 «Слово о Дмитріи купцѣ Босаргѣ», нач. «бысть нѣкии купецъ Дмитріи Басарга, женижеса въ русскои земли, во градѣ Кіевѣ» и пр.

— Толст. 2. 140 Публ. Б-ки XVII. Q. 22 сборникъ XVII — XVIII в. л. 638—651 «Слово о Дмитреѣ купцѣ и о мудрыхъ словесехъ сына его Борвосмысла сказаніе».

— Погодин. сборн. повѣстей и сказокъ XVII — XVIII в., въ Публ. Б-кѣ, по описи № 1772 л. 203 — 212 «Слово о Дмитріи купцѣ града Кіева, прозваніемъ Басарга, и о мудрыхъ словесехъ сына его», нач. «бысть нѣкии купецъ именемъ Дмитреи, богатъ, живя въ русскои земли, во градѣ Кіевѣ»....

— Полеваго, списокъ напечат. въ Р. Вѣстникѣ 1842. 1, 65 — 75 «повѣсть о Басаргѣ купцѣ».

— Ундольскаго, въ сборникѣ сказокъ (Врем. кн. 14) — «о Дмитреѣ Басаргѣ и о сынѣ его отрочатѣ седми лѣтъ», нач. «Дмитрей Басарга гостьбу дѣяше».

— Въ Русск. сборн. конца XVII в. Дрезденской Б-ки, л. 61—70 «Слово о Дмитреѣ купцѣ» и пр. (С. Строевъ, Оп. пам. Сл.-русск. литер. М. 1841, стр. 66).

Сказка «о Вавилонскомъ царствѣ» встрѣчается въ рукописяхъ XVII-го и XVI-го столѣтій, и рассказываетъ о томъ, какъ Левъ, царь Греческій, посылалъ въ Вавилонъ трехъ пословъ, выбранныхъ изъ трехъ народовъ—Грека, Обезянина и Русина или Словенина. Послы благополучно избѣжали опасностей, грозившихъ имъ въ дорогѣ, прибыли въ Вавилонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ чудовищнымъ змѣемъ, нашли тамъ много древнихъ драгоценностей и возвратились съ ними къ царю. Вывезенныя ими сокровища состояли изъ различныхъ царскихъ одеждъ и украшеній, которыя и были представлены ими царю Лѣву. Въ этомъ состоитъ основа разсказа; впрочемъ разные

списки передаютъ его съ значительными вариантами, дополняютъ посторонними подробностями, такъ что вообще составляетъ довольно неясное цѣлое. Въ одномъ спискѣ повѣсти, которымъ пользовался г. Буслаевъ (О послов., 47 — 49), второй посолъ царя Льва названъ *Обжениномъ*, и на основаніи этого имени г. Буслаевъ сближалъ сказку съ извѣстной притчей объ Обрахъ; но всѣ рукописи, какія намъ случалось пересматривать, приводятъ это имя въ формѣ *Обежаницъ*, которая прямо относится къ «Обезамъ» древней нашей лѣтописи т. е. Абхамамъ, и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ сравненія съ Польскимъ *obrzum*, *olbrzum* и Обрами. Сказка не была безъ сомнѣнія Русскимъ народнымъ произведеніемъ: неважное мѣсто, какое дается въ ней Русскому началу, достаточно на это указываетъ; главное дѣйствующее лицо ея — Греческій императоръ; содержаніе сказки принадлежитъ къ кругу апокрифическихъ преданій, главнымъ источникомъ которыхъ служила у насъ литература Византийская. Въ основѣ сказки было Греческое произведеніе, вѣроятно нѣсколько развитое и дополненное Русскими передѣльвателями, которые, можетъ быть, и сдѣлали Русина участникомъ событія; что касается до Обеза или Обежанина, онъ легко могъ попасть въ Греческое сказаніе, потому что Абхазія, какъ страна христіанская, издавна знакома была Византіи; Греческій первообразъ нашей сказки видѣнъ и въ томъ, что конецъ ея сводится къ возвеличенію Греческаго царя. Но въ послѣдствіи она была связана и съ преданьями Русскими; нѣкоторые списки, по поводу царскихъ украшеній, вывезенныхъ будто изъ Вавилона, вспоминаютъ и Мономахову шапку, которая должна была находиться въ числѣ этихъ драгоценностей. Въ рукописяхъ XVI—XVII-го вѣка встрѣчается «Сказаніе о великихъ князѣхъ Владимирскихъ», гдѣ передается баснословная исторія о томъ, какимъ образомъ императоръ Константинъ Мономахъ прислалъ Владимиру, князю Русскому, вѣнецъ царскій, и кромѣ того «*крабійцу* сердоличну, изъ нея же Августъ царь Римскій веселяшеса, и *ожерелье*, иже на плещу своею ношаше, и *чльъ* отъ злата Аравійска исковану, и ины многи дары царскія». И эта исторія и сказка о Вавилонскомъ царствѣ и его сокровищахъ, легко могли быть приведены въ извѣстную аналогію; потому что объ заключали раз-

сказъ о царскихъ вѣнцахъ и украшеніяхъ, наслѣдственно переходившихъ сперва изъ Вавилона въ Византію, потомъ изъ Византіи на Русь: это сближеніе было совершенно въ духѣ баснословныхъ повѣстей изъ древней Русской исторіи, появившихся у насъ въ средневѣковую эпоху, когда наши книжники познакомились съ сказочными лѣтописцами Польскими и начали производить Москву отъ Мосоха, выводить Рюрика изъ Прусь, вставлять въ нашу исторію Александра Македонскаго и кесаря Августа. Но только въ это время сказка о Вавилонскомъ царствѣ была дополнена такимъ образомъ; а въ первоначальномъ своемъ видѣ она была ближе къ чистому апокрифу. Впрочемъ, дальнѣйшее опредѣленіе ея должно быть сдѣлано по многимъ спискамъ различныхъ редакцій, потому что она въ разныхъ текстахъ передается очень несходно. Списки ея встрѣчаются нерѣдко въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ.

— Отрывокъ изъ нея, по рук. XVII вѣка, приведенъ былъ г. Буслевымъ въ статьѣ о пословицахъ, Арх. Калач. 2, 2, 47—49.

— Румянц. № 374 новый списокъ, на л. 207—215 «Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о змѣи и о царскомъ вѣнцѣ и о багряницы и о святыхъ отрокахъ и о виссонѣ и о боряницѣ сердоликовой и о иныхъ многихъ вещехъ вавилонскихъ, сія рече (=сирѣчь) и о *намаховѣ* шапочки и о царской порфирѣ и о царскомъ ожелельцѣ».—приведенъ нами вполнѣ въ Извѣст. 3, 313—320. Мономахова шапка не упомянута однако въ самомъ текстѣ.

— Царск. № 382 сборн. конца XVI в. л. 210—214 «Слово о святыхъ трехъ отроцѣхъ Ананьи и Азарьи и Мисаила», нач. «посланіе отъ Улева царя, во крещеніи нареченнаго Василія, иже посла въ Вавилонъ испытати»; — № 743 сборн. 1602 года, л. 340—343 «о Вавилонѣ сказаніе и о трехъ отроцехъ», начин. «посланіе отъ Вогуя царя, а во крещеніи Василія»; — № 401 сборн. XVII в. л. 218—224 «Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ Ананія, Азарія, Мисаила, и о змѣяхъ како лежатъ кругъ града Вавилона, и како ходили три мужа», нач. «въ Вавилонѣ былъ первый царь Насоръ и покры кровлю всю желѣзомъ», — вѣроятно особая редакція.

— Толст. 2. 229 Публ. Б-ки XVII. Q. 82 полууст. сборникъ XVII вѣка, л. 57—61 «Слово о Вавилонѣ и о трехъ от-

роцѣхъ, Ашаньи, Азарьи, Мисанла», начин. «Посланіе отъ Іевуа царя», и дагѣ такъ же.

— Забѣлина, въ рукописи XVII в. № 75 «О запусеніи Вавилона града и о зміихъ лютыхъ, и како посла царь греческій трехъ мужей въ Вавилонъ градъ», — очень любопытная редакція сказки, безъ конца, которою мы, къ сожалѣнію, не имѣли случая пользоваться.

— Ундольскаго, въ сборн. XVII вѣка «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ, о царѣ Аксерѣ и о Новходеносорѣ царѣ и о царѣ Васильѣ», нач. «бысть въ вавилонскомъ царствѣ».

— Въ упомянутомъ сборникѣ Дрезденской Б-ки л. 56 — 61 «Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ и о трехъ отрокахъ» (*С. Строевъ*, Оп. пам. стр. 66). Вѣроятно тоже «о Вавилонѣ сказаніе» въ Макаріевскихъ Минеехъ подъ 17 дек.

Сказаніе о великихъ князехъ Владимірскихъ напечатано, неполнѣ, въ Древ. Росс. Вивл. изд. 2, 7. 1 — 4: «о поставленіи великихъ князей російскихъ на великое княженіе святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ, откуда бѣ, и како начаша ставитися», — и рассказано по списку XVI-го вѣка у Карамзина 2, пр. 220. Оно внесено въ Воскресенскую и Царственную лѣтопись, встрѣчается также отдѣльною статьей въ сборникахъ и хронографахъ, напр. — *Румянц.* хронографъ № 459 л. 525 — 530 «Сказаніе о великихъ князехъ владимерскихъ великія Росіи», начин. «отъ исторія Ханаонова» и пр.; — *Публ. Б-ки IV. F. 238* сборн. Дубровскаго, XVI в., об. л. 450 — 453 съ тѣмъ же заглавіемъ; — *Толст.* 3. 68 Публ. Б-ки IV. О. 21 сборн. XVII в. л. 350 — 364 также; — *Царск.* № 402 сборникъ XVII вѣка, обор. л. 2 — 8.

Переходимъ теперь къ цѣлому ряду повѣстей о царѣ Соломонѣ, которому уже восточныя сказанія придаютъ поэтической колоритъ. Столько же извѣстно было имя его и на западѣ, гдѣ въ различныхъ преданьяхъ сохранялась память о его мудрости, если не всегда вѣрно исторической истинѣ, то по крайней мѣрѣ сообразно народнымъ понятіямъ. Иногда впрочемъ эти сказанія развивали сюжеты другаго рода, относя къ Соломону посторонніе мнѣя; но и здѣсь не терялась мысль о первоначальномъ характерѣ лица и рассказъ долженъ былъ примыкать къ той же основн ой темѣ. Старая наша письменность не была чужда этихъ поэтическихъ преданій; инья изъ нихъ стоятъ въ тѣснѣйшей

связи съ народной поэзіей стараго времени и любопытны для насъ, какъ факты ея столько бѣдной исторіи. Большая часть старинныхъ повѣстей нашихъ получили начало книжнымъ путемъ и постоянно оставались тѣмъ, что называютъ *Volksbuch*, *livre populaire* т. е. хотя и хорошо знакомымъ народу, но все таки книжнымъ произведеніемъ, не имѣющимъ существеннаго мѣста въ его воображеніи. Таковы были Александрія и другія сказанія, которыя пользовались значительною извѣстностью, что легко видѣть изъ множества списковъ и разнообразія редакцій. Повѣсти о Соломонѣ по своему началу подходятъ подъ тѣже условія; онѣ не были самобытнымъ произведеніемъ Русской фантазіи, но, или по имени главнаго лица, или по содержанию, которое понятнѣе было народному вкусу, они получили другое значеніе въ глазахъ читателей и стали достояніемъ спеціальной народной литературы. Замѣчательная въ этомъ отношеніи повѣсть находится въ Румянц. сборникѣ XVII вѣка № 363 на л. 418 — 438 и называется «повѣсть царя Давида и сына его Соломана и о ихъ премудрости» (нач. «бысть у царя Давида три дѣвцы»); въ нѣсколько разъ упомянутомъ сборникѣ г. Ундольскаго такъ же помѣщена вѣроятно та же «повѣсть о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ и о ихъ премудрости», нач. такъ же. Повѣсть, довольно обширная по объему, дѣлится по содержанию на два независимые разсказа: одинъ передаетъ исторію дѣтства и странствованій Соломона; другой, начиная съ возвращенія его къ Давиду, заключаетъ споръ его съ царемъ Поромъ и побѣду Соломона. Дѣленіе это очень замѣтно въ извѣстномъ намъ Румянц. списокѣ, такъ что каждую часть можно принять за отдѣльное цѣлое. Не вдаваясь въ подробности содержанія, мы обозначимъ только отношеніе нашей повѣсти къ другимъ произведеніямъ, съ которыми она имѣетъ много общаго.

Въ средневѣковыхъ литературахъ, особенно въ Нѣмецкой, было очень распространено произведеніе, заключавшее исторію Соломона и Морольфа или Маркольфа (*Magculphus*, *Marcolph*, *Morgolff*, *Morolt*, *Marcoul*, *Marcon* etc.). Впрочемъ въ Нѣмецкой литературѣ подъ именемъ *Salomon und Morolff* извѣстны были два произведенія, совершенно различныя. Одно изъ нихъ появилось очень давно, и въ Латинской редакціи упоминается уже въ V

вѣкъ, въ индексѣ папы Геласія: *scriptura, quae appellatur Contradictio Salomonis*, ароссупа (*Fabricii Codex pseudep. V. T. 1, 1055. ed. 1713—23*); оно упоминается и въ послѣдствіи. Латинская редакція вышла въ свѣтъ между первыми напечатанными книгами; давно составились и Нѣмецкіе переводы. Во Французской передѣлкѣ собственное имя Соломона было даже приурочено къ національному герою *Salemon li quens de Bretagne*; извѣстны потомъ Англосаксонскій, Датскій, Шведскій и пр. переводы; изъ Нѣмецкой литературы эта редакція Соломона и Маркольфа перешла наконецъ въ Чешскую и Польскую. Но особенное сочувствіе нашла эта исторія въ Италиі, гдѣ, измѣнивъ собственные имена лицъ, она сдѣлалась любимымъ народнымъ романомъ. Мѣсто Соломона занялъ царь Лонгобардскій Альбоинъ, вмѣсто Маркольфа является національный мудрецъ Бертольдо, который достигъ такой славы, что ему придумали даже сына Бертольдино и внука, и каждый изъ нихъ получилъ особенную исторію. — Главная мысль этой первой редакціи Соломона и Морольфа есть споръ о мудрости, тема очень обыкновенная въ восточныхъ сказаньяхъ: славному и мудрому царю противопоставляется грубый, уродливый Маркольфъ, который остроумно разрѣшаетъ всѣ трудные вопросы царя и нерѣдко удивляетъ его своими оригинальными выходками. Послѣ діалоговъ о разныхъ предметахъ жизни, особенно о характерѣ, добродѣтеляхъ и недостаткахъ женщинъ, исторія говоритъ о томъ, какъ царь началъ преслѣдовать Морольфа за его рѣзкія истины, и какъ послѣдній всегда умѣлъ избѣгать опасностей и оставаться цѣлымъ и невредимымъ.

Подробности и указанія о Морольфѣ — *Grässe, Sagenkreise 466 ff.*, — *Liebrecht's Dunlop 328, 503, 511*. Одна передѣлка исторіи Бертольдо была переведена и у насъ: «Италянскій Езопъ, или сатирическое повѣствованіе о Бертолдѣ, содержащее въ себѣ удивительныя съ нимъ приключенія и остроумныя выдумки» 2-е изд. Спб. 1782. 8.

Не здѣсь однако любопытная для насъ сторона преданья о Морольфѣ. Въ Нѣмецкой стихотворной передѣлкѣ, изданной Гагеномъ (*V. d. Hagen u. Büsching, Deutsche Gedichte d. Mittelalt. Berlin 1808, 44 — 64*), исторія, послѣ спасенія Морольфа отъ

висьлицы, имѣеть продолженіе, ст. 1605 — 1876, неизвѣстное въ Латинскихъ текстахъ. Это окончаніе разительно отличается отъ предыдущаго: Морольфъ уже не грубый поселянинъ, а умный и хитрый придворный Соломона, ловко исполняющій самыя опасныя порученія царя. Самое содержаніе не имѣеть ничего общаго съ первымъ Морольфомъ, и оно-то развивается въ другомъ обширнѣйшемъ произведеніи, очень сходномъ во многихъ чертахъ со второй половиной нашей повѣсти о Соломонѣ (*V. d. Hagen und Büsching* ib. 1—43). Издатель стихотворенія думалъ найти въ немъ общія стороны съ первымъ Морольфомъ, хотя и сознавался, что во второмъ Морольфѣ есть что-то «чуждое». Гриммъ, въ критической статьѣ по поводу изданія Ф.-д.-Гагена (*Heidelb. Jahrb. d. Liter.* 1809. V abth. 2, 162 — 164, 249 — 257), опредѣлилъ оба стихотворенія совершенно иначе: приписавъ первому стихотворенію чисто восточное, и именно Еврейское происхожденіе, онъ рѣзко отдѣлилъ отъ него второе, сюжетъ котораго и вся обстановка принадлежитъ по его мнѣнію не востоку, а средневѣковой Европѣ. Приводя здѣсь мнѣніе Гримма, замѣтимъ, что это второе стихотвореніе (*Hagen* 1—43) соотвѣтствуетъ второй половинѣ Румянц. повѣсти, тогда какъ первая часть этой послѣдней совершенно своеобразна и, кажется, не имѣеть ничего подобнаго въ средневѣковой Нѣмецкой литературѣ. Передавая сходныя приключенія, иногда съ тѣми же подробностями, Русскій и Нѣмецкій рассказъ имѣють и значительную разницу: въ Нѣмецкой поэмѣ сюжетъ развивается гораздо обширнѣе и подробнѣе, — быть можетъ потому, что здѣсь участвовало авторство Нѣмецкаго зингера, — и представляетъ притомъ два событія, хотя и одинаковыя; между тѣмъ въ нашей повѣсти рассказывается только одно. Другое несходство, кромѣ мелкихъ подробностей, заключается въ именахъ: Морольфъ, хитрый помощникъ Соломона, замѣняется безыменнымъ посланникомъ; Фараонъ и Привціанъ, соперники Соломона по Нѣмецкой поэмѣ, оба замѣнены въ Русской повѣсти царемъ Индѣйскимъ Поромъ; исполнитель казни у Пора названъ Пилатомъ — «пошлю язъ тебя къ немилостивому Пилату и велю съ тебя голову снять», говоритъ Поръ Соломону. Гриммъ думаетъ впрочемъ, что собственныя имена въ Нѣмецкомъ сти-

хотвореніи явились случайно и потому неважны; кромѣ того, и онъ и Гагенъ признають, что стихотвореніе или основа его древнѣе той рукописи XV вѣка, гдѣ оно было найдено. Обстановка его вполне рыцарская, напоминающая эпоху крестовыхъ походовъ: Соломонъ есть глава христіанства, какъ Римскій императоръ; герои его — Морольфъ и храмовые рыцари, сражающіеся противъ невѣрныхъ; рассказы о странствіяхъ Соломона и его сподвижниковъ указываютъ на извѣстность Средиземнаго моря, Wendelsee, во время походовъ крестовыхъ рыцарей.

Имена Морольфа, Соломона, Иерусалима, говоритъ Гриммъ, не принадлежатъ собственно сагѣ и вставлены въ послѣдствіи; совершенно отличный характеръ Морольфа не позволяетъ находить связь между двумя разными произведеніями этого имени. Восточное происхожденіе втораго Морольфа, которое принялъ Гагенъ, въ такой же степени несовмѣстно съ его содержаніемъ. Саги о хитрыхъ похищеньяхъ, преодѣваньяхъ и избавленьяхъ, нерѣдки въ древне-Нѣмецкой поэзіи, а стихотвореніе о Морольфѣ составлено изъ такихъ приключеній; если можно въ немъ видѣть заимствованіе съ востока, это заимствованіе должно быть отнесено къ до-историческому родству съ востокомъ, которое здѣсь конечно окажется неумѣстнымъ. Во всемъ стихотвореніи рѣзко выдается противоположность христіанскаго міра съ невѣрными, какъ основная черта содержанія, и ей трудно было явиться въ сюжетѣ, заимствованномъ съ востока. Напротивъ, многіе имена и предметы прямо относятся къ Германіи, напр. герцогъ Фридрихъ, deutsche harfen, deutsche fechten и т. п., или же напоминаютъ другія Нѣмецкія поэмы, каковы Ротеръ, Отнить и другія. Наконецъ въ Морольфѣ встрѣчаются общіе эпическіе обороты древне-Нѣмецкой поэзіи и отдѣльныя выраженія, указывающія на эпическія представленія Нибелунговъ и вовсе не похожія на манеру придворныхъ поэтовъ. Морольфъ принадлежитъ именно къ тому разряду произведеній, который отвергали они какъ простонародный. Изъ всего этого Гриммъ заключаетъ, что такъ называемая вторая часть Морольфа т. е. сходная съ послѣдней половиной Русской повѣсти, состоитъ изъ очень древнихъ *Нѣмецкихъ* сагъ, и несмотря на вставленные позднѣе имена, такъ же стара и національна, какъ саги въ Книгѣ героевъ

(Heldenbuch); въ цѣломъ, пѣсня о Морольфѣ стоитъ пожалуй нѣсколько ниже ихъ, но скорѣе по содержанію, нежели по представленію, которое всегда живо и полно интереса....

Наша повѣсть стоитъ слѣдовательно въ связи съ древне-Нѣмецкими народными сказаньями. Въ ней самой элементы народно-поэтическіе видны гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ, и это достаточно показываетъ, что она образовалась особымъ путемъ. Основанная сначала на чужомъ преданіи, она развивалась и измѣнялась не только въ слѣдствіе книжныхъ редакцій, но болѣе произволомъ устной передачи. Измѣнившись такимъ образомъ она была записана, и записанный видъ ея представляетъ по этому не первобытную форму преданья, а форму, уже испытавшую вліяніе народныхъ воззрѣній. Но какимъ образомъ объясняется въ этой повѣсти — мы опять говоримъ о второй половинѣ Румянц. текста — имя Соломона? Такъ какъ оно и у насъ и въ Нѣмецкой поэмѣ соединено съ одними приключеніями, то и не могло быть чистою случайностью, какъ думалъ Як. Гриммъ. Независимо отъ содержанія, оно могло появиться въ нашей повѣсти изъ Нѣмецкаго преданья, или обратно, такъ чтобы одно становилось источникомъ другому. Въ противномъ случаѣ, надобно предположить существованіе третьяго, болѣе первобытнаго преданья, которое служило источникомъ и Русскаго и Нѣмецкаго разсказа; тогда случайность имени Соломона уничтожается очевиднымъ образомъ. Случайность могла развѣ быть въ имени Морольфа, потому что это лицо, во первыхъ, не названо или названо иначе въ Русской повѣсти; во вторыхъ, въ Нѣмецкой поэмѣ Морольфъ-придворный далеко не похожъ на поселянину Морольфа, грубаго и уродливаго соперника Соломона по мудрости.

Мнѣніе Гримма объясняетъ въ этомъ случаѣ только разнородность двухъ Нѣмецкихъ сказаній о Морольфѣ, но не доказываетъ Нѣмецкаго происхожденія втораго Морольфа. Сближенія Гагена дѣйствительно невѣрны; но путь соединенія этихъ преданій могъ быть другой, хотя въ законченномъ видѣ своемъ онѣ и не имѣютъ общаго между собою. Чисто-національныя эпическія формы втораго Морольфа Гриммъ объяснялъ Германскимъ происхожденіемъ поэмы, а Германское начало привело

его къ мысли о случайности именъ Соломона и Морольфа. Но эпическія формы т. е. эпическая внѣшность еще не отвергаетъ чужого происхожденія самаго сюжета и въ такомъ случаѣ, если подобные сюжеты встрѣчаются въ самобытныхъ національныхъ произведеніяхъ; такая обработка формы доказываетъ только, что преданіе рано перешло въ народную словесность. Такъ было вѣроятно и съ Морольфомъ; вспомнимъ, что многія частности стихотворенія указываютъ прямо на Германію временъ феодализма и крестовыхъ походовъ. Противоположность міра христіанскаго съ языческимъ, по словамъ Гримма, не могла найти мѣста въ преданіи не Германскомъ, а заимствованномъ съ востока; замѣтимъ однако, что преданье могло быть заимствовано и не прямо съ востока, а въ посредственномъ, второстепенномъ источникѣ уже могло принять новый колоритъ. О нашей повѣсти можно сказать тоже самое: и въ ней Соломонъ съ своимъ «христіанскимъ» войскомъ овладѣваетъ «многими землями и всякими ордами»; христіанскій характеръ Соломона есть уже примѣненіе самой народной поэзіи, которая этимъ объявляла себя на сторонѣ знаменитаго царя. Въ древней литературѣ нашей можно указать примѣненія еще болѣе рѣзкія: въ сказаніи о Синагрипѣ мудрый министръ этого царя оказывается не только христіаниномъ, но и Русскимъ; въ другомъ замѣчательномъ произведеніи той же эпохи, защита христіанскихъ интересовъ отдается Александру Македонскому. Очевидно, что въ перво-бытномъ источникѣ этихъ сказаній не было и мысли о противоположности христіанства и язычества, и народная поэзія съ бѣльшимъ правомъ могла измѣнить въ этомъ смыслѣ характеръ Соломона, нежели Александра. Понятно, что нарушая такія существенныя черты своихъ героевъ, народная поэзія легко придаетъ чужому сказанію и черты національныхъ нравовъ, обычаевъ и понятій, какъ это и случилось съ Нѣмецкимъ Морольфомъ.

Что преданіе не было чисто Нѣмецкой сагой, въ которую случайно вставили имя Соломона, подтверждается значительнымъ его распространеніемъ, котораго мы не можемъ теперь опредѣлить съ точностью. Въ числѣ Сербскихъ сказокъ, изданныхъ Караджичемъ, есть одна «Једна гобела у као а друга из кала» (пг. 42, изд. 1853), представляющая новый вариантъ го-

го же содержанія т. е. Нѣмецкаго стихотворенія о Морольфѣ и второй половины Русской повѣсти. Сербская сказка снова подтверждаетъ, что въ Румянц. текстѣ обѣ половины механически соединены именемъ Соломона, — въ ней первая половина Русской повѣсти опущена, какъ и въ Нѣмецкой поэмѣ. Сербская сказка приведена нами въ Извѣст. 4, 346 — 347; наша повѣсть имѣетъ болѣе подробностей, сходныхъ иногда съ Нѣмецкимъ Морольфомъ: въ ней вставленъ напр. эпизодъ о золотыхъ рукавцахъ, съ помощію которыхъ посланный царя Пера нашелъ средство проникнуть во дворецъ Соломоновъ. Притомъ, по нашей повѣсти, это предпріятіе не было первой завязкой приключенія; поводъ къ нему поданъ былъ такимъ же образомъ со стороны Соломона. Посланный Пера говоритъ царицѣ, женѣ Соломона: «Нашъ царь Поръ пытается себѣ царицы, и мѣсто ей уготованно на вѣтренномъ обходѣ царствовать, и звѣзды на небѣ шитати, и мѣсяць переводити въ нашемъ царствѣ». Прельщенная его убѣжденіями царица отвѣчаетъ: «Поити тебѣ со мною по землѣ, и царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ, а подынешь меня на пчелиные крылья, и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ шукою догонитъ». Таже эпическая формула повторена въ разсказѣ, когда царь дѣйствительно начинаетъ свое преслѣдованіе. Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія черезъ лазутчика, который проникъ во дворецъ Пера посредствомъ такихъ же золотыхъ рукавцовъ, Соломонъ собралъ многочисленное войско... «И поставилъ свои крѣпкіе воеводы и силу близъ царства Порова, и рече царь Соломанъ своимъ царемъ и уланомъ и сильнымъ воеводамъ и княземъ и всей силѣ: «стойте тутъ съ силою, а меня, цари и уланы и сильные-крѣпкіе воеводы, отпустите ко царю Пору въ царство, и я увижу и услышу своимъ окомъ и ухомъ; а вы, сильные воеводы, «стойте и ждите троегласные трубы къ себѣ отъ меня: какъ «буду живъ въ царствѣ томъ и труба вострубитъ, и вы борзо «сѣдлайте свои добрые коня; и въ другой часъ труба вострубитъ, и вы поспѣшите на добрыхъ своихъ конехъ; а въ третьей «часъ труба вострубитъ, и какъ заслышите, и вы напущайте и «сѣките и милости не давайте. А будетъ троегласнаго гласу вы «не услышите, и вы повдите въ свою землю, въ мое царство, а

«меня не ждите, и въ животѣ меня не будетъ, и по мнѣ великую «память и по моемъ животѣ держите и поминайте. А вы, цари «и уланые и князи и сильные воеводы, простите и благословите». А самъ Соломанъ пошелъ въ царство Порово въ калитическомъ платьѣ и (пришелъ) въ свитѣ Срацынской».... Далѣе разсказъ идетъ сходно съ Сербскимъ вариантомъ, съ нѣкоторыми отличіями. Исторія приближается къ концу; плѣнный царь въ третій разъ «вострубилъ ратнымъ голосомъ, и труба говоритъ — что плачетъ: «напускайте и сѣквите и топчите, живота «не давайте, а милости не кажите», и царь Соломанъ въ велицей радости идетъ къ землѣ на третей исходъ съ первыя своея смерти (т. е. съ шибалицы = висѣлицы), и его цари и уланы и князи и крѣпкіе воеводы и все сильное войско падаютъ предъ царемъ Соломаномъ о сыру землю и держатъ царя Пору и съ царицею во своихъ полкахъ. И царь Поръ съ царицею падаютъ на свои царскіе колѣни предъ царемъ Соломаномъ, и рече царь Соломанъ: «царю Поре, царица глупая и неразумная погубить «человѣка вскорѣ: велѣла на меня три осила поставить, осилъ «шелковой, а другой осилъ серебряной, а третей сверхъ тѣхъ «осилдовъ златой — перевилъ бы осилъ веревкою лыченою, ла«потною, и въ томъ бы удавился, — такова же смерть». И царь Поръ повѣсилъ главу свою буйную и не могъ видѣть себя, да не пособить. И царь Соломанъ скоро велѣтъ съ обѣихъ головы снять вострымъ мечемъ и велѣтъ развергнуть скоро; а Поровыхъ людей, кои старые и не могли битися, и велѣлъ поимати и съ собою вести, а то всѣхъ своимъ войскомъ прибили и присѣкли, а злато и серебро къ себѣ перевозили, и добрыхъ коней стадами погнали, а Пору царя и съ царицею злой смерти предалъ. И отъ того царю Соломану многіе цари и князи и уланы подъ его руку поклонилися, слышачи его премудрость, а царь Соломанъ въ велицей чести и славенъ зѣло. И слышавъ то царь Давидъ сына своего премудрость царя Соломана, что онъ обладалъ многими землями и всякими ордами и власть надъ ними взялъ, радъ бысть тому»..... За участіе народной фантазіи и слова въ образованіи этой повѣсти достаточно говорить свѣжесть ея языка и наивныя примѣненія: Соломонъ овладѣваетъ «ордами», его окружаютъ «цари и уланы и сильные князи и крѣпкіе

воеводы», какъ въ былинахъ приближенными царей выставляются «мурзы и улановья» (Др. Р. Стих. 91, 93, 311, 312, 313 и др.); отдѣльныя подробности встрѣчаются и въ произведеніяхъ народной словесности, — такъ въ одной изъ нашихъ сказокъ очень сходно разсказывается упомянутое спасеніе отъ вѣсѣлицы (Рус. Сказки, М. 1787, 104—129); наконецъ эпическая форма, конечно не вполне сохраненная въ записанномъ видѣ повѣсти, во всякомъ случаѣ обличаетъ присутствіе народнаго авторства.

Сюжетъ Русской повѣсти, Сербской народной сказки и Нѣмецкой поэмы о Морольфѣ, развивается и въ другомъ Русскомъ вариантѣ. Эта вторая повѣсть извѣстна намъ изъ рукописи Толст. собранія 2. 140 Публ. Библ. XVII. Q. 22, скорописн. сборн. XVII—XVIII в., гдѣ повѣсть находится на об. л. 739—744 подъ заглавіемъ «притча царя Соломана о цари Китоврасѣ» (нач. «бысть во Іерусалимѣ царь Соломонъ, а во градѣ Лукордѣ царствуя царь Китоврасъ» и пр.); но въ рукописи, къ сожалѣнію, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Содержаніе разсказа основано на томъ же мотивѣ похищенія; разница ограничивается второстепенными подробностями. Китоврасъ, чудесное существо, занимаетъ здѣсь мѣсто соперника Соломонова, Пора; царь Китоврасъ не былъ похожъ на другихъ людей — «обычай же той имѣя царь: во дни царствуетъ надъ людьми, а въ нощи обращаешя звѣремъ китоврасомъ и царствуетъ надъ звѣрми». Этотъ поэтический образъ есть явленіе нерѣдкое вообще въ народномъ сказочномъ эпосѣ; вспомнимъ героя одной Нѣмецкой сказки, который въ теченіе дня былъ львомъ, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ его люди были львами, ночью же принимали они обыкновенный человѣческій видъ (*Grimm, Kindermärchen* изд. 1850. 2, 9). Другой вариантъ притчи о Китоврасѣ сравнительно съ Румянц. текстомъ, состоитъ въ томъ, что Китоврасъ является братомъ Соломона. Замѣтимъ то, быть можетъ не случайное, обстоятельство, что въ Нѣмецкомъ стихотвореніи, соотвѣтственномъ нашей повѣсти, Морольфъ изъ грубаго, но мудраго поселяннина дѣлается хитроумнымъ какъ Одиссей помощникомъ и такъ же — братомъ Соломона. Правда, Морольфъ и Китоврасъ играютъ различныя, даже противоположныя роли, — одинакова въ нихъ только мудрость, — но вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ кругу

этихъ сказаній произошло странное смѣшеніе, указанное уже Гриммомъ въ Нѣмецкой поэмѣ. Въ нашихъ повѣстяхъ смѣшеніе мифовъ достигло еще большей степени. Отдѣльный фактъ преданья вносится въ другое, почему нибудь сродное ему преданіе, и новый рассказъ, забывая свое коренное начало и характеръ, представляетъ свою тему въ новыхъ краскахъ и подробностяхъ, между которыми трудно отличить первоначальное зерно мифа. — Какъ чудесное существо, Китоврасъ давно былъ извѣстенъ въ старинной литературѣ нашей, хотя вѣроятно и не съ тѣми свойствами, какія даетъ ему предыдущая повѣсть. Въ Румянц. хронографѣ 1494 г., № 453, л. 320—328 помѣщена «повѣсть о Китоврасѣ» (нач. «тогда же убо бысть потреба Соломону вопросити о Китоврасѣ. Осочиша же ѿ гдѣ живеть въ пустыни далней» и пр.); въ сборникѣ Царскаго, XVII вѣка, № 720, л. 236 находится статья «царство Соломона царя во Іерусалимѣ», о которой г. Строевъ выразился слѣдующимъ образомъ: «исторія Соломона, откуда-то заимствована» (?), конечно апокрифическая (ср. Царск. № 286 л. 314—342). Въ рукописи Царскаго № 720 упоминается о Китоврасѣ, и вѣроятно такимъ же образомъ, какъ въ Румянц. хронографѣ: по этому послѣднему тексту Китоврасъ былъ, какъ говоритъ г. Востоковъ, чудесное существо, исполненное мудрости и предвѣдѣнія, или же родъ дикаго человѣка, подобнаго отчасти простотою и грубостью Шекспираву Калибану. При всей мудрости своей, онъ былъ обманутъ посланными Соломона, которые налили виномъ и медомъ тѣ колодцы, откуда китоврасъ пилъ обыкновенно воду, и когда Китоврасъ опьянѣлъ, они заключили его соннаго въ оковы: Соломонъ хотѣлъ спросить его совѣта, какъ тесать камни безъ помощи желѣза для строенія храма, и проч. Этотъ апокрифъ, основанный на Кн. Цар. 1, 6. 7., упоминается въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ — «о Соломонѣ цари и о Китоврасѣ» (I. Экз. Болг. 210), — и былъ извѣстенъ также въ древней Германской литературѣ: въ одномъ Нѣмецкомъ стихотвореніи XI—XII вѣка, Китоврасъ въ описаніи этого приключенія названъ дракономъ (*Diemer, D. Ged. des XI—XII Jh. Wien 1846, 107—114*). Какъ большая часть сочиненій апокрифическихъ, сказанье о Китоврасѣ занесено къ

намъ безъ сомнѣнія изъ Византійскаго источника, имя Китовраса составилось конечно по Греческому произношенію слова *κευτάυρος*. На основаніи этого имени могла образоваться и сказка о послѣдовательныхъ превращеніяхъ его въ человѣка и въ звѣря. Если Китоврасъ похожъ былъ отчасти на дикаго человѣка, одареннаго рѣдкою мудростью, то есть нѣкоторая возможность сравнивать его съ первоначальнымъ Маркольфомъ, котораго всѣ редакціи описываютъ человѣкомъ въ высшей степени грубымъ, грязнымъ и уродливымъ; если можно было Маркольфу сдѣлаться братомъ Соломона, то была такая же возможность и для Китовраса. Что въ этомъ превращеніи они получили различный смыслъ, зависѣло отъ того, что перемѣны происходили подъ разными вліяніями и память основнаго преданія была затеряна.

Такимъ образомъ наша повѣсть о Соломонѣ не была въ средне-вѣковой литературѣ фактомъ единственнымъ въ своемъ родѣ, и Нѣмецкая поэма о Морольфѣ, принятая Гриммомъ за чисто-Германскую сагу, къ которой случайно были привязаны имена Соломона и Морольфа, имѣла другой болѣе отдаленный источникъ, откуда получила начало и Русская повѣсть. Этимъ источникомъ и для Русскаго и для Нѣмецкаго сказанія было конечно Византійское произведеніе, распространившееся ранѣе XV вѣка: и въ Морольфѣ и въ нашей повѣсти не трудно найти общія черты, составляющія принадлежность средне-вѣковаго Византійскаго романа. Новѣйшіе Нѣмецкіе ученые принимаютъ уже въ отношеніи къ Морольфу Византійское вліяніе, но все еще даютъ ему мало мѣста, менѣе, чѣмъ въ другихъ памятникахъ той же эпохи, какъ въ Ротерѣ, и чѣмъ бы слѣдовало по сущности дѣла.

Ср. *Gerwinus*, *Gesch. d. deutsch. Dichtung*, изд. 1853. 1, 204; — *Cholevius*, *Gesch.* 1, 156—158. — Легенда о Соломонѣ, съ картинками, въ рукописи XVII в. находится также въ собраніи г. Забѣлина, № 72; но мы не имѣли случая пересматривать этой рукописи.

Что касается до первой половины Румянц. текста, то и она не была свободна отъ вліянія народной поэзіи и по мысли и по внѣшности, хотя, можетъ быть, и въ меньшей степени. Имя Соломона не разъ встрѣчается въ народной словесности Славян-

скихъ племенъ; отмѣченная нами Сербская сказка служить достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что народная поэзія въ этомъ случаѣ пользовалась чужими мифами и обрабатывала ихъ по своимъ требованіямъ. Въ другой Сербской сказкѣ, у Вука нг. 43 «Соломуна проклела мати», завязка разсказа сходна съ началомъ нашей повѣсти, которая передаетъ, какъ Соломонъ странствовалъ съ «гостями-заморянами» и какъ онъ спасъ ихъ отъ смерти, отгадавши загадки, предложенныя имъ царемъ (Давидомъ). Вотъ одна изъ этихъ загадокъ: «по конецъ моего царства стоитъ древо златовѣтвіе, у того древа самоцвѣтное каменіе, сверхъ того древа мѣсяцъ съяеть, и около того древа у корени вкругъ пшеница бѣлоярая, вкругъ же той пшеницы нива орженая сильная». Соломонъ даетъ на нее слѣдующій отвѣтъ: «по конецъ твоего царства стоитъ древо златое (sic), то твое царство и царствіе; у того древа самоцвѣтное каменіе, то твои государевы ближніе пріятели и столные многіе цари и короли и князи и *уланые* и *мурзы*; сверхъ того древа мѣсяцъ съяеть, то ты государь царь; а около того древа по земли вкругъ пшеница бѣлоярая, то твои ближніе *бояре* и *околничіе* и *думные дворяне*; и вкругъ же пшеницы нива орженая сильная, то твои православные христіане»

Обращаемся къ другимъ сказаніямъ о Соломонѣ, какія представляетъ старинная наша письменность. Одно изъ любопытнѣйшихъ между ними, послѣ Румянц. повѣсти, есть «сказаніе о премудрости царя Соломана и о южской царицѣ и о философѣхъ» (нач. «царствующу Давиду царю во Іерусалимѣ и родися ему сынъ Соломанъ») въ томъ же Толстовскомъ сборникѣ 2. 140 л. 734—739. Статья въ сборникѣ не дописана и въ срединѣ ея недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, такъ что мы снова не имѣемъ возможности вполне опредѣлить ея содержаніе; кажется однако, что повѣсть о Южской царицѣ и загадкахъ ея составляла только эпизодическую часть сказанія. «Малу жь времени минувшу — начинается этотъ эпизодъ — прииде къ нему нѣкая царица отъ юга съ философы своими, хотяше царя Соломана искусити, и принесе ему дары многіе, злато сусалное и палицы еловыя. Во единъ же день призва ея царь Соломанъ къ себѣ, хотя слышати реченная отъ нея премудрости, царица

жь приде къ Соломану съ философы своими, и рече ей царь Соломанъ: повѣждь ми, царица, которыхъ звѣрей, или скота, или птицъ мяса хоцешь ясти, да повелю ти доспѣти?— Царица жь рече: отъ тѣхъ звѣрей доспѣи ми потребу, что назѣ летаютъ межъ неба и земли, костяныя крылѣ имѣють, на небо не взирають, гласа не имѣють. Соломанъ же поразумѣвъ, что царица хоцетъ *осетрины* ясть, тогда Соломанъ повелѣ поваромъ своимъ осетрины доспѣти». Въ томъ же тонѣ продолжается бесѣда ихъ и далѣе; загадки идутъ за загадками и мудрость Соломона всегда одерживаетъ верхъ. Восточное происхожденіе новѣсти ясно обнаруживается въ ея складѣ: споры о мудрости, выражаемыя загадкою; цари, окруженные мудрыми совѣтниками, составляютъ очень извѣстную принадлежность Восточной поэзіи; особенная форма загадки, доводимой постоянно *ad absurdum*, какъ увидимъ далѣе, уже знакома намъ изъ Восточнаго сказанія о Синагрицѣ. Нѣкоторыя загадки Южской царицы имѣють много вариантовъ въ сказочномъ эпосѣ разныхъ народовъ. Когда первое испытаніе было сдѣлано — «царица жь втай повелѣ порядити молодцы, и дѣвицы красныя острицы и въ мужескія порты облѣщи, и постави ихъ предъ царемъ Соломаномъ, и рече: повѣдай ми, Соломане, которы *полжъ* молодцы, а которые дѣвицы? — Тогда Соломанъ повелѣ слугамъ своимъ принести орѣховъ и предъ ними посыпать, и повелѣ имъ грабити. И начаша молодцы по своему чину орѣхи грабить и въ корваны (= *въ рук.* карнавы) своя кладуща; дѣвицы же начаша грабити и въ рукавъ сыпать. Тогда Соломанъ разумѣ, кое молодцы и кое дѣвицы, и все царицѣ разсуди». Не собирая многихъ аналогическихъ примѣровъ, укажемъ только Волошскую сказку (Schott, 125 — 135), основанную на подобномъ разрѣшеніи загадокъ, и рассказъ изъ Тибетскаго Дзанглуну, въ которомъ мудрая дѣвушка отгадываетъ загадки, предлагаемыя однимъ царемъ другому: она отгадываетъ изъ двухъ одинакихъ лошадей мать и жеребенка, изъ двухъ одинакихъ змѣй отличаетъ самца и самку, въ совершенно ровной палкѣ указываетъ верхній и коренной конецъ (Dsanglun o. der Weise und der Thor, aus d. Tibet. üb. v. Schmidt. St.-Pet. 1843. 2, 190). Болѣе простой вариантъ нашего рассказа внесенъ въ лѣтопись Михаила Глики; здѣсь онъ

переданъ такимъ образомъ: Εὐόπτους παῖδας ἄρρενάς τε καὶ θηλείας ὁμοτρόφῳ στολῇ καὶ κουρᾷ τῇ αὐτῇ καλλωπίσασα, παρέστησεν αὐτῶ, ζητοῦσα ἑκατέρου γένους αὐτῶν διάκρισιν ποιήσασθαι. Ὅ δὲ νίψασθαι τούτους προστάξας τὸ πρόσωπον, ἑκατέρων τὴν φύσιν διέγνωκε. Τῶν μὲν ἀρρένων ἀνδρικῶς τὰς ὄψεις καταψάντων, τῶν δὲ θηλειῶν ἀπαλῶς. Ἡ δὲ ἐκπλαγεῖτα εἶπεν, ὅτι πλείονα ἐώρακα ὑπὲρ ὃ ἤκουσα (*Fabricii, Cod. pseudepigr. V. T. I, 1031—32*). Царица не удовольствовалась такими доказательствами Соломоновой мудрости —

..... Она же отиде во свою землю и подивись велии премудрости Соломоновѣ; пришедши же ей во свое царство, и нача мыслити съ философы своими, кого послати къ Соломану и что глаголати. И посла царица слугу своего, рекше: пришли, Соломане, бѣснаго з бѣсвымъ, а умного съ умнымъ! — Соломанъ же той разумѣвъ, посла ей вина (съ) скоморохомъ, а философа съ книгами. Она жъ подивись премудрости его. И призва ю Соломанъ къ себѣ, и приде тогда царица, и возва ю за обѣдъ; отшедшу же обѣду царь Соломанъ сѣдѣаше з боляры своими и философы, царица жъ противъ сѣдѣху со своими философы, и хотѣше искусити Соломана, и рече: что есть четыре статьи—сухо, горечѣ, мокро, студено, ими же весь мѣръ состоится?—Отвѣщавъ Соломанъ: сухо — весна, горяще — лѣто, мокро — осень, студено — зима.

• И рече царица: аще соль изгниеть, то чѣмъ ея пособить, дабы не изгнила? — Соломанъ же рече: рогомъ коневымъ. — Она же рече: а коли у коня рогъ живеть? — Соломанъ рече: а коли соль гниеть?

• Царица же рече: а коли мертвецъ восплачеться, чѣмъ его утѣшити, дабы не плакалъ? — Соломанъ рече: мглиное яйцо дати ему. — Она же рече: како можешь во мгли яйцо здѣлать? — Соломанъ рече: а коли мертвецъ плачеть?

• Царица рече: а коли нива поростеть ножи, чѣмъ ю пожать? — Соломанъ рече: со всего свѣта собрать росу, и въ томъ сшить рукавицы, тѣмъ ю пожати.—Она же рече: како можетъ въ росѣ рукавицы зшить? — Соломанъ же рече: а коли вырастаетъ нива ножи?

• Царица рече: аще наполнитца море воды, куды потекутъ рѣки? — Соломанъ рече: на небо тещи. — Она же рече: какъ можетъ вода на небо тещи? — Соломанъ рече: а коли наполнитца море можетъ?

• Царица рече: что есть не гниющее на земли? — Соломанъ рече: душа человеческая.—Царица рече: что лутче всего на семь свѣтъ?—Соломанъ рече: правда.—Царица рече: кому подобна милость божія?—

Соломанъ рече: (солнцу); солнце сіяеть на злыхъ и на благіа, такожь и Богъ милуеть праведныя и грѣшныя.

• Царица рече: есть въ земли нашей кладезь велии чуденъ, самороденъ, и далече отъ града нашего стоить—чѣмъ ево приближати?— Соломанъ рече: *ужижцемъ пещачнымъ* привести его ко граду. — Философы жь царицыны рекоша: госпоже царице, не мощи намъ противъ Соломана и его мудрецовъ. — И тако царица отойде съ мудрецы своими, дивяся Соломану».....

Затѣмъ сказаніе переходитъ къ другому предмету: Соломонъ желаетъ показать свою премудрость передъ великими царями и идетъ въ дальнюю страну, къ царю Индѣйскому; въ разеказѣ упоминается далѣе Фараонъ и царь «изъ Персиды», но какого рода описываются здѣсь приключенія, понять трудно, потому что списокъ не доконченъ и далеко не полонъ. Въ замѣчательномъ Румянц. хронографѣ 1494 г. находится другая редакція сказанія о Южской царицѣ, на об. л. 329—332 «о оужичкомъ прѣци» (нач. «и бы^а прѣца южискаа иноплеменница ммене^н малкатышка. си преи^а искъси^т соломона загадка^н»). Румянц. статья должна быть особенно любопытна какъ свидѣтельство о древности этихъ сказаній, которыя безъ сомнѣнія относятся къ старому періоду Русской письменности, когда преданья, образовавшіяся на почвѣ полу-восточной, переходили къ намъ посредствомъ литературъ Византійской и южно-Славянской.

Столько же давне въ письменности нашей другое произведение, основанное на преданьяхъ о мудрости Соломона. Это такъ называемыя «судове Соломони», которые одинаково распространены въ западныхъ литературахъ среднихъ вѣковъ: отдѣльные эпизоды ихъ встрѣчаются и во Французскихъ фавль и въ Итальянскихъ новеллахъ и въ другихъ памятникахъ того времени. Въ нашихъ рукописяхъ, сколько извѣстно теперь по печатнымъ каталогамъ, суды Соломона восходятъ до XV столѣтія, но начало ихъ еще древнѣе; въ позднѣйшихъ сборникахъ они были нерѣдки.

Вотъ нѣкоторые списки: — Румянц. хроногр. 1494 г. л. 332—336 «судове соломони»; вѣльше на л. 328—329 помѣщенъ такъ же одинъ «судъ соломонъ», нач. «ее паки вдоша 3 мужа на путь свои ямуще чересы со златомъ.—второй по нашему

изложенію; — Румянц. хроногр. № 454 гл. 36, 4 «о судѣ соломони» и друг.

— Толст. 2. 53 Публ. Б-ки XVII. Q. 23 сборн. XVII в., обор. л. 134—147 «судове премудраго царя Соломона вкратчѣ», начин. «бысть царь Соломанъ премудры премудрости и притчами и гаданми» и пр.; — Толст. 2. 140, сборникъ упомянутый выше, на л. 541—543 отрывокъ, заключающій только два «суда» и начало третьяго.

— Царск. № 286 Палея начала XVI в. л. 335—342 «суды еврейскаго царя Соломона, сына Давыдова», нач. «бысть Соломонъ мужь мудръ, притчами и гаданми».

— Забѣлина, въ сборн. XVIII в. № 82 «повѣсть о премудрости Соломона царя о мужескомъ полу и женскомъ» — вѣроятно пятый, по нашему изложенію, судъ Соломона.

— Ундольскаго, въ названномъ прежде сборникѣ XVII в. находится повѣсть «о судѣ царя Соломана», нач. «ко царю Соломану прииде».....

Въ Судахъ Соломона излагаются разныя мудрыя рѣшенія его въ самыхъ затруднительныхъ дѣлахъ; характеръ приключеній совершенно соотвѣтствуетъ требованіямъ восточнаго вымысла. Въ Толстовской рукописи 2. 53 суды переданы слѣдующимъ образомъ:

об. л. 134 *Судъ первый* нач. «Во дни Соломона царя бысть мужь имѣя три сыны; умирая мужь той и призва къ себѣ всѣ три сыны своя» — онъ сказалъ имъ, что у него зарыто въ землѣ сокровище, «три *спуда*, сирѣчь кушныны»: верхнее долженъ былъ взять старшій сынъ, второму достанется среднее, а меньшому нижнее. Сыновья, по смерти отца, отрыли сокровище и нашли, что верхнее было полно золота, второе — костей, третье — персти; братья заспорили и пошли наконецъ къ Соломону, чтобы онъ разсудилъ и раздѣлил ихъ. Соломонъ отдалъ старшему сыну золото, среднему скоть и челядь, меньшому винограды, нивы и жито.

л. 135 *Второй судъ* нач. «Идоша три мужи нѣкія еврейстіи на путь имущи на себѣ чресы (= пояса) своя полны злата»; остановившись на ночлегѣ, они согласились зарыть ихъ въ землю, чтобы сберечь отъ разбойниковъ; но одинъ изъ путниковъ всталъ ночью и, вынувши чресы, зарылъ ихъ въ другое мѣсто.

На утро всё были равно опечалены пропажей золота, такъ что ни въ комъ изъ нихъ нельзя было подозрѣвать обманщика; но такъ какъ кромѣ ихъ никто не зналъ, гдѣ золото было спрячано, они отправились за рѣшеніемъ къ Соломону. Когда они изложили царю свое дѣло, Соломонъ разсказалъ имъ повѣсть: «одинъ отрокъ, обручившись съ дѣвицей тайно отъ ея родителей, бросилъ потомъ ее, уѣхалъ въ другую землю и тамъ женился; родители дѣвицы, не зная, что она обручена другому, выдаютъ ее за мужъ, — однако она открыла супругу тайну, которой не смѣла сказать ему передъ родителями. Новый мужъ не хотѣлъ нарушить чужаго права и отправился съ супругой къ ея первому обрученнику — спросить, соглашается ли онъ уступить ее; тотъ изъявилъ согласіе и супруги предприняли обратный путь. На дорогѣ на нихъ напали разбойники, но дѣвица разсказала начальнику ихъ свою исторію и тронутый разбойникъ отпустилъ ихъ не взявъ ихъ имущества». Окончивъ повѣсть, Соломонъ спросилъ путниковъ, кто изъ этихъ лицъ болѣе нравится имъ. Двое сказали, что лучше всѣхъ безкорыстный и правдивый отрокъ, не захотѣвшій взять чужую невесту; но укравшій деньги возразилъ, что разбойникъ по его мнѣнію лучше, потому что возвратилъ имущество, которое ему нужно было бы удержать. Соломонъ укорилъ его, говоря, что онъ охотникъ до чужаго имѣнія, и путникъ сознался въ своемъ обманѣ.

л. 138 *Судъ третій* нач. «Во дни Соломана царя бысть мужъ богатъ въ Вавилонѣ и не имѣяше дѣтей; изжившу же ему половину дней своихъ, и постави себѣ раба въ сына мѣсто». Онъ послалъ его торговать, и рабъ, разбогатѣвши въ Іерусалимѣ, сталъ наконецъ считаться «в болярехъ». У хозяина его родился между тѣмъ сынъ и вскорѣ послѣ того отецъ умеръ; сынъ выросъ и услышавъ отъ матери о разбогатѣвшемъ рабѣ отца, отправился въ Іерусалимъ. Тамъ онъ увидѣлъ прежняго раба сидящаго за обѣдомъ у Соломона; отрокъ спросилъ, тотъ ли это богатъ, что былъ прежде рабомъ, и подошедши, ударилъ его по лицу; всё изумились и отрокъ объявилъ, что ударилъ раба отца своего. Чтобы повѣрить слова его, Соломонъ велѣлъ привезти изъ Вавилона плечную кость его отца, и потомъ пустить

кровь сыну и рабу, кровь послѣдняго не пристала къ кости; кровь сына напротивъ осталась на ней.

об. л. 139 *Судъ четвертый* нач. «Во дни Соломана царя бысть мужъ имѣяй шесть сыновъ, а седмю дочеръ». Умирая, отецъ отказалъ дочери тысячу золота, а все имѣніе отдалъ старшему сыну; остальные начали спорить противъ этого распоряженія и пришли на судъ къ Соломону. Чтобы разрѣшить ихъ дѣло, царь велѣлъ братьямъ принести правую руку отца ихъ, а между тѣмъ послалъ отроковъ своихъ посмотреть, какъ они это сдѣлаютъ. Отроки рассказали ему, что пятеро сыновей хотѣли взять руку мертваго отца, но старшій обхватилъ гробъ руками и не допустилъ ихъ до этого. Соломонъ призвалъ братьевъ и присудилъ все имѣніе старшему, потому что остальные не были истинными дѣтьми этого человѣка; когда была призвана и мать ихъ, она признала справедливость рѣшенія. — Во Французскомъ фавльо *Le jugement de Salemon* находится подобный рассказъ: братья спорили о наслѣдствѣ, и Соломонъ велѣлъ имъ стрѣлять въ мертвое тѣло отца — кто попадетъ, тотъ получитъ имѣніе; когда старшій выстрѣлилъ, Соломонъ отказалъ ему въ наслѣдствѣ и отдалъ имѣніе другому брату (*Barbazan et Méon, Fabliaux ou Contes des poètes fr. de XI — XV siècles, Paris 1808. 2, 440—442*). Исторія передѣлана также въ 45-й главѣ извѣстнаго сказочнаго и легендарнаго сборника среднихъ вѣковъ — *Gesta Romanorum*, — и отсюда перешла и въ Русскій переводъ этого произведенія.

л. 141 *Судъ пятый* нач. «Посемъ же Соломанъ царь помысли, испытать хотя, что есть смыслъ мужески и что есть женски, и призва болярина своего, отъ своихъ ему предстатель, имя ему Декирь, и рече наединѣ ему» и т. д., Соломонъ обѣщаль раздѣлить съ нимъ царство, если онъ отсѣчетъ голову своей женѣ; Декирь не рѣшился исполнить царскаго повелѣнія и скорѣе хотѣлъ подвергнуться гнѣву Соломона, нежели сдѣлаться убійцей матери своихъ дѣтей. Тоже испытаніе повторено было и съ женой, которая за царскую милость тотчасъ готова была погубить мужа. «Соломанъ же царь славный повелѣ вписать (въ) соборникъ повѣсть сію и сказа велможемъ своимъ о томъ, яко дивитися имъ, и рече царь: обрѣтохъ въ тысящи му-

жей мудрыи многи, а жены не обрѣтохъ во тмѣ ни единой мудрыя, — во всемъ свѣтѣ». Эта повѣсть, какъ увидимъ далѣе, занесена такъ же въ старинное Русское «поученіе отца къ сыну о женской злобѣ», — потому что очень идетъ къ основной мысли сочиненія.

л. 146 — 147 *Судъ шестой* нач. «И въ то время сотвори Соломанъ царь пиръ великъ боляромъ своимъ и велможамъ и всемъ отрокомъ своимъ и т. д. Извѣстный рассказъ о спорѣ двухъ женщинъ за ребенка, находящійся и въ древней редакціи Маркольфа, откуда перешелъ въ Итальянскую исторію Бертольд и въ другія произведенія популярной литературы.

Намъ не встрѣчались болѣе полные списки «судовъ», другія повѣсти также извѣстны не вполне, но уже изъ примѣра перваго сказанія можно видѣть, что эти рассказы находили въ старину большое сочувствіе въ читателяхъ и до нѣкоторой степени стали принадлежностью чисто-народной словесности. Интересныя приключенія, сказочныя подробности, неопредѣленность лицъ и событій, безпрестанныя загадки и мудрыя рѣшенія, примѣсъ фантастическаго начала, все это напоминало отчасти эпическіе мотивы народной поэзіи и придавало этимъ сказаньямъ особенную завлекательность. Сербскія сказки, изданныя Караджичемъ, представляютъ любопытные факты въ этомъ отношеніи и отчасти дополняютъ тѣ данныя объ исторіи этихъ мѣстовъ, какія находятся въ старой нашей письменности. Въ одной изъ сказокъ, нр. 42, повторилось преданье о Соломонѣ, соответственное Германской поэмѣ о Морольфѣ и весьма близкое къ старинной Русской повѣсти: отсюда обнаруживается соотношеніе народной сказки съ памятниками письменной литературы. Другая сказка, у Караджича нр. 41 «февојка, удовица и пуштеница», предполагаетъ такое же книжное начало. Одинъ человекъ задумалъ жениться; ему предлагали въ жены одни — дѣвушку, другіе — вдову, третьи — жену, разведенную съ мужемъ; всѣ три нравились ему одинаково и онъ совершенно недоумѣвалъ, которую изъ нихъ выбрать, — наконецъ одинъ старикъ посоветовалъ ему идти къ «премудрому». Пришедши на Соломоновъ дворъ, онъ увидѣлъ ребенка, развѣзжавшаго верхомъ на палочкѣ, и спросилъ его о своемъ дѣлѣ; Соломонъ — это былъ

именно онъ — отвѣчалъ ему: «ако узмеш ђевојку, ти знаш; ако узмеш удовицу, она зна; ако ли узмеш пуштеницу, чувај се мога коња!» — и съ этими словами ударилъ его слегка по ногѣ. Человѣкъ удивился странному отвѣту, но тотъ же старикъ объяснилъ ему значеніе этихъ словъ: если онъ женится на дѣвушкѣ, то будетъ главой въ семействѣ; если женится на вдовѣ, то жена будетъ управлять имъ; если же возьметъ разведенную жену, то долженъ спасаться, чтобы и съ нимъ она не сдѣлала того же, что съ первымъ мужемъ. — Слѣдовательно, это также одинъ изъ «судовъ», по своему загадочному рѣшенію сходный съ новеллой Боккаччо, *giorn. IX. пов. 9*. Источникомъ сказки былъ древній сборникъ «судовъ», который былъ извѣстенъ въ древней Сербской литературѣ, какъ и въ нашей письменности. Въ третьей Сербской сказкѣ, у Вука *пг. 43*, къ Соломону отнесено испытаніе морской глубины и небесной вышины, которое въ баснословномъ повѣствованіи псевдо-Каллисена приписывается Александру Македонскому; летанье на птицахъ описано отчасти такъ же, какъ въ Арабской сказкѣ о Синагрипѣ или въ Планудовой біографіи Езона, но болѣе сходно съ псевдо-Каллисеномъ. Воздушные полеты на птицахъ или на змѣѣ могли принадлежать и національному преданью, потому что упоминаются и въ Славянскихъ мифахъ; но въ этихъ послѣднихъ неизвѣстно, кажется, испытанье морской глубины, какое сдѣлано было Александромъ и Соломономъ, и потому скорѣе должно видѣти въ Сербской сказкѣ чужое преданіе, самимъ народомъ привязанное къ имени лица, мудрость котораго была уже знаменита по другимъ сказаніямъ. Вообще наши повѣсти и Сербскія сказки о Соломонѣ представляютъ разрозненныя части цѣлаго цикла сказаній объ этомъ лицѣ, сроднившагося и съ мифами чисто-народными; возстановить и объяснить этотъ циклъ теперь тѣмъ труднѣе, что повѣствовательный и сказочный отдѣлъ Славянской народной дитературы до сихъ поръ извѣстенъ очень мало.

Отмѣтимъ наконецъ статьи, относящіяся къ преданьямъ о Соломонѣ и которыхъ намъ не случилось просматривать: — *Толст.* 1. 306 скороп. сборн. XVII в. л. 325—326 «повѣсть дивна о царѣ Соломонѣ»; — *ibid.* 2. 195 Публ. Б-ки XVII. Q. 67 скороп. сборн. XVII в. л. 134—135 повѣсть того же назва-

ніа; — Б-ки *Моск. Общ.* № 213 сборн. нач. XVIII вѣка, л. 155—158 «повѣсть о премудрости Соломона царя, о нравоученіи человѣческаго житія и о спасеніи душъ христіанскихъ».

Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ встрѣчается и много другихъ полу-апокрифическихъ исторій, которыя съ теченіемъ времени перерождались въ обыкновенныя сказочныя повѣсти. Таково, напримѣръ, «Сказаніе о золотѣ дровѣ и о царѣ Левтасарѣ» (нач. «азъ есмь царь Михаилъ благочестивъ зѣло») въ небольшомъ Погодинскомъ сборникѣ П. Б-ки № 1776, л. 9—14, гдѣ къ разсказу о золотѣ дровѣ, на которомъ были «птицы золотыя и сребренныя, а поють различными гласами», — странно присоединена передѣланная исторія Валтасара. Другой вариантъ разсказа «о царѣ Валтасарѣ Вавилонскомъ» находится въ Толст. сборникѣ 2. 53 на об. л. 147—149 (нач. «Валтасаръ, царь Вавилонскій, взялъ сосуды церковныя» и проч.). Впрочемъ разборъ подобнаго рода произведеній не относится къ нашей задачѣ, хотя и могъ бы доставить не мало любопытныхъ фактовъ для объясненія старинной популярной словесности; многія повѣсти этого разряда, иногда принадлежащія глубокой древности, продолжаютъ свое существованіе и теперь въ извѣстномъ классѣ читателей.

Упомянемъ наконецъ повѣсть «о двѣнадцати снахъ Мамеря царя», о началѣ и содержаніи которой мы не имѣемъ однако никакихъ свѣдѣній, потому что не находили ея въ рукописяхъ Толстовскихъ и Румянцевскихъ. Въ другихъ собраніяхъ списки ея верѣдки, и сколько можно судить по описаніямъ въ каталогахъ, она должна относиться къ тому же апокрифическому отдѣлу и имѣть нѣсколько различныхъ между собою редакцій.

Списки: Б-ки *Моск. Общ.* № 211 сборн. начала XVIII вѣка, л. 186—193 «Слово о снѣхъ Мамеря царя» безъ конца, нач. «бысть въ нѣкоихъ странахъ древнихъ градъ, именемъ Дириній»; — № 213 сборн. нач. XVIII в. л. 150—155 «Слово о послѣднихъ днехъ, видѣніе царя Иринея, именемъ Матера, зѣло пречудно и ужасно» — конечно то же самое; — № 217 сборн. XVII в. л. 80—103 «Сказаніе о 12 снахъ Мамеря царя», нач. «бѣ нѣкоихъ странахъ древнихъ градъ, именемъ Ири-

ней»; въ этомъ сборникѣ помѣщены большею частью статьи мистическаго характера, къ которымъ принадлежитъ вѣроятно и это сказаніе; — № 223 сборн. новый, об. л. 796—805 «Сказаніе о двенадцати снахъ нѣкому царю богомудрому».

— Царск. № 389 сборн. XVII в. л. 415—438 «Сказаніе о снѣхъ Мамера царя»; — № 407 сборн. XVII в. л. 125—133 «Сказаніе о 12 снахъ, иже проявени будутъ на послѣдніе времена», нач. «градъ Аригенескъ, а въ немъ царь Шаханцъ (?), видѣлъ 12 сновъ и бысть о нихъ velmi печаленъ».

— Ундольскаго, тотъ же сборникъ XVII вѣка заключаетъ и «повѣсть како видѣхъ (?) царь Мамеръ единой ноци 12 сновъ», нач. «бѣ не въ коихъ странахъ» и проч.

IV.

Исторія Варлаама и Иосафата. — Притчи нравственно-религіознаго содержанія. — Старинные сборники загадокъ. — Стихъ о Голубиной книгѣ. — Повѣсти, основанныя на загадкахъ.

Западно-Европейскія литературы имѣли свои, довольно тѣсныя связи съ Византією: много сказокъ, повѣстей и преданій перешло въ нихъ съ востока путемъ Византійскихъ переводовъ и передѣлокъ и потомъ обрабатывалось ими болѣе или менѣе самобытно; многое шло прямо изъ Византійскаго источника или устнымъ преданіемъ или черезъ литературныя сношенія. Такимъ образомъ распространилась между прочимъ и знаменитая исторія Варлаама и Иосафата: на западѣ, основаніемъ ея извѣстности былъ Латинскій переводъ съ Греческаго; у насъ переводъ старо-Славянскій.

Исторія Варлаама и Иосафата, или Иосафа, — духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынный Варлаамъ обратилъ въ христіанство Индійскаго царевича Иосафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ Иосафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою; въ такомъ видѣ представляетъ Варлаама старинная

гравюра XVII столѣтія, сдѣланная Симономъ Ушаковымъ и приложенная къ Московскому изданію этой исторіи. Авторомъ этого произведенія нѣкоторыя старыя рукописи и инкунабулы называютъ Іоанна Дамаскина, другія просто Іоанна; въ иныхъ Греческихъ текстахъ имя автора есть Іоаннъ Синайскій или Іоаннъ Лѣствичникъ. Въ заглавіи изданнаго Греческаго текста поставлено имя Іоанна, монаха изъ монастыря св. Савы: *Ἱστορία ψυχοφελής ἐκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν Αἰθίοπων χώρας τῆς Ἰνδῶν λεγομένης πρὸς τὴν ἁγίαν πόλιν μετενεχθεῖσα διὰ Ἰωάννου μονάχου τιμίου καὶ ἐναρέτου μόνης τοῦ ἁγίου Σάβα ἐν ἣ ὁ βίος Βαρλάαμ καὶ Ἰωασάφ τῶν ἀοιδίων καὶ μαχαρίων*. Смѣшеніе именъ могло произойти тѣмъ легче, что Дамаскинъ жилъ такъ же въ этомъ монастырѣ. Большая часть новѣйшихъ ученыхъ не рѣшаются приписать исторію Варлаама Дамаскину и вопросъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ; иные считаютъ ее сочиненіемъ какого нибудь восточнаго, быть можетъ Эіопскаго или Абиссинскаго христианина, сочиненіемъ, перешедшимъ потомъ въ Греческую литературу. Что пустынный Варлаамъ былъ лицо историческое, видно изъ свидѣтельствъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста, по словамъ которыхъ Варлаамъ жилъ въ III — IV столѣтіи по Р. Х., въ землѣ Сеннааръ, въ Азіи. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Іосафата былъ Греческій текстъ, переданный въ Латинскомъ переводѣ Георгія Трапезунтскаго (*Georgius Trazuntius*); легенда принесена была въ 1220—33 г. изъ Константинополя въ Германію аббатомъ Гвидо и разошлась очень быстро. Исторія получила сперва нѣсколько Нѣмецкихъ и Французскихъ обработокъ въ стихахъ и въ прозѣ; по сѣверно-Французской передѣлкѣ сдѣланъ былъ въ началѣ XIV вѣка переводъ Итальянскій; изъ Нѣмецкой литературы произошла Шведская народная книга *Varlaam och Josaphat* и Исландская *Varlaams-saga*; по Латинскому подлиннику составила Испанская редакція. Въ Чешской литературѣ переводъ Варлаама и Іосафата появился еще въ концѣ XV столѣтія (*Jungmann 113*); Польскій переводъ Кулиговскаго сдѣланъ по Латинскому Як. Билія и напечатанъ въ Краковѣ 1688 (ср. *Bentkowski 2, 396*). Печатныя изданія Варлаама очень давни: *editio princeps* одного Латинскаго перевода — *Incipit liber gestorū bar-*

laam et iosaphat servorū dei greco sermone editus a iohane damasceno viro sancto et erudito — вышедшее s. I. et a., относясь къ 1470 — 80 годамъ (Argent.), слѣдовательно къ числу самыхъ рѣдкихъ инкунабуловъ; очень стары такъ же Нѣмецкое и Чешское изданія; объ Англійскомъ см. *Wat.*, *Bibl. Britannica* 282 x. Наконецъ исторія Варлаама извѣстна и въ нѣкоторыхъ восточныхъ литературахъ: Еврейская передѣлка ея подъ названіемъ «царевичъ и дервишъ», составленная по Арабской редакціи, есть одна изъ любимыхъ книгъ новой Еврейской литературы; издавна и доселѣ она печатается нерѣдко и переведена теперь на Нѣмецкій языкъ (*Meisel*, *Prinz u. Derwisch*. *Stett.* 1847); объ Армянской передѣлкѣ — roman d'Novasaph et Baragham — упоминаетъ ак. Броссѣ въ своемъ отчетѣ объ археологическомъ путешествіи въ Грузію (*Rapports sur un voyage etc.* *St.-Pet.* 1849. 1 livr. p. 59). Нѣкоторые замѣчательные факты изъ литературной исторіи Варлаама и Іосафа объяснены или открыты только въ послѣднее время и потому до сихъ поръ нѣтъ общаго обзора ея, въ которомъ бы вполне представлены были начало и судьбы этого произведенія; такъ, недавно только опредѣлена ак. Дорномъ Арабская редакція Варлаама, найденная въ рукописи, принадлежащей Его Высоч. А. С. Норову.

Библиографическія и литературныя замѣчанія у *Grässe*, *Sagenkreise* 460—463, *Lehrbuch* 2, 1, 351 ff.; — *Fabricii*, *Bibl. gr.*, ed. *Harless* 9, 737. 12, 73; — *Val. Schmidt* въ *Wiener Jahrb.* Bd. 26, S. 33 ff. и др. Греческій текстъ изданъ *Буассонадомъ* въ его *Авѣхдота*, *Анеcd. graeca.* *Paris.* 1832. t. 4, 1—365; — *Schubert* въ *Wien. Jahrb.* Bd. 63, 44—83. Bd. 72, 274—288. Bd. 73, 176—202. Скандинавская ред. *Barlaams ok Josaphats saga.* *Christ.* 1851. Новѣйшія изслѣдованія: *Steinschneider* въ *Zeitschr. d. d. morg. Ges.* 1851. 5 Bd., 1-es Heft; ак. *Дорнъ* и *Минцловъ* въ *Bulletin hist.-philolog.* t. 9, № 20—21. Характеристику содержанія см. у *Донлопа* 27—32, *Холевіуса* ib. 164—166.

Русскій или вѣрнѣе старо-Славянскій переводъ Варлаама давно уже примкнулъ къ этой литературной исторіи; древнѣйшіе списки его восходятъ къ XIV — XV столѣтіямъ. Варлаамъ и Іосафъ, въ старо-Славянскомъ переводѣ, принадлежалъ и южно-Славянской письменности въ той же, если не въ боль-

шей, степени, какъ и Русской; онъ принадлежитъ, безъ сомнѣнiя, той эпохѣ, когда между ними поддерживалось дѣятельное общенiе въ памятникахъ литературы. Миклошичъ упоминаетъ Сербскую рукопись Варлаама, принадлежащую XVI вѣку (Vergleich. Gram. d. slav. Spr. I, xiv). Какъ на западѣ, такъ и у насъ, исторiя пользовалась большимъ уваженiемъ; почти въ каждой изъ старинныхъ нашихъ описей книгъ упоминается одинъ или нѣсколько экземпляровъ Варлаама и Иоасафа. Укажемъ для примѣра переписную книгу домовою казны патр. Никона, опись книгамъ митроп. Павла, Сарскаго и Подонскаго, опись степенныхъ монастырей, составленную въ XVII столѣтiи (Времен. кн. 15, Чтенiя 1848); въ послѣдней «книга Иоасафа или Асафа царевича» поминается безпрестанно. — подъ № 2044 означена «книга Иоасафа царевича, въ доскахъ, писменная, въ дестъ (т. е. in-folio), *ветха, на харатьѣ*». Объ успѣхѣ Варлаама, кромѣ значительнаго числа списковъ его, извѣстныхъ теперь, можно судить и по тому, что въ XVII-мъ столѣтiи вышло два изданiя этой книги: одно для Бѣлорусскихъ читателей, другое въ Москвѣ. Первое, въ четверку, съ слѣдующимъ заглавiемъ, помѣщеннымъ среди грубыхъ изображенiй Варлаама, Иоасафа, Ио. Дамаскина, царя Авенира и пр.: *Гисторiя ѡлбо Правдивое выписан(е) ст. 'Иѡанна Дамаскина ѡ житiи стѣхъ Прп^а: ѡцѣ Варлаама ѡсафа и ѡ навернѣю Индiянъ*. Старанѣмъ и коштомъ Инокѡвъ Общежителнаго Монастыря Кутеевскаго, новоу Гречкого и Словенскаго на Рускiй языкъ преложена. въ Типографiи тоей обители. Року ахлз iюля, кѣ дня»; затѣмъ на 4 л. предмова, на 4 л. оглавленiе, въ книгѣ 363 листа. Въ предисловiи издатели объясняютъ, почему они издали «ново простымъ языкомъ Рускимъ для snadнѣйшого (т. е. легчайшаго) понятiя и науки» эту книгу, котѡрая вмѣстѣ съ другими сочиненiями Дамаскина «на семомъ Вселенскомъ соборѣ апробована, а за часомъ зъ Гречкого на Латинскiй и Словенскiй языкъ переложена»; на послѣднемъ листѣ «пѣснь святого Иоасафа, кгда вышолъ на пустыню» и затѣмъ «пересторога до ласкаваго чителника», котораго просятъ о исправленiи ошибокъ. Московское изданiе folio; на заглавномъ листѣ прекрасно выгравированныя Симономъ Ушаковымъ изображенiя мира и брани; заглавiе: «Во славу Святыя Троицы,

Отца и Сына и Святаго Духа: Повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего царя, и великаго князя *Феодора Алексіевича*, всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи самодержца: Благословеніемъ же въ духовномъ чину отца его и богомолца, великаго господина святѣйшаго Курь *Іоакима*, Патріарха Московскаго, и всея россіи: Издадеся книга сія содержащая Исторію, или повѣсть святаго и преподобнаго отца нашего Іоанна, иже отъ дамаска, о преподобномъ отцѣ Варлаамѣ пустынножителі: и о Іоасафѣ царѣ Індійстемъ.... Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ типографіи верхнѣй: Въ лѣто отъ сотворенія мира, зрѣе: Отъ рождества же по плоти Бога Слова, аѣп: Індікта, д: Мѣсяца септеврїа». На л. 1—4 «предисловіе къ читателю», въ стихахъ, и оглавленіе, на л. 5—13 служба святымъ (ноября 19); затѣмъ, по новому счету, л. 1—4 «стиси красогласнїи въ похвалу преподобнаго отца нашего Іоасафа царя индійскаго», за которыми слѣдуетъ табличка изъ буквъ, въ извѣстномъ порядкѣ составляющихъ фразу, — родъ шарады, — потомъ другая уже упомянутая нами картинка Симона Ушакова, и текстъ на л. 1—215. Послѣдніе два листа заняты новыми стихами, въ которыхъ заключается «молитва святаго Іоасафа въ пустыню входяща», отличная отъ помѣщенной въ первомъ изданіи. Въ описаніи старопечатныхъ книгъ гр. Толстаго оба изданія отмѣчены подъ № 87 и 164, Царскаго № 108 и 213. Укажемъ теперь нѣкоторые списки:

— Толст. 2. 89 Публ. Б-ки I. Q. 315 рукопись XV вѣка на 200 л.: «Сік писавік дшеполезно ѿ вноутренїа іефѣопьскїа страны гѣмьнїа индіа въ градѣ чтнїи пренеено (sic) іданно мнїхо мѣже чтнїи и добродѣтелнїи монастыра стго савы внемже житїе варлама іасафа прїопамаіною и бжтвеною, гї бгївї», нач. «елици оубо дхомъ бжїимъ водими сѣт. си сѣтъ сїве бжїи» и пр.; — Толст. 1, 255 представляетъ другой списокъ XV-го вѣка. Рукопись XIV в. указывается въ пред. къ Лавр. лѣт., изд. А. Ком.

— Царск. № 679 рук. XVI в. 273 л. съ тѣмъ же заглавіемъ; — № 90 рук. XVII в. «Повѣсть полезна житїа святыхъ и преподобныхъ отецъ, пустынножителъ и постнїкъ Індїйскихъ, Варлаама пустынника и ученика его Іоасафа

царевича, сына Авенѣра царя Индѣйскаго, — списано Иванномъ мнихомъ обители св. Саввы, иже въ Иерусалимѣ. — см. также № 91; — отрывки изъ Варлаама находятся въ рпсяхъ XVI в. № 384 и 388, въ сборникахъ XVII в. № 401 и 423, и въ рукописяхъ болѣе новыхъ № 477, 492 и 570.

— Б-ки Моск. Общ. № 157, Патерикъ Печ. нач. XVI в., гдѣ на л. 182—194 находится неполная исторія Варлаама: «Сія книга принесена изъ внутренняя Египція, глаголемыя Индѣйскія страны, во святой градъ Иерусалимъ, Иоаномъ мнихомъ, мужемъ честнымъ и добродѣтельнымъ, сущаго монастыря св. Саввы, изображение душеполезно, — сія книга царя Асафа дѣланіе, ему же наказатель авва пустынный Варлаамъ» — по мнѣнію г. Строева *протографъ* позднѣйшихъ исторій о Варлаамѣ (?); странность и неправильность этого выраженія была уже замѣчена г. Ундольскимъ (Москв. 1843. 3, 168); — № 72 рук. конца XVII в. на 384 л., заглавіе почти такъ же, какъ въ Царск. № 90; — № 57 сборн. житій, XVIII вѣка, стр. 627—681 сокращенное изложеніе исторіи, — «отъ св. Иоанна Дамаскина вкратцѣ собранное»; — № 302 рук. XVII в. на 139 л. кажется такъ же сокращеніе. Рукопись М. Общ. № 73 есть списокъ съ Московскаго печатнаго изданія.

Время старо-Славянскаго перевода трудно опредѣлить съ точностью, по недостатку положительныхъ извѣстій; но во всякомъ случаѣ несомнѣнна большая его древность. Сколько можно судить по чертамъ языка въ болѣе древнихъ рукописяхъ, исторія Варлаама могла перейти къ намъ изъ литературъ южно-Славянскихъ въ XIV, а можетъ быть въ XIII вѣкѣ, или даже раньше. Старо-Славянскій характеръ языка съ значительной силой выдерживается и въ позднихъ спискахъ. Что касается до подлинника, по которому сдѣланъ былъ нашъ переводъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ Греческій, хотя иные и думали, что прототипомъ нашей редакціи былъ Латинскій переводъ Георгія Трапезунтскаго; самое заглавіе нашихъ древнихъ списковъ представляетъ буквальный переводъ Греческаго заглавія; сравненіе текстовъ окончательно говоритъ за оригиналъ Византійскій. Оба печатныя изданія составлены по тексту рукописей, а не по новому переводу, но конечно не безъ перемѣнъ, — Греческій подлинникъ могъ быть взятъ только для

справокъ. Трудъ первыхъ издателей состоялъ гласнымъ образомъ въ передѣлкѣ Славянскаго языка на «Русскій», т. е. на Бѣлорусское или Польско-Русское нарѣчіе, какое господствовало у всѣхъ писателей нашихъ того времени, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ западной Руси; Московское же изданіе осталось болѣе вѣрно старому чтенію, но подновляло языкъ подъ уровень тогдашняго книжнаго языка. Единство перевода не трудно замѣтить, сличая этотъ печатный текстъ напримѣръ съ Толст. спискомъ 2. 89.

По справедливому замѣчанію Донлопа, исторія Варлаама и Іоасафа особенно интересовала читателей апологами и притчами, вложенными въ уста отшельника Варлаама, который пользовался ими для убѣжденія царевича. Большая часть ихъ, по самому характеру вымысла, принадлежит очевидно восточной фантазіи; за каждымъ рассказомъ слѣдуетъ христіанское поученіе, догматическое или нравственное. Мудрыя притчи Варлаама были очень извѣстны въ средне-вѣковыхъ литературахъ Европы; передѣлки и подражанія имъ нерѣдки въ западныхъ сборникахъ повѣстей, новеллъ и сказокъ. У насъ эти статьи давно уже выбраны были изъ исторіи Варлаама и безпрестанно передисывались въ сборники; независимыя отъ главнаго сюжета, притчи Варлаама ходили отдѣльными рассказами и въ послѣдствіи приписывались даже другимъ лицамъ и писателямъ христіанскимъ. Такова напр. «притча о инѣрозѣ», какъ названа она въ Толст. рукописи 2. 89, находящаяся въ 12-й главѣ подлинной исторіи: одинъ путникъ, встрѣтивши въ полѣ «инорога», побѣжалъ отъ него чрезвычайно испуганный, и попалъ въ пропасть, успѣлъ однако схватиться за дерево и удержался на воздухѣ; путникъ посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ, какъ двѣ мыши, бѣлая и черная, подгрызали корень дерева, на которомъ онъ держался; на днѣ пропасти яростно изгибался страшный змѣй, дышавшій огнемъ, — и хотѣлъ пожрать путника; изъ стѣны выходили четыре головы аспидовы. Въ то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда, и забывъ окружающіе его ужасы, «устремился къ сладости малаго меду». Притча изображаетъ жизнь человѣческую: инорогъ, преслѣдующій человѣка, есть неумолимая смерть; дерево, подгрызаемое мышами, — время,

уходящее съ каждымъ днемъ и ночью; змѣй огненный — адова утроба, которая стремится пожрать человѣка; аспидовы главы — «прелестныхъ стихій составъ» т. е. его физическія слабости; капля меду — краткія пріятности жизни, заставляющія человѣка забывать объ ужасахъ смерти и о вѣчномъ спасеніи. Источникъ этой притчи указывали въ Арабской передѣлкѣ Гипопазезы, извѣстной подъ именемъ Калила-ва-Димна (*Lois.-Des-longchamps, Essai sur les fables indiennes* p 64); отсюда перешла она во многіе другіе сборники, а съ именемъ Варлаама повторяется въ 168 главѣ *Gesta Romanorum* (übs. v. *Grässe*, изд. 1850. 2, 103). Рюкертъ перевелъ ее на Нѣмецкій языкъ въ своемъ собраніи, у насъ она извѣстна въ изящной передачѣ Жуковскаго, «изъ Талмуда». Въ старинныхъ сборникахъ нашихъ «притча о богатыхъ, изъ *Волмарскихъ книгъ*» встрѣчается очень часто, иногда съ именемъ, иногда безъ имени Варлаама; въ Румянц. сборникѣ XVII вѣка, № 363, на л. 157 — «выписано изъ пролога и изъ иныхъ различныхъ книгъ о душевной ползѣ», — статьи нравственно-религіознаго содержанія, отмѣченныя по главамъ, между которыми 27-й главой помѣщена притча наша подъ заглавіемъ «слово св. преподобнаго отца нашего *Веръма* (sic) о житіи семъ, благослови отче» (нач. «человѣкъ вѣкии хождаше на полѣ чистѣ и не бѣ въ поле томъ ни дебріи ни лѣсу и пр.); имя Ефрема поставлено по ошибкѣ или по другому поводу. У насъ былъ извѣстенъ впрочемъ и другой рассказъ этого содержанія, нѣсколько отличный отъ притчи Варлаама и составленный по какойнибудь особенной редакціи аполога.

Укажемъ нѣкоторые изъ многочисленныхъ списковъ этой притчи: — *Румянц.* въ новомъ сборникѣ № 374; — *Царскаго.* въ сборникѣ и въ Измарагдахъ XVI вѣка. № 373, 142, 691, — въ сборн. XVII в. № 389, 410, 721; — *Толст.* въ рписи XV вѣка 1. 214, въ сборникахъ XVII вѣка 2. 67, 3. 74. и друг. Статья называется такъ же притчей Варлаама «о животѣ и смерти», притчей Варлаама «о богатыхъ» и т. п.

Другая притча «о трехъ друзехъ», въ 13 главѣ исторіи, рассказываетъ, какимъ образомъ одинъ человѣкъ, поплавишій гнѣву царя, оставленъ былъ двумя друзьями своими, которыхъ очень любилъ, и неожиданно получилъ помощь отъ третьяго, кото-

рымъ прежде пренебрегалъ. Мораль притчи состоитъ въ томъ, что первые два друга т. е. богатство и сродники, не принесутъ человѣку спасенія, хоть онъ и заботится о нихъ, а третій другъ т. е. вѣра, надежда, любовь и прочія добродѣтели, хотя и не столько уважаемыя человѣкомъ, всегда бываютъ для него благодѣтельны. Притча, также извѣстная въ средне-вѣковыхъ западныхъ литературахъ, въ сборникѣ Царск. XIV вѣка. № 361, л. 81 — 82 названа «притча св. Варлама о печали житійстѣй, и о суетнѣмъ богатствѣ, и о милостыни» (нач. «человѣкъ нѣкто имѣяше три другы, двою же любляше и чтяше» и пр.); такъ же она означена въ Макар. Минейхъ, подъ 16 апрѣля, и въ другихъ позднихъ спискахъ. Въ Патерикѣ Печ. XVI вѣка, Б-ки Моск. Общ. № 157, об. л. 166 — 168 статья названа «притча шестая Варламя о печали житійстей и о суетнѣмъ богатствѣ и о женѣ и о дѣтлхъ и о блазѣй милостыны» (нач. «человѣкъ нѣкто имѣя три другы» и пр.); въ сборникѣ Царскаго, XVII-го вѣка, № 410 л. 266 — 268, притча озаглавлена «повѣсть великаго Василія», какъ предыдущая приписана была Ефрему.

Другіе списки: — Царск., въ Измарагдѣ XVI в. № 142 и 691, въ сборникѣ XVII в. № 389; — Толст. въ сборникѣ XV в. 1. 214; — Б-ки Моск. Общ., въ сборникѣ XVII в. № 222; — Румянц. сборн. № 363 въ указанныхъ прежде выпискахъ изъ пролога, глава 45-я, и проч.

Не менѣе любопытны другія притчи, разсѣяныя въ исторіи Варлаама, или по своему оригинальному содержанію, или по обширной извѣстности. Одна изъ нихъ, названная въ Толстовскомъ списокѣ XV вѣка «притча ѿ земьствованиѣ прѣ» и поучающая людей «милостынею богатства въ небо пресылати», разсказываетъ, что жители одного города имѣли обыкновеніе выбирать себѣ въ цари какого нибудь чужеземца, который бы не зналъ ихъ нравовъ и обычаевъ: онъ получалъ всѣ права и наслаждался всѣми удовольствіями, какія даетъ власть, но черезъ годъ его лишали царскаго достоинства и отсылали на далекій островъ, гдѣ онъ долженъ былъ вести самую бѣдственную жизнь. На его мѣсто выбирали другого царя, котораго черезъ годъ постигала таже участь. Многіе пострадали такимъ

образомъ; но одинъ мудрый иноземецъ, будучи выбранъ царемъ, постарался узнать законы и обычаи жителей, устроилъ себѣ на островѣ спокойное жилище, отослалъ туда своихъ слугъ и богатства, и, заточенный на островъ по истеченіи срока, могъ вести жизнь покойную и роскошную. Нравственный выводъ состоитъ въ томъ, что люди такъ же должны готовить себѣ мирную жизнь въ будущемъ вѣкѣ и заботиться о ней во время земнаго существованія. Этому разсказу ученые приписываютъ чисто-восточное происхожденіе, потому что на востокѣ онъ извѣстенъ не менѣе, чѣмъ на западѣ: онъ вошелъ отчасти въ 74-ю главу *Gesta Rom.* (*Grässe 1, 137—140*), находящуюся и въ Русскомъ сокращенномъ переводѣ этого произведенія, и повторяется въ 40-й главѣ знаменитаго Испанскаго романа, или сказочнаго сборника, XIV вѣка, *El conde Lucanor* (*Dunlop 462*). Другая притча Варлаама, въ 6 главѣ исторіи, научающая «яко не по виѣшнимъ одеждамъ подобаетъ человекѣ почитати», кромѣ *Gesta* и другихъ Латинскихъ и не Латинскихъ сборниковъ, встрѣчается также у Итальянскихъ новеллистовъ и между прочимъ въ Декамеронѣ *giorn. X, nov. 1*, и въ *Confessio Amantis* Гоуэра, l. 5. Шекспиръ, который такъ часто заимствовалъ сюжеты изъ средневѣковыхъ новеллъ и преданій, воспользовался въ Венеціанскомъ купцѣ и этимъ разсказомъ. Притча «о славянѣ» или о трехъ совѣтахъ, данныхъ соловьемъ пойманному его человекѣ, основывается на одной баснѣ Бидпая (*Lois.-Deslongchamps, Essai p. 71*); находится потомъ въ извѣстномъ Латинскомъ сборникѣ среднихъ вѣковъ *Disciplina clericalis* (с. 23), въ 167-й главѣ *Gesta Rom.*, въ старинной Французской передѣлкѣ *lai d'oiselet* (*Barbazan 3, 114*), въ разныхъ Нѣмецкихъ пересказахъ (*Gödeke, D. Dichtung im Mitt. Hannover 1854. 640, 650. 671*) и проч. Изъ остальныхъ притчъ упомянемъ наконецъ о той (гл. 29 исторіи), которою такъ ловко воспользовался Боккаччо въ предисловіи къ четвертому дню Декамерона (ср. *Dunlop 230*).

Большая извѣстность этой исторіи сообщила имя царевича Юасафа и народной словесности: отсюда объясняется «разговоръ царевича Юасафа (Осафія) съ пустынею», напечатанный Кирѣвскимъ въ числѣ духовныхъ стиховъ (Чтенія 1848. 9, 181).

«Пѣснь» Іоасафа царевича находится и въ старыхъ рукописяхъ, напр. Толст. 2, 442, Царск. № 492, 570. (ср. Оп. Румянц. Муз. 623 — 624).

Укажемъ и нѣсколько другихъ притчъ, встрѣчающихся въ старинныхъ сборникахъ и по характеру довольно сходныхъ съ притчами пустытника Варлаама. Въ притчѣ «о составѣ тѣла человѣча», иногда приписываемой Іоанну Златоусту, въ формѣ загадки и толкованія изображается смерть человѣка и исходъ души отъ тѣла; въ иныхъ спискахъ статья называется «слово, притчею сведено, о составѣ тѣла человѣча и о души» или — «о тѣлѣ человѣчи и о души» и т. п. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ статей, какія всего болѣе обыкновенны въ старыхъ сборникахъ. Вотъ нѣкоторые изъ ея списковъ: въ *Толст.* сборникѣ XV вѣка 1. 214, на л. 135 и 136, и въ сборникѣ XVII вѣка 2. 442; — въ *Румянц.* сборн. XVII в. № 363; — *Б-ки Моск. Общ.* въ сборн. XVII в., № 208; — въ *Царск.* рукописяхъ XVI вѣка № 142, 343, 691 и друг.

Къ тому же предмету относится другая притча, по заглавію отчасти сходная съ первой: «слово о притчи, сказанной о тѣлѣ человѣчи и о души и о воскресеніи мертвыхъ» въ сборникѣ Царскаго XVII вѣка, № 401 л. 103 — 105 (нач. «человѣкъ, нѣкто добра рода насади виноградъ и оплотомъ огради» и пр.; ср. въ словѣ Кирилла Туров. «о хромци и о слѣпци», и Толст. сборникѣ XVII вѣка 2. 482, л. 204 — 206).

Третья притча озаглавляется просто — «списано съ толкомъ (= съ толкованіемъ) о ускомъ пути, ведущимъ въ жизнь вѣчную, и о широкомъ пути, ведущимъ въ муку вѣчную» или «слово св. отецъ, съ толкованіемъ» и проч. Списки ея нерѣдки: — *Царскаго*, въ рукописи XVI стол. № 343, и въ сборникахъ XVII в. № 390, 394, 399, 420; — *Моск. Общ.* въ сборникѣ XVII в. № 208 и др.

Сюда же принадлежитъ «повѣсть житія душеполезнаго, что есть житіе се настоящее по чину, притча о дворѣ и о змѣи», означаемая именованіемъ Златоуста, въ Толст. сборникѣ XVI вѣка 2. 299 л. 109 — 116; въ сборникѣ Моск. Общ., XVII столѣтія, № 193 л. 562 — 569 повѣсть названа «притча душеполезна о змѣи, бесѣдуема о міродержителехъ и всякой власти настоящаго

сего житія (Слово 52-е отъ Златоструя)». Притча эта, скорѣе принадлежащая къ области аполога, встрѣчается такъ же въ другихъ рукописяхъ и навѣчана въ «Сборникъ», изданномъ при Петрѣ В. въ 1700 г., стр. 388.

Та же повѣсть пересказана была въ журналѣ 1770 г. «Парнасскій Щепетильникъ» стр. 247—264.

Охота къ притчѣ распространилась до такой степени, что старинные читатели наши съ любопытствомъ списывали и вносили въ сборники и такія притчи, которыя не имѣли никакого повѣствовательнаго или поучительнаго интереса и порождены были одной сухой схоластикой. Такимъ образомъ между повѣстями и разказами вставлялось «писание вкратцѣ сведено притчею о годѣ и о прочихъ предстоящихъ въ немъ» или по другому заглавію «глаголется притчею о году солнечнѣмъ, что есть годъ» (Царск. № 401, Толст. 2. 181 и мн. др.), гдѣ иносказательно представляется раздѣленіе времени и разныя хронологическія счеты, и больше ничего; настоящее мѣсто этого разказа было при святцахъ и календаряхъ. Притчами описываются такъ же четыре *времени года*, объясняемая разными сравненіями и уподобленіями; а въ одной изъ Румянцов. рукописей встрѣчается даже изложеніе семи свободныхъ *художествъ* въ видѣ притчъ. Само собою разумѣется, что эти риторическія упражненія могли быть интересны только для отчаянныхъ грамотѣвъ стараго времени.

Въ рукописяхъ XVII столѣтія встрѣчается и притча или иносказательная повѣсть Русскаго сочиненія, изображающая борьбу смерти съ жизнью: смерть увидѣла въ полѣ удалаго богатыря, отвѣчала на похвальбу его описаніемъ своего могущества, и наконецъ лишила его жизни. Эта «прѣдѣ смерти съ животомъ» находится въ сборникѣ Царск. XVII вѣка № 410 л. 272 — 278 (нач. «бѣ пѣкій человекъ, воинъ удалый, ѣздилъ по полю чистому, и по раздолью широкому, избивалъ полки многія»), въ сборн. XVIII стол. № 449 л. 33 — 36; въ Толст. сборникѣ XVII в. 2. 442 л. 4 — 8 и въ другихъ рукописяхъ; въ Погодинскомъ сборникѣ XVII — XVIII в. № 1773, эта статья помѣщена на л. 80 — 84 подъ заглавіемъ «повѣсть о

бодрости человѣческой» (нач. «человѣкъ нѣкій вѣдѣше по полю чистому, по роздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостию обложенъ, звѣровиденъ» и пр.). Въ этомъ послѣднемъ спискѣ, смерть убѣждаетъ богатыря въ своей силѣ между прочимъ такими примѣрами: «отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никто же противъ мене стояти не могъ... Царь Александръ Македонскій храбръ и мудръ и самъ былъ сильный, и онъ говорилъ тако: аще (бы) было колю въ землю вдѣлано..., азъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ, — да и тутъ не смѣлъ со мною драться; да еще каковъ былъ Акиръ премудрый, и тотъ спиратися не смѣлъ, да и тѣхъ азъ есмь всѣхъ взяла, яко единого отъ сиротъ убогихъ». Любопытно, что этотъ рассказъ о борьбѣ смерти съ богатыремъ повторяется въ преданіи объ ужасномъ разбойникѣ Аникѣ, жившемъ когда-то въ Аникиномъ лѣсу, верстахъ въ десяти отъ Вологды (см. замѣтки г. Погодина, Москв. 1843. 11, стр. 245—246 въ смѣси). Какъ и другой народный богатырь, Аника имѣетъ свою былинку; встрѣча его со смертью представлена въ извѣстной лубочной картинкѣ «Аника воинъ и смерть».

Всѣ эти произведенія не лишены историко-литературнаго интереса въ томъ отношеніи, что были очень распространены, какъ чтеніе доступное для массы. Въ содержаніи старинныхъ сборниковъ часто можно замѣчать намѣреніе составителя собирать статьи подобнаго рода т. е. имѣющія и занимательность рассказа и нравоучительныя примѣненія. Небольшіе рассказы были при этомъ тѣмъ больше кстати, что скоро могли быть и прочитаны и списаны; такъ отрывки и притчи изъ Варлаама попадаютъ чаще, чѣмъ весь Варлаамъ. Изъ каждой прочитанной книги составитель сборника выбиралъ, что ему особенно нравилось; къ любимымъ и общеизвѣстнымъ статьямъ, каковы были притчи Варлаама, прибавлялъ небольшія повѣсти и выписки изъ другихъ книгъ и собраній, перемѣшивалъ или вовсе не означалъ имена авторовъ, — такъ что непривычному трудно ориентироваться въ этомъ случайномъ соединеніи статей разнаго содержанія, происхожденія, иногда и разной цѣли. Въ среднюю эпоху, отъ XIV до XVI столѣтія включительно, въ сборникахъ нѣтъ еще явныхъ попытокъ специальности, или эта специаль-

ность ограничивалась духовно-нравственными повѣстями, заимствованными изъ житій, отечниковъ, «Старчества» и тому подобныхъ источниковъ. Сборники, посвященные только повѣстямъ и сказкамъ, мы находимъ уже въ XVII столѣтїи, когда ихъ и появилось всего болѣе. Но и прежняя, на половину духовная повѣсть, имѣла своихъ любителей; нѣкоторыя изъ ея произведеній до того сроднились съ понятїями народа, что вошли даже въ его собственную словесность: въ этомъ знакомствѣ съ письменной литературой лежатъ зародышъ многихъ поэтическихъ фантазій, каковы напр. такъ называемые «стихи»; иные духовные рассказы уже въ старыхъ рукописяхъ получаютъ оттѣнки народнаго изложенія.

Иногда и внѣшній видъ книжныхъ произведеній ставилъ ихъ въ нѣкоторую связь съ произведеніями народными. Такимъ образомъ притча «о составѣ тѣла человѣча» кромѣ аллегорическаго смысла представляетъ и форму *загадки*. Загадка, какъ и пословица, принадлежитъ къ числу любимыхъ приемовъ всякой народной поэзіи; ею хотѣли выразить пытливость и въ тоже время оборотливость человѣческаго ума; содержаніе коренныхъ загадокъ всегда относится къ предметамъ, наиболѣе занимавшимъ народную фантазію. Если теперь, съ упадкомъ старинныхъ понятій, загадка низошла на степень обыкновенной забавы отъ нечего-дѣлать, то древнѣйшее значеніе ея соединялось съ основными народными вѣрованьями; потому загадываніе и разрѣшеніе загадокъ приписывалось большею частью личностямъ мѣстическимъ, для которыхъ однихъ доступны были таинственные вопросы. Какъ Греческій сфинксъ предлагаетъ загадки Эдипу, такъ въ Скандинавскомъ преданіи богъ Одинъ спорить о мудрости съ великаномъ Вафтрудниромъ посредствомъ загадокъ; Сербскія вилы и наши русалки губятъ тѣхъ, кто не умѣетъ отвѣчать на загадки ихъ. Въ дальнѣйшей судьбѣ своей, загадка теряла первобытный смыслъ вмѣстѣ съ исчезаніемъ старины въ повѣрьяхъ и преданіяхъ; изображая въ загадкѣ подъ разными картинами и образами солнце, мѣсяцъ, ночь и т. п., народъ понимаетъ теперь ее только какъ поэтическое уподобленіе, между тѣмъ какъ прежде въ этихъ образахъ рисовались живыя мѣстическія представленія. Но и послѣ этого перерожденіе

ня, загадка сохранила свою прелесть для народной поэзии, хотя в содержании ее в последствии появилось много нового. Как и один из эпических мотивов, загадка смешивалась иногда с другими формами народной поэзии; формой загадки обладала общеизвестная пословица, загадка служила зерном, из которого развивались и целыя произведения: такъ, въ свадебной пѣснѣ женихъ предлагаетъ невѣстѣ загадки — «что у насъ краше свѣту, гуше лѣсу, что у насъ безъ умолку, безъ коренья» и пр., — а невѣста отгадываетъ ихъ. Въ названной притчѣ иносказаніе соединено съ формою загадки, такъ что произведеніе книжное сближается здѣсь съ мотивомъ народнымъ. Въ Румяновскомъ сборникѣ XVII вѣка, № 363, она читается такимъ образомъ:

«Иже рече Писаніе, что есть — егда земля опустѣеть, а царь изнеможеть и силнии его разыдутся, тогда разрушатся каменнии гради, источницы изсякнутъ, и вѣтри не возвѣютъ, пути великія запустѣютъ, престанутъ жерновы мелющія, и море великое умертвится, многолиственное древо падеть, затворятся двери и врата плодовитая, скоти разыдутся, рабы и рабыни отъ глада изомрутъ, тогда царица изыдетъ отъ престола своего, излетитъ аки твердозаклепанная голубица отъ гнѣзда своего?

«Толкъ. Слышите сказаніе притчи сея: се же, егда опустѣеть земля, рекше не здраво будетъ тѣло; и царь изнеможеть, рекше умъ отыметя; а силнии его разыдутся, рекше мысли погибнуть; тогда разрушатся каменнии гради, рекше раступятся кости человѣчскія; источницы изсякнутъ, рекше слезы отъ очію не потекутъ; вѣтри не возвѣютъ, рекше дыханіе отыметя; пути великіе запустѣютъ, рекше гортань....; престанутъ жерновы мелющія, рекше зубы; затворятся двери и врата, рекше уши и уста; море великое умертвится, рекше утроба человѣчская; многолиственное древо падеть, рекше многоглаголивый языкъ; плодовитая врата заградятся, рекше многословесныя уста; скоти разыдутся, рекше лукавыя помыслы погибнуть; рабы и рабыни отъ глада изомрутъ, рекше руцѣ и нозѣ промокнутъ (sic?); тогда царица изыдетъ отъ престола своего и отлетитъ яко твердозаклепанная голубица отъ гнѣзда своего, рекше душа человѣчская изыдетъ отъ тѣла»....

Мы видѣли, что всеобщее распространеніе загадки замѣтно и на древнѣйшихъ повѣстьяхъ Русской письменности: сказаніе

о Синагриѣ все построено главнымъ образомъ на спорѣ двухъ царей о мудрости посредствомъ загадокъ, — въ чемъ оно родственно съ преданіемъ о Соломонѣ, записаннымъ у Іосифа Флавія; мы видѣли, что и въ нашемъ сказаніи о Соломонѣ загадка играетъ не маловажную роль. Другія переводныя повѣсти такъ же употребляютъ загадку пружиной разсказа, и Русское «слово о купцѣ Басаргѣ» основано на разрѣшеніи семилѣтнимъ отрокомъ мудреныхъ задачъ, предложенныхъ нечестивымъ царемъ. Не мудрено поэтому, что форма загадки была отнесена и къ другимъ предметамъ, которые занимали старинныхъ грамотѣевъ и требовали искуснаго объясненія. Въ сборникахъ XVII вѣка находятя статьи подобнаго рода, означаемыя неопредѣленнымъ названіемъ «бесѣда святыхъ отецъ», чѣмъ хотѣли выразить ихъ назидательное значеніе. Въ діалогической формѣ загадки здѣсь излагались различныя свѣдѣнія, отчасти извлеченныя изъ духовной исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводилось многое изъ круга народныхъ знаній и преданій. Такимъ образомъ и космогоническія свѣдѣнія, выраженныя въ извѣстномъ стихѣ о Голубиной книгѣ, находятъ себѣ подтвержденіе въ подобныхъ письменныхъ памятникахъ; сличенія, сдѣланныя г. Буслаевымъ, показываютъ, что народная поэзія тѣсно сближалась въ этомъ случаѣ съ литературой письменной, и что каждая изъ нихъ имѣла долю свою во взаимномъ вліяніи (ср. Архивъ, Калачова, 1, 20 — 23).

Діалогической формой стихъ о Голубиной книгѣ одинаково соответствовалъ и книжнымъ памятникамъ этой категоріи, и произведеніямъ народной словесности. По содержанію, онъ очевидно находится въ связи съ преданіями, заходившими къ намъ путемъ литературы: сильно передѣланныя на Русскій ладъ имена чудныхъ существъ повторяются одинаково и въ стихѣ и въ старинныхъ азбуковникахъ, бравшихъ свои свѣдѣнія изъ другихъ древнѣйшихъ источниковъ. *Стратимъ* или *истрофиль*-птица (ἡ στρουθίος), *звѣрь-индрикъ* (ἰνδρα) очевидно того же происхожденія, какъ *звѣрь-китоврасъ*, *птица-сирий* или *адконость*, и прочія чудныя птицы и звѣри, описанныя въ азбуковникахъ. Дѣйствующія лица, къ которымъ отнесены въ стихѣ вопросы и отвѣты, вставлены по тому же поводу, какъ

въ иныхъ случаяхъ народная поэзія отдаеть рѣшеніе трудныхъ вопросовъ существамъ, высшимъ человѣка и по природѣ и по мудрости. Самую сущность вопросовъ можно прослѣдить теперь по памятникамъ весьма различнаго времени и мѣста. Отсылая читателя къ болѣе подробнымъ сравненіямъ г. Буслева, остановимся на одномъ мотивѣ стиха, гдѣ объясняется, что «помыслы наши идутъ отъ облакъ небесныхъ, кости крѣпкія отъ камня, тѣлеса отъ сырой земли, кровь отъ черна моря» (стих. 66—70). Въ сборникѣ Болгарскаго письма, XV вѣка, принадлежащемъ г. Григоровичу и заключающемъ собраніе преданій и суевѣрій, та же мысль передается слѣдующимъ образомъ въ формѣ вопроса: «что сѣтвори Богъ Адама? отвѣт: 8 чести: 1 честь тѣло его отъ земли. 2 честь отъ моря. 3 честь отъ камня. 4 честь отъ вѣтра. 5 честь отъ облакъ. 6 честь отъ солнца и отъ росы. 7 честь отъ помысла отъ брызды ангельскихъ. 8 честь отъ Святаго Духа» и пр. Въ сборникѣ XVI вѣка Троицкой Лавры, въ статьѣ подъ названіемъ «слово св. Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго, I. Златоуста, въспросъ и отвѣтъ» — вопросъ: «отъ колика частей сѣзданъ бысть Адамъ»? разрѣшается такъ: «отъ 8 частей — сердце отъ камня, отъ земля тѣло и персти и кости и волосы (sic), отъ облака мысли, отъ вѣтра дыханіе, отъ чернаго моря кровь, отъ огня тепло, отъ солнца очи, самъ Господь дхнулъ въ человѣка душа» (Извѣст. 4, 134). Въ третьемъ старинномъ сборникѣ, на вопросъ: «отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ бысть»? дается еще полнѣйшее толкованіе; «отъ осьми частей — первое отъ земли, второе отъ моря, третіе отъ солнца, четвертое отъ облакъ, пятое отъ камня, шестое отъ вѣтра, седмое отъ огня, осмое отъ духа; *толкъ*: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облакъ мысли, отъ камня кости, отъ вѣтра дыханіе, отъ огня плоть, а самъ Господь душу вдохнулъ». Болгарская рукопись XV вѣка не была, конечно, первымъ памятникомъ, гдѣ записано было это преданіе; но древнѣйшіе слѣды его у насъ еще не были до сихъ поръ указаны. Что преданіе имѣло большую извѣстность, доказывается тѣмъ, что у насъ постоянно обращали вниманіе на его недостоверность. Въ Румянц. рукописи церковнаго устава 1608 г., № 449 л. 107 въ числѣ бого-

отметныхъ книгъ названы упомянутые «вопросъ и отвѣтъ»; въ книгѣ Кирилловой, напечатанной въ Москвѣ 1644 года, между «отреченными» (*interdictis*) книгами поставлено: «ино лгано о Василіи Кесарійстѣмъ, о Григоріи Богословѣ и Іоаннѣ Златоустѣ — вопросы и отвѣты, что *отъ колика частей сотворень бысть Адамъ*, и что Провъ царь другомъ Христа назвалъ, и то попь Іереміа Болгарскій солгалъ» (ср. Извѣст. 4. 134). Названная нами Болгарская рукопись и вообще исторія апокрифовъ, въ которой ссылались у насъ на попа Іеремію, обозначаютъ тотъ путь, которымъ зашло къ намъ преданье, несомнѣнно принадлежащее далекой старинѣ; оно распространилось давно и въ западной Европѣ, вѣроятно при томъ же Византійскомъ посредничествѣ. Сѣверный миѳъ изображаетъ преданіе въ обратномъ порядкѣ, — составныя части міра образовались изъ огромнаго великана: изъ крови Имира произошло море и вода, изъ тѣла земля, изъ костей горы, изъ зубовъ скалы, изъ черепа небо, изъ мозгу облака, наконецъ — прибавляетъ другая сага — изъ волосъ его родились деревья (*Grimm, Mythologie 1844. 525 — 527*). Но другіе варианты, напримѣръ Фризская редакція этой космогоніи, XIV—XV столѣтія, и Нѣмецкое стихотвореніе XII вѣка, повторяютъ преданье почти буквально сходно съ той формой, въ какой оно приводится въ нашихъ письменныхъ памятникахъ (*Grimm ib. 531—532*).

Такимъ же образомъ представленія о первенствѣ извѣстныхъ предметовъ природы надъ другими однородными предметами одинаково выдержаны и въ народномъ стихѣ и въ старыхъ сборникахъ. Въ рукописи Царск. № 492 приведены тѣ же вопросы: «которое озеро езерамъ мати? — кое море всѣмъ морямъ мати? — кая рыба рыбама мати? — кая птица птицама мати?» и пр. (*Буслаевъ*, въ *Арх. Калач. 2, 2, 51—52*), которые дали содержаніе и стиху. Народная поэзія основывалась конечно не прямо на книжныхъ произведеніяхъ и приняла эти преданья только тогда, когда они уже для всѣхъ стали знакомой вещью. Мы имѣемъ любопытныя свидѣтельства, указывающія, какъ занимательны были въ свое время апокрифическія исторіи и подобные рассказы. Въ Бѣлорусскомъ переводѣ Іоанна Дамаскина, по Румянц. рукописи XVII вѣка, въ за-

включеніи статьи «о ересехъ» (об. л. 219—242) прибавлено, переводчикомъ или переписчикомъ, небольшое разсужденіе, гдѣ сказано между прочимъ: «у насъ ани десятыя части книгъ учителей нашихъ старыхъ не преведенно лѣности ради и нерадѣнія властей нашихъ, бо нынѣшняго вѣку мнѣющіеся учителя — грѣхъ ради нашихъ — болшеи въ *болгарскіе басни*, або паче въ бабскіе бредни упражняются, — прочитають и похваляютъ ихъ, — нежели въ великихъ учителяхъ разумехъ наслаждаются» (Оп. Р. Муз. 242), Русскій сочинитель сказанія о самозванцѣ замѣчаетъ: «ани не ве гласи туге душа своя погубляютъ, еже держатся *книгы отреченныя* святыми отцы седми вселенскихъ соборовъ, и заповѣдавшихъ намъ въ нихъ не вницати, и почитаючи ничтожъ пользу ими приобрѣтають, точію душевный свой корабль во глубинѣ грѣховней погружаютъ» (Временникъ, кн. 16, 37 — 38).

Сборники загадокъ пользовались и этимъ содержаніемъ, наследуя его изъ письменныхъ памятниковъ. и съ другой стороны заключали представленія, принадлежавшія чисто-народной мысли. Они вообще нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ, подъ разными заглавіями: въ упомянутой рукописи Троицкой Лавры, XVI-го столѣтія, статья называется «слово св. Григорія Богослова и Василя Кесарійскаго, Іоанна Златоуста, въспросъ и отвѣтъ»; въ Толст. сборникѣ XVII-го вѣка 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 она озаглавлена «книга, глаголемая отъ бесѣдъ святыхъ отецъ» (л. 226 — 237); въ новомъ Толст. сборникѣ 5. 62 Публ. Б-ки XVII. Q. 4 на л. 19 — 22 опять «бесѣда тріехъ святителей Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго». Довольно любопытные «вопросы и отвѣты» въ Толст. сборникѣ 2. 140 л. 958 — 962 представляютъ особенный разрядъ загадокъ.

Для примѣра приводимъ нѣсколько загадокъ или вопросовъ и отвѣтовъ изъ Толст. рукописи 2. 181; они касаются предметовъ библейской исторіи, какъ и выписки г. Буслаева въ Архивѣ Калачова 1. 47 — 48.

л. 226. *«Вопросъ. Когда четвертая часть міра умереть? Толкъ. Каинъ брата своего убя Авеля. — В. Когда весь міръ обрадовася? Т. Ной изъ ковчега изшелъ. — В. Кто не роженъ и кто не умре? Т. Адамъ не роженъ, Илія не умре. — В. Кто*

дважды роженъ или кто дважды умре? *Т.* Юна дважды роженъ, Лазарь дважды умре. — (об. л. 231) *В.* Что есть, сѣкира, у корени древа лежитъ? *Т.* Корень есть вѣтра, древо челоуѣцы, сѣкера (sic) всему кончина. — *В.* Какъ имяна волхвомъ? *Т.* Первому имя Мелхвонъ (чит.: Мельхиоръ), второму имя Аспаръ, третиему имя Валтасаръ. — (об. л. 233) *В.* Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? *Т.* Троица Святая: Отець, Сынъ и Духъ Святый».

На л. 234 помѣщенъ и приведенный нами по другимъ спискамъ *вопросъ*: «отъ коликихъ частей сотворенъ Адамъ»? Отвѣтъ почти буквально повторяетъ предыдущіе: «отъ 7 частей сотворенъ — 1-е отъ земля тѣло, 2-е отъ моря кровь, 3-е отъ солнца очи, 4-е отъ камени кость, 5-е отъ облака мысль, 6-е отъ огня теплота, 7-е отъ вѣтра дыханіе, духъ бо Самъ вдохнулъ въ него».

Подобныя загадки не были впрочемъ принадлежностью одной нашей литературы; онѣ извѣстны были и на западѣ, имѣя и тамъ, какъ у насъ, происхождение или своенародное, или книжное, литературное (*Wackernagel, Gesch. d. d. Liter. 1853, 269—270*), и по содержанию иногда очень близки съ нашими. Нѣмецкія загадки назывались въ старину или *rath* (*räthsel*), который отличается стихотворнымъ складомъ, или *frag*, обыкновенно менѣе поэтичный. Въ одномъ Нѣмецкомъ сборникѣ загадокъ, XVI столѣтія, находятся любопытныя примѣры, напоминающіе приведенные выше *вопросы*; тамъ предлагаются между прочимъ такія загадки:

F. Wer gestorben vnd nit geborn sey? — A. Adam vnd Eua.

F. Wer geborn sey ee dann sein vatter vnd mütter? — A. Adams kinder.

F. Welcher mensch hat ain gantz viertail der welt getödt oder vmb bracht? — A. Chayn erschlug seinen brüder Abel darvor lebt niemandt dann sy zwen vnd ir eltern adam vnd eua и пр. (Haupt's Zeitschr. f. d. Alterth. 3, 33).

Въ числѣ Французскихъ народныхъ книгъ Низаръ упоминаетъ одну, которая была издана нѣсколько разъ еще въ концѣ XV-го столѣтія и съ тѣхъ поръ пользовалась большимъ авторитетомъ въ кругу своихъ читателей: *L'enfant saige à trois ans*,

interrogué par Adrian, empereur, lequel luy rend response de chascune chose qu'il luy demande. — гдѣ вопросы Адриана и отвѣты трехлѣтняго дитяти представляютъ тѣ же общіе предметы, на которыхъ останавливаются и наши «бесѣды» и указанная Нѣмецкія загадки (*Nisard, Hist. des livres pop. 2, 16—19*).

Чрезвычайно любопытна такъ же и «Евангелистая пѣсня» въ собраніи Кирѣвскаго, изложенная въ формѣ загадокъ или вопросовъ и отвѣтовъ. Вопросы основываются на таинственномъ значеніи чиселъ: «повѣдайте, что есть единъ?» — «повѣдайте, что есть два?» и т. д. до двѣнадцати; при каждомъ новомъ отвѣтѣ повторяются прежніе, такъ что послѣдній отвѣтъ, въ концѣ пѣсни, есть полное разрѣшеніе вопросовъ. Вотъ это опредѣленіе чиселъ до двѣнадцати:

Дванадцать апостолъ;
Единъдесять праотець;
Десять Божьихъ заповѣдей;
Девять въ году радостей;
Восемь круговъ солнечныхъ;
Семь чивовъ ангельскихъ;
Шесть крылъ херувимскіихъ;
Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ;
Четыре листа евангельски;
Три патриарха на землѣ;
Два тавла (= скрижали, таблицы) Моисеовыхъ;
Единъ Сынъ Маріинъ,
Царствуетъ и ликуеть
Господь Богъ надъ нами.

И по мотиву, т. е. объясненію чиселъ до двѣнадцати, и по вѣшной оригинальной формѣ, наше стихотвореніе невольно напоминаетъ ту прекрасную пѣсню о друидѣ и мальчикѣ, которую Вилльмарке считаетъ древнѣйшею въ своемъ собраніи (*Villemarqué, Barzaz-Breiz, 4-e éd. 1, 1—15*). Въ этомъ послѣднемъ діалогѣ, теперь непонятномъ иногда и для ученаго изслѣдователя, сохранились любопытные слѣды древняго друидическаго ученія. Мальчикъ предлагаетъ друиду тѣ же вопросы о значеніи чиселъ до двѣнадцати, какіе выставлены въ нашей пѣснѣ; друидъ передаетъ ему основныя данныя своей мнѣо-

логи и космогоническихъ вѣрованій, за каждымъ отвѣтомъ повторяя прежнія слова свои. Несомнительная древность этой формы, достаточно известной и въ Славянской народной словесности, намекаетъ, что наше стихотвореніе могло имѣть древнѣйшаго предшественника, съ другимъ содержаніемъ, — какъ, въ обратномъ порядкѣ, для древней Бретонской пѣсни составилось позднѣйшее переложеніе: на томъ же мотивѣ основанъ былъ памятникъ Латинскій, но все содержаніе его взято было изъ свѣдѣній христіанской исторіи и ученія, — средство, которымъ, по мнѣнію Вилльмарке, хотѣли сильнѣе дѣйствовать на развитіе новыхъ понятій въ народѣ, столько привязанномъ къ своей національности. При той же народно-поэтической обстановкѣ, во всѣхъ ея подробностяхъ, каждое положеніе языческихъ вѣрованій замѣнено было истиной изъ новаго ученія, и она тѣмъ лучше могла удерживаться въ памяти, что облечена была въ знакомую и любимую внѣшность. Латинская пѣсня открывается тѣми же вопросами: *dic mihi quid unus? — dic mihi quid duo?* и пр. и сходна съ нашимъ стихотвореніемъ по самому единству предмета. Объясненіе чиселъ приводится къ такому заключенію:

Duodecim apostoli;
 Undecim stellae
 A Josepho visae;
 Decem mandata Dei;
 Novem angelorum chori:
 Octo beatitudines;
 Septem sacramenta;
 Sex sunt hydriae
 Positae
 In lana Galileae;
 Quinque libri Moysis;
 Quatuor evangelistae;
 Tres sunt patriarchae;
 Duo sunt testamenta;
 Unus est Deus
 Qui regnat in coelis. (*Villemarqué, ib. 1, 25—27*).

Письменная литература наша пользовалась иногда загадкой какъ основой для цѣлаго произведенія. Замѣчательный при-

мѣръ приводитъ г. Буслаевъ изъ рукописи XVI столѣтія, гдѣ находится разсказъ, развивающій пословицу и соединенный съ притчею и загадкою. Одинъ юноша, пришедши въ храмину, увидѣлъ дѣвушку, которая ему сказала по этому случаю: «внѣшю есть быти *дому безъ ушию* и *храму безъ очію*»; не понявши словъ ея, юноша спросилъ дѣвушку о хозяевахъ, и она отвѣчала загадкой: «отецъ и мати моя поидоша *взаемъ плакати*; братъ же мой пошелъ чрезъ ноги *внѣши зрѣти*.» Юноша не понялъ и этого и просилъ дѣвушку выразиться лучше, и объясненіе загадокъ составляетъ окончаніе разсказа. «Она же (т. е. дѣвушка) глагола ему: сего ли не разумѣши? Приде въ домъ мой, въ храмину мою вниде, и видѣ мя сѣдящу въ простотѣ. Аще бы былъ въ дому нашемъ *песъ*, и чюлъ ты къ дому приходяща и лаялъ бы на тя, — се бо есть *дому уши*; и аще бы было въ храминѣ моей *отроча*, и видѣвъ ты къ храминѣ приходяща, сказалъ бы ми, — се бо ми *храму очи*. А еже сказахъ ти про отца и матеръ и про брата, яко отецъ мой и мати моя идоша *взаемъ плакати*, шли бо суть на *погребеніе мертваго* и тамо плачють; егда же по нихъ смерть приидеть, ино и по нихъ учнутъ плакати, — се есть заимодавный плачь. Про брата же ти сказахъ, яко отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсѣ бо медъ отъ древнѣ возьмють: братъ же мой нынѣ на таково дѣло иде, и якоже *лѣзти на древо* въ высоту — чрезъ ноги *внѣши зрѣти* къ земли, мысля абы съ высоты не урватися; аще ли кто урвется, то и живота гонзнетъ, — сего ради рѣхъ, яко иде чрезъ ноги *внѣши зрѣти*». (Эпич. поэз. 1, стр. 42—43). По объясненію г. Буслаева, народное начало здѣсь уже много потерпѣло отъ книжнаго изложенія, какъ потерпѣло въ Словѣ Данила Заточника и Пѣсни Игоревои: мѣсто о заимодавномъ плачѣ можетъ быть приписано христіанскимъ понятіямъ, но выраженіе «внѣши зрѣти», стоящее въ связи со старинной пословицей «кто съ дерева убился — бортникъ», г. Буслаевъ относитъ ко временамъ доисторическимъ. Мы встрѣтимся далѣе съ литературными опытами подобнаго происхожденія, т. е. основанными на чистонародной поэтической идеѣ, но болѣе совершенными по исполненію и отдѣлкѣ. Эти произведенія составляютъ переходъ отъ обще-народнаго творчества къ авторству отдѣльнаго грамотнаго

сочинителя, и имѣютъ много любопытнаго въ томъ отношеніи, что ими прекрасно опредѣляется образованіе литературныхъ памятниковъ, ни сколько не подверженныхъ книжному и школьному вліянію и развивавшихся органически изъ самобытной національной поэзіи.

Въ стихѣ о Голубиной книгѣ князь Владиміръ проситъ Давида объяснить видѣнный имъ сонъ; Давидъ разгадываетъ, что два лютые звѣря, которые собѣгались и промежду собой дрались-билися, означаютъ правду и кривду (стих. 189—227), или, какъ это вкратцѣ передано въ старинной рукописи Царскаго, —

не два звѣря съходилися,
не бѣлъ заяць и не сѣръ заяць:
съходилася правда съ кривою,
правда кривду переспорила, —
кривда осталась на сырой землѣ,
а правда пошла на небо (*Бул. ів. 40*).

Эта загадка (или сонъ) о двухъ лютыхъ звѣряхъ, подробно объясненная у Кирѣевскаго, или о бѣломъ и сѣромъ зайцахъ по рукописи Царскаго, служитъ мотивомъ разсказа, помѣщеннаго въ Толст. сборникѣ 2. 140 на об. л. 732—733 подъ названіемъ «загадка Перскаго царя Дарія къ Соломану царю». Приводимъ загадку, какъ варіантъ къ «притчѣ» Дарія царя Персидскаго, напечатанной г. Сахаровымъ (Сказ. Русск. нар. 1841. 1, 2, 104):

«Д. царь Перскій послалъ къ С. мудрому царю, написавъ загадку: стойтъ щить, а на щитѣ заецъ; прилетѣвъ соколъ взялъ зайца, и тутъ сяде сова, — и отгадаешъ загадку, дамъ ти три кади сребра. — С. же, не умѣя что рещи.... послу и сяде единъ въ полатѣ, попеломъ главу свою посыпаетъ, и распусти власы своя долу. И по малѣ же времени С. царь мудръ повелѣ созвати многія бѣси и рече имъ: кто можетъ ли отъ васъ отгадати, дамъ ему треть сребра. — И рече бѣсъ объ одномъ оцѣ: щить, царю, земля твоя, а на немъ заецъ — правда стойтъ, а прилетѣвъ соколъ взялъ зайца, то есть ангелъ Госюденъ взялъ правду на небо, и туто сяде сова, то есть кривда, а зависть человѣческая начаше ученіе. — С. же даръ посла къ Д. царю: загадку отгануль, а ты пришли сребро. — Не по мнозѣ времени и

привезоша сребро отъ Д. царя къ С. царю; С. же повелѣлъ обратити кадъ вверхъ дномъ и насыпати бисеру и дати кривому бѣсу, и рече бѣсъ: чему, царь, се криво имѣешь, а правды, царю, не имѣешь? — И рече царь: кривъ еси бѣсъ, самъ себѣ криво судилъ, — правда взята на небо, а на земли въ насъ кривда осталась.

Въ этой послѣдней редакціи удержалась, быть можетъ, болѣе коренная форма преданія, чѣмъ въ редакціи г. Сахарова. Можно думать, что и имя Соломона здѣсь не было простою случайностью.

V.

Басни Бидпая или Стефанитъ и Ихнилать. — Езопъ въ Русскихъ переводахъ XVII вѣка. — «Зрѣлище житія человѣческаго». — Переводы Гюлистана и Бостана, Саади, и басенъ Локмана.

Стефанитъ и Ихнилать — еще знаменитое произведеніе, перешедшее въ старую Русскую письменность изъ Византіи. Изъ всѣхъ созданий восточной фантазіи, сдѣлавшихся въ средніе вѣка достояніемъ литературъ Европейскихъ, басни Бидпая принадлежатъ къ числу самыхъ любопытныхъ и по содержанию и по длинной литературной исторіи. Не пересказывая всѣхъ подробностей ея, замѣтимъ только главные факты. Начало этого произведенія, одинаково знаменитаго и въ Европѣ и въ Азіи среднихъ вѣковъ, относится къ древнему животному эпосу Индѣйской литературы, Панча-тантрѣ. Въ предисловіи книги разсказывается, что мудрецъ Вишну-Сарма, выбранный наставникомъ для сыновей одного Индѣйскаго царя, долго училъ ихъ нравственности и политикѣ, и изъ бесѣдъ его составилось произведеніе, названное Панча-тантра т. е. пять отдѣленій, пятикнижіе. Въ разсказахъ Панча-тантры было столько завлекательнаго, что давно уже появились подражанія или передѣлки ея въ самомъ Санскритѣ: извѣстнѣйшее между ними — Гитопадеза или «Спасительное наставленіе» означаетъ именемъ того же мудреца Вишну-Сармы, но въ ней находятся также извлечения изъ другихъ книгъ, такъ что по содержанию Гитопадеза не всегда соотвѣтствуетъ своему прототипу. И то и другое собраніе извѣстно въ разныхъ Индоостанскихъ нарѣчіяхъ; лучшіе изъ

Европейскихъ санскритологовъ посвящали свои труды издаванію или переводамъ Индѣйскаго животнаго эпоса, какъ Джонесъ, Вилькинсъ, Кольбрукъ, Шлегель, Лассенъ и другіе. Дюбуа перевелъ Панча-тантру на Французскій языкъ, хотя и не вполнѣ (*Le Pantcha-Tantra ou les cinq ruses, fables du Brahme Vichnou-Sarma etc. trad. par Dubois. Paris 1826*); новѣйшіе переводы Гитопадезы принадлежатъ, Максу Мюллеру — Нѣмецкій (Leipzig. 1844), Лансрѣ (Lancelneau) — Французскій (Paris 1855). Особенная важность литературныхъ судебъ Гитопадезы начинается съ той эпохи, когда это произведеніе начало свой переходъ на Европейскую почву. Содержаніе Индѣйскаго эпоса представляетъ впрочемъ большую аналогію съ древней Езоповой басней, но ученые до сихъ поръ различно понимаютъ ихъ взаимныя отношенія; бѣльшимъ авторитетомъ пользуется, если не ошибаемся, то мнѣніе, которое принимаетъ Индѣискій эпосъ за явленіе коренное и первобытное, а Греческую басню за явленіе второстепенное, но развившееся подъ восточнымъ вліяніемъ еще задолго до блестящаго періода Греческой литературы (*Wagner, Rapports entre les apologues de l'Inde et les apologues de la Grèce, вѣ Mém. couron. etc. publiés par l'Acad. R. de Belgique, t. 25. 1854*). Позднѣе совершился другой переходъ Индѣйскаго эпоса въ Европу, переходъ, засвидѣтельствованный историческими извѣстіями и памятниками литературными. Черезъ четыре вѣка послѣ предполагаемаго составленія Панча-тантры (II в. по Р.Х.), царь Персидскій Хозрой Нуширванъ, услышавъ о славныхъ наставленіяхъ Индѣйскихъ мудрецовъ, послалъ въ Индію своего врача Барзуйе или Барзевіе, съ тѣмъ чтобы онъ привезъ къ нему эти сокровища ума и науки. Барзуйе исполнилъ порученіе и приготовилъ переводъ знаменитой книги на Пегльвійскій языкъ, подъ названіемъ: Калила-ва-Димна (т. е. «неразумный и лукавый») или книга мудраго Бидпая; въ вознагражденіе за его трудъ, визирь Хозроя долженъ былъ составить описаніе жизни и страстей Барзуйе, которое дѣйствительно находится въ разныхъ редакціяхъ Калилы-ва-Димны. Отсюда началось постоянно возрастающее распространеніе этой книги, и здѣсь же одна изъ главныхъ причинъ, произведшихъ варьированіе ея, потому что восточный переводъ обыкновенно измѣняетъ форму подлинника,

передѣлываетъ, дополняетъ или сокращаетъ его. Заглавіе новой редакціи указываетъ два главныя лица исторіи, по которымъ она была названа. Сюжетъ разсказа составляетъ прежде всего исторія царя-льва, довѣреннаго друга его, быка, и двухъ придворныхъ шакаловъ, въ Санскритской редакціи Каратака и Даманака; одинъ изъ шакаловъ, коварный и завистливый, убѣждаетъ царя, чтобы онъ умертвилъ своего друга, будто бы злоумышлявшаго на жизнь льва; — а быка въ тоже время убѣждаетъ возстать противъ царя, будто бы измѣнившаго ихъ дружбѣ. Лукавый придворный достигаетъ своей цѣли: быкъ погибъ жертвою ярости льва, но и шакалъ не избѣгнулъ справедливой кары, когда клевета его была обнаружена. Разговаривающіе шакалы приводятъ много другихъ апологовъ, по обыкновенной манерѣ восточнаго разсказа, такъ что образуется цѣпь исторій, связанныхъ одна съ другою. Надо всѣмъ господствуетъ нравственная идея, потому что и всѣ апологи приводятся какъ доказательство или объясненіе какой нибудь нравственной истины. Продолженіе составлено подобнымъ способомъ изъ другихъ апологовъ, вставленныхъ одинъ въ другой, безпрестанно начинающихся и прерывающихся, какъ разсказы Тысячи и Одной ночи. Обыкновенная противоположность восточнаго вымысла и восточныхъ образовъ съ Европейскими, выражается и здѣсь: восточныя собранія апологовъ представляютъ нѣчто совершенно отличное отъ Европейской басни. Въ древней Греческой, Езоповой баснѣ, и еще болѣе въ Германскомъ животномъ эпосѣ среднихъ вѣковъ, видно совершенное преобладаніе эпическаго начала; здѣсь же господствуетъ чистая дидактика: не только мудрецъ, разсказывающій всю исторію, но и самыя звѣри пускаются въ умозрѣнія и нравственные выводы. Разговоръ состоитъ изъ гномическихъ изреченій, сравненій и пословицъ, которымъ басня служитъ только подтвержденіемъ; естественно поэтому, что Восточная басня далеко не даетъ звѣрямъ той личной опредѣленности, какая требуется истиннымъ эпосомъ. Далѣе мы будемъ имѣть случай еще говорить объ ея отличительныхъ чертахъ.

Знаменитость книги и мудрость ея наставленій постоянно привлекали восточныхъ читателей. Одинъ Персидскій перевод-

чикъ ея рассказываетъ въ предисловіи къ своему труду: одного изъ Индѣйскихъ браминовъ спросили однажды такимъ образомъ: «говорятъ, что въ Индіи есть горы, гдѣ растутъ лечебныя травы, возвращающія жизнь умершимъ, — какимъ способомъ можно достать этихъ травъ?» Браминъ отвѣчалъ (спрашивавшему): «ты помнишь только одну часть разсказа; другая его половина исчезла изъ твоей памяти. То, о чемъ говорите вы, есть одна изъ эмблемъ и загадокъ древнихъ: подъ этими горами они хотѣли представить ученыхъ; лечебныя травы — слова ихъ; мертвые — невѣжды, которые внимая этимъ словамъ оживаютъ и наукой достигаютъ вѣчной жизни. Есть собраніе этихъ словъ, подъ названіемъ Калила-ва-Димна, которое находится въ сокровищницахъ Индѣйскихъ царей. Если вы можете достать его, то найдете, чего ищете». По этому фигуральному отзыву восточнаго писателя легко составить понятіе о томъ впечатлѣніи, которое книга производила; легко и повѣрить этотъ отзывъ, потому что, освоившись нѣсколько съ оригинальной манерой этого произведенія, нельзя не найти въ немъ и особенной прелести вымысла, и вѣрнаго рисунка восточной жизни. — Въ VIII столѣтіи, при халифѣ Альмансорѣ, недошедшій до насъ Пегльвійскій текстъ переведенъ былъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ, на Арабскій языкъ Персомъ Альмокаффою; этотъ переводъ сохранился и теперь съ позднѣйшимъ предисловіемъ, гдѣ объясняется происхожденіе книги отъ мудреца Бидпая, жившаго при царѣ Дабшелимѣ (*S. de Sacy, Calila et Dimna ou Fables de Bidpay. Paris 1816; — Wolff, Die Fabeln Bidpai's. Stuttg. 1837, и др.*). Здѣсь книга состоитъ изъ 18 главъ, изъ которыхъ вныя, какъ думаютъ, заимствованы изъ посторонняго источника. Редакція Альмокаффы дала поводъ къ другимъ передѣлкамъ этого сюжета въ прозѣ и въ стихахъ, но онѣ не дошли до нашего времени; затерянъ такъ же и обратный переводъ Калилы-ва-Димны, съ Арабскаго на Персидскій, въ стихахъ, сдѣланный въ IX—X столѣтіи поэтомъ Рудеки; свѣдѣніе объ этомъ переводѣ сохранилось въ поэмѣ Фердауси (см. *Назаръянца*, въ Уч. Зап. Каз. Ун. 1849. 3, 67 — 68). Въ XI—XII вѣкѣ, въ правленіе Баграмъ-шаха Газневидскаго, другой извѣстный писатель составилъ новый Персидскій переводъ Калилы-ва-Димны, въ

прозѣ; за тѣмъ въ концѣ XV столѣтія появилась еще редакція этой книги Гозаина-вазъ-Кашефи, названная въ честь, визиря, покровительствовавшаго поэту, Анвари-Согейли т. е. «Свѣтило Канопа»; въ половинѣ XVII столѣтія часть этой книги переведена была на Французскій языкъ — *Livre des Lumières ou la Conduite des roys, composé par le sage Pilray, indien; trad. par David Sahid d'Israhah (Gaulmin). Paris 1644*, откуда были взяты два изданія 1698 г. съ другими заглавіями. Гозаинъ хотѣлъ исправить трудъ своего предшественника, который вставилъ много Арабскихъ словъ и выраженій; но и его переводъ въ концѣ XVI-го вѣка подвергся въ Индіи, при великомъ моголѣ Акбарѣ, новой передѣлкѣ. Исправленная редакція принадлежитъ визирю Акбара, Абульфазлу, и называется Эйяри-Данишъ или «Образецъ знанія»; есть кромѣ того Персидскій переводъ Гитопадезы, неизвѣстнаго времени, составленный Тади-аддиномъ. Обѣ послѣднія редакціи переведены были на Индустанское нарѣчіе и пользуются въ Индіи большою извѣстностію. Персидскій переводъ Гозаина послужилъ образцомъ для Турецкой редакціи — Гумаюнъ-наме т. е. «Царственная книга», которая посвящена была султану Солиману I и оттого получила свое названіе; по этой редакціи составленъ былъ Галланомъ переводъ Бидпая и Локмана, продолженный впоследствии Кардоннемъ (*Contes et fables ind. de Bidpai etc. Paris 1724. 1778*). Извѣстны и другіе восточные переводы — Афганскій, Монгольскій, Малайскій. Въ 1783 вышелъ въ Вѣнѣ Новогреческій переводъ — *Μυθολογικὸν ἠθικο-πολιτικὸν τοῦ Πιλπαΐδος Ἰνδοῦ φιλοσόφου* ж. т. λ., — подходящий къ Французскому изданію: *Les fables politiques et morales de Pilray, philosophe Indien etc. par Ch. Mouton (Hambourg 1750)*, гдѣ передѣланъ упомянутый переводъ Галлана: отсюда же взятъ вѣроятно и Русскій переводъ Бориса Волкова — «Политическія и нравоучительныя басни Пильпая, философа Индѣйскаго» (Спб. 1762); по одному изъ новыхъ переводовъ Гитопадезы составлены «Басни и сказки Индѣйскія, сочиненныя Вишну-Сармою» (Спб. 1807).

Другаго рода была извѣстность Калилы-ва-Димны въ средніе вѣка. Если всѣ новѣйшія изданія, отчасти нами перечисленные, обязаны своимъ появленіемъ интересу ученому, то никакой

мысли о немъ не было въ старинныхъ обработкахъ Калилы-ва-Димны. Тогда искали въ ней ближайшаго смысла ея, и безъ дальнѣйшихъ сомнѣній, примѣняли ея содержаніе къ своимъ нравственнымъ понятіямъ. Общее стремленіе къ дидактизму, разившееся особенно въ послѣднемъ періодѣ среднихъ вѣковъ, находило здѣсь обильную пищу: когда и собственно-Германскій животный эпосъ утрачивалъ свою первобытную простоту, подчиняясь вліянію классической басни, когда каждый поэтический рассказъ снабжали приличной морализаціей, какъ въ *Gesta Romanorum* и другихъ памятникахъ, — Калила-ва-Димна могла рассчитывать на вѣрный успѣхъ по тому самому, что вся, съ начала до конца, была проникнута подобнымъ направленіемъ. Факты убѣждаютъ, что дѣйствительно, для средне-вѣковыхъ читателей и передѣльвателей, умообразительная мораль Калилы-ва-Димны была интересна не менѣе эпической стороны ея.

Въ Европейскія литературы Калила-ва-Димна проникла прежде всего посредствомъ Греческаго перевода, сдѣланнаго по Арабской редакціи Симеономъ Сиѳомъ, о которомъ мы упоминали уже, какъ о предполагаемомъ авторѣ псевдо-Каллисеевой Александріи. Симеонъ Сиѳъ составилъ свой переводъ въ концѣ XI столѣтія, именно около 1081 года, по волѣ императоровъ Михаила Дуки, Никифора Вотаниата и Алексѣя Комнена, и далъ ему названіе *Στεφανίτης καὶ Ἰουηλάτης* т. е. «Увѣнчанный и Слѣдящій», подъ которыми надобно понимать «прямодушнаго» и «лукаваго» шакаловъ Арабской Калилы-ва-Димны. Принявъ за основаніе Арабскую редакцію, Сиѳъ ближе держался первоначальной формы исторіи, отъ которой значительно отклонились другіе Европейскіе переводчики: кажется, впрочемъ, что онъ выпускалъ нѣкоторыя непонятныя для него мѣста и въ замѣнъ этого, сдѣлалъ кое-гдѣ прибавки, на примѣръ — вставилъ нѣсколько стиховъ Гомера; иногда же передавалъ смыслъ подлинника не совсѣмъ вѣрно. Стефанитъ нашелъ себѣ усердныхъ читателей: «притчи Ихнилата» τοῦ Ἰουηλάτου παραβολῆς упоминаются у Византійца Пахимера какъ прекрасная и общеизвѣстная книга. Въ ученѣмъ мірѣ познакомились съ нимъ еще въ XVII столѣтіи: прежде всего изданъ былъ Латинскій переводъ Стефанита, составленный ученымъ Поссиномъ (Роз-

sinus, Roussines) по рукописи, принадлежавшей Льву Аллацію; переводъ, подъ заглавіемъ *Specimen sapientiae Indorum veterum*, напечатанъ былъ въ приложеніи къ изданію Георгія Пахимера (Romae 1666. 1, app. p. 545 sq.). Греческій текстъ былъ потомъ изданъ Штаркомъ по Голштейнской рукописи, которая и теперь хранится въ Гамбургѣ. Штаркъ сдѣлалъ новый Латинскій переводъ, напечатанный en regard съ Греческимъ подлинникомъ; изданіе называется — *Specimen sapientiae Indorum veterum, id est liber ethico-politicus pervetustus... graece Στεφανίτης και Ἰχνηλάτης, nunc primum ex mss. cod. Holst. prodit etc. opera Seb. Gottofr. Starkii, Berol. 1697. 8° (30 + 508 + 35)*. Голштейнскій кодексъ не полонъ; въ немъ недостаетъ цѣлаго введенія, переведеннаго Поссиномъ, гдѣ рассказывается, по Арабской редакціи, упомянутая исторія Барзуйе. Имя мудраго врача только названо въ слѣдующемъ заглавіи Голштейнскаго списка, опредѣляющемъ и подлинникъ Греческой редакціи: Βιβλίον φυσιο-λογικόν, μετακομισθέν ἐκ τῆς Ἰνδίας και δοθέν τῷ βασιλεῖ Χοσρόῃ ἐν Περσίδι παρά τινος Περζωῆ, σοφοῦ και ἱατροῦ τὴν τέχνην, και μετενεχθέν εἰς τὴν Ἀράβων γλῶσσαν, — ὑπὸ δὲ Συμεὼν μαγίστρου και φιλοσόφου τοῦ Σηῦ εἰς τὴν Ἑλλήνων διάλεκτον μεταβληθέν, — καλούμενον ἀραβιστί μὲν Κυλλιε και Δίμνε, ἑλληνιστί δὲ Στεφανίτης και Ἰχνηλάτης, — ἐλεχθήσαν δὲ παρά τινος φιλοσόφου τῷ βασιλεῖ Ἰνδῶν Ἀβρσαλῶν (= Дабшелимъ, по вѣрному объясненію Штарка). Недостающее у Штарка введеніе къ Стефаниту, издано было въ концѣ прошлаго столѣтія Ауривиллиемъ, по посредственному списку, найденному въ Упсальской библіотекѣ между рукописями Спарвенфельда; къ этимъ пролегоменамъ Ауривиллій приложилъ и нѣкоторые варианты Упсальской рукописи съ изданіемъ Штарка въ остальномъ текстѣ (Petrus Fab. Aurivillius, Prolegomena ad librum: Στεφανίτης και Ἰχνηλάτης e cod. mscr. bibl. ac. Upsal. ed. et lat. versa etc. Upsaliae. 1780. 52 p.). Въ Маттеевомъ каталогѣ Синодальной библіотеки отмѣченъ подъ № 285 cod. chartac. sec. XV, гдѣ на л. 353—440 такъ же находится списокъ Стефанита, μυθική διήγησις περί στεφανίτου και ἰχνηλάτου.

Греческій Стефанитъ перешелъ, кажется, только въ Славянскія литературы; гораздо болѣе распространилась Калила-ва-

Димна посредствомъ Еврейскаго перевода, сдѣланнаго по Арабской редакціи раввиномъ Іоэлемъ, который однако, какъ можно думать, заимствовалъ кое-что и изъ древней Персидской редакціи, потому что переводъ его не всегда соответствуетъ Арабскому тексту. Въ заглавіи его, вмѣсто имени Бидпая, поставлено по ошибкѣ *Sendebai*, что намекало на другое сказочное произведеніе Востока. По Еврейскому переводу, извѣстному теперь только по отрывку, сообщенному С. де-Саси, въ 1262—1278 г. составлена была вѣроятно Іоанномъ Капуанскимъ, крещенымъ Евреемъ, знаменитая Латинская редакція *Калилы-ва-Димны*, подъ названіемъ *Directorium humanae vitae, alias parabolaе antiquorum sapientum*, напечатанная s. l. et a. около 1470—80 г. fol. Отсюда взята была Нѣмецкая редакція, принадлежащая Эбергарду, Герцогу Виртембергскому († 1325); Нѣмецкія изданія выходили съ разнообразными заглавіями: *Beispiele der alten Weisen von Geschlecht zu Geschlecht oder Buch der Weisheit* (Ulm, 1482) или *Der alten Weisen Exempelsprüche* и т. п. Изъ того же источника заимствованъ Испанскій переводъ, *Exemplario contra los engaños y peligros del mundo*, напечатанный въ Бургосѣ 1498 и др. Въ 1528 г. изданъ въ Прагѣ Чешскій переводъ, сдѣланный также по Латинской редакціи Коначемъ: *Prawidlo lidského žiwota, jinak podobestwi starých mudrcůw... kteréžto také Dymnowy a Kelilowy knihy slowú* (*Jungmann*, 165).

Независимо отъ Іоанна Капуанскаго образовался болѣе древній Испанскій переводъ, который черезъ другую Латинскую обработку происходитъ прямо отъ Арабскаго подлинника, и составленъ былъ по желанію короля Альфонса X около 1251 года. Этимъ Кастильскимъ переложеніемъ воспользовался Раймондъ де-Безье (*Raymond de Béziers*, *Raimundus de Biterris*), трудъ котораго — *Incipit liber de Dina et Calila, translatus pariter et completus per Raimundum de Biterris physicum, de idiomate Hispanico in Latinum, anno Domini m^o. ccc^o. xiiij^o.* — хранится въ Парижской библіотекѣ. Раймуцова передѣлка *Калилы-ва-Димны* очень любопытна какъ свидѣтельство того, какимъ образомъ понимали въ его время это произведеніе, и какія превращенія составляли его испытывать, чтобы чужой вымыселъ, съ чужими красками приноровить къ понятіямъ другаго времени и мѣста.

Книга Раймунда представлена была имъ королю Филиппу Красивому, при одномъ торжественномъ случаѣ, или по его выраженію, *presens liber regius per R. physicum supra dictum fuit presentatus liliate regie majestati*, какъ книга, достойная быть читанной королемъ. Источниками служили Раймунду главнымъ образомъ древняя Испанская редакція и отчасти Іоаннъ Капуанскій, хотя послѣдняго онъ нигдѣ не называетъ: Латинскіе тексты довольно сходны, но кажется, что Раймундъ воспользовался Іоанномъ К. не съ самаго начала книги. Исторія Барзуйе, находящаяся въ Арабской Калилѣ-ва-Димнѣ, въ передѣлкѣ Раймунда составила цѣлый философскій трактатъ: врачъ Хозроя представленъ христіанскимъ монахомъ (*Berozias, Berzebuy*) и въ этомъ видѣ нарисованъ на миньютюрахъ рукописи; въ уста его Раймундъ влагаетъ изреченія отцовъ церкви, и, далѣе, посвящаетъ цѣлыя три главы или параграфа разсужденіямъ о вѣрѣ, надеждѣ и любви, особенно о послѣдней, въ слѣдствіе которой Берозія, или Барзуйе, рѣшился обречь себя на помощь бѣднымъ и обѣщаль употребить на то всѣ свои силы и способности. При этомъ случаѣ объясняется по строгимъ схоластическимъ требованіямъ, какъ онъ намѣревался служить бѣднымъ *de intellectu, de affectu, de sensu visus, de auditu, de odoratu, de tactu*, словомъ всѣми душевными и тѣлесными силами. Затѣмъ послѣ молитвы Берозія засыпаетъ, видитъ во снѣ христіанскій рай, ангеловъ и проч., и потомъ разсказываетъ о видѣніи длинными гекзаметрами. По тому же способу Раймундъ передѣлалъ и исторію шакала Димны. Когда всѣ улики были на лицо, Димна признается въ своемъ обманѣ и преступленіяхъ, пускается въ теологическія прѣвнія, спрашиваетъ, какіе бываютъ смертныя грѣхи? — и потомъ сознается въ прегрѣшеніяхъ своихъ, винитъ себя въ грабежѣ, ростѣ, симоніи, дѣланіи фальшивой монеты и другихъ непозволительныхъ вещахъ. Здѣсь кстати прибавлены леонинскіе стихи, описывающіе семь смертныхъ грѣховъ, и другіе стихи, въ которыхъ выражается раскаяніе преступнаго шакала, идущаго на смерть. — *Directorium humanae vitae* было наконецъ источникомъ Итальянской редакціи: *Discorsi degli animali*, 1548, принадлежавшей новеллисту Аньоло Фиренцуола; другой Итальянскій переводъ: *La filosofia morale tratta de molti antichi scrittori*,

1552, составленный Дони, служилъ основаніемъ Англійскаго перевода Томаса Норта: *Moral Philosophy of Doni*, 1570. 1601, и Французскихъ изданій — *Cottier, Plaisant et facétieux discours sur les animaux*, 1556, и *P. de la Rivéy, Deux livres de philosophie fabuleuse*, 1579. Наконецъ третій Итальянскій переводчикъ (*Del governo de' Regni sotto morali esempj di animali ragionanti trà loro etc. Ferrara 1583*) приписалъ Арабскую редакцію книги Сарацину Lelio Demno, переведшему будто бы книгу съ Индѣйскаго на Агарянскій языкъ, а своимъ подлинникомъ называетъ Греческій переводъ Антиохійца Симеона Сива (*Simon Seto*). Если указаніе переводчика справедливо, то книгу его надобно считать единственной Западной редакціей, имѣющей одно начало съ переводомъ Русскимъ; С. де-Саси сомнѣвается однако въ достовѣрности его словъ.

Вообще, о Калилъ-ва-Димнѣ см. *Grässe, Lit.-Gesch.* 2. 1, 445 — 454; — *Diez, Ueber Inhalt und Vortrag, Entsteh. u. Schicksale d. königl. Buches*, Berlin, 1811; — *Loiseleur Deslongchamps, Essai sur les fables Indiennes etc. pour servir d'introd. aux Fables des XII-e, XIII-e et XIV-e siècles*, publ. p. *Robert*, Paris, 1838; — наконецъ, рядъ статей *C. de-Casvi* о различныхъ восточныхъ редакціяхъ Калилы-ва-Димны, и книгѣ Раймунда де-Безье, сохранившихся въ рукописяхъ Парижской б-ки, — см. *Notices et extraits t. IX. 1, 397 sq. t. X. 1, 94 sq. 197 sq. 226 sq. 2, 3—65*; — *Schoell, Gesch. d. griech. Litter., übers. v. Pinder*, Berl. 1830. 3, 433—435.

До сихъ поръ остается нѣсколько ненапечатанныхъ переводовъ Калилы-ва-Димны, напр. Еврейскій, Испанскій, Итальянскій, изданіе которыхъ много объяснило бы и пути и степень распространенія этой знаменитой книги. Она давно пользовалась любовью читателей и на Востокѣ и на Западѣ, и въ литературахъ Европейскихъ разсѣяла много басенъ и рассказовъ: въ *Gesta Romanorum* и другихъ подобныхъ сборникахъ, во Французскихъ фавль, у Итальянскихъ новеллистовъ, видно хорошее знакомство съ ея сюжетами. Такъ какъ происхожденіе Европейскихъ редакцій было не одинаково и притомъ каждая испытывала особенныя измѣненія со стороны передѣльвателей, то и не мудрено, что между ними находится иногда зна-

чительная разница и въ содержаніи и въ раздѣленіи книги. Греческій текстъ начинается прямо исторіей шакаловъ, а предыдущій разсказъ о Барзуйе служилъ введеніемъ и иногда былъ опускаемъ въ рукописяхъ; въ *Directorium humanae vitae* первая глава *de Berozia principe medicorum* есть какъ бы начало самой исторіи. И въ Греческой редакціи и въ Латинскомъ переводѣ Іоанна Капуанскаго главы въ серединѣ книги поставлены въ другомъ порядкѣ, чѣмъ въ древнемъ Персидскомъ текстѣ; сравнительная таблица главъ по текстамъ Персидскому, Еврейскому, Латинскому и Греческому, представлена въ одной изъ упомянутыхъ статей С.-де-Саси, *Not. et extr. t. X, 1, 124*. Само содержаніе было интерпретировано христіанскими вставками, какъ въ Латинской редакціи Раймунда и въ Греческомъ Стефанитѣ.

Русскій переводъ Стефанита долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя давно перешли къ намъ изъ литературъ южно-Славянскихъ, хотя по Русскимъ извѣстнымъ спискамъ онъ восходитъ не далѣе XVII-го столѣтія. Заглавія нашихъ рукописей приписываютъ сочиненіе Стефанита не только Симеону Синоу, но такъ же Іоанну Дамаскину, и это недоразумѣніе можетъ быть объяснено тѣмъ, что тому же лицу приписывалось, или дѣйствительно принадлежало, другое восточное собраніе притчей, «Варлаамъ и Іоасафъ». Такъ же легко отстраняется имя «*Есона Индѣянина*», какъ автора Стефанита, стоящее на одномъ изъ Толстовскихъ списковъ: оно испорчено отъ переписки изъ имени Синоа. Этотъ послѣдній называется у насъ и *Антіохомъ*, потому что Синоъ былъ протовестіаріемъ Антіохійскаго дворца въ Константинополѣ и отъ того именовался *magister Antiochiae*, откуда и явилось ложное мнѣніе о происхожденіи его изъ города этого имени (*Grässe, ib. 2, 1, 564*). По свидѣтельству Демидовской рукописи Стефанита, эта книга принесена была въ Россію изъ Аѳонской горы Максимомъ Грекомъ: если здѣсь говорится о Славянской, а не о Греческой рукописи, то эпохи Максима Грека нельзя считать временемъ перевода, потому что Шафарикъ упоминаетъ о гораздо древнѣйшемъ спискѣ Славянскаго Стефанита, именно о Сербской редакціи XIV—XV столѣтія (*Wiener Jahrb. Bd. 53. Anz.-Bl.*

29. № 79); вѣроятно и то, что Русскіе познакомились съ южно-Славянскимъ Стефанитомъ гораздо ранѣ Максима. Списки нашей редакціи хотя не многочисленны, но и не слишкомъ рѣдки въ нашихъ собраніяхъ.

— Толст. 2. 181 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 сборн. XVII в. л. 393—445 «Писаніе философа Ессопа Индѣянина, вопросы царевы (притча первая)», нач. «царь Индѣйскій вопрошаше философа Ессопа (sic): хочу да притчею покажеша ми, како лстивъ мужъ и лукавъ, себе примесивъ, вражду прилагаетъ» и пр.; — 3. 45 Публ. Б-ки XV. O. 2 сборн. XVII в. л. 76—207 «О притчахъ, списаніе Сифа Антиоха, друзіи же мнѣша Іванна Дамаскина, zelo пѣснотворца, иже о звѣрехъ, нарицаемыхъ стефанида и ихнилата. (Вопросъ царевъ)», нач. «царь Индѣйскій вопрошаше нѣкоего отъ философъ своихъ, глаголя: хочу яко да притчею покажеша, како лстивый мужъ и лукавый, еже посреди составленную в нѣкихъ любовь же и дружбу, влагаетъ имъ ложь». Объ рукописи въ каталогъ Калайдовича и Строева неправильно означены именемъ баснописца Езопа.

— Погодина, сборн. XVII в. по описи № 1964 л. 127—227 «О притчахъ, списаніе Сифа Антиоха, друзіи же рѣша яко суть Іоанна Дамаскина, зѣло пѣснотворца, еже о звѣрехъ, нарицаемыхъ стефанита — ихнилата»... нач. «царь Индѣйскій вопрошаше нѣкоего отъ философъ своихъ» и т. д. какъ въ предыдущемъ спискѣ.

— Парск. № 389 сборн. XVII в. л. 449—552 затлаіе почти такъ же какъ въ двухъ послѣднихъ спи.; — № 454 сборн. нач. XVIII в. л. 1—88 «Книга, глаголемая Ихнилата, сложена отъ древнихъ философъ: бесѣды о звѣрехъ, глаголемыхъ ихнилата же и стефанита, и иныя многія приложенныя притчи и приклады отъ иныхъ книгъ, подобныя къ житію и нравомъ лукавыхъ и препростыхъ человекъ, да отъ сихъ чтущіи уразумѣють, противу сихъ прикладовъ, како отъ лукавыхъ и лстивословесныхъ человекъ опаснымъ быти, дабы въ сѣть ихъ не впасти; глаголють же нѣцыи о томъ, яко бы сія притчи и бесѣды написа Іоаннъ Дамаскинъ, егда бѣ въ наученіи риторика», — притчей здѣсь 25.

— Демидова (описаніе бывшей его б-ки см. въ Чтеніяхъ М. Общ. 1846. кн. 2, смѣсь), рукоп. № 669 «Книга, глаголемая Ихнилата, содержитъ вопросы царя Индѣйскаго и отвѣды,

Сноа, философа Индіавина, сочинена Іоанномъ Дамаскинымъ, изъ Греціи принесена Максимомъ Грекомъ, святыхъ горы инокомъ, — въ листъ.

— Въ каталогъ рукописей Баузе, проф. Моск. унив., подъ № 85 отмѣчено (о каталогъ см. Всеобщ. Библ. Россіи, Черткова. М. 1838—1845. 2, 443—444): «Ихнилать или собраніе разныхъ притчей 1672 года, м. ф.» Годъ означаетъ, конечно, время написанія рукописи.

— Забѣлина, въ рукописи XVII в. № 76, заключающей Езоповы басни въ переводѣ Гозвинскаго, находится также Стефанитъ и Ихнилать, безъ заглавія.

Издатель Греческаго введенія къ Стефаниту жаловался, что писецъ выкинулъ самыя разсужденія подлиннаго текста и удержалъ одни голые разсказы; Русскаго переводчика скорѣе можно обвинить въ противномъ. Если судить по просмотрѣннымъ нами двумъ Толст. и Погодинскому спискамъ, или нашъ переводъ не полонъ, или переводчикъ пользовался сокращеннымъ и неоконченнымъ спискомъ Греческаго подлинника. Изъ пятнадцати отдѣленій (τμήμα) Греческаго Стефанита, у насъ переведены только семь, правда, самыя большія; но и въ серединѣ текста пропущены многіе разсказы: передавая рѣчь того или другаго звѣря, нашъ переводчикъ больше заботился о сохраненіи нравственныхъ сентенцій, чѣмъ самыхъ сказокъ и апологовъ, которыми онѣ подтверждаются. Представляемъ обзорѣніе нашего перевода по Толстовской рукописи 3. 45; отличія другихъ списковъ не важны. Замѣчательно, что всѣ три рукописи, которыми пользовались мы, представляютъ тотъ же самый подборъ апологовъ, и всѣ одинаково оканчиваются на серединѣ разсказа «о сиѣхъ Индѣйскаго царя»: можно думать по этому, что и прототипъ нашихъ списковъ, другъ отъ друга независимыхъ, страдалъ той же неполнотой и отрывочностью.

— Предисловіе Греческаго подлинника, переведенное Поссиномъ и изданное Ауривиллиемъ, въ этихъ рукописяхъ не существуетъ. Разсказъ прямо открывается изложеніемъ исторіи Стефанита и Ихнилата, какъ и въ списокѣ Штарка: ὁ τῶν Ἰνδῶν βασιλεὺς Ἀβεσσαλῶμ ἤρετό τινα τῶν περὶ αὐτὸν φιλοσόφων, λέγων· Βούλομαι σε ὑποδειγματίσαι μοι, τῷ τρόπῳ ὁ δολιὸς καὶ πονηρὸς

ἀνὴρ μεσολαβήσας, εἰς ἔχθραν μεταβάλλει τὴν μεταξὺ τινῶν συστάσαν φίλιαν. Начало нашихъ списковъ приведено выше. Затѣмъ слѣдуетъ въ нашемъ переводѣ первая глава «сказаніе о купцахъ» (Толст. 3. 45, л. 76), начин. «глаголетца, яко купецъ нѣкіи многославенъ сый» и пр. Starck. p. 4 λέγεται, ὡς ἔμπορος τις πολύολβος ὢν. Посторонній рассказъ, служащій для того, чтобы вывести на сцену быка или вола, котораго левъ принимаетъ въ лучшіе друзья свои; затѣмъ исторія переходитъ къ шакаламъ (ὁ θῶς) Стефаниту и Ихнилату, имена которыхъ въ другой Толст. рукописи объяснены на полѣ: «медвѣдь» и «горностаи», а въ Погодинской: «стефанитъ — соболь, ихнилатъ — горностаи»: и то и другое, разумѣется, неправильно. На поляхъ Погодинск. списка позднѣйшимъ почеркомъ приписаны argumenta: «начало телча особнаго пребывания» — «страшится левъ телца» — «начинается злосовѣтіе ихнилатово» — «стефанитъ же вѣдая его злокозньство всяко его отъ того отрѣваетъ многими бесѣдами» и т. д. въ томъ же родѣ.

— Вторая «притча о пионицѣ» (л. 81), рассказанная Стефанитомъ. нач. «глаголетбояся, яко пиоикъ нѣкіи видѣ нѣкоего древодѣля» и пр. Starck. p. 12 λέγεται γὰρ, ὡς πιθῆκος τις ἰδὼν τέκτονα. Обезьяна, т. е. пиоикъ, подражая дровосѣку, хотѣла расколоть бревно и вмѣсто того ущемила часть собственнаго тѣла; затѣмъ она еще пострадала отъ возвратившагося дровосѣка. Такъ наказывается «влагаяи себе въ неподобная словеса в дѣла». Замѣтимъ, что вмѣсто ὁ ἱεράξ въ нашемъ текстѣ стоитъ «птиць, нарицаемыи алааконъ», въ др. сп. «алаконъ».

— Третій рассказъ, Ихнилата, о лисицѣ и тимпанѣ (л. 92), нач. «глаголетбояся, яко лисица алчюши, пишу ишуши, приключися ей вещь нѣкую обрѣсти, тимпанъ, зовомыи (бубень Пог.)», — Starck. p. 36 λέγεται γὰρ, ὡς ἀλώπηξ τις πεινώσα καὶ τροφήν ἐπιζητοῦσα etc. Въ Погод. списокѣ рассказъ отмѣченъ 4 мѣ, потому что за 3-ю главу (л. 134 об.) принята коротенькая притча объ отрокѣ, приобрѣвшемъ скромностью дружбу царя; въ слѣдующихъ главахъ счетъ Погод. списка такъ же идетъ впереди.

— Четвертая «притча о вранѣ и о зміи» (л. 97), рассказанная Ихнилатомъ; нач. «глаголетбояся, яко вранъ нѣкіи во-

гнѣздящеса въ нѣкоемъ дровѣ въ горѣ», — Starck. p. 60 λέγεται γάρ, ὡς χόραξ τις ἐμφολεύων τινὶ τῶν ἔρεμῶν δένδρων. Передѣ тѣмъ пропушенъ длинный рассказъ о пустышникѣ и о ворѣ, укравшемъ платье, Starck. p. 50.

— Пятая притча «о жаравле и о ежѣ» (л. 98), рассказанная звѣремъ, другомъ ворона, нач. «глаголетбося, яко жеравь нѣкии при блатѣ пребывая, исполнену рыбѣ», — Starck. p. 62 λέγεται γάρ, ὡς χύκνος τις παρὰ τινὶ ἰχθύων πλήρει λίμνῃ οἰκῶν.

— Шестая «притча о лвѣ и о зайцѣ» (л. 101), рассказанная Ихнилатомъ, о томъ, какъ заяцъ съумѣлъ обмануть голоднаго льва и даже лишить его жизни; этой притчей Ихнилатъ убѣждаетъ Стефанита, что можетъ достичь своей цѣли, т. е. поссорить льва съ быкомъ. Нач. «глаголетбося, яко левъ нѣкии обитоваше травоносно поле и водно», — Starck. p. 70. λέων (γάρ) τις ᾧκει χλοηφόρον καὶ ὑδατώδες πεδίον.

— Седьмая «притча о трехъ рыбахъ» Ихнилата къ царю (л. 107), нач. «глаголетбося, яко въ нѣкоемъ блатѣ, близъ рѣки суше, три пребынаху рыбѣ», — Starck. p. 82 λέγεται γάρ ὡς ἐν τινὶ λίμνηδίῳ πρὸς πεταμὸν συνάπτοντι τρεῖς διητῶντο ἰχθύες. Рыбы услышали однажды, что рыбаки хотятъ выловить ихъ изъ болота: одна изъ нихъ, мудрая, тотчасъ же ушла въ рѣку; другая, поглупѣе, осталась, но когда рыбаки пришли и загородили проходъ въ рѣку, притворилась мертвою, — рыбаки взяли ее руками и спокойно положили на берегу рѣчки, тогда рыба встрепенулась и прыгнула въ рѣку; третья рыба была советѣмъ глупа, увидѣвши рыболововъ, начала метаться въ разныя стороны и скоро была поймана: «довольнѣи бо мудростію чловѣцы всякимъ образомъ тщатся еже не впадути въ злая паденія; а меншии разумомъ и страшливии, впадаютъ убо когла, и промышляютъ еже своего избавленія; а иже до конца не полезни мудростію, аше впадаютъ, и никогда же избавленіе могутъ обрѣсти».

— Восьмая «притча о коридѣ и о блохѣ» (л. 111), также рассказанная лву Ихнилатомъ, нач. «глаголетбося, яко корида нѣкая въ тѣлѣ (др. сп. въ *портяхъ* = одеждахъ) вельможа нѣкоего крыящеса не мало время», — Starck. p. 90. φθειρὸν γάρ τις δερμίοις τινὸς τῶν μεγιστάνων ἐπὶ μακρῶ ἐνεκέκρυπτο χρόνον.

— Девятая «притча о волкѣ и о лисицѣ и о гавранѣ и о лвѣ и о велбудѣ» (л. 117), приведенная тельцомъ, нач. «глаголетбося, яко левъ нѣкїи пребываше въ нѣкоемъ мѣстѣ (л. б. *льсь*)», — Starck. p. 102 λέγεται γὰρ, ὡς λέων τις παρά τιμ διητᾶτο ὕλη. Далѣе пропущена притча о птицѣ алкіонѣ (Starck. p. 114), къ которой по Греческому подлиннику относится слѣдующая притча, въ Русскомъ переводѣ приписанная прямо Ихнилату.

— Десятая «притча о дву норцахъ и о желвѣ» (= черепахѣ), л. 123, нач. «глаголетбося, яко въ нѣкоемъ источницѣ пребываху два норца и желва съ ними», — Starck. p. 116 λέγεται γὰρ, ὡς ἐν τιμ πηγῇ νῆτται ἐδαιτῶντο δύο καὶ μία χελώνη. Здѣсь слова τὰ τῶν νοκτερίδων ὄμματα переведены «лѣсковыя очи», др. сп. «мелѣковыя очи».

— Одинадцатая «притча о дву друзехъ» (л. 129), Стефанита, нач. «глаголетбося, яко въ нѣкоей горѣ пребываху два пиенка, имѣяху дружбу между собою», — Starck. p. 130 λέγεται γὰρ, ὡς πονηρός τις ἀνὴρ σὺν ἅμα σχολαστικῷ τινι, κοινωνίαν πρὸς ἀλλήλους ποιησάμενοι. Разница въ начальныхъ словахъ происходитъ отъ того, что въ Русскомъ текстѣ пропущена предыдущая притча о пиенкахъ и воронѣ (Starck. p. 128 λέγ. γὰρ, ὡς τινὲς πύθηχοι etc.), но начало ея отнесено къ слѣдующему разсказу, въ которомъ дѣйствуютъ вовсе не пиенки, а люди. То же смѣшеніе и въ двухъ другихъ рукописяхъ.

— Двѣнадцатая «притча о купцѣ» (л. 132), Стефанита къ Ихнилату, нач. «глаголетбося, яко нѣкїи купецъ хотѣ поити на куплю», — Starck. p. 140 λέγεται γὰρ, ὡς ἔμπορός τις μέλλον ἀποδηεῖν. Передъ тѣмъ пропущена притча Греческаго Стефанита о журавлѣ и змѣѣ, p. 134.

— Тринадцатая «притча по убьеніи телчи» (л. 135), т. е. разсказъ о томъ, что случилось по смерти тельца, погубленнаго коварствомъ Ихнилата; здѣсь опять является царь, бѣсѣдующій съ философомъ, какъ въ началѣ книги. «Царь же рече философу: извѣсти ми, по убьеніи телчи како бысть Ихнилатъ? — Философъ же воспримъ рече: по убьеніи телца изыде вонъ леонтопардосъ» и пр. Въ Греческомъ текстѣ здѣсь начинается отдѣленіе второе, Starck. p. 146 ὁ δὲ βασιλεὺς τῷ φιλοσόφῳ ἔφη. ἀνάγγελον οὖν μοι etc.

— Четырнадцатая «притча о неумѣтельномъ врачѣ», сказанная Ихнилатомъ въ судѣ (л. 146), нач. «глаголетъбоя, яко нѣкій врачъ прииде въ нѣкіа градъ», — Starck. p. 168 λέγ. γάρ, ὡς ἰατρός τις τοιοῦτος ἐπεδήμησε πόλει τινί. Въ городѣ, куда пришелъ врачъ, была опасно больна царская дочь, и ему поручили приготовить лекарство, которое нужно было ей дать; по незнанію своему, врачъ далъ ей другаго былія и она умерла; тогда родители принудили его выпить того же вреднаго лекарства и врачъ потерялъ смертныя муки. Этимъ доказывается, что «аще кто невѣсть ничтоже, да лжу не глаголетъ; глаголя бо лжу, подобно постражеть неумѣтельнаго врача».

— Пятнадцатая «притча о женахъ» (л. 148), приведенная опять Ихнилатомъ на протомагера, нач. «глаголетъбоя, яко женѣ двѣ съ мужемъ отъ плѣна избѣгши», — Starck. p. 172 λέγ. γάρ, ὡς δύο γυναῖκες μετ' ἀνδρός ἔκ τινος διαδράντες αἰχμαλωσίας. Протомагеръ, πρωτομάγειρος, въ Погод. рукописи истолкованъ: «котъ».

— Шестнадцатая «притча о лжесвидѣтелѣ» (л. 151), сказанная Ихнилатомъ въ судѣ, нач. «глаголетъбоя, яко нѣкин крагуяръ вожделѣ жену господина своего», — Starck. p. 178 λέγ. γάρ, ὡς ἱερακάρσις τις ἠράσθη τῆς γυναίκος τοῦ κυρίου αὐτοῦ. Когда попомзновение крагуяра не удалось, онъ поймалъ двухъ сой и выучилъ ихъ говорить по-Персидски, одну — «видѣхъ госпожу свою со вратаремъ падшуся», а другую — «не глаголю ничтоже». Господинъ, услышавъ разговоръ ихъ, пришелъ въ великій гнѣвъ; но жена убѣдила его, что птицы не умѣютъ говорить ничего другаго, и открыла ему поступки крагуяра; тогда «напрасно воскочи господинъ... ко крагуяру и извертѣ ему очи», чѣмъ и доказывается опасность лжесвидѣтельства, въ которомъ Ихнилатъ упрекалъ своихъ обвинителей.

— Семнадцатая «притча о любовныхъ друзьяхъ» (л. 154), т. е. о гавранѣ, мыши, сернѣ и желвѣ, нач. «глаголетъбоя, яко въ нѣкоемъ градѣ мѣсто бѣше угодно на ловъ», — Starck. p. 184 . . . λέγ. γάρ, ὡς ἐν τινι χώρῳ τόπος ἦν πρὸς θήραν ἐπιτήδειος. Здѣсь оканчивается исторія льва, быка и двухъ шакаловъ, и въ Греческомъ Стефанитѣ начинается третье отдѣленіе, въ которомъ разсуждается «о друзьяхъ, иже любяцца и въ любви

присно пребываютъ». Далѣе, въ нашей рукописи принято за особенную (18-ю) притчу «о мышѣ и о гавранѣ» (л. 157), продолженіе того же разсказа, и слѣдовательно счетъ главъ перемѣшивается; въ Погодинской рукописи этого дѣленія нѣтъ, и счетъ сравнивается съ Толстовскимъ. Въ разговорѣ монаховъ, у одного изъ которыхъ жила мышь, Русскій переводъ пропускаетъ притчу о волкѣ (Starck. p. 206).

— Осьмнадцатая, по рукоп. 19-я, «притча о гавранехъ и о выплехъ» (л. 172), разсказанная философомъ царю, нач. «глаголетбоя, яко въ нѣкоей горѣ бѣше древо нѣкое», — Starck. p. 236—238 ...λέγ. γὰρ, ὡς ἐν τινι ὄρει, ἐν ὑπερμεγέθει δένδρον. Въ Греческомъ текстѣ отдѣленіе четвертое: «како подобаеть блюстися врага, иже лицемѣриемъ истиненъ пріятель являетца». Начальныя слова царя и философа въ нашемъ переводѣ нѣсколько длиннѣе; въ притчѣ, Греч. πρωτοσύμβουλος переведено «первыи совѣтникъ», а въ другомъ случаѣ поставлено «схоластикъ»: «и поиде царь съ схоластикомъ, сирѣчь со уединенемъ (= уединеннымъ) особю» (л. 176. Starck. p. 252), въ Погодинской же рукописи забавная ошибка: «с холатникомъ, сирѣчь со уединеннымъ». Далѣе пропущены почти всѣ сказки, вставленныя въ это отдѣленіе, именно: о бездождѣ и слопахъ Starck. p. 254, о зайцѣ и скиурѣ — какъ они потерпѣли отъ кошки p. 262, о монахѣ, котораго обманули воры, укравшіе у него козла p. 270, о старомъ мужѣ, молодой женѣ и о ворѣ p. 278, о монахѣ, которому строили козни воръ и дьяволъ p. 282, о мастеровомъ, котораго обманываетъ жена p. 286, наконецъ о пустынникѣ, обратившемъ мышь въ дѣвушку p. 296.

— Девятнадцатая, по рукоп. 20-я, «притча о змѣи, како подложися жабѣ» (л. 186), разсказанная гавраномъ, нач. «глаголетбоя, яко змѣи нѣкіи заматорѣвъ, состарѣвся, и не возможе ничтоже ловити на пищу», — Starck. p. 306 λέγ. γὰρ, ὡς ὄφεις τις παραβεβηκώς καὶ γεγηρακώς πρὸς τὴν εἴραν ἠτόνησε.

— Двадцатая, по рукоп. 21-я, «притча о пивецехъ» (л. 188), разсказанная философомъ царю, нач. «глаголетбоя, яко пивецы нѣцны царя у себе имуще», — Starck. p. 314 λέγεται, ὡς οἱ πιεζχοὶ τῶν σφῶν βασιλέα. Въ Греческомъ текстѣ начинается здѣсь отдѣленіе пятое, о томъ, «како кто когда достигъ желанія

своего и не могли добре содержать его, и абие пакм погубить ё»; въ изложеніи этого отдѣла у насъ недостаетъ басни о львѣ и лисицѣ (Starck. p. 326). Замѣтимъ, что слово συζυγός переведено у насъ «подругъ».

— Двадцать первая, по рукоп. 22-я, «притча о мужи и о женѣ, иже наединѣ жившемъ *кромь* людей» (л. 194), рассказанная философомъ въ шестомъ отдѣленіи Греческаго Стефанита, нач. «глаголетбоя, яко мужъ нѣкии вкупѣ (съ) своею женою наединѣ живяше *кромь* людей», — Starck. p. 334 . . . λέγεται, ὡς ἄνδρὸς τις ἄρα τῆ ἰδίᾳ γυναίκα κατὰ μόνας συζῶν.

— Двадцать вторая, по рукоп. 23-я, «притча о проліявшемъ медъ и масло» (л. 194), нач. «глаголетбоя, яко мужъ нѣкии ото убогихъ имѣяше у себе въ нѣкихъ сосудехъ медъ и масло», — Starck. p. 336 λέγ. γάρ, ὡς πένης τις μέλι τε καὶ βούτυρον ἐν τιν ἀγγείῳ, ἔνθα ἐκάθευδε, πλησίον εἶχε. Известный анекдотъ: посредствомъ пролажи меду и масла бѣдливый мечтатель думалъ приобрѣсть огромныя богатства; воображалъ, какъ онъ тогда женится, будетъ имѣть сына, какъ станетъ учить его жезломъ послушанію; онъ взялъ жезлъ, размахнулся и — разбилъ сосудъ съ медомъ и масломъ. Первоначальный рассказъ находится въ 5-й гл. Панча-тантры; онъ повторяется, *кромь* другихъ редакцій Калилы-ва-Димны, въ Conde Lucanor (nr. 29), отчасти въ Нѣмецкой народной сказкѣ der faule Heinz (Grimm, Kinderm. 2, 360 ff.) и во многихъ позднѣйшихъ басняхъ (Dunlop, 502). Здѣсь онъ соединенъ съ предыдущимъ рассказомъ, подобнаго же рода: мужъ мечталъ о томъ, какъ у него родится «мужески полъ отроча»; жена возразила на это притчей «о проліявшемъ медъ и масло». Потомъ, — приводимъ рассказъ по рукописи, — «роди отрока жена его, и по нѣкихъ днехъ рече жена къ мужу своему: присѣди мало здѣ у отрока своего, дондеже шедше возвращуся, — и отъиде жена его. И позванъ же бысть отъ властелина мужъ ея, и поиде, и остави дѣтище едино; и приключися абие пресмыкаться змій на дѣтища, и видѣвши жена брата его, невѣстка, змію, и скочивше и зубы изсяче змію, и уби ю; и рукама своимъ растерза ю, и окровавився змійною кровію. Пришедъ же пакм мужъ онъ, и видѣвъ невѣстку окровавлену змійною кровію, и мняше, яко отроча се его убила есть,

и не стерпѣ, довѣдеже видѣть отроча, и удари сію по главѣ немилостивно, и умре отъ того. Вшедь во храмину и обрѣте отроча цѣла, и змія содроблена, и зѣло раскаяся и плакася горко. На такой же ошибкѣ основанъ, какъ увидимъ, одинъ рассказъ въ Семи Мудрецахъ. Притча о пролившемъ масло и медь имѣеть своего двойника въ нашей лубочной картинкѣ: «мысли вѣтренныя мужика, несшаго въ торгъ ялицы» (*Снегиревъ*, въ Вал. Сборникѣ, стр. 210).

— Двадцать третья, по рукоп. 24-я «притча о снѣхъ Индѣйсково царя» (л. 197), рассказанная философомъ царю въ седьмомъ отдѣленіи Греческаго Стефанита, нач. «глаголетбося ситце (sic), яко тои царь Индѣйскій во едину отъ ношей видѣть осмь сновъ страшныхъ и ужасныхъ», — Starck. p. 340—342 λέγ. γάρ, ὡς βασιλεὺς οὗτος ὄχτω πότε δνείρους ἐν τῷ καθεύδειν φοβεροῦς ἰδών. Философы, призванные царемъ для разрѣшенія сновъ, хотѣли устроить его гибель, и совѣтовали ему избить всѣхъ близкихъ своихъ; царь былъ въ жестокомъ недоумѣніи; но царица, не вѣря лживымъ философамъ, просила мужа искать объясненія сновъ у постника старца, *утверждающаго христіяны*. Постникъ растолковалъ всѣ сны совершенно иначе, предвѣщая царю получение многихъ даровъ, и пр. Этотъ послѣдній рассказъ Русскаго текста, намъ извѣстнаго, оканчивается на серединѣ исторіи словами: «... во единъ же убо отъ днѣи, яже вѣнецъ взявши» — Starck. p. 358.

Въ заключеніи нашего Стефанита помѣщены другія статьи, къ нему не принадлежащія, но вѣроятно находившіяся въ той Греческой рукописи, которою пользовался переводчикъ. Самый текстъ оканчивается въ Толст. списокѣ 3. 45 слѣдующими словами: «мудрость же сія и притчи къ нѣкоторымъ писателемъ (sic), но *недописаны суть*, но уже время, возлюбленіи, — мнѣхъ убо сладную бесѣду отеческихъ словесъ сократити; Богъ же чловѣколюбивыи да покрываетъ насъ своею благодатию и молитвами всѣхъ святыхъ, аминь» (л. 205). Въмѣсто того въ Погод. сп. сказано, по окончаніи прибавленныхъ статей: «добрѣ внимая кто притчамъ, имать прилагати разумъ къ дѣятельнымъ вещемъ, — егда же совершится вещь, и разумѣемъ силу приложеннаго разума, — еда ли же сему достойно быти прилогу разума естествен-

наго къ вешемъ» (?). Не осталось ли и здѣсь что нибудь изъ заключенія Греческой рукописи?

Къ Стефаниту прибавлена, во первыхъ, «притча нѣкая о составленіи человѣческаго сущаго естества» (Толст. 205—207, Погод. об. 220—221) или весьма извѣстная басня о спорѣ частей человѣческаго тѣла, нач. «человѣкъ бо нѣкіи рече притчю сію сице: нѣкогда прилучися, совокупистася утроба со всеми уды тѣлесными» и пр. Во вторыхъ, слѣдующія гномическія изреченія:

«Блаженъ бо есть той градъ, иже отъ древнихъ и благочестивыхъ царицъ царствуемъ, — и корабль отъ искусныхъ кормицъ окормляемъ (= направляемъ, Пог.), — и монастырь отъ воздержанныхъ иноковъ строимъ....

«А тому граду горе есть велико, иже отъ юныхъ и нечестивыхъ царицъ царствуемъ, — и кораблю отъ неискусныхъ кормицъ окормляемъ, — и монастырю отъ неискусныхъ иноковъ строимъ.

«Градъ убо скоро плѣненъ бываетъ, — а корабль разбѣтца вскорѣ же, — монастырь же запустѣеть, и сія вся свершатся отъ неразумія человѣческаго».

Въ третьихъ, въ Погод. сп. об. л. 221 — 227 находится «притча о нѣкоемъ велможѣ», съ которою встрѣтимся еще далѣе, когда будемъ говорить о «Римскихъ Дѣяніяхъ» т. е. Русскомъ переводѣ *Gesta Romanorum*. Легко можно допустить, что уже оригиналъ нашего перевода имѣлъ тотъ неполный и неправильный составъ, какой мы означили; потому что и списки, извѣстные по изданіямъ, далеко не удовлетворительны: списокъ Упсальскій не имѣетъ многого, что есть въ переводѣ Поссина; Голштейнскій не имѣетъ цѣлаго введенія. Или и наши списки дѣлились на два разряда — полные и неполные? Но и Русскій текстъ въ свою очередь представляетъ нѣкоторыя мѣста, не находящіяся въ изданіи Штарка, напр. обращеніе къ инокѣ въ первой притчѣ (Толст. л. 78), упоминаніе Омировой притчи (Толст. л. 123, Погод. л. 164 об.) и друг. Книга должна была пользоваться уваженіемъ, если ее приписывали Іоанну Дамаскину; и дѣйствительно, въ сборникѣ нравственныхъ и благочестивыхъ изреченій, въ родѣ Пчелы, находящемся въ Толстовской рукописи 2. 181, л. 446 — 460, выписки изъ «Ихнилата»

поставлены рядомъ съ изреченіями самыхъ знаменитыхъ и почитаемыхъ у насъ гномистовъ.

Другой характеръ аполога и другой видъ животнаго эпоса является въ Езоповой баснѣ; съ переводами ея снова вступаемъ въ XVII столѣтіе. Не распространяясь о значеніи Езопа въ классическихъ и средне-вѣковыхъ литературахъ, обозначимъ только составъ рукописей, заключающихъ наши переводы его басенъ. Езопъ едва ли былъ извѣстенъ у насъ ранѣе XVII вѣка; первый переводъ сдѣланъ былъ Ѳеодоромъ Касьяновымъ сыномъ Гозвинскимъ въ 1608 году. Тому же Гозвинскому принадлежитъ переводъ «Тропника» Иннокентія папы Римскаго, находящійся въ Румянц. сборникѣ № 367, Толстов. рукописяхъ 2. 140, 2. 286 и мн. др. Личность переводчика опредѣляется въ заключеніи этой послѣдней книги такимъ образомъ: «лѣта 7117-го (= 1609) мѣсяца іюля въ 11 день перевелъ сію книгу съ Польскаго языка на Рускіи языкъ Ѳеодоръ Касьяновъ сынъ Гозвинскій, *Греческихъ словъ и Польскихъ переводчикъ*, въ царствующемъ градѣ Москвѣ» (Румянц. л. 450). Въ описаніи Толстовскаго собранія имя его неправильно означено *Кассіанъ* Гозвинскій (стр. 445, ср. *Медвѣдева*, оглавл. книгъ 85). Полный переводъ Гозвинскаго, кромѣ басенъ, представляетъ Планудову біографію Езопа, уже знакомую намъ по сказкѣ о Синагрипѣ. Въ такомъ составѣ трудъ Гозвинскаго находится въ рукописи конца XVIII в., изъ собранія гр. Сухтелена, Публ. Б-ки XIV. Ф. 5; другіе, видѣнные нами списки заключаютъ или одну біографію или только басни. Вообще рукописи Езопа нерѣдки:

— Погодинскій сборн. Публ. Б-ки, по описи № 1964, XVII-го вѣка, на л. 61—125 Езоповы басни, безъ заглавія. Сначала силлабическіе «стихи или вирши на Езопа», начин.

Баснослатель Езопъ не украшенъ образомъ,
Прочитая же сего обратиши съ разумомъ;
Плоть, его сосудецъ, аще не зѣло честна,
Но душа, въ ней живуща, зѣло изящна....

Въ концѣ:

.... Нравоучительная къ намъ сей бесѣдуетъ
И въ притчахъ полезная къ житію даруетъ,

Яже отъ *Еллинскаго* преведена суть мною,
Прочитай, любимиче, утѣшаися со мною,
Вирши си по часту прочитовай,
И въ книгѣ сей на стихи истолкованія не забывай.

Затѣмъ притчи, на л. 125 «надписаніе Автонія мудреца», нач. «баснь или притча отъ творцевъ изыде» и пр., опредѣленіе басни, наконецъ об. л. 125 «исторія книги сея — притчи или баснословіе Езопа Фрига, философа Греческаго и баснотворца, преведены быша з Греческаго діалекта на Словенскіи языкъ Феодоромъ Касьяновымъ сыномъ Говвинскимъ, въ царствующемъ градѣ, отъ созданія міру 7116 г. (=1608), октября въ 19 день», а на полѣ прибавлено: «и по сей годъ 156 лѣтъ», слѣд. было читано еще въ 1764 году.

— Фроловская рукоп. Публ. Б-ки XVIII. Q. 3, XVII-го столѣтія, на 37 л. «Житіе естественнѣ острѣйшаго Есопа Фругійскаго» т. е. Планудова біографія, нач. «естество вещей, еже есть въ человекѣхъ, испытаху и нивіи мнози, и предаша тое послѣдороднымъ своимъ, но якоже ми видится, Есопъ сію премудрость не имѣяше естественнаго разума, зане достиже въ мѣры древнихъ учителей, — яко онымъ, яже глагола, ниже отъ учителя изучися, ниже отъ древнихъ исторій взяше. по разумомъ и баснею, влече человекѣа къ себѣ, толико, яко и учителя онаго времени не возмогоша глаголати противу его» и проч.

— Б-ки Моск. Общ. № 115 въ космографіи XVIII вѣка, л. 379—444 прибавлена статья: «книга, глаголемая по Рускіи, а по Греческіи стихіесловъ и Еллинскіи вирши (sic), въ ней же написашася повѣсти о небесныхъ птицахъ, и о земныхъ скотѣхъ, и о звѣрехъ, и о гадѣхъ, и приводится ко всякому человекѣчьскому разуму и праву, притчами сказуются и о дружбѣ и о недружбѣ и о лести». — гдѣ находится, по Строеву, 139 притчъ.

— По указанію, сообщенному намъ г. Буслевымъ, въ скороп. сборникѣ конца XVII в., Арх. Мин. Ин. Д. № 250, откуда напечатаны г. Буслевымъ пословицы, на л. 383—418 находится «житіе Езопа баснослова, и о хожденіи его, и о его мудрости, како стязаяся съ Еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ, списано отъ Максима Клавдія», безъ сомнѣнія такъ же біографія Максима Плануда. Затѣмъ, л. 419, предисловіе къ баснямъ и вирши на пре-

мудраго баснослагателя Езопа; далѣе об. л. 419—469 басни, конечно въ переводѣ Гозвинскаго.

— Забѣлива, рукоп. XVII в. № 76, уже нами упомянутая, заключаетъ «притчи или баснословіе Езопа Фрига, философа Греческаго и баснотворца, приведены быша съ Греческаго діалекта на Словенскій языкъ преводникомъ Федоромъ Касьяновымъ сыномъ Гозвинскимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ создавія міру 7116, октября въ 19 день».

Новый списокъ гр. Сухтелена представляетъ всѣ эти статьи, хотя написанъ съ большими ошибками. Заглавіе біографіи, какъ въ Архивной рукописи: «житіе Езопа баснослова, и о хожденіи его и его мудрости, како стязаяся съ Еллинскими мудрецы и свою мудрость показуя многимъ царемъ, — списано отъ Максима Плавдія» (sic), нач. «вещей человѣческихъ естество преслѣдоваша и прочіи, и наслѣдовавшимъ подаша; Езопъ же вѣщъ мнится не кромѣ божіяго дуновенія, понеже благонравнаго ученія коснулся» и пр. Переводъ, какъ можно видѣть и по этому началу, если не другой, чѣмъ въ списокѣ Фролова, то очень сильно перелѣтанный. За біографіей, на л. 25 другое заглавіе: «книга, глаголемая Езопъ по Руски, а по Гречески стихословъ, а Еллински вирши» и т. д. сходно со спискомъ Моск. Общ.; далѣе «предисловіе», заключающее указанные силлабическіе стихи, которые здѣсь во многомъ переименованы, потомъ «надписаніе Авдонія мудреца», наконецъ л. 25 обор. начинаются басни, которыя оканчиваются на л. 60 исторіей перевода, гдѣ вмѣсто имени Гозвинскаго неправильно переписано изъ старой рукописи: «Томвимскій». Басни и въ Погодинскомъ и въ Сухтеленскомъ спискахъ идутъ въ томъ же порядкѣ: 1) о орлѣ и о лисицѣ, 2) о соловѣѣ и ястребѣ, 3) о лисицѣ и о козлѣ, 4) о лвѣ и о лисицѣ, 5) о котѣ и алектріонѣ (=алекторѣ, Пог.), 6) о лисицѣ, и т. д.; но число ихъ въ разныхъ спискахъ неодинаково: въ списокѣ Моск. Общ. басенъ 139, въ Погодинскомъ 142, въ рукописи гр. Сухтелена 148 (здѣсь число ихъ доведено до 150, но въ счетъ есть ошибка). Для примѣра выпишемъ изъ этой редакціи Езопа первую басню:

«Орелъ съ лисицею содружившися бивъ себе начаша жити. и утверженіе права, любви и дружбѣ сотворивше, орелъ убо на высоцѣ

мѣстѣ гнѣздо извнѣ, лисица же въ ближнихъ кустѣхъ чадо породи. На паствь нѣкогда лисицѣ изшедшей, орелъ же пици и брашна не имѣя и слетѣ въ кустъ, лисицыны чада восхитивъ, со своими младыми птенцы вкушѣ пожре. Лисицѣ пришедши и содѣланое увѣдѣвши, не толико о смерти своихъ чадъ скорбѣше, елико отмстити орлу не може, земна бо бѣ лисица, птицу летающую гонити не возможе; тѣмъ же издали лисица ставъ, еже и немощнымъ есть удобно, супротивника своего и врага безчестуя, проклинаше. Не по мнзвѣхъ же днехъ послѣди, нѣцыи чловѣцы козу на жертвеникѣ принесше богомъ жроша; слетѣвъ же орелъ и часть нѣкую сея жертвы со углемъ горячимъ возхити и ко птенцемъ въ гнѣздо принесе, — вѣтру же люто дышащу сицеву, яко и пламени разгорѣвшисья, орлищица же, еще суще безъ криль ни улетѣти не могуще, спекшеся на землю низпадоша (въ рукоп. — дше); лисица же видѣвши радуся притече, предъ лицемъ орлимъ ругаючися всѣхъ свѣде.

Толкованіе: притча сія знаменуетъ, яко иже дружбу разоривше, аще убо отъ обидимыхъ убѣгнутъ отищенія, неможенія ради, но Божія отищенія праведнаго не убѣгнутъ.

Совершенно другаго состава второй переводъ Езоповыхъ басенъ, принадлежащій второй половинѣ XVII вѣка. Единственная, извѣстная намъ, рукопись этого перевода находится въ Толст. собраніи 2. 492, Публ. Б-ки XV. Q. 16. Этотъ неполный списокъ, со многими вырванными листами, не имѣетъ и заглавнаго листа; начальныя притчи: 3) о крестьянинѣ и о ужю, 4) о вепрѣ дикомъ и о ослѣ, 5) о мыши деревенской и градской, 6) о орлѣ и воронѣ и т. д. Книга состоитъ изъ трехъ частей; во второй идутъ притчи: 1) о двухъ жабахъ, 2) о пѣтуху со псомъ, 3) о ужю, 4) о лву и о медвѣдѣ и пр.; въ третьей: 1) о мыши (съ сундукомъ), 2) о крестьянинѣ и о хлѣбѣ, 3) о ястребѣ з голубемъ, 4) о чловѣку бродящемъ черезъ воду и т. д. Число басенъ въ каждой части — 142, 44 и 74. Нашъ переводчикъ составилъ свой трудъ по Польскому изданію одной изъ новѣйшихъ редакцій басенъ Езоповыхъ; самого Езопа, вмѣсто «фригійскій» онъ постоянно именуетъ «францкій», даже «французскій». Подлинникъ его виденъ изъ слѣдующихъ заглавій втораго и третьаго отдѣленія: «вторыхъ книгъ вторыя притчи Гаврила грека, къ первымъ притчамъ подобныя зъ Греческаго языка на *Полскімъ* переведены»; «третіихъ книгъ третія притча

Лаврентя римлянина с Латинскаго на *Полскім* языкѣ переведены»; въ концѣ первой книги находится извѣстiе о времени перевода и самомъ переводчикѣ: «183 (= 1675), мая въ ..., переведена сія книга Езопъ Французской (sic) въ Синбирску, а переводилъ синбирской рохмистръ *Петръ Кашинской*; а въ семь Езопѣ трои книги—Езопъ Францкой, другой Гаврила Грека, третьей Лаврентія Римлянина». Слѣдовательно прямымъ оригиналомъ нашего перевода было старинное Польское издание, неизвѣстнаго впрочемъ года, описанное Iохеромъ: *Fabuly Aezorowe abo przymowiesci ...* (до стр. 182, потомъ:), *Przymowiesci Gabryela greka, temi czasy na polskie wyložone* (до стр. 205, наконецъ:), *Przymowiesci Laurentego Abstemiusza z łacińskiego na polskie przełożone* (*Obraz bibliogr.-histor. literatury i nauk w Polsce. Wilno, 1840, 1. 107. ср. Maciejowski, Piśm. 3, 179*). Та же притча о лисицѣ съ орломъ передана здѣсь такимъ образомъ:

«Захотѣлъ орелъ съ лисицою близко себе жити, чтобъ лучшее межъ ими товариство было; такоже орелъ поселился на деревѣ, а лисица подъ нимъ выкопала яму; а орелъ, когда времени одного лисица дѣтемъ своимъ пошла добывать корму, слетѣвши на землю дѣти ево похваталъ, и далъ своимъ орлятамъ. Пришотши лисица, когда не нашла своихъ дѣтей велии кручинилася и плакала, видячи, что надъ орломъ, которой былъ высоко, не могла помститься, побѣжала въ деревню и принесла огненную головню и положила подъ деревомъ, а когда вѣтръ роздымалъ головню, она еще сухова дерева прибавивала, такъ что гнѣздо орлово зажгла. А дѣти, хотячи отъ огня уйти, а летать еще не умѣли, на землю попадали, которыхъ лисица похватавши передъ орломъ раздрала и поѣла.

•Толкъ: хто крестное цѣлованіе ламлетъ, либо отъ людей отомщенія не будеть, токмо отъ Бога вѣчное наказаніе приметъ».

Вліяніе Польскаго оригинала въ этомъ переводѣ очень замѣтно; инья Польскія слова, напр. невѣста = niewiasta, поставлены безъ толкованія, хотя по Русски имѣютъ другой смыслъ.

Въ царствованіе Петра Великаго, Езопъ на Русскомъ языкѣ появился еще два раза. Первое изданіе, одна изъ любопытнѣйшихъ книгъ Петровскаго времени, имѣетъ такое заглавіе: *Притчи Эссоповы, на латинскомъ и рѣскомъ языкѣ, ихъ же*

Авіеніи стихами изобразил, — совокупно же Брань жабы и мышей, Гомером древле описана со изрѣчными въ обоихъ книгахъ лицами и с' толкованіемъ. В' Амстеродѣмѣ напечатана оу Ивана Андреева Тесинга. Лѣта 1700. Къ баснямъ принадлежить сорокъ гравюръ, и шесть къ Батрахомиомахин; сличеніе перевода Копіевича съ переводомъ Гозвинскаго сдѣлано было Полевымъ въ Русск. Вѣстникѣ (1842, т. 5, 174—179). Другое изданіе называется: «Эзоповы притчи, повелѣніемъ Царскаго величества, напечатаны въ Санктъпитербурхѣ, лѣта Господня, 1717 апрѣля въ 5 день». Здѣсь помѣщено и «житіе по природѣ остроумнаго Есопа», которое должно сличить съ указанными выше Фроловскимъ и Сухтелен. списками Планудовой біографіи.

Въ литературѣ западныхъ знакомство съ Езоповой басней, въ томъ видѣ какъ она была собрана Планудомъ, распространилось впервые въ концѣ XV-го вѣка. До тѣхъ поръ Езопову басню гораздо болѣе знали по Бабрію, Федру и позднимъ ихъ послѣдователямъ, Авіену, Тиціану и другимъ. Самый Федръ уже рано былъ замѣняемъ другими обработками этихъ сюжетовъ, болѣе и болѣе вытѣснявшими подлинную басню: такимъ образомъ Федру предпочитали собраніе Ромула, откуда извѣстный Винцентій Бовесскій помѣстилъ 29 басенъ въ своемъ *Speculum doctrinale*. Въ новыхъ передѣлкахъ классическая басня получила однако другой характеръ; такъ Нѣмецкіе фабулисты, соединяя подъ словомъ *bispel* и тѣ апологи, какіе брали изъ классическаго или восточнаго источника, и тѣ, какіе доставлялъ національный животный эпосъ, — развивали преимущественно моральную сторону сюжета и дали нравоученію такіе обширные размѣры, какихъ оно не достигало прежде. У одного изъ замѣчательнѣйшихъ фабулистовъ Нѣмецкихъ, Бонера, котораго относятъ къ XIV столѣтію, нравоучительное направленіе распространило свою область на счетъ самаго разсказа, морализація басни подкрѣпляется пословицами, подобіями и другими объясненіями, для того, чтобы читатель легче усвоивалъ сущность поученія. Упадокъ эпическаго начала выразился особенно въ томъ, что мораль не слѣдитъ строго за содержаніемъ разсказа и дѣлаетъ такія частныя примѣненія, которыя вовсе не вытекаютъ

изъ басни. Такъ въ баснѣ о обезьянѣ, не могшей раскусить орѣха, Бонеръ не довольствуется ближайшимъ смысломъ разсказа, но выводитъ такое заключеніе: кто посвящаетъ себя Богу, тотъ долженъ вынести много страданій, какъ не долженъ бояться дыму тотъ, кто хочетъ раздуть огонь и т. п. Произволь въ выборѣ наставленій, прибавляемыхъ къ баснѣ, позволялъ фабулистамъ обращаться въ нихъ именно къ тѣмъ явленіямъ дѣйствительности, которыя были важнѣе по ихъ понятіямъ и требовали исправленія. Въ самомъ дѣлѣ средневѣковая басня, съ одной стороны, была очень близка къ чистой проповѣди и поученію, съ другой выражала стремленія сатирическія; поученіе и сатира въ свою очередь пользовались басней, какъ пригоднымъ матеріаломъ. Въ то время, когда это правоучительное и правоопредѣляющее примѣненіе аполога достигло крайняго развитія, обнаружился и совершенный упадокъ первобытнаго эпического сюжета: недовольствуясь моральными выводами и разсужденіями, фабулисты стали присоединять къ баснѣ и примѣры историческіе, которыми бы подтверждалась нравственная идея. Такого рода произведеніе переведено было у насъ, съ Нѣмецкаго, въ 1674 году. Рукопись перевода, XVII вѣка, находится въ Толст. сборникѣ 2. 451, Публ. Б-ки XVII. Q. 7, л. 1 — 95: «*Зрѣлище житія человѣческаго, внемже изъявлены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстими въ наученіе всякаго чина и сана человѣкомъ; нынѣ новопреведено изъ Нѣмецкаго языка всѣмъ во общію пользу, въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ воцлещенія Бога слова 1674*». Намъ не встрѣчался Нѣмецкій подлинникъ этой книги, но его не должно смѣшивать съ другой книгой того же названія: *Das buch genandt der spiegel menschlichen lebens, übers. v. H. Steinhöwel* (около 1475 г.), переведенной изъ *Roderici Zamorensis, Speculum vitae humanae*, первое изданіе котораго полагають до 1472 г. Въ переведенномъ у насъ Нѣмецкомъ предисловіи сказано, что прежде тѣ же притчи изданы были не такъ изрядно, какъ въ этотъ разъ, потому что теперь приложили, «*совершеннѣйшаго ради разумнїя, въ кїейждо притчи отъ древнихъ лѣтописцовъ согласующуюся предстоящей притчи повѣсть*». Выставляя пользу книги, составитель

говорить, что она необходима, особенно для молодых людей, какъ прекрасное наставленіе; «ктому же — продолжаетъ онъ, — зѣло дивно размышляти, како всемогущи Господь Богъ не точию кѣждому животну свойство и природу дарова, но въ нѣкоторые отъ нихъ изрядные обычаи и нравы насадилъ есть, которые безсловесныя не точию чловѣкомъ въ пищу, но и во многіе потребы годствуютъ; еще же отъ сихъ научитися можетъ, яко зря на безсловесныя достоинъ намъ житіе свое и нравы злобныя исправляти, — вже не многіе ли видимъ свирѣпѣше лвовъ, и гнѣвливѣ медвѣдей, иныя же нечистѣше свиней, овыхъ же неблагодарнѣше псовъ, иныхъ же гордѣше павлинь и т. д. Всѣхъ басенъ въ рукописи 124, но счетъ ихъ странно перемѣшанъ въ концѣ; быть можетъ, писецъ Толст. списка сдѣлалъ только выборку изъ болѣе полнаго текста. Сюжеты ацологовъ большею частью общеизвѣстныя; кромѣ правоученія, при басняхъ, какъ мы сказали, находятся и историческія свидѣтельства, взятыя изъ классическихъ писателей, напр. Геродота, Плутарха, Цицерона, Светонія, Флавія, Діона, или изъ *Gesta Romanorum* и средне-вѣковыхъ историковъ и лѣтописцевъ. Чтобы познакомить читателя съ этой оригинальной манерой, приводимъ нѣсколько басенъ съ ихъ морализаціями.

(л. 3, гл. 1). «*О конь и о возницъ*. Нѣкоему коню впрежену бывшу въ тяжкій возъ, и хотя минути болотину, ввалися въ ню; возница же нача коня зѣло бити, конь же много тудився, воза своего не извлече, и возницъ своему рече: како ты немилостивъ сын, видиши мя труждающа о извлеченіи воза твоего, ты же не престаеши бити мя. — Онъ же, сіе слышавъ, лютѣше нача бити его.

«Сія повѣсть являетъ, яко горе работъ, надъ ними же мучитель господствуетъ, зане люди своя къ тяжкой работѣ выну побуждаеть, еще же и бьетъ. Сиче сотвори Тиверіи кесарь Римскій надъ единѣмъ отъ работъ своихъ, зане нѣкогда прилучившуся сему въ пути предъ кесаремъ ѣхати, въ блатину увязе. Кесарь же разгнѣвася рече ему: изыди скоро отсуду, аще ли не изыдеши, лютѣ бити тя повелю и въ блатинѣ оставити. — О семъ пишетъ Светонія» (sic).

(л. 3 об., гл. 2). «*О левъ и о лисицъ*. Нѣкогда левъ, отъ глада велика, сотвори быти себе недужна, и повелѣ съ великимъ запрещеніемъ, да придуть въ дѣмъ его вси звѣри, совѣта ради дѣлъ великихъ.

Звѣри жь, боящеся заповѣди его презрѣти, во дворъ его стекошася; лисица жь, пришедъ близъ двора лвова, видѣ слѣдъ многихъ звѣрей, во дворъ лвовъ пришедшихъ, но ни единого изшедшихъ, и рече къ себѣ: во истинну сіи безумни суть вси, яко собрашася тако ко лву; мною, яко вси погибоша. — Левъ же оныхъ звѣрей всѣхъ растерза и пищу себѣ на долго время уготова.

Тѣмъ являя, яко мудрыи челоувѣкъ во время потребно сѣти силныхъ можетъ убѣгнути, въ нихже простыя люди себе предають. Тако сотвори Рудолѣъ цесарь Римскіи, зане егда вопрошенъ бысть отъ князь своихъ, чесо ради не приде воиною во Италію, яко же и прочіи цесари и короли прежни его, — отвѣща и рече къ нимъ: многихъ цесарей и королевъ стопы вижду вшедшихъ во Италію, ни единого же вижду съ радостію возвращающа, — и сказа имъ притчу вышневображеную. — Куспиніанъ.

(л. 43 об., гл. 54). *О лисѣ безхвостной.* Нѣкогда яша лисицу и отсѣкоша ей хвостъ и отпустиша ю. Она же, видя себе тако обругану, недоумѣваше, что клеветомъ своимъ речеть. Пришедъ же послѣди къ нимъ и рече: се уразумѣла есмь, яко роду нашему не потребно имѣти хвосты, зане хвосты всю красоту нашу отъемлють; того ради азъ хвостъ свои отсѣщи повелѣла есмь, тако сотворити и вамъ совѣщаю. — Они же, видѣвше лукавство ея, и отвѣщаша ей: аще паки отрастетъ хвостъ твой, и тогда еще отсѣчеши, намъ зрящимъ, и мы такожде тогда сотворимъ.

Тѣмъ являя, яко мнози иже лишисася добраго своего имени, таковии ищутъ и клеветовъ своихъ въ томже видѣти; ибо злымъ есть обычай, егда приключится имъ зло, тогда и ближнему своему злое же желаютъ. Такая лисица бѣше воевода Адалгерай, иже за нѣкое преступленіе ятъ бысть и къ Северію кесарю приведенъ, иже въ поруганіе власы главы его и браду отстрищи повелѣ и отпустить. Егда же приде во страну свою, рече всѣмъ людемъ рода своего, яко при дворѣ кесарскомъ обычай новыи есть — всѣмъ власы и браду острогати, и тако всѣхъ прелсти, ибо вси такожде мало не сотвориша»....

Переводъ, какъ можно видѣти изъ этого примѣра, хорошъ для того времени; въ немъ нѣтъ германизмовъ и фраза почти всегда соотвѣтствуетъ требованіямъ тогдашняго литературнаго языка.

Концу XVII столѣтія принадлежитъ также переводъ двухъ произведеній Саади и басенъ Локмана, сдѣланный съ Нѣмец-

каго. Оба перевода находятся въ рукописяхъ Публ. Б-ки. Въ одной изъ нихъ, писанной скорописью XVII в. на 636 л., XVII. F. 4 изъ собранія Фролова, помѣщено — Юрія Андерсена описаніе восточныхъ ѣзды и завоеванія Китая Татарами и Формозы Китайскими разбойниками, и далѣе *Кринной доль* Саади и басни Локмана. Другая рукопись конца XVIII вѣка на 309 л., Толст. 1. 111 Публ. Б-ки XV. F. 12, заключаетъ только переводъ Саади и Локмана, но, судя по перемѣтѣ листовъ и тетрадей, составляетъ только часть обширнаго тома, гдѣ находилось вѣроятно названное путешествіе и другія статьи. Первый листъ рукописи отмѣченъ 1421, послѣдній — 1728. Заглавіе указываетъ мѣстѣ и на происхожденіе перевода: «Персицкой кринной доль (т. е. знаменитый Гюлистанъ), въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ исторей, остроумные рѣчи, прибыльные ученіи, основательныя статьи и притчи (такъ же притомъ Персицкаго благоученнаго и славнаго Локмана склады и примѣры такожъ обрѣтаются); и описалось сіе дѣло тому назадъ 500 лѣтъ отъ тогдашняго славнаго и высокоразумнаго поэта Сшихасадія, по Персицки описалось и для ево избранства и достоинства высоко почитаетца и возлюбяетца, и тому назадъ лѣтъ съ пятьдесятъ переведена въ Нѣмецкой языкъ отъ славнаго издателя Адама Алиарія». Слѣдовательно прямымъ подлинникомъ нашего перевода было изданіе знаменитаго путешественника Олеарія (*Grässe, Liter.-Gesch.* 2, 3, 1004). Гюлистанъ написанъ въ 1258 г.; онъ состоитъ изъ восьми книгъ, раздѣленныхъ на главы, въ каждой находятся рассказы и анекдоты съ нравоучительными выводами и изреченіями, заимствованные или изъ исторіи, или изъ собственной жизни поэта. Такое же соединеніе рассказовъ и морали представляетъ Бостанъ, написанный въ 1266 г. и переведенный у насъ изъ того же источника. Онъ помѣщенъ въ рукописи на л. 1643—1728 «Персидской Деревной садъ . . . описано во Персидскомъ языкѣ отъ Ших-Мусладія Саадія Ширасскаго, и для ево изрядства изъ Персидцкаго на Галанской языкъ переведенъ, и изъ того въ выской цесарской языкъ (т. е. hochdeutsch) переведено». Въ нашемъ переводчикѣ можно замѣтить неумѣнье совладѣть съ Нѣмецкой фразой; для передачи мудреныхъ Нѣ-

мелкихъ словъ онъ сочинялъ даже новыя слова, большою частью не весьма удачныя.

Изъ того же сборника Олеарія взяты и басни Локмана, въ Толст. списокъ на л. 1623—1643 подъ заглавіемъ «Премудрого Лохмона удивительныя (въ рук. изд...) склады и примѣры». При большомъ сходствѣ съ Езопомъ, басни Локмана имѣютъ и самостоятельныя сюжеты, такъ что опредѣлить ихъ взаимное отношеніе очень трудно. Ученые выражали по поводу ихъ совершенно различныя мнѣнія: одни хотѣли видѣть въ басняхъ Локмана заимствованіе Арабовъ, другіе подчиняли имъ басню Езопа. Имени Локмана, какъ и имени Греческаго баснописца, даютъ такъ же собирательное значеніе, считая приписанное ему собраніе не произведеніемъ одного лица, а сборникомъ, составленнымъ мало по малу, изъ стараго и новаго матеріала, и въ послѣдствіи утвердившимъ за собою знаменитое мудростью имя. Впрочемъ не сомнѣваются въ дѣйствительномъ существованіи Локмана, который упоминается въ 31-й сурѣ Корана; но преданья объ этомъ лицѣ очень разнообразны, — между прочимъ къ нему относятъ нѣкоторыя приключенія, рассказанныя въ Плавудовой біографіи о Езопѣ. Число басенъ Локмана простирается теперь до 41, но въ старинныхъ переводахъ, между прочимъ въ нашемъ, извѣстны были только 37. Въ притчахъ, или, какъ говоритъ иногда нашъ переводчикъ, «причинахъ», по большей части повторяются сюжеты самыя общеизвѣстныя, напр. о о львѣ и лисицѣ; о курицѣ, несшей золотыя яйца; о человѣкѣ, призывающемъ смерть; о кошкѣ и терпугѣ и т. д., — сюжеты, съ которыми мы знакомы и по баснѣ Крылова.

Съ апологомъ мы встрѣтимся еще въ «Римскихъ дѣяніяхъ»; теперь упомянемъ одинъ рассказъ подобнаго рода, помѣщенный, безъ заглавія, въ Погод. сборникѣ № 1964 л. 228—230 (нач. «нѣкому человеку творящу шествіе по пустыни, видѣ нѣкоего зѣло превелика змія, з горы ползуша в подгоріе»). Въ апологѣ, можетъ быть переведенномъ съ Греческаго, называется, какимъ образомъ человѣкъ едва не погибъ отъ коварнаго змія и спасенъ былъ заступничествомъ лисицы.

О Локманѣ см. *Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 1, 454—456; — *Roth*, въ журналѣ *Philologus* 1853, 1-ес Heft, 130—142 и мн. др.

VI.

Повѣсти изъ «Римскихъ Дѣяній». — Отдѣльные рассказы того же сборника, въ другой редакціи: повѣсть о царѣ Агеѣ, притча о насельникѣ и др. — «Зерцало Великое», историческіе рассказы нравоучительнаго содержанія. — Дидактическія сказанія: о чародѣйствѣ, о высомоушномъ хмѣлѣ, о бѣсовской травѣ — табакѣ.

«Римскія Дѣянія» или *Gesta Romanorum* были однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, откуда расходились по средне-вѣковой Европѣ чудесныя легенды и повѣсти самаго разнообразнаго содержанія. Донлопъ и другіе изслѣдователи романтической литературы справедливо называютъ *Gesta* главнѣйшимъ запасомъ, изъ котораго Итальянскіе новеллисты брали свои занимательные и живые сюжеты; потому что въ *Gesta* собрано множество рассказовъ, принадлежащихъ и классическому міру, и восточной поэзіи, и западно-Европейской литературѣ среднихъ вѣковъ. Происхожденіе этого замѣчательнаго сборника до сихъ поръ не объяснено положительно: одни, какъ Вартонъ, извѣстный авторъ Исторіи Англійской поэзіи, приписываютъ «Римскія Дѣянія» ученому бенедиктинцу Берхорію (*Berchorius, Bercheur, † 1362*); другіе, какъ Грессе и Моше, считаютъ авторомъ ихъ монаха Элинанда (*Helinandus, † 1227*) и вообще относятъ составленіе сборника къ XIII—XIV столѣтію. Вѣрнѣйшимъ выводомъ изъ всѣхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ можно считать положеніе, что хотя какой нибудь монахъ и составилъ подобный сборникъ повѣстей и легендъ, но въ послѣдствіи онъ чрезвычайно измѣнился отъ вставокъ, сокращеній и интерполяцій: не только рукописи, но и печатныя изданія сборника значительно разнятся другъ отъ друга, и притомъ не одними вариантами текста, но и выборомъ статей, такъ что древнюю Англійскую редакцію «Дѣяній» нѣкоторые принимаютъ за совершенно особенное произведеніе. Средне-вѣковая латынь «Дѣяній» легко бы могла указать своими варваризмами отечество составителя, но и здѣсь представляется много затрудненій, такъ-какъ въ позднѣйшихъ, извѣстныхъ теперь, текстахъ, кромѣ общихъ ошибокъ противъ языка, одинаково встрѣчаются и

германизмы и англицизмы и галлицизмы. Очевидно, что всё эти признаки могли явиться только отъ послѣдовательнаго вліянія каждой національности; основной текстъ могъ раздробиться на нѣсколько несходныхъ редакцій отъ того, что въ одно и то же время переходилъ къ разнымъ читателямъ и подъ перомъ новыхъ передѣльвателей получалъ особенную форму.

Содержаніе сборника не точно опредѣляется его именемъ, потому что, кромѣ исторій, имѣющихъ какое нибудь отношеніе къ Римлянамъ, здѣсь вставлено очень много или сочиненныхъ разсказовъ, которыми иногда приданы Римскія имена, или тогдашнихъ легендъ, анекдотовъ и народныхъ сказокъ. Причина заглавія находится, по видимому, только въ желаніи заинтересовать читателя именемъ славнаго народа, и подъ этой уважаемой эгидой удобнѣе передать извѣстныя понятія и нравственныя убѣжденія. Компилятивный характеръ «Дѣяній» легко видѣть изъ цитатъ и ссылокъ этого сборника на другія книги; кромѣ древнихъ Римскихъ писателей здѣсь указываются и писатели средневѣковые; встрѣчаются даже ссылки на самыя *Gesta: legitur in Gestis Romanorum*, — подъ которыми понимаютъ впрочемъ не другое произведеніе этого имени, но вообще Римскую или древнюю исторію. Далѣе, въ «Дѣянія» вошло много восточныхъ сказокъ и апологовъ изъ болѣе древняго сборника Петра Альфонза, изъ Латинской редакціи Калилы-ва-Димны и другихъ источниковъ; составитель ихъ воспользовался и Латинскими хрониками, вставилъ притчи Варлаама, легенды, рассказы и анекдоты своего времени. Во всемъ этомъ отражаются однако понятія и нравы средне-вѣковой эпохи, которая видна и черезъ классическую обстановку; Латинская одежда не скрываетъ и того оригинальнаго смѣшенія восточной фантазіи съ поэзіею Европейской, какое произошло въ иныхъ повѣстяхъ «Дѣяній Римскихъ». Соединяя въ себѣ столь разнохарактерныя начала, этотъ сборникъ сдѣлался богатымъ хранилищемъ преданій, повѣстей и сказокъ, и составляетъ весьма замѣчательное звѣно въ исторіи «странствующихъ» разсказовъ, которые занимаютъ такое важное мѣсто въ литературѣ среднихъ вѣковъ.

Разнообразіе интересныхъ приключеній и анекдотовъ сдѣлало «Дѣянія» одной изъ любимыхъ книгъ тогдашней Латин-

ской литературы; итальянскіе и другіе рассказчики и новеллисты брали полною горстью изъ этого источника. «Дѣянія» имѣли и другое значеніе въ католическомъ обществѣ. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанства проповѣди и поученіе употребляли вспомогательнымъ средствомъ притчу, аллегорію и рассказъ. Съ теченіемъ времени этотъ обычай усиливался болѣе и болѣе; приложеніе нравственныхъ началъ къ жизни въ примѣрахъ и сравненіяхъ и объясненіе ихъ въ притчахъ и постороннихъ рассказахъ стали почти необходимымъ элементомъ поученія, такъ что наконецъ въ проповѣди сдѣлались возможны и рассказы нѣсколько тривиальныя. Такъ Латинскіе проповѣдники пользовались при этомъ случаямъ Езоповыми баснями; въ нашей литературѣ аналогическій примѣръ можно указать въ поученіяхъ Кирилла Туровскаго. Когда въ эпоху крестовыхъ походовъ Европейскія литературы наполнились множествомъ произведеній восточнаго вымысла, западные проповѣдники воспользовались для своихъ цѣлей и ими; въ XV — XVI столѣтіяхъ появлялись даже особенныя сборники примѣровъ, сравненій и подобій, гдѣ проповѣдникъ могъ найти обильный запасъ матеріаловъ. Другіе сборники не имѣли такого спеціальнаго назначенія, служили назидательнымъ развлеченіемъ для монаховъ и читались въ рефекторіяхъ. Изъ многочисленныхъ произведеній этого рода, имѣющихъ важное значеніе въ исторіи романтизма, назовемъ болѣе извѣстныя: *Reductorium morale* Берхорія, которому приписываются и «Римскія Дѣянія»; *Dialogus creaturarum*; *Moralisationes historiarum*; *Legenda aurea*; *Disciplina clericalis* Петра Альфонза; сюда принадлежатъ наконецъ и *Gesta Romanorum*. Какъ чтеніе людей благочестивыхъ, рассказы «Дѣяній» получили особенныя нравственныя толкованія, такъ называемыя «морализаціи»: каждому апологу, каждой повѣсти, хотя бы даже чисто-историческаго содержанія, даваемо было мистическое объясненіе; аллегорію примѣняли даже къ анекдотамъ тривиальнымъ и обшечнымъ. Такимъ же образомъ упомянутый *Dialogus creaturarum* называется *optime moralizatus, juscupdis fabulis plenus et omni materiae morali applicabilis*. Первое изданіе «Дѣяній» вышло 1472 г. въ Кёльнѣ, безъ означенія времени и мѣста напечатанія; оно называется — *Ex gestis romanorum hi-*

storie notables: de vitijs virtutibusque tractantes; cum applicati-
onibus moralizatis et misticis. Incipiunt feliciter. Книга имѣла
огромный успѣхъ; до половины XVI вѣка Грессе насчитываетъ
почти пятьдесятъ изданій Латинскаго текста. Давно явились
изданія ея и на другихъ языкахъ, — Французское: *Le violier
des histoires Rommaines*, — Нѣмецкое: *Das buch Gesta Romano-
rum der römer von den geschichten*, или: *Die alten Römer, Sittli-
che Historien vnnnd Zuchtgleichnissen der alten Römer*, и др.

Вообще о *Gesta* см. *Dunlop* 198—202; — Англійскій переводъ
Свана съ обширнымъ введеніемъ: *Gesta Roman. etc. transl. by
the Rev. Ch. Swan, London 1824. 2 voll.*; — *Keller Ad., Gesta
Romanorum. Das ist der Römer Tat. Quedl. u. Leipzig 1841*;
подлинникъ изданъ Келлеромъ *Stuttg. 1842*; — *Grässe, Das
ält. Märchen- und Legendenbuch d. christl. Mittelalters oder
die Gesta Romanorum* (новый Нѣмецкій переводъ «Дѣяній» по
разнымъ Латинскимъ редакціямъ). 3-te Ausg. Leipz. 1850.

Русскій переводъ относится, судя по языку и другимъ об-
стоятельствамъ, уже ко второй половинѣ XVII столѣтія, и сдѣ-
ланъ съ Польскаго перевода, до сихъ поръ неизвѣстнаго из-
слѣдователямъ «Римскихъ Дѣяній». Переводъ нашъ называется
обыкновенно *Дви Римскія* (т. е. *Dzieje Rzymskie*) или *Повѣсти
изъ Римскихъ Дѣяній*, чѣмъ вѣрнѣе опредѣляется содержаніе
нашей редакціи, заключающей въ самомъ дѣлѣ только часть
Латинскаго сборника. Въ большей части изданій Латинскаго
текста число главъ доходить до 181: въ нашемъ переводѣ
около сорока рассказовъ; морализаціи подлинника сохранены,
потому что и у насъ подходили ко вкусамъ читателей. Руко-
писи перевода нашего довольно многочисленны.

— *Толст. 1. 419* Публ. Б-ки XVII. F. 21 полууст. сборникъ
XVII—XVIII в. л. 826—875 «исторія изъ Римскихъ дѣяній,
новопереведена и списана съ книжицы печатной Польскаго
языка на Рускій»; — 2. 15 Публ. Б-ки XV. Q. 8 рукоп. XVII в.
на 92 л. «исторія изъ Римскихъ дѣяній, переведена ново и
списана в друкованой с Польской книжицѣ и языка на Ру-
скомъ» (sic). — 35 повѣстей, неправильно переименованныхъ: —
2. 442 Публ. Б-ки XVII. Q. 79 сборн. XVII в. л. 238—248.

— *Поюд.* (Публ. Б-ки) № 1713 рукоп. XVII в. на 175 л. «исторія с Римскихъ дѣянихъ» (sic) и т. д.; въ заглавіи приписано названіе первой главы; — № 1714 «Дѣи Римскія» въ списокъ XVII в.; — № 1775 рук. XVII в. на 194 л., Римскія дѣянія безъ начала, въ 39 главахъ; на л. 190—194 прибавлена «повѣсть о Удонѣ епископѣ Магдебурскомъ.... трепетная и умилителная».

— *Румянц.* № 371 сборн. XVII в. л. 367—417 «Прикладныя дивныя повѣсти къ человѣческаго житія устроению и к душевному пристрою отъ исторіи Римскихъ дѣяній», нач. «прикладъ дивнаго устроения нѣкоего благотворца и праведнаго судіи» и т. д., 6 повѣстей, изъ которыхъ одна не принадлежит Латинскому сборнику; въ четырехъ послѣднихъ есть морализации. Рукопись написана прекраснымъ уставомъ; заглавіе въ гравированной заставкѣ.

— Въ упомянутой прежде *Архивной* рукописи, по указанію г. Буслаева, находится л. 1—71 собраніе разсказовъ, въ 37 главахъ, нач. «повѣсть дивнаго устроения нѣкоего благотворца и праведнаго судіи»; далѣе гл. 2-я «о хитрости діавольстѣи и яко судьбы Божія неиспытаны и скрыты суть» и т. д., то есть опять Римскія Дѣянія.

— *Царск.* № 313 рукоп. 1691 г. на 196 л., Римскія Дѣянія, безъ начала и заглавія; на л. 126 написано почеркомъ XVIII в.: «сія книга въ скукѣ отрада, когда Василій Федоровичъ въ судѣ, нескимъ время раздѣлить», — конечно замѣтка читательницы; главъ 37; — № 410 по указателю долженъ имѣть Римскія повѣсти; — № 440 замѣчательный сборн. XVII в., составленный изъ нѣсколькихъ рукописей связочнаго содержанія; 8-я изъ нихъ называется «Исторіи розматія, сирѣчь повѣсти избранныя, съ толкованіемъ надлежащимъ, выписано изъ *Римскихъ* и изъ иныхъ книгъ, яке нынѣ обрѣтаются въ сей вышепереченной книгѣ, кратко собраныя и людемъ въ наученіе и къ познанію изданныя. Печатаны въ Краковѣ, въ типографіи пана Войтеха Секѣлновича, типографа его королевскаго величества Полскаго, въ лѣто отъ Христова рожденія 1663 году. Нынѣ же милостію великаго Бога съ Полскаго языка на Словенскій преведены въ лѣто 7199 (=1691) году», — но мы думаемъ, что если переводъ сдѣланъ былъ въ это время, то это былъ переводъ вторичный, или передѣлка стараго; повѣстей семь; — № 711 рук. конца

XVII в. на 247 л. «исторія изъ Римскихъ дѣяній, преведена ново и еписана съ друковавой съ Полскоѣ книжицы и языка на Словенскій языкъ» въ 37 главахъ; въ концѣ послѣдней повѣсти объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ, приписано: «у сей исторіи о Аполлонѣ начала не обрѣтохъ, с чего писана, понеже бо многіе листы *поистлѣли* и *поизблили*, и того ради списать было несчегю; а поставлена сія повѣсть в началѣ книги, а не на концѣ, а послѣ во другихъ поставлена повѣсть о пустынникѣ, ей же начало: прикладъ о хитрости діаволстей, яко судьбы Божія неиспытани и скрыты суть».

Въ разныхъ спискахъ «Римскихъ Дѣяній» счетъ главъ различенъ, но главный порядокъ, въ которомъ идутъ повѣсти, одинъ и тотъ же. Нѣкоторые «приклады» (= applicatio) встрѣчаются въ сборникахъ и отдѣльными статьями, напр. исторія Аполлона короля Тирскаго и другіе. Отмѣтимъ теперь повѣсти, вошедшія въ составъ Русскаго перевода «Дѣяній», въ томъ порядкѣ, какъ онѣ помѣщены въ Толст. рукописи 2. 15: указанія источниковъ повѣстей и ихъ распространенія сдѣланы отчасти по изданію Грессе и Донлопу, отчасти по нашимъ замѣткамъ.

— Первой главой въ упомянутомъ спискѣ поставленъ «прикладъ о гордомъ цесарѣ Евинянѣ и о его испаденіи и яко Господь Богъ многажды гордымъ противится, а смиренныхъ возноситъ», нач. «Евинянъ цысарь (sic) зѣло можный въ Римѣ пановалъ» и пр., — *Gesta Romanorum* с. 59. Гордый цесарь Ювиніанъ былъ наказанъ тѣмъ, что лишенъ былъ чудесною силою и царства и наружнаго вида своего: онъ превратился въ нищаго, никто не узнавалъ въ немъ царя, и только искреннее покаяніе возвратило ему милость божію. Этотъ рассказъ былъ нѣсколько разъ передѣланъ, напр. въ Англійскомъ стихотворномъ романѣ XIII столѣтія: *King Robert of Sicily*, въ старинномъ Нѣмецкомъ стихотвореніи: *der künig im bade* (v. d. *Hagen*, *Gesamtabenteuer*. Stuttgart u. Tüb. 1850. 3, схv. 413 ff.); во Французской *moralité* удержалось имя Ювиніана: *L'orgueil et présomption de l'empereur Jovinien* (Lyon 1581), но въ Испанской пьесѣ того же содержанія, принадлежащей XVII вѣку, выводится король Сициліи, Фридрихъ; въ другихъ даже Навуходоносоръ. Въ старой Чешской литературѣ такъ же была

известна kronika o Jowinianowi, cisaři Římském (у Юнмана, стр. 66 — 67). Въ Румянц. № 371 л. 377 заглавіе повѣсти приведено такъ: «прикладъ повѣстію о горделивыхъ, глаголется о Евіанѣ ко вслѣзъ отъ Евы родившимся» и т. д.; это объясненіе имени Ювиніана повторено и въ «выкладѣ» т. е. морализации: «цесарь той можетъ нарецися всякъ евіанъ отъ Евы, человекъ сему свѣту поддавайся, иже ради богатствъ, ради чести возносится гордостію». Въ Царск. № 440 цесарь названъ Октовіаномъ (л. 488); въ Царск. № 711 и другихъ спискахъ, эта повѣсть составляетъ 2-ю главу.

— «Прикладъ о doskonaлости», нач. «Титусъ цесарь збѣло можныи» и пр., — Gesta с. 57.

— «Прикладъ о памяти смертнѣй, чтобы человекъ не согрѣшалъ»; нач. «былъ нѣкоторый князь, который охочъ былъ ѣздить на ловъ», — Gesta с. 56. Страшная мстительность, о которой здѣсь идетъ дѣло, рассказана у Павла Діакона о Розамундѣ и Альбоннѣ; то же передается въ 32-й повѣсти королевы Наваррской и другихъ новеллахъ и сказахъ (*Dunlop 201. Grässe, Lit.-Gesch. 2, 2, 1120—23*).

— «Прикладъ о преступленіи души и о ранахъ уязвляющихъ душу»; нач. «король Титусъ можныи въ Римѣ королевствоваѣтъ», — Gesta с. 102. Въ этомъ рассказѣ выражается средневѣковое вѣрованье въ силу волшебнаго зеркала и восковыхъ фигуръ, посредствомъ которыхъ можно будто бы умертвить человека отсутствующаго (ср. *Dunlop, 201. 486*). Въ Румянц. № 371, л. 401 «прикладъ о преступленіи души и о ранящемъ ю; глаголетжеся о воинѣ, ходившемъ видѣти святую землю», переводъ этой рукописи отличается вообще многими и значительными вариантами. Повѣсть повторена между прочимъ въ знаменитомъ въ свое время сборникѣ Іоанна Паули: *Schimppf vnd Ernst würlth das Buch genant. Wölchs durchlaufft der welt händel mit vilen schönen vnd kurtzweiligen Gleichnissen etc.* изд. 1535 (1-е изд. 1522), fol. xij: wie ein Eeman durch zauberlist solt erschossen sein worden, — здѣсь измѣнены только собственныя имена.

— «Прикладъ о мудрости, чтобы мы все добрымъ размышленіемъ творили», нач. «цесарь Домонтіанъ можныи и

зѣло мудрыи, наче же ведми справедливыи», — *Gesta* с. 103. Купецъ продаетъ Демиціану, какъ великое сокровище, три мудрыя присловья, и онѣ возвращаютъ свою цѣну, потому что три раза спасаютъ цезаря отъ несчастій. Сходные рассказы находятся въ 93 гл. *Dialogi creaturarum*, nr. 46 въ *Conde Lucanor*, Французскомъ старинномъ фавлье *du grand chemin* въ собраніи Леграна д'Осси, въ рассказѣ Нѣмецкаго фабулиста Бонера (*gespise biem*, *Gödeke* 675), даже въ народной Корнваллійской сказкѣ, упомянутой у Гримма (*Kinderm.* 2 Ausg. 3, 392—394). Та же повѣсть находится, въ 591 главѣ другаго нашего сборника XVII в. «Зерцало Великое» (Румянц. № 180): «царь купи премудрость у философа и тано прелести и смерти убѣжа» (нач. «юноша нѣкій благородный и зѣло искусный по царѣ взыде на престоль»), — и въ «Похожденіяхъ Ивана гостиняго сына», Ивана Новикова, Спб. 1785. 1, 194.

— «Прикладъ о хитрости женской и о заслѣпленіи прельстившихся», нач. «Дарія король вельми мудръ», — *Gesta* с. 120. Рассказъ о похожденіяхъ царскаго сына, получившаго въ наследство отъ отца золотой перстень — доставлявшій все, чего ни пожелалъ бы его владѣлецъ, дорогія застежки — имѣвшія такую силу, что носящій ихъ на груди могъ исполнить все желанія своего сердца, и сукно многоцѣнное, на которомъ можно было летать, какъ на коврѣ-самолетѣ. Повѣсть, сходная съ знаменитой сказкой о Фортунатѣ и его волшебной шапочкѣ (*Grässe, Sagenkr.* 191—195). Въ Румянц. сборн. XVII в. № 363 она помѣщена на л. 543 — 553 подъ особымъ заглавіемъ: «о полатѣ плотстѣй» и пр., и въ нѣсколько исправленномъ переводѣ.

— «Прикладъ о неваячности (= неблагодарности) челоуѣчстѣй» и пр., нач. «король нѣкоторыи имѣлъ урядника надо всѣмъ панствомъ своимъ», — *Gesta* с. 119. Однажды этотъ урядникъ упалъ случайно въ ровъ, куда свалились также левъ, обезьяна и змѣя; когда одинъ поселянинъ освободилъ всѣхъ ихъ изъ пропасти, то звѣри изъявили ему свою благодарность, а урядникъ забылъ оказанное ему благодѣяніе и даже оскорбилъ поселянина; цезарь или король, узнавши объ этомъ, изгналъ урядника и отдалъ его мѣсто поселянину. Первообразъ

повѣсти находятъ въ Панча-тантрѣ, откуда она повторилась въ Арабской Калилѣ-ва-Димнѣ и въ Греческомъ Стефанитѣ; съ востока привезъ ее будто-бы Ричардъ Львиное-Сердце.

— «Прикладъ яко не имѣти вѣрити женамъ, ниже таинъ имъ объявляти», нач. «былъ нѣкоторый рыцарь», — *Gesta* с. 124. Жена рыцаря открываетъ вѣренную ей тайну при первомъ неудовольствіи на мужа, который предвидѣлъ это и обманулъ ее, сказавши, что онъ убилъ одного путника. Это произошло по слѣдующему случаю: король разгнѣвался однажды на рыцаря и общалъ простить его только тогда, когда рыцарь придетъ къ нему ни пѣшкомъ ни верхомъ, и приведетъ вѣрнаго пріятеля и утѣшника и невѣрнаго друга. Рыцарь исполнилъ первую задачу тѣмъ, что, входя на царскій дворъ, онъ сталъ одной ногой на свою собаку, а другой шелъ; на вопросъ короля о вѣрномъ его другѣ, рыцарь указалъ на собаку: онъ нанесъ ей жестокую рану мечемъ, но, несмотря на то, отбѣжавшая собака снова вернулась по его призыву; утѣшникомъ своимъ рыцарь назвалъ сына, котораго держалъ на рукахъ; невѣрнымъ другомъ выставилъ жену, которая оскорбившись его словами, тотчасъ же обвинила мужа передъ королемъ въ мнимомъ убійствѣ путника. Когда слова жены оказались несправедливыми, рыцарь объяснилъ, почему онъ считаетъ жену невѣрнымъ другомъ, и почему обманулъ ее такимъ образомъ. — Тотъ же рассказъ находится въ *Cento novelle antiche*, с. 100, и другихъ сборникахъ (*Dunlop* 214). Замѣчательно, что точно такія же загадки и такое же разрѣшеніе ихъ упоминаются въ Русской народной сказкѣ: не зная ближе этой послѣдней, мы не можемъ однако опредѣлить, было ли здѣсь доисторическое родство миеовъ или позднѣйшее заимствование (см. *Пушкинъ*, изд. Анненк. 1, 122 прим.). Гриммъ указываетъ много сходныхъ Германскихъ преданій, но всѣ онѣ имѣютъ довольно далекое отношеніе къ рассказу «Римскихъ Дѣвнй» (*Kinderm.* 2 Ausg. 3, 175—177). Въ упомянутой Румянц. рукописи № 363 эта повѣсть помѣщена опять съ другимъ заглавіемъ, л. 553—557 «о невѣрности и крѣпости тѣла» и пр., и въ другомъ изложеніи.

— «Другія прикладъ, яко не подобаеъ женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрити», нач. «Дакробиусъ (sic), славныи дѣяніемъ спи-

сатель, пишетъ», — *Gesta* с. 126. Извѣстный разсказъ о Римскомъ юношѣ Папиріи изъ Макробія (*Saturn.* II, 6); онъ встрѣчался намъ въ старинныхъ сборникахъ и въ другомъ переводѣ; третья редакція находится въ сборникѣ шуточныхъ анекдотовъ, XVII вѣка, подъ названіемъ «Смѣхотворныя повѣсти».

— «Прикладъ о неправдѣ и о лакомствѣ, ко обличенію таковыхъ», нач. «Максиміанусъ, король можныи, королевство-валъ», — *Gesta* с. 128.

— «Прикладъ о сталости въ добрыхъ учинкахъ» и пр., нач. «былъ нѣкоторый король въ земли аглинской», — *Gesta* с. 172. Это — исторія «о двухъ рыцаряхъ о Гвидонѣ и о Тирусѣ», занесенная г. Сахаровымъ въ списокъ Русскихъ сказокъ (*Р. Нар. Сказки* 1841, стр. xix).

— «Прикладъ, что правда избавляетъ отъ смерти», нач. «былъ единъ цесарь можныи, а въ его государствѣ было два рыцаря», — *Gesta* с. 171. Повѣсть перешла въ Дѣянія изъ Петра Альфонза *Disciplina clericalis* с. 3; въ значительной передѣлкѣ повторяется она въ Декамеронѣ X, 8., и другихъ сборникахъ; подобный разсказъ находятъ напримѣръ въ Тысячѣ и Одной ночи (*Dunlop*, 251).

— «Прикладъ о правдѣ Божіи, яко суды Божіи скрыты», нач. «былъ нѣкій король лютой», — *Gesta* с. 127.

— «Прикладъ о пожитку во всѣхъ сухихъ вещехъ», нач. «король нѣкоторой былъ велми силенъ», — *Gesta* с. 74. Разсказъ, который мы уже видѣли въ притчѣ Варлаама «о земьствованнѣмъ црѣ»; въ редакціи «Дѣяній» къ нему прибавлено только другое начало. Царск. № 711, гл. 15.

— «Прикладъ, яко всякіи пастырь попеченіе имать о овцахъ», нач. «тать нѣкоторый вшелъ былъ въ домъ нѣкоторого богатого, въ ночи», — *Gesta* с. 136. Хозяинъ дома употребилъ хитрость и воръ попался къ нему въ руки: первообразную редакцію указываютъ въ Калилт-ва-Димнѣ, откуда исторія, черезъ Латинскій переводъ Іоанна Капуанскаго, явилась въ *Disciplina clericalis*, с. 25; она извѣстна и по Французскому фавлю *du voleur, qui voulut descendre sur un rayon de lune* (*Dunlop* 195), и находится такъ же въ предисловіи или введеніи къ Греческому Стефаниту и Иквилату (*Aurivillius, Prolegomena* p. 33—36).

— «Прикладъ о страшномъ судѣ», нач. «былъ нѣкоторый король велемогъ», — *Gesta* с. 143. Заимствованъ изъ «Варлаама и Иоасафа», и по мнѣнію Грессе составляетъ передѣлку исторіи о Дамоклѣ, у Цицерона, *Tuscul. V. 21*.

— «Прикладъ о двухъ лѣнаряхъ», нач. «были въ нѣкоторомъ градѣ два лѣкаря, свидѣлствованы въ науцѣ докторской», — *Gesta* с. 76.

— «Прикладъ о лести дьяволстей», нач. «шли нѣкогда три товарища, и прилучися имъ нѣкоторое время, что не имѣли что поѣсти», — *Gesta* с. 106. Они рѣшили отдать оставшійся у нихъ кусокъ хлѣба тому, кто увидитъ лучшей сонъ: двое изъ нихъ тотчасъ легли спать, а третій между тѣмъ съѣлъ весь хлѣбъ. Проснувшись, первый рассказывалъ, что видѣлъ себя на небѣ; второй, что видѣлъ обитателей ада; третій сказалъ имъ, что ангелъ показывалъ ихъ ему, одного на небѣ, а другаго въ аду, и что такъ какъ имъ уже не было нуженъ кусокъ хлѣба на землѣ, то онъ и рѣшился съѣсть его одинъ. Этотъ апологъ, которому приписываютъ восточное происхожденіе, имѣлъ чрезвычайно обширную извѣстность въ средне-вѣковой поэтической литературѣ. Онъ помѣщенъ въ с. 20 *Discipl. clericalis*, въ передѣланномъ изъ нея Французскомъ *Castoiment (Barb. et Méon, Fabliaux 2, 127—130)*; отсюда въ позднѣйшихъ сборникахъ: *Facét. jougn. p. 152, Nouv. contes à rire p. 273*, гдѣ дѣйствующими лицами выведены Испанецъ и Гасконецъ; далѣе въ Итальянской новеллѣ Джіованни Чинтіо (*Dunlop 280*), въ Нѣмецкомъ разсказѣ Бовера (*Gödeke 667*), наконецъ во многихъ другихъ литературныхъ памятникахъ и доселѣ повторяемыхъ народомъ анекдотахъ.

— «Прикладъ, что въ правду исповѣдати», нач. «былъ нѣкоторый король, именемъ Асмедусъ», — *Gesta* с. 58. Исторія о томъ, какъ преступникъ спасается отъ смерти, сказавши судьямъ своимъ три непреложныя истины; Гриммъ указываетъ Англійское народное преданье того же рода: Артуръ, заблудившись, попалъ въ пещеру великановъ и спасся отъ смерти только тѣмъ, что сказалъ такія три истины, противъ которыхъ возразить было нечего (*Kinderm. 3, 373—374*).

— «Прикладъ, чтобы бракъ соблюдали», нач. «Дамусъ (т. е.

Gallus) король велми мудрый», — Gesta с. 69. Рассказ о волшебной рубашкѣ, которой нельзя было износиться и не нужно было мыть, если только супруги были вѣрны другъ другу; этой повѣсти приписываютъ восточное начало.

— «Прикладъ, како жертву приносити Богу», нач. «король нѣкоторые Данаиской имѣлъ совершеную любовь ко тремъ королямъ», — Gesta с. 47. Эпизодъ изъ легенды о трехъ царяхъ восточныхъ, приходившихъ въ Вифлеемъ. Легенда и прежде имѣла обширную извѣстность и теперь занимаетъ не послѣднее мѣсто въ народной Нѣмецкой литературѣ (изд. въ *Simrock's D. Volksb.* 4, 419—474). Изъ «Римскихъ Дѣяній» повѣсть перешла въ другіе сборники и *Specula*, и появилась въ другой разъ на Русскомъ языкѣ въ переводѣ «Великаго Зерцала», Румянц. № 180, гл. 835 «три царіе имѣющаго къ нимъ вѣру дунскаго царя зѣло изрядными данми обогатиша».

— «... что праведній внидутъ въ царство», нач. «нѣкоторый король былъ мудрой, велми богатъ», — Gesta с. 45. Передѣлка рассказа о судѣ Соломоновомъ, находящагося и въ упомянутомъ прежде фавлье *le jugement de Salemon* (*Barb. et Méon, Fabl.* 2, 440—442), но вмѣсто спора объ имѣннѣ, здѣсь дѣло идетъ о правѣ на престолъ трехъ сыновей одного короля.

— «... яко суетно есть веселіе мірское», нач. «Веспесіанусъ можный королевствовалъ», — Gesta с. 63. Довольно далекая передѣлка исторіи Тезея и Аріадны, съ присочиненнымъ началомъ.

— «Прикладъ къ добрымъ дѣламъ», нач. «король нѣкоторый имѣлъ красную дѣвку (т. е. дочь), которую велми любилъ», — Gesta с. 66.

— «... яко въ правду исповѣдати подобаетъ», нач. «король Гдіянусъ (т. е. Gordianus)... справедливый королевствовалъ», — Gesta с. 68.

— «... къ сокрушенію сердца», нач. «былъ король велеможный, имѣлъ едину дѣвку (= дочь) красну и мудру», — Gesta с. 70. Исторія въ родѣ сказокъ съ загадками: воинъ жештся на царской дочери, когда съумѣлъ разрѣшить три загадки ея.

— «Чтобы неблагодарство не творили», нач. «нѣкоторые король былъ велеможный и имѣлъ единого сына», — Gesta с. 72.

Сынъ, получивши наслѣдство при жизни отца, сталъ притѣснять его и былъ за то наказанъ.

— «Яко лакомство многихъ ослѣпляетъ», нач. «въ Римѣ былъ король, а заповѣдь у него была такова», — *Gesta* с. 73. Царск. № 440 об. л. 314—316.

— «Яко всякіи грѣхъ бываетъ отпушенъ», нач. «рыцарь былъ въ Римѣ (Юліанъ) и выѣхалъ на поле и гналъ оленя и загналъ отъ дружины своея велми далеко», — *Gesta* с. 18. Рыцарь, по невѣдѣнію, убилъ своихъ родителей и потомъ искупилъ грѣхъ раскаяніемъ и добрыми дѣлами; содержаніе повѣсти взято изъ западныхъ легендъ, но указываютъ такъ же подобный Индѣйскій рассказъ.

— «Чтобы памятовали добродѣйства всякаго», нач. «въ Римѣ жъ былъ рыцарь и выѣхалъ на ловъ», — *Gesta* с. 104. Легкая передѣлка исторіи о львѣ Андрокла, изъ «Аттическихъ Ночей» Авла Геллія V. 14.

— «Чтобы обѣты исполняли всякіе къ Богу и человѣкомъ», нач. «были нѣкои два лотры (разбойницы)», — *Gesta* с. 108. Извѣстный рассказъ о дружбѣ Дамона и Пиѳіи, у Цицерона *Tuscul. V. 22, de Off. III. 10* и др., повторенный также въ *Dialog. creatur. с. 56*.

— «Чтобы лакомства остерегались», нач. «коваль нѣкто былъ велми лакомъ и велми богатъ», — *Gesta* с. 109. Довольно далекій вариантъ притчи Варлаама, поучающей, «яко не по внѣшнимъ одеждамъ подобаетъ человѣка почитати».

— «О важности и вѣрности», нач. «въ Римѣ при нѣкоторомъ королѣ пойманъ нѣкоторой юноша отъ разбойникъ», — *Gesta* с. 5. Заглавіе, недостающее въ Толст. 2. 15, прибавлено нами по другой рукописи; въ оглавленіи оно неправильно означено «прикладный животъ Алексѣя человѣка Божія». Рассказъ о томъ, какъ одинъ молодой человѣкъ попался къ морскимъ разбойникамъ, былъ освобожденъ дочерью предводителя ихъ, и потомъ женился на ней, — напоминающій 236-ю ночь изъ Тысячи и одной ночи. Царск. № 440 л. 513—518, № 711 об. л. 197—202, Погод. № 1775 гл. 35-я.

— «Повѣсть о Апполонѣ королѣ Тирскомъ, велми полезна», нач. «Антиохъ король велми силныи», — *Gesta* с. 153. Объ этой исторіи скажемъ далѣе.

— «Прикладъ — прозрѣнію Божию никтоже можетъ противитися», нач. «цесарь Кондратъ велможныи въ нѣкоторомъ градѣ господствовалъ», — *Gesta* с. 20. Эта повѣсть, рассказанная также въ Нѣмецкой сагѣ объ имп. Генрихѣ (*Grimm, D. Sagen* 2, nr. 480), въ другихъ сборникахъ, и именно въ «Золотыхъ легендахъ» Какстона и Якова de Voragine, относится къ папѣ Пелагію. Подобные мотивы представляетъ и Нѣмецкая сказка о чортѣ съ тремя золотыми волосами (*Grimm, Kinderm.* nr. 29. 3, 58). Въ Толст. спискѣ это — послѣдній, 35-й, прикладъ; въ концѣ написано: «конецъ исторіе и дѣянію иж в Риме бысть», на оборотѣ: «сія книга, глаголемая божественная исторія....» Остальныя повѣсти приводимъ по другимъ спискамъ.

— «Прикладъ о хитрости діаволстей и яко суды Божія неиспытаны и скрыты суть» въ Рум. № 371 об. л. 370—377, нач. «бѣ нѣкіи отецъ пустыникъ, иже живяше въ нѣкоей пещерѣ»; въ Царск. № 711 и др. первой главой сборника поставленъ тотъ же прикладъ «о хитрости діавольстей, яко судьбы Божія неиспытаны суть», — *Gesta* с. 80. Исторія объ отшельникѣ находится также въ фавльо de l'hermite qu'un ange conduisit dans le siècle (*Legrand, Fabl. ou contes.* Paris 1779. 2, 1—13), въ старинномъ Французскомъ собраніи *Vies des pères*, въ *Sermones de tempore* Герольта, Нѣмецкаго доминиканца конца XV в., и пр. (*Dunlop*, 200. 309—312), наконецъ въ «Задигѣ» Вольтера (ch. xx, l'ermite).

— «Прикладныи животъ св. Еустаѳіа и о наверщеніи блудящаго», 34-я глава въ *Погод.* № 1775, Царск. № 711, — *Gesta* с. 110. Ср. Царск. № 440 л. 300—314, № 441 л. 32—70 и др. Содержаніе взято изъ легенды о Плакидѣ.

— «Прикладный животъ св. Алексѣя челоуѣка Божія», въ разныхъ спискахъ «Дѣяній», въ *Погод.* № 1775-й гл. 33-я, — *Gesta* с. 15. Такъ же взято изъ известной легенды (ср. *Haupf's Zeitschrift für deutsch. Alterth.* 3, 534—576).

— «Прикладъ о дивномъ промышлѣ Божіи и почитаніи св. Григорія», въ Погод. № 1775 гл. 39-я и послѣдняя, нач. «король единъ именемъ Панкуръ кралевалъ», — *Gesta* с. 81. Въ Царск. № 440 заглавіе передано такъ: «повѣсть о дивномъ смотрѣнію Божіимъ и о початію св. Григорія папы Римского, и да никтоже да не отчаявается своего спасенія» л. 465—488. Ср. Царск. № 420, л. 1. подъ 12 марта; Румянц. № 370 л. 114—147 «повѣсть зѣло полезна о преподобнѣмъ отцѣ Григоріи папѣ Римскомъ и о житіи его», — по Востокову, житіе лжесоставленное; Толст. 2. 175 Публ. Б-ки XVII. Q. 18, л. 287 нач. «сен... Григорен... родися отъ королевскаго роду; дѣдъ же его отиде отъ житія сего» и т. д. Въ этой исторіи повторяется очень извѣстная средневѣковая легенда *Gregor auf dem Steine* (*Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 2, 953. *Cholevius*, 166 ff.), которая у насъ извѣстна была и въ другой редакціи, какъ напр. въ иныхъ изъ указанныхъ выше рукописей.

Сравнивая разные списки «Дѣяній», можно придти къ заключенію, что переводъ былъ не одинъ. Варианты ихъ касаются не отдѣльныхъ фразъ и словъ, но цѣлаго характера изложенія, такъ что въ однихъ спискахъ болѣе замѣтно вліяніе Польскаго подлинника, въ другихъ господствуетъ обыкновенный книжный языкъ XVII столѣтія, соблюдаемый довольно правильно. Слово «*новопереведенный*», какъ называются постоянно повѣсти изъ Римскихъ Дѣяній, не показываетъ впрочемъ вторичности перевода, потому что означало у старинныхъ грамотѣвъ *недавно* переведенный. Ни имя переводчика, ни время не опредѣлены, по обыкновенію, и здѣсь; сомнительность 1691-го года мы замѣтили прежде, — быть можетъ, къ этому времени относится передѣлка стараго перевода. Въ измѣненіи текста многое, конечно, должно отнести къ переписчикамъ, участіе которыхъ легко обнаруживается передѣлкой Ювиніана въ *Евіана* и т. п.; но во всякомъ случаѣ нужно предположить очень длинный рядъ послѣдовательныхъ копій, чтобы достигнуть до такихъ обширныхъ вариантовъ. Первоначальный характеръ языка вообще долго держался съ большей или меньшей силой, такъ что списки весьма поздніе сохраняютъ много Польскихъ словъ перваго подлинника; потому совершенное почти исчезновеніе ихъ

должно объяснять полнымъ исправленіемъ стараго перевода. Наши «Дѣянія», какъ и другія повѣсти, зашедшія къ намъ въ XVII столѣтіи, представляютъ мало національныхъ примѣненій, но при всемъ томъ были читаны охотно, потому что удовлетворяли и благочестивой настроенности нашихъ предковъ и любви къ занимательному чтенію. «Римскія Дѣянія» отличаются тою же непосредственной наивною, кака я правится въ старинныхъ Французскихъ фавль, и вмѣстѣ добродушнымъ желаніемъ «поучать», которое принадлежитъ и другимъ средне-вѣковымъ произведеніямъ этого рода. Нѣкоторые рассказы напр. въ *Disciplina clericalis*, были бы на своемъ мѣстѣ только въ Декамеронѣ или въ *Cent nouvelles nouvelles*; «Дѣянія» нѣсколько строже въ этомъ отношеніи, но нельзя не согласиться, что и ихъ средства поученія не всегда безукоризненны.

Нѣкоторыя повѣсти, занесенныя въ *Gesta Romanorum*, извѣстны были у насъ и по другимъ редакціямъ, и появились вѣроятно раньше Русскихъ «Дѣяній». Не говоря о жизнеописаніяхъ Евстаѳія, Алексѣя Божія челоуѣка и даже Григорія папы Римскаго, которыя легко могли имѣть у насъ и Византійское происхожденіе (потому что Греческая легендарная литература имѣла прежде много общаго даже съ легендой чисто-западной), — есть нѣкоторые признаки, подтверждающіе, что и другіе рассказы Римскихъ Дѣяній пришли къ намъ изъ Византійскаго источника. Такова, по нашему мнѣнію, притча о нѣкоемъ вельможѣ (нач. «бысть въ Римской области, въ нѣкоемъ градѣ, нѣкій царь») въ упомянутомъ Погод. сборникѣ № 1964, гдѣ притча помѣщена тотчасъ послѣ Стефанита и Ихвилата, об. л. 221 — 227. Содержаніе рассказа то же, что въ 119 главѣ *Gest. Rom.*, уже отмѣченной нами въ Русскомъ переводѣ, но изложеніе особенное, и едва ли не выказывающее Греческаго оригинала; по крайней мѣрѣ, складъ языка и книжныя формы его очень близки къ тѣмъ, какія представляетъ Стефанитъ. Въ этомъ послѣднемъ находится правда подобный рассказъ, но онъ не вошелъ въ Русскій переводъ Стефанита; кромѣ того «притча о нѣкоемъ вельможѣ» указываетъ дѣйствіе въ Римской области... Быть можетъ, повѣсть о вельможѣ находилась уже въ

*

той рукописи Греческой, которая служила подлинникомъ для Славянскаго переводчика Стефанита, и разсказъ «Дѣявій» явился у насъ прежде всего изъ редакціи Византійской.

Та же притча о вельможѣ встрѣчается подъ другимъ заглавіемъ: — *Царскаю № 440* сборн. XVII в. л. 371—380 «притча о населникѣ и о дворецкомъ царевѣ, и како его избави отъ лютыя смерти», нач. «бысть въ Римской области, въ нѣкоемъ градѣ, царь нѣкій, имѣяше ближняго челоуѣка»; — *№ 451* сборн. нач. XVIII в. л. 242—249, и *Ундольскаю*, сборн. XVII в. имѣеть «повѣсть о нѣкоемъ царевѣ дворецкомъ и о насельникѣ, сіирѣчь о крестьянинѣ» (Врем. кн. 14).

Сюда принадлежитъ и очень извѣстная въ старину *повѣсть о царѣ Агелѣ*, како пострада гордости ради. Царь Агей возгордился своимъ величіемъ и счастіемъ, и услышавъ однажды чтеніе Евангельскихъ словъ «богатіи обнищаша и нищии обогатѣша», назвалъ ихъ несправедливыми и велѣлъ вырвать листъ Евангелія, гдѣ онѣ были написаны. Богъ наказалъ его. Однажды царь погнался на охотѣ за оленемъ, олень переплылъ за рѣку, царь снялъ съ себя платье и поплылъ туда же, а въ это время ангелъ надѣлъ его одежды, и принятый всѣми за царя, возвратился во дворецъ Агея. Между тѣмъ, когда настоящій царь переплылъ рѣку, олень исчезъ и Агей остался одинъ, безъ одежды; всѣ, кого ни встрѣчалъ онъ, не хотѣли признать его царемъ, говоря, что видѣли царя, ѣхавшаго въ городъ. Долго блуждалъ Агей безъ пристанища и безъ пищи, занимался въ работу, но его прогоняли, потому что онъ былъ непривыченъ къ труду. Тогда онъ вспомнилъ о своемъ невѣрїи, каялся и просилъ у Бога прощенія: онъ присталъ наконецъ къ нищимъ, которые взялись кормить его съ тѣмъ, чтобы онъ несъ ихъ суммы; въ городѣ нищии были призваны къ царю, который велѣлъ угостить ихъ, по случаю праздника; зѣвъ ангелъ, заступившій мѣсто царя, привелъ раскаявшагося Агея въ особенную комнату, возвратилъ ему прежній видъ его, отдалъ корону и скипетръ, и скрылся, велѣвъ держать все происшедшее въ тайнѣ. Агей «почалъ царствовать по прежнему и зѣло милостивъ былъ ко всякому челоуѣку и благоугодно жилъ». По-

въсть эта представляеть близкій варіантъ приклада о цесарѣ Іовиніанѣ и нѣсколко короче его; она была вѣроятно такъ же переводомъ Греческаго разсказа, явившагося изъ «Дѣяній» или одного съ ними источника.

Списки: — Толст. 2. 442 Публ. Б-ки XVII. Q. 79 сборн. XVII в. л. 460—462 «повѣсть преславна и душеполезна зѣло о царѣ Аггеѣ, како пострада гордости ради».

— Царск. № 410 сборн. XVII в. л. 269—272 загл. такъ же, нач. «бысть во градѣ Филунѣ царь, именемъ Агей, славенъ зѣло, и стояше онъ у заутрени»; № 492 сборн. новый, л. 16—23.

— Погод., сборн. XVII—XVIII в. № 1773 об. л. 85—90: «сія повѣсть преславная и душеполезная како царь Аггеи пострада отъ слова Божія и горлости ради», нач. «бысть во градѣ Филуменѣ царь, именемъ Аггеи, славенъ зѣло».

— Забѣлина, въ сборн. XVIII в. № 69, л. 33—35 «пов. преславная» и пр., нач. «быль въ городѣ Филумени царь, именемъ Агѣи, зѣло славенъ былъ, и стоялъ въ церкви, когда пѣли обѣдню». — Замѣчательно, что въ другомъ Забѣл. спискѣ этой исторіи, XVIII в. № 82, поставлено: «повѣсть о царѣ Аггеи — выписано изъ книги *Римскихъ дѣлъ*» т. е. *дѣл* или «Дѣяній».

Повѣсть о *пустынникѣ*, въ 80 главѣ Латинскихъ «Дѣяній», едва ли не существовала въ подобной второй редакціи. Въ Макарьевскихъ Минеяхъ, подъ 21 Ноября, находится «слово о судьбахъ Божіихъ неиспытанныхъ» (нач. «бѣше нѣкій отходникъ»); та же статья въ сборникѣ нач. XVIII в., Б-ки М. Общ. № 211, об. л. 196 «слово о судьбахъ Божіихъ неиспытанныхъ, молившу о нихъ нѣкому черноризцу, дабы испыталъ судьбы Божія» (нач. «бѣше нѣкій черноризецъ, исполнь всея добродѣтели»). По видимому, здѣсь долженъ повториться разсказъ того же содержанія.

Замѣтимъ наконецъ одну повѣсть, которая встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ Русскихъ «Дѣяній». Въ упомянутой Архивной рукописи и Румянц. № 370, об. л. 367 помѣщенъ этотъ *прикладъ дивнаго устроенія нѣкоего благотворца и праведнаго судіи* (нач. «во градѣ *Римствѣ*, по случаю житія, паче же добрыхъ всѣхъ дателя Бога промысломъ, иже возставляетъ отъ

гвонща и посаждаетъ съ могущими» и пр.) — о томъ, какъ одинъ вельможа, достигшій этого высокаго званія изъ простаго сословія и единственно своими заслугами, былъ обвиненъ предъ царемъ въ злодѣйскихъ умыслахъ и чародѣйствѣ, которыми онъ занимается будто бы въ отдаленной и скрытой отъ другихъ комнатъ своего жилища. Царь повѣрилъ клеветѣ и однажды нечаянно засталъ вельможу въ его таинственномъ уединеніи. Въ этой комнатѣ царь увидѣлъ драгоцѣнный ящикъ, а въ немъ бѣдную одежду: вельможа объяснилъ ему, что приходятъ сюда вспоминать свою прежнюю судьбу, учиться смиренію и не гордиться настоящей славой. Царь тронуть былъ его скромной добродѣтелью и поручилъ вельможѣ правленіе всѣмъ государствомъ. По характеру своему повѣсть вполне соотвѣтствуетъ рассказамъ изъ «Дѣяній», рядомъ съ которыми поставлена въ рукописяхъ, но мы не встрѣтили ея въ Латинскомъ сборникѣ. Во всякомъ случаѣ она имѣетъ какое нибудь отношеніе къ «Дѣяніямъ», тѣмъ болѣе, что и по мѣсту дѣйствія принадлежитъ къ *Римскимъ* повѣстямъ.

Замѣтимъ здѣсь нѣкоторые другіе рассказы, не встрѣтившіеся намъ въ рукописяхъ Румянц. и Толст.: Б-ки М. Общ. № 223, л. 770, 829 и пр., которые могутъ относиться сюда по назидательному содержанию.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ «Дѣяніяхъ», выразилось назидательное направленіе въ другомъ сборникѣ повѣстей, переведенномъ на Русскій языкъ въ XVII столѣтіи. Это—въ буквальномъ смыслѣ *Великое Зерцало*, списки котораго, полные или чаще въ извлеченіи, по нѣскольку находятся въ каждомъ значительномъ собраніи. Название сборника вполне оправдывается его величиною: число повѣстей, въ немъ помѣщенныхъ, простирается почти до девяти-сотъ и книга въ цѣломъ видѣ своемъ представляетъ огромный фолиантъ. По свидѣтельству Казаидовича, въ Синодальной б-кѣ находится три списка этого произведенія, отчасти несходные: въ первомъ изъ нихъ, заключающемъ 781 притчу, упомянуть переводъ книги съ Польскаго; во второмъ, принадлежавшемъ патр. Адріану и раздѣленномъ на 652 главы, сказано, что *Великое Зерцало* притчей или при-

логовъ отъ многихъ исторій и отъ церковныхъ многихъ учителей собранное неизвѣстнымъ, сперва было написано на Латинскомъ, потомъ Римляниномъ (Увиатомъ) іеромонахомъ Симеономъ Высоцкимъ переведено на Польскій, а наконецъ по желанію и повелѣнію царя Алексѣя Михайловича переложено на Словено-Россійскій языкъ въ 1667 году; третій списокъ «Зерцала» имѣетъ 821 главу (Оп. Рум. Муз. 226). Еще обширнѣе «Зерцало» Румянцовскаго Музея, № 180, писанное въ листъ полууставомъ XVII вѣка, и заключающее 862 главы или повѣсти: одно оглавленіе его занимаетъ 27 л. Книга эта — одно изъ тѣхъ Зерцалъ, которыя были такъ многочисленны и такъ любимы въ западно-Европейскихъ литературахъ среднихъ вѣковъ (ср. *Grässe*, Lit.-Gesch. 2, 2, 272, 711 ff.). У насъ Зерцала такъ же появились особенно въ XVII столѣтіи, и переводились съ Латинскаго и Польскаго, или съ Греческаго; кромѣ «Великаго» были: Зерцало мірозрительное, богословское, естествозрительное, Зерцало челоуѣка христіанскаго, и другія. «Великое Зерцало» было переведено съ Польскаго, — первое Польское изданіе вышло, кажется, въ 1621 г. въ Краковѣ; въ другомъ оно имѣетъ слѣдующее длинное заглавіе, въ которомъ объясняется и исторія самой книги: *Wielkie Zwierciadło przykładów, więcéy niżli z osmiudziesiąt pisarzów, pobożnością, nauką i starowiecznością przeznaczonych: także z rozmaitych historyy i traktatów kościelnych wyjęte przez iednego niemianowanego który żył około roku 1480, potym przez x. Jana Maiora S. J. dowodem samych autorów objaśnione: tudzież więcéy niżli dwiema tysiącami przykładów rozmaitych szeroko rozwiedzioné, potym przez x. Antoniego Dauroliciusa S. J. który wielce znamienitą księgę Flores Exemplorum (wydał?) szérzény napisané; a na ostatek przez x. Szymona Wysockiego S. J. na polskié znowu przelożoné, a teraz świeżo po trzeci ráz przez x. Jana Lesiowskiego S. J. z przyczyniém wielu przykładów y poprawą wielu omyłek sporządzone. W Krakowie 1633 f. 1467 стр. (См. *Jochera*, *Obraz* 2, 348; о Высоцкомъ *Maciejowski*, *Polska pod względem obyczajów etc.* 1, 403. *Piśmien.* 3, 30. 310).*

Списки: — Румянц. № 180 полное Зерцало, XVII в.; — № 363 сборн. XVII в., л. 1—157 выборка изъ Зерц. въ 87 гл., подъ на-

званіемъ: «духовныя приклады и душеспасительныя повѣсти, новопреведенныя отъ Великаго Зерцала, въ честь и во славу Богу и человѣкомъ въ душевную пользу»; въ переводѣ есть варианты противъ другихъ списковъ.

— Б-ки Моск. Общ., только выборки: № 215 сборн. 1681 г., № 62 сборн. XVIII в.; № 209 сборн. нач. XVIII в. л. 100—231 «духовныя приклады и душеспасительныя повѣсти, новопреведенныя (отъ Великаго Зерцала) съ Полскаго языка на Словенскій языкъ» и пр., — въ другомъ мѣстѣ г. Строевъ считаетъ Зерцало переведеннымъ съ Латинскаго, не-завѣстно почему; — см. также № 200, 323 и др.

— Царск. № 139, рук. XVII в., въ листъ, на 633 л., полный списокъ Зерцала, но въ гравированной заставкѣ на л. 32 повѣще написано: «духовныя приклады» и пр. заглавіе, принадлежащее извлеченіямъ изъ Зерцала; главъ 858; — въ прочихъ рукописяхъ выборки: № 140, 465, 468, 482, 484, 492.

— Толст., также извлеченія: 2. 257, 383, 402; 3. 5, 21; 4. 48 и др.

Содержаніе сборника достаточно опредѣляется его происхожденіемъ: онъ заключаетъ въ себѣ повѣсти назидательнаго характера, короткіе рассказы о разныхъ случаяхъ человѣческой жизни, гдѣ проявляется сила вѣры, доказывается опасность грѣха, польза покаянія. Существенное отличіе Зерцала отъ Римскихъ Дѣяній состоитъ въ томъ, что оно исключительно держится фактовъ, заимствованныхъ изъ духовно-исторической и легендарной литературы, между тѣмъ какъ Дѣянія несравненно болѣе разнообразны и богаты чисто поэтическими народными преданьями. Къ повѣстямъ «Зерцала» прибавляются даже и догматическія толкованія. Обыкновенно нѣсколько главъ соединяются подъ однимъ общимъ заглавіемъ и называются «прилогами» т. е. объяснительными примѣрами; рубрики касаются разныхъ человѣческихъ пороковъ и добродѣтелей, или указываютъ, къ чему должны быть направлены поступки и стремленія благочестиваго человѣка, напр. «о еже честь воздавати родителемъ и не презирати ихъ, зѣло ужасно» (Рум. № 180, гл. 56), «о піянствѣ и о осужденіи піяницъ по смерти пшти огнь и жупелъ» (гл. 58), «честь обычай премѣняетъ» (гл. 455), «о лукавствѣ» (гл. 391), «о плотскомъ искушеніи»

(гл. 392), «терпѣніе» (гл. 431), «чистота» (гл. 465), «гостей или странныхъ пріятіе» (гл. 541) и т. п. Католическое происхожденіе сборника видно въ разсказѣ о томъ, «како Максиміанъ, первыи кесарь Римскій, видѣ діавола сѣдяща на плещу развратника Мартына Лютора» (гл. 229). Предметы поученія нерѣдко сближаются съ тѣми наставленіями, какія появились и у насъ въ среднюю эпоху нашей литературы, какъ противо-дѣйствіе заблужденіямъ, распространившимся въ народѣ. Таковы были напр. обличенія чародѣйства, волхвованія и звѣздо-четства, извѣстныя и по актамъ правительственнымъ и по дру-гимъ историческимъ памятникамъ; довѣріе къ астрологій, общее западной Европѣ не только XVI, но и XVII столѣтія, перешедши къ намъ соединилось съ народными повѣрьями о чернокнижніи, и возбуждало дѣятельную полемику противъ себя, — и «Великое Зерцало» сообщаетъ цѣлыя трактаты, доказывающіе гибель тѣхъ, кто занимается чарами и волхвованіемъ. Таковы повѣсти: «о учащихъ злымъ чародѣйскимъ кнѣгамъ и чернокнижнымъ наукамъ» (гл. 150), «о нѣкоей чаровницѣ и о ея осужденіи» (гл. 154), «чернокнижникъ дѣвцу, призывающую святого Іеронима, хотѣ къ юноши склонити, посла бѣса, отъ него же самъ зло пострада» (гл. 208), «чародѣйство: въ вещехъ против-ныхъ къ чародѣемъ недостойтъ прибѣгати» (гл. 480), «волхво-ваніе: волшебницу діаволи изъ церкви, въ неже бысть по-гребена, восхитиша, на конь же посадивше адскій, съ воплемъ везоша во адъ» (гл. 840), и другія. «Зерцало» возстае такъ же противъ nepозволительныхъ игръ и удовольствій, которыя и у насъ подвергались строгому осужденію не только въ сочи-неніяхъ моралистовъ, но и въ распоряженіяхъ правительства; на этомъ содержаніи построены повѣсти: «о еже не мня быти грѣхъ, кто играетъ картами и шахматы, и прочими *катырскими* играми» (гл. 60), «о еже не глумитися и играми не забавлятися» (гл. 120), «о пляшущихъ и тонцюющихъ, и како пляшущи въ ноци Рождества Господа нашего І. Х. въ проклятій цѣлый годъ плясаша» (гл. 160); плясаніе осуждается далѣе въ семи главахъ 826 — 833, изъ которыхъ послѣдняя: «како зла вещь есть плясаніе, и koliko есть мерско предъ Господемъ, отъ видѣнія являеся», — и во многихъ другихъ разсказахъ, которые совер-

шенно соответствуют запрещеніямъ, наложеннымъ въ старину на плясаніе, скоморошество, игру въ зерьмъ, въ карты и тавлеи. Не мудро по этому, что «Зерцало», Латинское по своему происхожденію, уважалось у насъ на ряду съ другими душе-спасительными книгами. Нравственныя понятія, въ немъ выраженные, были очень сходны съ самобытною Русскою моралью, какъ налагалась она во многихъ старинныхъ сочиненіяхъ.

Нѣкоторыя повѣсти «Зерцала», мимо значенія назидательнаго, основывались на одномъ анекдотическомъ интересѣ, и тѣмъ отчасти противорѣчатъ общему направленію сборника. Въ одной главѣ «Зерцала» (гл. 514) собраны необыкновенные случаи плодородія женщины, и рассказывается, какъ «*девяти дѣтвицъ во единъ часъ мати роди*» или «*дванадесять во едино время рождени*» одной матерью, или какъ наконецъ «*дщи Генрика князя Брабанского, брата бысть жена краля Нѣмецкаго*» родила вдругъ 364 человекъ дѣтей (!). Эти рассказы взяты въ шуточныхъ и анекдотическихъ сборниковъ, распространившихся особенно въ XV — XVI-мъ столѣтіяхъ, подъ названіемъ *фациій*, *Facetiae*, и въ «Зерцалѣ» не совсѣмъ умѣстны, какъ и помѣщенный тамъ же (гл. 845) разсказъ о томъ, что «*гнѣва паче гнѣва женскаго, ни жестосердія и непокорства твердѣйшаго и неукротимаго*», гдѣ такимъ образомъ передается Французскій старинный анекдотъ, фавль *du pré tondu*, извѣстный и въ нашей народной словесности:

«Мужъ съ женою единою иде чрезъ виву, рече: *изрядно гѣло есть сія земля покошена*. Жена же противнымъ образомъ рече: *нѣсть се покошена, но пострижена*, — сопротивляющися мужу много; егда же мужъ глаголаше, яко покошена, а жена глагола: *подстрижена*. Мужъ же, на гнѣвъ подвигшися, вверже ю въ воду: егда же въ водѣ вѣще не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе *ножницъ*, являюще, яко быти пострижена, и сопротивляющися даже до смерти».

Многія повѣсти относятся къ лицамъ историческимъ; нѣныя изъ нихъ, напр. о Попелѣ королѣ Польскомъ, прибавлены вѣроятно Польскимъ передѣльвателемъ книги. Рассказы изъ «Великаго Зеркала» списывались въ рукописяхъ и отдѣльными

статьями и такимъ образомъ расходились еще болѣе; въ примѣръ укажемъ исторію «о еже предъ Богомъ и чловѣки непорочнымъ быти епископомъ и попомъ, и како Удонъ епископъ страшно осужденъ бысть», гдѣ передается страшная судьба епископа Магдебургскаго Удона, который пренебрегъ своими обязанностями, предался порокамъ и за то потерпѣлъ жестокое осужденіе (гл. 106.)

Ср. *Historia Udonis* въ *Rod. Zamorensis, Speculum human. vitae* (sr. conversionis peccatorum), Bisunni 1488. Списки: Толст. 2. 160, 181, — Царск. № 396, 410, 468, — Б-ки М. Общ. № 200, — Погод. № 1775 и мн. др.

Едва ли не сюда же должно отнести повѣсти разныя, исполнены страха и ужаса, о правосудіи Божіи, како осуждаются грѣшаци здѣ и непокаявшіися на вѣчное мученіе по дѣломъ своимъ въ сборн. XVII в., Царск. № 427, л. 167—207, въ 35 главахъ: по содержанію онѣ должны имѣть сходство съ Зерцаломъ. — г. Строевъ считаетъ ихъ переведенными съ Латинскаго или Польскаго.

Душеспасительное чтеніе въ старину гораздо болѣе поддерживалось другими памятниками, которые могутъ быть только упомянуты въ настоящемъ случаѣ, потому что принадлежатъ литературѣ вѣры и церкви. Многочисленные патерики, минеи, прологи, сочиненія духовныхъ писателей, представляютъ множество повѣстей, исключительно посвященныхъ дѣлу душевнаго спасенія и служившихъ для развлеченія благочестиваго читателя. Существеннымъ источникомъ произведеній этого рода, какъ и вообще старинной духовной словесности, была литература Византійская, съ древнѣйшихъ временъ надѣлявшая насъ своими богатствами. Въ сборникахъ и хронографахъ XVI—XVII столѣтій продолжали жить и эти старинныя повѣсти, перемѣшанныя однѣ съ другими и соединенныя только сходствомъ содержанія, и вносились новыя, явившіяся изъ другихъ источниковъ. Онѣ имѣютъ много общаго съ полусторическими повѣстями «Зерцала», потому что проникнуты однимъ настроеніемъ. Не перечисляя этихъ позднѣйшихъ исторій, упомянемъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр. повѣсть «о архіепископѣ Венцлавѣ, что въ Краковѣ» (Рум. № 459 и др.), гдѣ излагается извѣстная

исторія о Польскихъ холопяхъ и передѣлывается легенда о Станиславѣ; «о пустынникѣ Иванѣ королевичѣ Корвацкомъ» (Оп. Р. Муз. стр. 778); «о царѣ Козаринѣ и о его парицѣ» (въ сборн. Дубровскаго, Публ. Б-ки IV. Ф. 238, XVI в., л. 527—528; Рум. № 249, Б-ки М. Общ. № 286.)

Въ старинныхъ сборникахъ замѣтимъ наконецъ полудидактическія повѣсти, любопытныя для исторіи нравовъ: отчасти ихъ можно считать сочиненіями Русскими, отчасти онѣ основывались и на чужихъ преданьяхъ. Не лишена интереса повѣсть о *чародѣйствѣ*, сочиненная будто бы для царя Ивана Васильевича Грознаго и напечатанная по рукописи г. Цюгодина (Москв. 1845 1, 246 — 249). Содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: Одианъ благочестивый царь совратился съ пути вѣры и поддался вліянію злаго «синклита»; этотъ «чародѣй и губитель-мужъ» увлекъ его въ занятія волшебствомъ, и смутилъ и царя и народъ. Окрестные города возстали на неустроенную землю; многіе оставили царя и перешли на сторону враговъ. Въ трудныхъ обстоятельствахъ царь увидѣлъ Божіе наказаніе, покаялся въ своихъ заблужденіяхъ, и съ малочисленнымъ войскомъ успѣлъ прогнать враговъ, потому что милость Божія къ нему возвратилась; злобный синклитъ и единомышленники его были преданы казни. Простота содержанія и отсутствіе всякой опредѣленности въ разсказѣ позволяютъ думать, что повѣсть дѣйствительно была написана по случаю, какъ поученіе косвенное.

Мораль другихъ сказаній направлена была также противъ заблужденій эпохи, но болѣе общихъ и важныхъ. Въ Румянц. сборникѣ XVII-го вѣка, № 363, на л. 410 — 412 находится повѣсть о происхожденіи виннаго питія: «выписано изъ книги изъ стоглавника о *питіи*, отчего суть *установился винное питіе*». Не знаемъ, изъ какого источника взята была эта повѣсть: стоглавникомъ назывались и постановленія собора 1551 г. (Рукоп. Царск., стр. 438), но тамъ конечно не встрѣчается подобной статьи, какъ и въ Стословцѣ патріарха Геннадія; по замѣчанію Востокова, статья была взята изъ какого нибудь сборника, раздѣленная на сто главъ; «книга стоглавникъ» упоминается въ описи книгъ патріарха Филарета, учиненной въ 1630 г., вмѣстѣ съ сочиненіями душеспасительнаго содержанія (*Ивинова*,

Оп. Арх. Стар. Дѣль, 290). Изобрѣтеніе винокуренія приписывается въ этой статьѣ завистливому бѣсу, который потомъ научилъ курить вино и человѣка; бѣсъ прельстилъ его обѣщаніями, и они «пристрочили себѣ мѣсто уготованно при рѣцѣ, у источника, и побѣже бѣсъ на оравитскія горы, и взя скоро траву, еже есть хмель, и приде на уреченное мѣсто, на источникъ, и уготова кубы, и налиша браги, и накинувъ горшки и потомъ замазаша тѣстомъ, съ трубами, и сквозь кадей пропустиша и налиша кади полно воды и подложиша подъ кубы огня и начаша огнемъ варити, и поиде сквозь кадей трубами аки хитрое зеліе.» Послѣ того бѣсъ скрылся, а человѣкъ пошелъ въ ближній городъ, прельстилъ и царя и всѣхъ людей его зловреднымъ зельемъ. «Человѣкъ же той бысть пожалованъ отъ царя и нареченъ будетъ у царя великій велможа и другъ царевъ. И отголѣ разнесеша то хитрое зеліе, сіирѣчь нынѣшнее вино, рѣкомая горѣлка, по всѣмъ странамъ и градомъ, въ цри (вѣроятно = въ Царьградъ) и въ Литву и въ Нѣмцы и во вся грады и къ намъ въ Святорускую землю». Губительное дѣйствіе рекомой горѣлки изображается въ *повѣсти о високоумномъ хмелю* (тамъ же, л. 412 — 415), представляющей монологъ самого хмеля: «Тако глаголетъ хмель ко всякому человѣку, ко царемъ и княземъ и ко инокомъ и бояромъ и слугамъ и вкушѣ всѣмъ православнымъ христіаномъ, и богатымъ и нищимъ, и женамъ, старымъ и младымъ: познайте и мя. Азъ есмь хмель силенъ и болѣ плодовъ земныхъ всѣхъ, отъ корени есми сильна и отъ племени велика» и пр. Полнѣйшій видъ разсказа находится въ *повѣсти о пьянствѣ* по Толст. сборнику XVII — XVIII в. 2. 230 Публ. Б-ки XVII. Q. 41, л. 34—38, гдѣ прибавленъ родъ введенія: «Бѣ нѣкій человѣкъ, живяше (бо) въ дебри и сотвори себѣ хижу и живяше въ ней много лѣтъ, и въ нѣкое время не ста у него пищи, и иде той мужъ искати себѣ на потребу сѣдѣ, и ходяше по лѣсу много и абіе обрѣте стоящу яблонь велики добру. И взя отъ того древа едино яблоко и вкуси, и бысть сытъ велики, и нача яблоки собирати съ яблони той, и узрѣ на яблони траву—обвилась около древа, и сорва травы той едину смоквицу, и нача быти отъ той травы гласъ сицевъ»,— и далѣе приводится разсужденіе хмеля о своихъ качествахъ. Отсюда

займствовано содержаніе лубочной картинки, представляющей слѣдствія «всепугубной сласти» пьянства: такова извѣстная «бесѣда философвъ Анахарсиса и Кирилла» объ этомъ порокѣ, и выписка приведенная г. Снегиревымъ въ Вал. Сборникѣ, стр. 204. Тому же предмету посвящено «слово о высокоумномъ хмелю и о художныхъ пѣяницахъ» въ мινьютюрномъ Румянц. сборникѣ XVII в. № 370 л. 11—18. Помѣщенная въ той же Толстовской рукописи 2. 280 на л. 46—49 «исторія о дву товарищахъ, имѣющихъ между собою разговоры, изъ которыхъ одинъ любилъ пить вино, а другій не любилъ», — передѣлана въ простонародной кивжкѣ «Старичокъ-Весельчакъ» (Спб. 1781) и повторяется такъ же въ лубочныхъ изображеніяхъ (*Снегир. ib.* 207), но принадлежитъ уже XVIII-му столѣтію.

Ср. сатирическое «сказаніе о винѣ и о неистовствѣ его, хотящимъ отъ него удалитися», въ стихахъ, въ сборникѣ нач. XVIII в., Б-ки Моск. Общ. № 213, л. 326—329.

Остатки повѣстей XVII-го вѣка встрѣчаются и въ другихъ лубочныхъ картинкахъ. Иностранные образцы имѣли свою долю вліянія при появленіи нашихъ картинокъ: Нѣмецкіе печатные листы давно уже стали предметомъ торговли; они упоминаются въ приходо-расходныхъ книгахъ Оружейной Палаты 1634 и 1637 годовъ, и патріархъ Іоакимъ замѣчаетъ, что на картинкахъ священныя изображенія представлялись «неистово и неправо, на подобіе лицъ своеостранныхъ и въ одеждахъ Нѣмецкихъ». Были извѣстны и *потльшны* листы, соединявшіе поученіе съ забавою; они займствовали содержаніе или передѣлывали его изъ тѣхъ же Нѣмецкихъ листовъ или изъ собственной фантазіи народа. Переходя къ самостоятельнымъ попыткамъ, лубочныя картинки во многомъ воспользовались старыми рукописными сборниками; многія изъ повѣстей, перешедшихъ этимъ путемъ въ народныя изображенія, сохранились въ лубочныхъ картинкахъ и до нашего времени. Такого рода «притча изъ *Зерцала* велми страшная» т. е. изъ Великаго Зерцала, о которомъ мы говорили, — о дѣвицѣ, утаившей на исповѣди смертный грѣхъ; «притча изъ *синодика* велми страшна» о благочестивомъ и развратномъ юношахъ, — послѣдняго убиваетъ

молвія, а первый остается невредимымъ; «видѣніе благовѣрнаго монаха» о наказаніи сребролюбія и лихоимства; выше мы упоминали объ источникѣ картинки, изображающей Анику-воина и смерть. Другія статьи заимствовались изъ патериковъ и житій, рукописныхъ сочиненій духовныхъ писателей и т. п. Сюда же примыкають и чисто-правоучительныя изображенія, каковы напр. «аптека духовная, врачующая грѣхи»; «трапеза благочестивыхъ и трапеза нечестивыхъ», «изображеніе двухъ путей жизни нашей», «душа чистая и душа грѣшная», «дѣлства» и другія: для обозрѣнія тѣхъ и другихъ отсылаемъ читателя къ статьѣ г. Снегирева въ Валуевскомъ Сборникѣ.

Дидактическую цѣль, какъ въ повѣсти о хмелѣ, преслѣдуетъ и особенное сказаніе о *бѣсовской травѣ-табакѣ*, излагающее длинную исторію появленія этой травы и ея ужаснаго дѣйствія. Табакъ сдѣлался извѣстенъ у насъ вѣроятно не ранѣе XVI-го столѣтія, а въ XVII-мъ вѣкѣ употребленіе его было уже такъ сильно, что правительство сочло нужнымъ преслѣдовать его; отчасти по общимъ неблагопріятнымъ мнѣніямъ о табакѣ, отчасти по видамъ финансовымъ и хозяйственнымъ, находя покупку его разорительною для народа. Суевѣрные толки о новомъ зельѣ распространились уже во времена ц. Михаила Федоровича; въ извѣстной тогда книгѣ, переведенной съ Греческаго, подъ названіемъ «Миръ съ Богомъ», табакъ названъ зельемъ проклятымъ и богомерзкимъ, и употребленіе его признано за смертный грѣхъ. Послѣ проклятія табака патриархомъ въ 1634 году государь указалъ: «на Москвѣ и въ городѣхъ о табакѣ заказъ учинить крѣпкой подъ смертною казнію, чтобъ нигдѣ Русскіе люди и иноземцы всякіе табаку у себя не держали и не пили и табакомъ не торговали». Въ послѣдствіи смертная казнь была отмѣнена, тѣмъ не менѣе наказанія были очень строги, потому что куреніе табаку, какъ и пьянство, считалось источникомъ другихъ пороковъ, даже причиною грабежей и разбоевъ. Любопытно, что и въ самыхъ выраженіяхъ табакъ сравнивали съ виномъ; въ актахъ встрѣчаются запрещенія, чтобы «зернью и карты не играли, и не бражничали, и табаку не пили»; тому времени принадлежитъ пословица: «испила баба табака, да не сеть, что отъ собаки» (*Бул.*; ср. *Сжигр.*, Русск. въ Посл. 2,

49—50). Не взирая на то, что эти *питухи* и *пропойцики*, принимавшіе «Нѣмечской скверной обычай», по тогдашнему понятію представляли изъ себя діавола и подвергались сатанинскому искушенію, куреніемъ табаку занимался не одинъ только классъ народа, а «всякихъ чиновъ люди»: по свидѣтельству Карлейля, бывшаго въ Вологдаѣ въ 1663 году, всѣ Русскіе охотно употребляютъ табакъ, особенно курительный, дымомъ котораго упиваются до обмороковъ (см. подробности въ Юрид. Сборн. *Мейера*, стр. 496 слѣд.). Суевѣрныя преданья о табакѣ до сихъ поръ живы между людьми старинныхъ понятій, особенно между явными старовѣрами. Эти преданья развиваются и въ старой рукописной исторіи. Она встрѣчается въ сборникѣ Царскаго, XVIII в., № 469 л. 57—70, въ особой рукописи, подъ заглавіемъ: «сказаніе отъ книги, глаголемыя Пондоктъ, о хранителномъ быліи, мерскомъ зеліи, еже есть травѣ табацѣ, откуда бысть и како начатся и разсѣяся по вселеннѣй». Мы читали ее въ сборникѣ г. Тихомирова, сплетенномъ изъ разныхъ рукописей, гдѣ эта тетрадка старѣе другихъ и относится если не къ концу XVII-го, то къ началу XVIII-го вѣка. Повѣсть, на 8 листкахъ, носитъ заглавіе, почти буквально сходное съ предыдущимъ: «выписано изъ книги, глаголемыя Пондоктъ, о хранителномъ быліи, мерскомъ зеліи, еже есть табацѣ, откуда бысть и како зачася и разсѣяся всюду по вселеннѣй». Исторія имѣетъ сходство съ повѣстью о хмельѣ, но гораздо длиннѣе и таинственнѣе, и открывается апокалиптическими текстами; появленіе табаку отъ дѣйствія бѣсовекой силы произошло будто бы при Еллинскомъ царѣ Анексиі, которому было прежде показано въ страшномъ видѣніи. Врачъ Тремикуръ, отыскивая цѣлебныя растенія, нашель и это зеліе травное, «и вземъ Тремикуръ и обоня ю (т. е. траву) нозрями своими и обвеселися, и тогда оный врачъ Тремикуръ ископа оную траву и принесе въ домъ свой и посади съ своими овощами и начатъ обнюховати траву ту и веселяся ходить. И расплодися у него множество того зелія; сосѣди же его видѣша того врача умомъ премѣненна и піяна суша, вопросиша его: откуда піанство имать? Онъ же показа имъ въ саду траву и продаде имъ, коемуждо угодно, на сребро, и тѣ также въ садахъ своихъ

посадиша, и расплотившися другъ отъ друга, и обонѣвающе ноздрами своими и пѣнствовать начаша, а иныи на огонь то быліе полагающе и цѣвницами (т. е. чубуками) во уста своя дыхающе, и оттого ови начаша обмирати, и лица ихъ яко мертвыя, и умошъ расслаблени.... И тогда придоша множество того народа предъ царскіе полаты, пѣяни вертахуся, и лица ихъ взмѣняхуся, мнози трясущеся падаху, ины же смертію внезапно умирающе». Царь Анексій распросилъ обо всемъ Тремикура, и вспомнилъ свое видѣніе, бывшее за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ; послѣ новаго видѣнія, Еллинскій царь и народъ принимаютъ христіанскую вѣру и мерзкое зеліе предано проклятію. «Благовѣрные же мужіе, новокрещенные, изъ вертоградовъ и садовъ своихъ ее (траву) изведоша и искорениша, а которые ошастася некрещены, оныя то зеліе разведоша по далнымъ странамъ поганымъ. И тако оны поганые Еллины расплотившися, яко въ Нѣмцы, въ Турки и Татары и въ Черкасскія земли; мнози же и нынѣ отъ вѣрныхъ прикасаются ко оному смраду съ погаными Турки и Татары, и тако съ тѣми въ вѣчную муку ходатайствуютъ (sic). Бысть же въ то лѣто по многимъ странамъ великое трясеніе земля, яко и морю отъ предѣлъ своихъ изыти и земли разсѣдаться, и многимъ невѣрнымъ прикасающимся оному смраду....» Такъ оканчивается повѣсть въ неполномъ спискѣ г. Тихонравова. Судя по характеру сказки, она могла имѣть Греческое происхожденіе; упоминаніе вельможи-каженника не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что ее нельзя считать выдумкой Русскаго сочинителя. Текстъ ея, кромѣ неполноты, очень испорченъ въ позднѣйшемъ спискѣ, которымъ мы пользовались, — безъ сомнѣнія отъ частой переписки.

Ср. въ новомъ Румянц. сборникѣ № 374 об. л. 261—263 мнимую выписку изъ Григорія Синаита. Оп. Р. Муз. 552.

VIII.

Историческіе рассказы. — Повѣсти Русскія и иноземныя. — Сказаніе о Дракулѣ Мутьянскомъ, о взятіи Царяграда, повѣсть о дарицѣ Иверской Динарѣ. — Сказаніе объ Атылѣ королѣ Угорскомъ; о Василии, королевичѣ владѣвшемъ Чешскія земли. — Повѣсть умилительная о Брунцвигѣ, старинный рыцарскій романъ Чешской литературы.

По неразвитости литературныхъ началъ, старая письменность наша не могла имѣть того разряда произведеній, гдѣ

являлось бы поэтическое изображение действительности, какъ въ западныхъ поэмахъ и рыцарскихъ исторiяхъ. Единственный почти памятникъ съ чисто-поэтической задачей и соответственнымъ ей исполненiемъ, Слово о полку Игоревѣ, доказываетъ однако, что въ древней порѣ нашей словесности были богатые залoги поэтической дѣятельности. Немного позднѣйшій памятникъ, XIV — XV вѣка, сказанiе о побѣдѣ в. к. Дмитрія Иоанновича надъ безбожнымъ Мамаемъ, извѣстное во множествѣ списковъ и редакцій, приводитъ, напротивъ, къ заключенiю, что дальнѣйшая судьба этого направленiя была далеко не такъ счастлива, какъ его начатки. Въ сказанiи видно и сильное желанiе стать выше уровня обыкновенной исторической повѣсти, но виденъ и упадокъ поэтической силы; авторъ сказанiя невозвратно уклонился отъ живаго настроенiя народнаго эпоса, и отданный собственнымъ средствамъ, способенъ былъ только на блѣдное подражанiе. Заимствуя и передѣлывая изъ Слова о полку Игоревѣ отдѣльныя описанiя, сочинитель не могъ уйти отъ обыкновенной рутини, и вслѣдъ за хитросплетеннымъ описанiемъ битвы приводитъ голый списокъ именъ, годный только для лѣтописи. На всемъ изложенiи находится отпечатокъ схоластической манеры; нерѣдкое употребленiе Греческихъ словъ и книжные обороты показываютъ, что авторъ подчинялся извѣстному влiянiю литературныхъ памятниковъ своего времени. Вообще сравненiе этихъ двухъ произведенiй достаточно рисуетъ разницу между древнимъ и среднимъ периодомъ нашей литературы; съ теченiемъ времени труды нашихъ писателей болѣе и болѣе занималъ историческiй разсказъ, господствовавшiй и въ XVII-мъ столѣтiи. Древнѣйшiя попытки его выразились почти въ одно время лѣтописью и жизнеописанiемъ: рядомъ съ Несторомъ и сказанiями Кiевского патерика стоятъ жизнеописанiя князей, Володимира, Бориса и Глѣба и пр. Рядъ подобныхъ сказанiй безъ перерыва продолжается до послѣднихъ временъ древней нашей исторiи; каждое замѣчательное лицо или событiе становилось предметомъ описанiя. Появились *умильныя* повѣсти и сказанiя — о нашествiи злочестиваго царя Батыя, о подвигахъ Александра Невскаго, о убiенiи Михаила, жизнеописанiе Донскаго, сказанiе о паденiи Новгорода,

взять Казанскаго царства, осадѣ Пскова Баторіемъ или Обятуромъ, и о множествѣ другихъ событій. Мѣстные историческія преданья и легенды также нашли себѣ выраженіе, и повторялись въ обширномъ собраніи повѣстей полуправдивыхъ, полувыведанныхъ, которыя смѣшаннымъ характеромъ своимъ соотвѣтствовали незатѣйливымъ потребностямъ старинныхъ читателей. Съ расширеніемъ этой литературы измѣнился и характеръ лѣтописи: къ своей хронологической нити она прибавляла цѣлыя сказанія отдѣльныя, и такимъ образомъ удалялась отъ прежней формы; въ послѣдствіи она вполнѣ замѣнена была лѣтописными сборниками и компиляціями, подобными Степенной книгѣ.

Позднѣйшіе историческіе рассказы о древнихъ событіяхъ, у насъ, какъ и вездѣ, вносили много такого, что не извѣстно теперь изъ коренныхъ источниковъ. Иное могло быть вѣрно и принадлежало старымъ извѣстіямъ, до насъ недошедшимъ, другое зависѣло болѣе или менѣе отъ вымысла, основываясь или на позднихъ представленіяхъ о старинѣ, или на народныхъ преданьяхъ. Присутствіе этого послѣдняго начала даетъ повѣстямъ особенный интересъ, независимо отъ ихъ цѣны въ качествѣ историческихъ матеріаловъ; къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ очень мало разработаны съ подобной точки зрѣнія. Въ XVI—XVII-мъ столѣтіяхъ историческій рассказъ особенно страдалъ отъ позднѣйшихъ выдумокъ, въ чемъ виновато было отчасти и знакомство съ Польскими историками и лѣтописцами. Еще Герберштейнъ, говоря о Рюрикѣ и его братьяхъ, замѣчаетъ: *hosce fratres originem a Romanis traxisse gloriantur Rutheni*; Новый Лѣтописецъ счелъ нужнымъ повторить общеизвѣстную басню и говорилъ, что смертью Феодора Іоанновича «пресѣчеся корень Августа Кесаря»; въ спискахъ самого Нестора, сдѣланныхъ въ то же время, находится иногда вставка о происхожденіи Рюрика изъ Пруссіи. Происхожденіе Руси, «зачало» Москвы и «первоначальнаго Великаго Новаграда» и даже послѣдующія событія облечены были глубокою древностью, привязаны были или къ именамъ библейской исторіи, или другимъ знаменитымъ лицамъ древности. Извѣстная книга о «Древностяхъ Россійскаго государства» дьякона Каменевича-

Рвовскаго была не столько его выдумкой, сколько обширней-
компильяціей баснословныхъ повѣстей, прежде существовав-
шихъ въ литературѣ.

Другими представителями исторической повѣсти были мно-
гочисленные хронографы и палеи. Въ старинной Русской библио-
текѣ хронографъ занималъ первое мѣсто послѣ главныхъ душе-
спасительныхъ книгъ, какъ богатый запасъ чтенія и занима-
тельнаго и наставительнаго: этимъ объясняется чрезвычайное
распространеніе хронографовъ. Будучи книгою первой необхо-
димости, хронографъ имѣлъ и большой авторитетъ для старин-
ныхъ грамотѣевъ; составленіе хронографа было дѣломъ суще-
ственной важности и книжники наши сдѣлали изъ него цѣлую
историческую энциклопедію, въ которую попало даже много та-
кого, что было излишне въ сочиненіи историческомъ. Хроно-
графы имѣли много различныхъ редакцій, — однѣ основныя и
болѣе извѣстныя, другія частныя, принадлежащія отдѣльнымъ
собирателямъ и зависѣвшія только отъ ихъ выбора и матеріа-
ловъ. Эти сборники играли важную роль во все продолженіе
старога періода литературы, начиная отъ Нестора, читавшаго
лѣтописанье Греческое, и Вольницкаго лѣтописца, совѣтовав-
шаго читателю, «да почитеть хронографа», до послѣдняго Рус-
скаго хронографа, составленнаго въ половинѣ прошедшаго сто-
лѣтія для канцлера Бестужева.

Въ хронографѣ совмѣщалась цѣлая историческая библио-
тека. Начинаясь сотвореніемъ міра, онъ приводилъ библейскую
и церковную исторію, добавляя ее сказаньями апокрифическими,
разсказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особливо Рим-
скаго и Греческаго, до паденія Византіи, переходилъ къ Славян-
скимъ племенамъ и къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣто-
писнымъ сборникамъ. Отдѣльныя произведенія вносимы были
въ хронографы въ извлеченіи или же цѣликомъ, напр. псевдо-
Каллицеенова исторія Александра, Троянскія сказанія и многія
другія повѣсти. Говоря о сотвореніи міра, хронографъ выписывалъ
толкованія отцовъ церкви, вставлялъ космографическія и
географическія свѣдѣнія, разсказывалъ о Греческой мифологіи.
Въ слѣдствіе этого составленіе большею частію носило
отрывочный, анекдотическій характеръ, потому что составители

не столько заботились о внутренней связи разсказа, сколько обращали вниманіе на отдѣльные факты. Лѣтописцы наши уже давно начали пользоваться Византійскими хронографами; позднѣйшіе лѣтописные сборники, какъ Никоновскій, компилировали изъ нихъ еще болѣе: вообще до XVII вѣка хронографъ и папая оставались главнымъ источникомъ, гдѣ Русскіе авторы почерпали нужныя для нихъ историческія свѣдѣнія. — Изъ отдѣльныхъ повѣстей, внесенныхъ въ хронографы, мы займѣтимъ только немногія, болѣе любопытныя въ литературно-историческомъ отношеніи.

Повѣсть о *взятіи Царяграда* Турками распространилась въро-ятно еще въ XV вѣкѣ, вскорѣ послѣ самаго событія; въ хроно-графахъ ея заканчивается обыкновенно изложеніе иноземныхъ происшествій. Это событіе описано было и въ другихъ раз-сказахъ, какъ можно судить по несходству нашихъ лѣтописныхъ повѣствованій (напр. Соф. 2-я лѣт. въ П. Собр. 6, 186; Густин. въ П. Собр. 2, 356) съ подробной исторіей «о зачатіи и взятіи Царяграда», помѣщенной въ хронографахъ и переписанной въ Царственномъ лѣтописцѣ (1772 г., стр. 306 — 358) и Нико-новской лѣтописи (5, 222 — 277). Всего болѣе извѣстна была эта послѣдняя исторія, очень верѣдкая и виѣ хронографовъ. Содержаніе повѣсти касается сперва преданій объ основаніи Царяграда Константиномъ и переходитъ потомъ къ обстоятель-ному описанію осады и взятія города; въ заключеніе приводятся предсказанія о будущей гибели безбожныхъ завоевателей и воз-рожденіи Византіи. Важность этого сказанія заключается въ томъ, что оно было не компиляціей изъ другихъ историковъ, а разска-зомъ оригинальнымъ, который составленъ если не очевидно, то безъ сомнѣнія современникомъ событій: точность фактовъ и верныя подробности даютъ Русскому сказанію ту же цѣну, какую имѣютъ для историка извѣстія Францы, Дуки, Халкокон-дилы и Леонарда Хюскаго. По мнѣнію г. Срезневскаго, повѣсть стала извѣстна у насъ при Иоаннѣ III, когда усилились особенно связи съ Греками; быть можетъ, она привезена и тогчасъ по-вѣстии Царяграда, когда Греки стали приходить въ Россію за милостыней и вспоможеніемъ. Называя повѣсть Русскою, нельзя однако принимать такое выраженіе буквально: едва ли она мо-

гла быть сочинена по-Русски, или пересказана Русскимъ, потому что списки повѣсти сохраняютъ много признаковъ, которые могли принадлежать Греческому произведенію. При томъ, существованіе Сербскихъ списковъ, довольно старыхъ, наводитъ на мысль, что сказаніе было намъ доставлено уже въ готовомъ Славянскомъ переводѣ; тогда сказаніе можетъ быть названо Русскимъ только на томъ основаніи, что нигдѣ оно не было извѣстно въ такой степени, какъ въ нашей старинной литературѣ. Почему она столько нравилась читателямъ, объясняется самымъ дѣломъ: «повѣсть о семъ событіи, говоритъ Полевой, была однимъ изъ любимыхъ чтеній на Руси, украшенная множествомъ правоученій на память родамъ грядущимъ; въ ней съ радостью видѣли Русскіе, что послѣ паденія Греціи осталась одна земля православная — Русь, и слышали пророчество, что Руси предоставлено нѣкогда взять Седмихолмный градъ, воцариться въ немъ и возстановить православіе въ землѣ Константина Равноапостольнаго» (Ист. Р. Нар. 5, 419). Новый пересказъ повѣсти находится въ прекрасномъ изданіи г. Срезневскаго (Повѣсть о Цареградѣ. Спб. 1855): въ своемъ изложеніи, сохранившемъ подробности и отчасти выраженія подлинника, авторъ пользовался однимъ спискомъ гр. Уварова, двумя Румянца и двумя списками Михайловскаго; къ тексту приложены обширныя примѣчанія, гдѣ повѣсть наша сличается съ другими современными извѣстіями памятниковъ Византійскихъ, Латинскихъ и нѣкоторыхъ восточныхъ, и объясняются замѣчательныя слова подлиннаго текста.

Кромѣ упомянутыхъ, замѣтимъ еще нѣкоторые списки: — Б-ки М. Общ. № 198 сборн. конца XVII в. л. 1—141 — сказаніе о зачатіи и о мудрости и о взятіи царствующаго седмихолмнаго Константина, именуемаго Царяграда, нынѣ же Турки глаголють его Станболъ, о семъ пишутъ философи Греческіе и Латинскіе; — № 223 нов. сборн. л. 218—228; — № 76 нов. сборн., об. л. 62—97 помѣщена «исторія о плѣненіи славнаго Царяграда (иже Константинополь и Новый Римъ нарицается), его же плѣни Махометъ Второй, султанъ Турецкій осмый, въ лѣто по Христъ 1453», — особенная новѣйшая передѣлка, ср. Сопикова, Оп. Р. Библ. 3, 227.

— Царск. № 394 сборн. 1642 г., л. 613—651 «сказаніе о взятіи Царяграда отъ безбожнаго салтана Махмета, Турского царя», нач. «въ лѣта 6961-го, властельствующу Турки безбожному Махметю, Амуратову сыну» (Срезн. стр. 7); — № 401 сборн. XVII в. л. 183—218 «бытіе о Царѣградѣ, како созданъ бысть царемъ Костянтиномъ и како взятъ бысть отъ Турскаго царя Бахмета», нач. «въ лѣто 5808-е, царствующе въ Римѣ благосодѣтельному Константину Флавіану», у Срезневск. 27; — № 402 сборн. XVII в. л. 55—63 «повѣсть о началѣ царствующаго града», об. л. 87—127 «взятіе»; — № 410 сборн. XVII в. л. 319—363 «сказаніе о взятіи»; — № 398 сборн. XVII в. л. 36—42 одна повѣсть «о созданіи Царяграда седмехолмнаго отъ благовѣрнаго царя Константина». — Въ упомянутомъ № 394 на об. л. 609—613 «слово о знамени Царяграда, о взятіи отъ Турковъ», нач. «бысть страшно видѣніе и ужаса исполнено» и пр., такъ же въ № 498, л. 318—321. — Въ № 403 сборн. XVII в. л. 1—53 «сказаніе вкратцѣ о Цариградѣ, откуда преже именовася Византія и како преименовася Царьградъ и пр., нач. «бысть нѣкій царь во Египтѣ, именовъ Нектонавъ, отъ роду сущъ Филликса царя», — особенная редакція сказанія о Царѣградѣ, гдѣ нашли мѣсто и тѣ преданія о началѣ его, которыя упоминали мы, говоря о псевдо-Каллисеевѣ. — Повѣсти о Царѣградѣ см. также въ Царск. № 238, 446, 587, Толст. рукописяхъ и хронографохъ, и друг.

Той же эпохѣ принадлежитъ *сказаніе о Дракулѣ*, воеводѣ Мутьянской земли. Дракула былъ побочный сынъ Волошкаго воеводы Мильцы, служилъ сперва Греческому императору, но, по смерти Мильцы, отсѣкъ голову наследнику его Дану и сдѣлался правителемъ Валахіи, въ первой половинѣ XV-го столѣтія. Дракула отличался большимъ коварствомъ и хитростью и удачно поддерживалъ независимость своей страны, поставленной въ невыгодное положеніе между Венгеріей и уже сильными въ Европѣ Турками. Наша повѣсть рисуетъ самыми темными красками характеръ ужаснаго Дракулы, имя котораго должно означать по Русски дьявола: онъ преслѣдовалъ неправду и пороки, но на всѣхъ наводилъ страхъ жестокостью, не имѣвшею предѣловъ. Повѣсть наполнена анекдотами о безчело-

вѣчныхъ поступкахъ Дракулы или съ подданными его, или съ иноземцами, приходившими въ его страну; всеобщій страхъ его тиранства дошелъ до такой степени, что въ его землѣ никто не осмѣливался брать чужого. За всѣ преступленія Дракула наказывалъ смертию; онъ не прощалъ даже легкія вины, если открывалъ ихъ. Однажды увидѣлъ онъ на какомъ-то бѣднякѣ худое платье, и спросилъ бѣдняка, есть ли у него жена? Когда тотъ отвѣчалъ, что есть, Дракула велѣлъ вести себя въ домъ его, и увидѣвъ молодую и здоровую жену, снова спросилъ мужа: есть ли у тебя лень? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Дракула обратился къ женѣ и сказалъ: отчего ты лѣнишься заниматься дѣломъ? Мужъ твой долженъ пахать землю, а ты не сшила ему рубахъ; въ этомъ ты виновата, а не онъ, — и затѣмъ Дракула велѣлъ отсѣчь ей руки и посадить на колъ. Чтобы испытать правдивость своихъ подданныхъ, онъ поставилъ на источникъ драгоцѣнную чару, и никто не осмѣлился взять ее, «елико онъ (т. е. Дракула) пребысть». Подобные рассказы составляютъ и дальнѣйшее содержаніе повѣсти; иные изъ нихъ могутъ принадлежать и не именно Дракулѣ, или перенесены были на него изъ другихъ преданій и рассказовъ. Подробныя историческія извѣстія о Дракулѣ, его отношеніяхъ къ Іоанну Гуниаду и султану Амурату можно найти у современныхъ Венгерскихъ писателей, и у Византійцевъ Халкокондилы (ed. Bonn. 259, 282, 307, 337, 338) и особенно Дуки (ed. Bonn. 201 — 210, 218), у котораго встрѣчается и объясненіе его имени, какъ въ Русской повѣсти: οὗτω γὰρ ἐκαλεῖτο πανουῆρος τοῖς τρόποις ὄν· καὶ γὰρ τὸ Δρακούλιος ὄνομα πονηρὸς ἐρμηνεύεται—его звали *Дракулой*, такъ какъ онъ былъ коварнаго и злобнаго нрава, потому что имя Дракула значитъ злой. *Drakula Wajda* (т. е. *wajwoda*?) упоминается въ Нѣмецкой народной книгѣ о Фортунатѣ (Simrock 3, 118); Мутьянская земля означаетъ Молдавію, — *Мутьянами* собственно называютъ Молдаванъ Волохи, и это названіе было у насъ въ общемъ употребленіи: статейный списокъ 1578 г. говорить, что «Волоскою землею да Мутьянскою владѣть Турской царь» (Пам. Д. Снош. 1,761); въ Малорусскихъ лѣтописяхъ Молдавія называется Мутьянскою землей, даже до Конисскаго. Что касается до происхожденія по-

вѣсти, Востоковъ, основываясь на словахъ Румянц. текста, что писатель повѣсти, когда находился въ Будинѣ, въ Венгріи, видѣлъ тамъ Дракулиныхъ сыновей, привезенныхъ королемъ Матеемъ вмѣстѣ съ матерью ихъ, и приурочивая къ этому посольство дьяка Федора Курицына, который ѣздилъ въ 1482 г. къ королю Матеею для утвержденія мирнаго договора, — думаетъ, что повѣсть могла быть написана или Курицынымъ или кѣмъ нибудь изъ его свиты, слышавшимъ рассказы о Дракулѣ отъ очевидцевъ или современниковъ. Замѣтимъ впрочемъ, что эта прибавка находится не во всѣхъ спискахъ и можетъ принадлежать читателю, а не сочинителю повѣсти; притомъ нѣкоторыя особенности языка въ Румянц. списокѣ, древнѣйшемъ всѣхъ другихъ, скорѣе указываютъ не на Русское, а на южно-Славянское начало повѣсти. По всей вѣроятности, она явилась у насъ такимъ же литературнымъ преданьемъ, какихъ много мы видѣли прежде. Въ послѣдствіи она очень измѣнилась во вѣднѣмъ изложеніи, и если Румянц. текстъ сохраняетъ нѣкоторыя черты подлиннаго сочиненія относительно формъ языка, то позднѣйшіе списки XVII-го вѣка не отдаляются отъ обыкновенныхъ книжныхъ приемовъ своего времени. Сказаніе о Дракулѣ вставлялось иногда въ хронографы, но теперь болѣе извѣстно въ отдѣльныхъ спискахъ.

Рукопись: — древнѣйшій списокъ сказанія о Дракулѣ находится въ Румянц. сборникѣ XV—XVI в., № 358, об. л. 356—363 «въ мѣстьянско^м воеводѣ».

— Б-ки М. Общ. № 286 хроногр. конца XVII в. л. 645—654 «сказаніе о Дракулѣ, Мутьянскія земли воеводѣ, Греческія кѣры, — а Влажинскимъ языкомъ звался Дракула, а Русскимъ языкомъ именовася Діаволъ, — житіе его зломудрыхъ людей», здѣсь къ заглавію примѣшано и начало повѣсти.

— Ундольскаго, въ упомянутомъ сборн. XVII в. «слово о Дракулѣ, воеводѣ Мутьянскомъ», нач. «бысть въ Мутьянской землѣ».

— Толст. спискомъ, вѣроятно XVII в., пользовался Карамзинъ и приводитъ изъ него выписку (7, 230—231, пр. 411).

— Сахарова, спис. XVII в., «сказаніе о великомъ царѣ Дракулѣ Мутьянскія земли», см. Русск. Сказанія, стр. сxx; редакція позднѣйшая и чуть ли не сокращенная.

— Тихонова, въ сборникѣ XVII в., небольшого формата, повѣсть «о великомъ царѣ Дракулѣ Мытъянскіе земли на 12 листкахъ, нач. какъ въ предыдущемъ списокѣ: «былъ нѣкія (sic) царь, именовъ Дракулъ, и житіемъ злосердъ велии. Нѣкогда приндоша къ нему нѣкіи человекъ, посолъ иноземець, и послѣ приде къ нему, а з главы шапки не снявше, поклонишася ему. Онъ же его спросилъ: што ты такъ чинишь? къ великому государю пришелъ еси поклонитися, а з главы шапки не свемши? Онъ же рече: наши государи такъ любятъ. Дракула жъ рече ему: азъ не люблю того, а хощу обычая вашего подтвердить, и вы того твердѣ (sic?) будете, — велѣ Дракулъ къ главамъ прибавити шапки з гвоздемъ желѣзнымъ, и отпусти ихъ и рекъ: скажите государю своему, — онъ навикъ такую срамоту терпѣти отъ васъ, а мы не навикохомъ, — да не посылаетъ своего обычая ко инымъ государемъ, кои не хотятъ имѣти такового обычая» и т. д.

— Макаровъ, въ Пробныхъ Листкахъ (Телескопъ 1833. 24, 502—503), приводитъ отрывокъ сказки, выписанной имъ изъ старинной рукописи, если не просто выдуманной, по обстоятельствамъ содержанія она сходна съ исторіей Дракулы, во дѣйствіе происходитъ во Псковѣ и Дракулу представляетъ посадникъ.

Къ числу любимыхъ повѣстей принадлежало и «Слово о дѣвицѣ, Иверскаго царя дшери, *Динарь царица*», которое также включено иногда въ хронографы; списокъ его изданъ недавно ак. Броссе, съ историческими объясненіями. Имя царицы Динары только два раза и притомъ мимоходомъ упоминается въ Грузинскихъ лѣтописяхъ: около половины X-го вѣка, царица этого имени, съ помощью сына, обратила свою область къ православію т. е. къ исповѣданію Халкидонскаго собора; лѣтъ сто спустя Грузинскій царь Багратъ завоевалъ область ея и «овладѣлъ царицею Динарою». Русская повѣсть, по мнѣнію Броссе, не можетъ относиться къ этой, слишкомъ отдаленной и темной Динарѣ. По словамъ его, Динара нашего сказанія, дочь царя Александра Мелеха, одержавшая блистательную побѣду надъ Персами, завоевавшая Тавризь и Шамаху, есть Грузинская царица Тамара, дочь Гиоргія III, вступившая на пре-

столю въ 1184 году (вѣроятно до 1212 г.). Грузинская исторія съ большими подробностями говоритъ подъ 1203 г. о столь же славной битвѣ, какъ и описанная въ нашемъ сказаніи, о рѣчи царицы, ободрившей своихъ вельможъ, о слѣдствіяхъ побоища, и притомъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ (*Hist. de la Géorgie, trad. du géorg. par Brosset. St.-Pét. 1, 439—447*). По нашему сказанію Динара осталась пятнадцати лѣтъ наслѣдницей «Иверскаго властодержца» Александра Мелеха и мудро управляла народомъ; Перскій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери, но Динара, пославъ дары, не думала отказываться отъ своей власти. Раздраженный царь пошелъ на нее войною. Страхъ овладѣлъ всѣми вельможами юной царицы; «какъ можемъ стояти противъ многого воинства и таковаго Перскаго ополченія?» говорили они. Мужественная Динара возбудила ихъ храбрость: «ускоримъ противъ варваръ, говорила она, яко же и азъ иду дѣвица, и воспріиму мужскую храбрость, и отложю женскую немощь, и облечуся въ мужскую крѣпость и препояшу чресла своя оружіемъ, и возложу броня и шлемъ на женскую главу, и воспріиму копіе въ дѣвичи длани, и воступлю въ стремя воинскаго ополченія; но не хощу слышати враговъ своихъ плѣнующихъ жребій Богоматери и данныя намъ отъ нея державы, и та бо Царица подастъ намъ храбрость и помощь о своемъ достояніи». Принесши молитву Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда пришла «пѣша и необуvenными ногами, по острому каменю и жестокому пути», Динара выступила противъ враговъ, и взявши копье, устремилась на Перскіе полки и поразила одного Персина. Враги ужаснулись ея голоса и побѣжали. Динара «отняла» голову Перскаго царя и на копѣй принесла ее въ Тавризъ; города покорялись ей, и она съ богатыми сокровищами воротилась въ отечество. Добыча ея, «блюдо лалное, и каменіе драгое, и бисеръ, и золото, и вся царскіе потребности, еже взя отъ Персъ», все это роздано было въ дома Божіе. Потомъ, она правила народомъ 38 лѣтъ и оставила власть свою сродникамъ: «даже и до днесъ, заключаетъ повѣсть, нераздѣлно державство Иверское пребываетъ, а нарицается отъ рода Давыда, царя Еврейскаго, отъ царскаго колѣва». Таково содержаніе повѣсти. Какимъ же образомъ

Грузинское событіе XII — XIII-го вѣка могло быть предметомъ Русскаго сказанія, и откуда нашъ авторъ почерпалъ эти свѣдѣнія? Исторически извѣстно, что сношенія съ Грузіею существовали у насъ еще въ XII-мъ столѣтіи, когда сынъ Боголюбскаго, Юрій Андреевичъ, женатъ былъ на княжнѣ Грузинской Тамарѣ (Ист. *Соловьева* 2, пр. 344); въ послѣдствіи и Русскіе заходили иногда въ Грузію, и Грузинскія посольства не разъ прѣзжали въ Россію; наконецъ съ 1588 г. начинаются непрерывныя связи съ этой землей. По мнѣнію ак. Броссе свѣдѣнія о царѣцѣ Динарѣ принесены были къ намъ полуучеными Грузинами, прѣзжавшими въ Россію послѣ посольства къ Іоанну III, или даже Греческими монахами, которые долго служили посредниками между обоими народами (Уч. Зап. I и III Отд. Акад. 1, 489—490); любопытно, что въ рѣчи Іоанна Грознаго, сказанной къ войнамъ при осадѣ Казани въ 1552 г., и приведенной въ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» (стр. 221) пона Іоанна Глазатаго, царь упоминаетъ о «премудрой и мужеумной царицѣ Иверской» и затѣмъ пересказываетъ вкратцѣ повѣсть о Динарѣ. Г. Устряловъ думаетъ напротивъ, что сказаніе наше не отличается большою старинной и есть басня, которую рассказывали у насъ Грузины, при царѣ Михаилѣ Фелоровичѣ и его преемникѣ (Уч. Зап., стр. 481). Значительное распространеніе повѣсти въ рукописяхъ скорѣе говоритъ въ пользу ея давности. Текстъ ея изданъ ак. Броссе въ *Bulletin hist.-philologique* t. IX, № 19 по Воскресенской лѣтописи (л. 574—580), откуда напечатанъ былъ Сѣвѣйскій Временникъ; потомъ въ Ученыхъ Запискахъ 1, 483—487 по другой рукописи, внешне по хронографу XVI—XVII в., въ печатномъ каталогѣ Б-ки Акад. Наукъ № 4, гдѣ сказаніе называется «слово и дивна повѣсть, зѣло полезна, о дѣвицѣ Иверскаго царя дщери, Динары царицы» (нач. «умершу Иверьскому властодержцу Александру Мелену и не вмѣющу дѣтища мужеска полу» и пр.). Нѣкоторые списки повѣсти указаны были при этомъ Беренниковымъ; мы приводимъ и другіе, неупомянутые имъ.

— Толст. 2. 442 сборн. XVII в. л. 369 — 376 «повѣсть душеполезна зѣло» и пр.

— Публ. Б-ки XV. Q. 31 сборн. XVII в. изъ собранія Фролова, л. 192—199 «повѣсть дивна о дѣвицѣ и великого царя Александра дщери Динарии парицы».

— Погод. сборн. повѣстей и сказокъ, XVII в., № 1772, об. л. 96—100 «слово и дивная повѣсть о дѣвицы Сигирского (sic) и Иверскаго царя о дщери Динары парицы».

— Царск. № 396 сборн. 1642 г. л. 188—193 «слово и дивная повѣсть» и пр.; — № 408 сборн. XVII в. л. 107—113 тоже; — № 412 сборн. XVII в. л. 3—11 «мужество и храбрость Динары парицы, Иверскаго царя (Александра Мелека) дщери»; — № 650 хронографъ XVII в. л. 449—454 «повѣсть зѣло полезна о дѣвицѣ, дщери царя Иверскаго, нарицаемыя *Адинарь* парицы».

— Б-ки Моск. Общ. № 286 хроногр. XVII в. л. 638—641 «писаніе о Динарѣ паревнѣ, дщери царя Александра Мелека Иверскаго, како власть Иверскую правяше и како побѣди Перскаго царя и пріять власть его».

— Румянц. № 378 сборн. 1689 г. л. 249—257 «повѣсть Динары парицы» и пр.; — № 457 хроногр. XVII в. л. 712—715 «слово и дивна повѣсть Динары парицы Иверскаго властодержца Александра, како побѣди Перскаго царя Адрамелеха», — послѣднее неправильно понято и переписана изъ «Адра Мелеха».

— Въ сборн. XVII в. Дрезденской 6-ни л. 145—148. *С. Стровев*, Оп. Пам. стр. 67.

— Сахарова, спис. XVII в., «повѣсть парицы Динары, дщи царя Александра Иверскаго» и т. д., см. Русск. Ск. стр. *схviij* — *схviij*. Назвавши сказку Грузинскою, г. Сахаровъ замѣчаетъ: «есть очевидные признаки, что нѣкоторыя переводныя сказки перешли къ намъ отъ другихъ *Славянскихъ* племень, — таковы сказки: о царѣ Дракулѣ и о Динарѣ парицѣ». Само собою разумѣется, что въ послѣднемъ случаѣ этой очевидности вовсе нѣтъ; такъ же ошибочно г. Снегиревъ поставилъ повѣсть о Динарѣ въ число сказокъ, переведенныхъ съ Чешскаго или Сербскаго, Вах. Сборн. 213.

Мы выбрали эти повѣсти потому, что въ нихъ старинные читатели находили гораздо болѣе сказочнаго интереса, нежели историческаго, — особенно въ двухъ послѣднихъ, къ которымъ въ самомъ дѣлѣ можно было прилагать такія требованія. Уча-

стіе преданья устнаго, какъ мы видѣли, не одинаково въ каждой изъ нихъ, и всего менѣе въ повѣсти о взятіи Царяграда; происхожденіе другихъ сказаній не столько ясно и скорѣе допускаетъ возможность простаго пересказа. Старинная письменность представляетъ и другіе примѣры подобнаго происхожденія повѣстей: лѣтописъ наша не разъ приводитъ преданья, ходившія въ народныхъ разсказахъ, даже цѣлыя повѣсти, какова напр. повѣсть о «железномъ хромцѣ» Темиръ-Аксакъ и другія. Иные разсказы имѣли и западное происхожденіе; трудность путешествій за границу, положительно запрещенныхъ въ XVII-мъ столѣтіи и конечно раньше (Коших. стр. 41), была причиною, что проводниками чужихъ разсказовъ очень нерѣдко были именно официальные послы, записывавшіе слышанное ими во время пребыванія въ чужихъ земляхъ. Такъ произошла упомянутая замѣтка въ Румянц. списокѣ повѣсти о Мутьявскомъ воеводѣ; въ одномъ статейномъ списокѣ упомянуто преданье о трехъ царяхъ-волхвахъ, слышанное послами нашими въ Кельнѣ (Др. Р. Вивл., 2-е изд. 4, 319). Еще прежде посолъ Еремей Трусовъ, ѣздившій въ Римъ въ 1528 году, привезъ оттуда повѣсть о Лореттѣ, извѣстную теперь по рукописямъ (ср. *Толст.* сб. XVI в. 2. 68, л. 308; — *Царск. №* 397, л. 141; *№* 728, л. 604). Извѣстный Дмитрій Толмачъ, передававшій свѣдѣнія о Россіи Павлу Ювію, вывезъ изъ Рима апокрифическую исторію о бѣломъ клубкѣ, чрезвычайно извѣстную въ свое время; она распространилась во множествѣ списковъ, и была отвергнута, какъ ложная, дѣяніемъ Московскаго собора въ 1666 — 1667 г. (ср. *А. Ист.* 5, 470. 472. 1, *№* 173. Карамз. 8, пр. 94). Такова же «выписка изъ Кизылбашскихъ отписокъ» Василья Коробина и дьяка Остафья Кувшинова, и другія повѣсти, болѣе или менѣе старыя, которыя обращены всего чаще къ предметамъ религіозныхъ вѣрованій и своимъ происхожденіемъ опредѣляютъ устное преданье, какъ одинъ изъ источниковъ, приводившихъ въ напу письменность чужія сказанія.

Повѣсти о Дракулѣ и царицѣ Динарѣ занимали средину между историческими сказаніями хронографовъ и тѣми повѣстями, гдѣ дана была полная свобода вымыслу, хотя и развивавшемуся иногда на основѣ дѣйствительнаго факта. Западно-

Европейскіе рыцарскіе романы имѣли впрочемъ въ нашей письменности нѣкоторыхъ предшественниковъ между тѣми исторіями, въ которыхъ передавались героическіе подвиги и похождения. Не повторяя того, что можетъ относиться сюда изъ прежде названныхъ статей, отмѣтимъ нѣкоторыя произведенія Чешской и Польской литературы, представляющія сюжеты подобнаго рода. По свидѣтельству г. Снегирева, въ старыхъ сборникахъ находятся повѣсти 1) *о Василіи королевичѣ златовласомъ Чешскія земли* и 2) *объ Атылѣ королѣ Угорскомъ*; не зная ихъ по рукописямъ, не можемъ однако въ точности опредѣлить ни содержанія, ни происхожденія ихъ. Первая изъ нихъ безъ сомнѣнія пришла къ намъ изъ Польской или прямо изъ Чешской литературы, и по сюжету принадлежитъ къ тому же разряду повѣстей, какъ романъ о Чешскомъ героѣ Брунцвикѣ. Вторая представляетъ по видимому одно изъ тѣхъ сказочныхъ преданій объ Атылѣ, которыя такъ извѣстны были въ средне-вѣковой Европѣ, — и къ намъ дошла черезъ какую нибудь Польскую передѣлку исторіи этого завоевателя. На такое содержаніе повѣсти намекаетъ отчасти и названіе Атылы королемъ Угорскимъ: нашествіе Венгровъ напомнило о древнемъ нападеніи Атылы, такъ что и сами Венгры и другіе народы сочли Атылу царемъ этого племени; Венгры, какъ прежде Авары, стали называться Гуннами, и наоборотъ Гунны — gens Раппоніае. На этомъ основались отчасти и сказочныя исторіи объ ужасномъ завоевателѣ.

Третья повѣсть чрезвычайно напоминая рыцарскія и волшебныя исторіи среднихъ вѣковъ, гдѣ удивительные подвиги героевъ украшались множествомъ фантастическихъ подробностей, гдѣ герой на каждомъ шагѣ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, сражался съ чудовищами и волшебными силами, и все побѣждалъ силою своихъ доблестей. Такія похождения рассказываетъ *«повѣсть умиленная о Брунцвикѣ, королевичѣ Чешскія земли, и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходитъ въ поморскихъ отоцѣхъ, и какъ храбростію своею выслужилъ себѣ звѣря льва и примирилъ себя (въпротиву: себѣ), и како побѣдилъ страшнаго дракона, змія-василиска»* (Снегир., Вал. Сб. 213). Это произведеніе находится такъ же въ двухъ

сборникахъ Царскаго: № 46, конца XVII в., л. 184—222 «сказаніе о кралевичѣ Брунцвикѣ, Ческія земли, и о его великомъ разумѣ и о храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцѣхъ», гдѣ исторія однако не кончена, — и въ № 451, начала прошлаго столѣтія, л. 384 «сказаніе о кралевичѣ Брунцвикѣ, Ческія земли» и пр. Мы читали повѣсть въ Погодинскомъ сборникѣ XVIII в. № 1774, гдѣ повѣсть носить то же заглавіе, л. 20—54 «сказаніе о королевичѣ Брунцвикѣ и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходилъ въ морскихъ отоцехъ съ великимъ звѣремъ львомъ» (нач. «бысть въ Чешской земли кралевичъ именемъ Брунцвикъ, Штырларфа короля» и пр.). Оставшись по смерти отца королемъ Чешскимъ, Брунцвикъ жаждаль прославиться рыцарскими дѣяніями, бросилъ свою молодую жену и пустился въ море съ избранными спутниками. Долго они плавали безъ всякихъ приключеній, наконецъ жестокая буря настигла ихъ, и корабль увлеченъ былъ теченіемъ къ магнитной горѣ, притягивавшей къ себѣ всѣ корабли, которые приближались къ ней на пятнадцать миль. Путники успѣли спастись на берегъ, но запасы ихъ истощились, кругомъ были видны остатки разрушенныхъ кораблей и человѣческія кости; внутрь горы трудно было проникнуть, потому что островъ обитаемъ былъ чудными и страшными существами. Странники пробыли тамъ три года; наконецъ ихъ осталось только двое — Брунцвикъ и старый рыцарь, его дядька. Но спасся одинъ королевичъ: мудрый дядька зашилъ его въ конскую кожу, обмазалъ ее кровью и положилъ на горѣ; черезъ десять дней прилетѣла птица *ногъ*, которая въ извѣстное время появлялась на этомъ островѣ; она схватила за шитаго въ кожу Брунцвика и унесла его въ далекія страны, куда человѣкъ можетъ дойти только въ три года. Королевичъ убилъ птенцовъ нога, которымъ отдала его чудовищная птица, и отправился на новыя приключенія; ходя по горамъ и отыскивая какихъ нибудь признаковъ человѣческаго жилья, онъ услышалъ страшный «зукъ» — это левъ боролся съ дракономъ-василискомъ. Брунцвикъ помогъ льву убить девятиглаваго василиска, и съ тѣхъ поръ благодарный левъ не оставлялъ королевича ни на минуту. вмѣстѣ они отправились черезъ море къ городу, который увидѣлъ Брунцвикъ

съ высокаго дерева; на дорогѣ попалась имъ карбункуловая гора и королевичъ откололъ себѣ большой самоцвѣтный камень. Но прибывши въ завидѣнный городъ, Брунцвикъ ужаснулся, когда увидѣлъ царя Алимбруса, имѣвшаго глаза впереди и назади, окруженнаго чудовищными людьми. Алимбрусъ спросилъ его, своею ли волею пришелъ онъ или нуждою, и обѣщаль пропустить Брунцвика черезъ желѣзныя врата въ царство его, если только онъ освободитъ дочь Алимбруса отъ ужаснаго василиска. Королевичъ сѣлъ въ корабль и отправился во вражье царство: у городскихъ воротъ встрѣтилъ онъ морскія «потворы» т. е. чудовища, и съ помощью льва убилъ ихъ; такимъ же образомъ прошелъ онъ вторыя и третья врата, наконецъ проникъ въ городъ, гдѣ увидѣлъ богатства изумительныя. Во дворцѣ встрѣтила его красавица Африка, находившаяся въ неволѣ у жестокаго василиска; вскорѣ явился и владыка этой страны, окруженный цѣлою тучею гадовъ, чудовищъ и «привидѣній» морскихъ. Долго длилась битва, наконецъ Брунцвикъ побѣдилъ, и излечивши раны кореньями, принесенными львомъ, отвезъ Африку къ отцу. Въ награду за ея освобожденіе, Брунцвикъ долженъ былъ жениться на ней и получилъ огромныя богатства, но ничто не могло замѣнить ему отечества и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ случая вырваться изъ неволи. Счастье и здѣсь служило ему: королевичъ успѣлъ достать «мечъ-кладенецъ», который тому служить, кого любить, и убиваетъ въ одинъ разъ столько, сколько его владѣтель захочетъ. Испытавъ его свойства надъ сильными звѣрями, Брунцвикъ истребилъ все царство Алимбруса и поплылъ вмѣстѣ со львомъ на родину. На дорогѣ ему представлялись новыя приключенія и опасности, но мечъ-кладенецъ всегда спасалъ его. Наконецъ Брунцвикъ прибылъ къ стольному городу Прагѣ въ то самое время, когда молодая жена его, по истеченіи урочнаго времени, снова выходила замужъ, принуждаемая отцомъ своимъ. Она узнала однако въ прїѣзжемъ рыцарѣ Брунцвика, и онъ вошелъ въ права свои, — задалъ великій пиръ на вельможъ и бояръ и на рыцарей, и всѣхъ дарилъ своими богатствами. Повѣсть оканчивается такимъ образомъ: «Брунцвикъ же повелѣ во всѣхъ странахъ проповѣдать побѣды своя, — о всякихъ вѣщахъ королевскихъ лва

писать со единыя страны, а съ другія страны писать орла, на красной земли (т. е. дѣло идетъ о гербѣ). И тако Брунsvикъ поживе во своемъ королевскомъ величествѣ тридцать пять лѣтъ, и приживъ съ Неоменією единого сына и нарече имя ему Владиславъ, и въ доброй старости скончася и погребенъ бысть честно. Мечъ же тотъ по смерти Брунsvиковъ не имѣя силы и бысть яко протчій; левъ же по смерти Брунsvиковъ велми нача тужити и тосковати по Брунsvикѣ, и съ тоя . . . великія тоски и жалости нача рыти землю, надъ очію его яко струи слезы текуще, и приде левъ на гробъ Брунsvику и въ жалости велми воскричалъ, и паде на землю мертвъ, и тако скончася Брунsvикъ и левъ» . . .

Въ Чешской литературѣ романъ, передававшій исторію Брунsvика, *Kronika o Brunswikowí*, извѣстенъ былъ очень давно и напечатанъ уже въ 1565 г. вмѣстѣ съ исторіей отца его Штильфрида и извѣстной амазонки Власты. Онъ напечатанъ былъ нѣсколько разъ и послѣ, наконецъ изданъ Ганкой по рукописи въ книжкѣ: *Stará powěst o Stojmírowi a Brunswikowí knížatech českých, w Praze 1827 (Jungmann, Hist. 66)*. Романъ этотъ не былъ самобытнымъ и національнымъ произведеніемъ Чешской литературы и относится уже къ тому времени, когда чисто-національный эпосъ уступилъ первенство романтическому вліянію западныхъ литературъ, особливо Нѣмецкой. Цѣлая постройка романа отзывается этимъ чуждымъ началомъ, которое впрочемъ сильно привилось въ литературѣ Чешской отъ обширнаго знакомства съ Германскими и Романскими поэмами и рыцарскими исторіями; повѣсть о Брунsvикѣ по характеру сюжета совершенно примыкаетъ къ этимъ послѣднимъ. Въ ней повторяются даже многія подробности, наиболѣе извѣстныя въ романтическомъ эпосѣ: таковъ эпизодъ о магнитной горѣ, притянувшей корабль Чешскаго авантюриста; повѣрье о магнитной горѣ среди моря вставлено во многихъ произведеніяхъ и восточныхъ, какъ въ Тысячѣ и Одной ночи, и въ западныхъ. Многіе герои испытывали то же приключеніе, какое случилось съ Брунsvикомъ, когда онъ очутился на волшебномъ островѣ; и самое освобожденіе его посредствомъ испанской птицы нога есть буквальное повтореніе того, что рассказывается о героѣ

Французскаго романа *Huon de Bourdeaux*, который точно такъ же занесенъ былъ къ магнитному острову и потомъ изъбавленъ былъ грифомъ. Славянское имя птицы, уже извѣстное намъ изъ сказки о Синагрипѣ, равнозначительно съ грифомъ. Другія обстоятельства въ приключеніяхъ Брунцвика, напримѣръ встрѣча съ вертящимися людьми, принадлежать той же Французской исторіи, считающейся однимъ изъ лучшихъ и любопытнѣйшихъ романовъ рыцарскихъ. Чешскій сочинитель безъ сомнѣнія зналъ и передѣлывалъ или самый этотъ романъ, или какую нибудь изъ Нѣмецкихъ поэмъ, стоящихъ въ связи съ Гюономъ Бурдосскимъ. Наша повѣсть переведена вѣроятно прямо съ Чешскаго подлинника, едва замѣтные слѣды котораго можно еще видѣть въ читанномъ нами текстѣ; притомъ, сколько намъ извѣстно, Польскій переводъ хроники о Брунцвикѣ и не упоминается. Повѣсть нравилась конечно Русскимъ читателямъ, потому что въ фантастическихъ похожденияхъ героя были общія черты съ вымыслами народныхъ нашихъ сказокъ и преданій. Любопытно въ отношеніи къ послѣднимъ, что въ повѣсти о Брунцвикѣ является на сцену мечь-кладенецъ, необходимая принадлежность сказочныхъ богатырей. Едва ли эта подробность вставлена была Русскимъ переводчикомъ; мы думаемъ скорѣе, что она перешла въ народные рассказы изъ рукописной повѣсти, тѣмъ болѣе, что богатыри былииъ, болѣе независимые отъ произвола рассказчика, почти никогда не фигурируютъ съ мечомъ-кладенцомъ, который предоставленъ сказкѣ. Замѣтимъ также, что въ нашихъ сказкахъ упоминается и *навай-птица* (т. е. ногъ), выносящая сказочнаго царевича изъ подземнаго царства на святую Русь, и едва ли не заимствовавшая въ некоторыхъ особенностяхъ своихъ изъ старинной рукописной повѣсти, гдѣ, какъ мы видѣли, она упоминается нерѣдко и притомъ съ одинаковыми свойствами. Сравни народную сказку объ Игнатѣ царевичѣ и о Суворѣ невидимкѣ-мужикѣ въ «Лѣкарствѣ отъ задумчивости и безсонницы», Спб. 1815, 34 стр.).

Сказаніе о Брунцвикѣ и повѣсть о Василѣ королевичѣ златовласомъ Чешскія земли въ литературно-историческомъ отношеніи интересны особенно по своему Чешскому происхожде-

нію (несомнительному, по крайней мѣрѣ, въ первомъ случаѣ), потому что предполагають существованіе нѣкоторыхъ литературныхъ связей, и слѣдовательно расширяють горизонтъ старой нашей письменности. Въ сказаніи о Брунцвикѣ западный романъ перешелъ къ намъ въ Славянской передѣлкѣ; обращаемся теперь къ другимъ произведеніямъ этого рода, явившимся у насъ болѣе непосредственно, и отъ того, быть можетъ, принятымъ не съ такою охотой.

— Распространеніе повѣрья о магнитной горѣ, въ средне-вѣковыхъ памятникахъ, указано у *Grässe, Sagenkreise* 339, — *Liebrecht's Dunlop* 128—129, 477.

VIII.

Переводные рыцарскіе романы. — Книга о Мелюзинѣ. — Исторія Петра Златыя-Ключи. — Цезарь Октавіанъ. — Повѣсть «изъ древнихъ лѣтописцевъ». — Повѣсть о княгинѣ Алдореской. — Аполлонъ, король Тирскій. — Исторія о Бовѣ королевичѣ или *Buovo d'Antona*.

Потребность въ такомъ чтеніи, каковы были рыцарскіе романы, еще смутно проявлялась въ это время, но уже зарони-лась въ Русской письменности. Различныя сказанія, которыми наполнялись до того переводныя книги, имѣли съ ними общее, какъ произведенія фантазіи, удовлетворявшія любви къ чудесному, всегда сильной при невысокомъ развитіи литературныхъ понятій; эти повѣсти сохраняли свой авторитетъ до конца стараго періода, съ большимъ прилежаніемъ переписывались въ сборники, но уже даютъ мѣсто новымъ произведеніямъ, отличнымъ отъ нихъ по основному характеру. Рыцарскіе романы появились у насъ большею частію во второй половинѣ XVII столѣтія, и если судить по количеству списковъ, нашли сочувствіе въ тогдашней публикѣ. Въ западно-Европейскихъ литературахъ въ то время уже проходила для нихъ прежняя блестящая пора; семнадцатое столѣтіе было временемъ упадка рыцарскихъ романовъ и перехода ихъ въ составъ популярной литературы, которой они принадлежатъ теперь. Они были сначала общимъ достояніемъ всѣхъ читателей, но въ послѣдствіи, съ развитіемъ образованности, рѣзче опредѣлилась и разница между отдѣль-

ными классами общества: образованная половина его имѣла уже новую литературу, а старинныя произведенія среднихъ вѣковъ, потерявшія для нея большую часть своей занимательности, эти рыцарскіе романы и волшебныя исторіи сдѣлались чтеніемъ простаго народа. Подобная роль суждена была имъ и у насъ: тѣ изъ старинныхъ переводовъ нашихъ, которые не совсѣмъ еще забыты, сохраняются только въ лубочныхъ изданіяхъ.

Лучшимъ временемъ рыцарскаго романа былъ конецъ среднихъ вѣковъ. Основаніе ему положили поэмы и пѣсни о рыцарскихъ походахъ, явившіяся въ эпоху сильнѣйшаго развитія феодализма; нѣсколько позднѣе, онъ принялъ свою окончательную форму, и вмѣстѣ съ другими преданьями и сагами среднихъ вѣковъ, получилъ обширное распространеніе: каждая замѣчательная исторія имѣла множество переводовъ и была знакома пѣлой массѣ читателей вдалекѣ отъ первоначальной родины. Одинъ герой, особенно знаменитый своими доблестями и подвигами, становился даже предметомъ цѣлаго романическаго цикла. Иные изъ романовъ переводимы были почти на всѣ Европейскіе языки, первопечатныя изданія ихъ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ и рѣдчайшихъ инкунабуловъ. Въ заключеніе своихъ странствованій рыцарскіе романы, путемъ Польскихъ переводовъ, заходили и въ нашу старинную письменность. Если къ понятіямъ нашихъ читателей не подходили картины любви, нѣжной и самоотверженной, то нравились богатырскія походы, описанныя въ этихъ исторіяхъ: физическая сила и храбрость рыцарей, непреодолимая охота совершать трудные подвиги, любовь къ странствіямъ, соединеннымъ съ чудесами и опасностями, сближали чужихъ паладиновъ съ богатырями нашего сказочнаго эпоса, такъ что иные переводные романы въ самомъ дѣлѣ стали рядомъ съ чисто-народными произведеніями. Такимъ героемъ былъ, на примѣръ, Бова-королевичъ, теперь личность нѣсколько тривіальная, но въ свое время привлекавшая къ себѣ большое сочувствіе. Въ одномъ спискѣ его исторіи, принадлежащемъ XVII вѣку, читатель или переписчикъ выразилъ свое мнѣніе объ этомъ героѣ такимъ образомъ, заканчивая повѣсть: «и почелъ Бова жить на ста-

ринѣ... лиха избывать, а добра наживать, а *Богъ слава не мнѣтца*, отныне и до вѣка» (Толст. 2. 215, л. 404). Мы увидимъ, какъ подобныя взгляды оставили слѣды и на самой внѣшности романа. Быть можетъ, фантастическое въ описаніяхъ геройскихъ подвиговъ со временемъ перестало быть единственнымъ интересомъ, какой находили читатели въ рыцарскихъ исторіяхъ; могли выдвинуться и другія стороны произведеній, пришедшихъ къ намъ изъ литературъ западно-Европейскихъ, именно тѣ стороны, гдѣ событія прямо основываются на нравственномъ понятіи. Конечно и здѣсь наша точка зрѣнія имѣла нѣчто особенное....

Главное, чѣмъ рыцарскіе романы и другія переводныя исторіи приобрѣли значеніе въ то время, было то, что они возбуждали и поддерживали охоту къ легкому и пріятному чтенію; отсюда названіе ихъ «потѣшныя книги», оттого они нерѣдко представлялись въ «лицахъ» или въ «личныхъ фигурахъ», съ которыми уцѣлѣли до сихъ поръ въ лубочныхъ изданіяхъ. Г. Забѣлинъ упоминаетъ о потѣшныхъ книгахъ, служившихъ забавой царевичамъ (Отеч. Зап. 1854. 12, 117): книги эти богато переплетались, картинки разрисовывались яркими красками съ золотомъ и серебромъ. Нѣкоторые сохранившіеся списки подобныхъ книгъ, какъ одна изъ Толстовскихъ рукописей Александрии, даютъ понятіе о роскошныхъ изданіяхъ того времени. Распространеніе переводныхъ романовъ опредѣляется между прочимъ разнообразіемъ списковъ ихъ, которое иногда должно объяснять не вариантами одного текста, а существованіемъ разныхъ переводовъ.

Обращаясь къ перечисленію извѣстныхъ у насъ въ старину рыцарскихъ романовъ, замѣтимъ прежде всего исторію Мелюзины или *книгу о Мелюзинѣ*, какъ называется она въ первыхъ двухъ изданіяхъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ. Въ нашихъ рукописяхъ она встрѣчается гораздо рѣже другихъ романовъ, и до сихъ поръ попала къ намъ только въ одномъ экземплярѣ. По содержанію относить ее къ циклу сказавій о Карлѣ Великомъ, или къ числу сказокъ о феяхъ, потому что одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ исторіи, Мелюзина, была дочь волшебницы Персины, сама обладавшая сверхъестественными знаніями

и могуществомъ. За непочтеніе къ отцу Мелюзина была наказана тѣмъ, что каждую субботу должна была обращаться въ змѣю, или въ полу-человѣка, полу-змѣю; только нашедши себѣ супруга, который бы согласился знать за ней этотъ недостатокъ, Мелюзина могла избавиться отъ непріятныхъ превращеній. Въ Пуату она увидѣла графа Раймунда, который соотвѣтствовалъ ея исканіямъ; Раймундъ согласился на условіе не видѣть Мелюзины каждую субботу, когда она должна была совершать волшебныя омовенія, — и бракъ былъ заключенъ. Они жили счастливо; у Раймунда было уже нѣсколько сыновей, счастливо начинавшихъ рыцарскую карьеру; при помощи волшебства Мелюзины явились у него крѣпкіе, неприступные замки — Лузиньянь, Ла-Рошель и другіе; онъ приобрѣлъ большія богатства. Но потомъ братъ Раймунда поселилъ въ немъ разныя подозрѣнія; возбуждаемый ими, онъ нарушилъ обѣщаніе, — и какъ только Мелюзина замѣтила однажды присутствіе посторонняго лица, она исчезла съ громкимъ крикомъ печали и унесла съ собою спокойствіе и удачу Раймунда. Историки прибавляютъ, что въ послѣдствіи, когда графамъ Лузиньянь, потомкамъ Раймунда, грозило какое нибудь бѣдствіе, Мелюзина каждый разъ являлась, за три дни, на башнѣ замка въ Пуату, построеннаго ея супругомъ; послѣднее появленіе ея относятъ къ тому времени, когда въ эпоху междоусобныхъ войнъ во Франціи, замокъ послѣ храброй обороны взятъ былъ герцогомъ Монпансье, 1574 г.

Первоначальная основа романа лежитъ конечно въ мѣстномъ народномъ преданіи и связана съ повѣрьями о феяхъ. Превращеніе женщины въ змѣю есть довольно обыкновенный мотивъ романтическаго эпоса; онъ варьируется и въ нашей сказкѣ о богатырѣ, который женится на отвратительной лягушкѣ, но потомъ эта лягушка оказывается прекрасной женщиной и сильной волшебницей. Въ исторіи Мелюзины замѣчательнъ между прочимъ эпизодъ о томъ, какъ Раймундъ получилъ столько земли, сколько можетъ занять кожа оленя (или быка): въ Нѣмецкихъ сагахъ этотъ рассказъ относится къ родоначальнику графовъ Мансфельдъ (1113), у Англичанъ онъ привязанъ къ преданію о прибытіи въ Британію Генгиста и Горза (*Dunlop* 514), и имъ же объясняется происхожденіе имени

Гайдъ-парка; у древнихъ тоже рассказывалось объ основательницѣ Кареагена, которая купивши у туземцевъ столько земли, сколько покроетъ кожа быка, разрѣзала кожу на тончайшія полоски и заняла такимъ образомъ гораздо больше земли, чѣмъ тѣ думали, — оттого самое мѣсто называлось въ послѣдствіи *Bursa* (Justin. Hist. XVIII. 5) Первая редакція романа появилась въ 1389 г., когда нѣкто Жанъ-д'Арра (Jean-d'Arras) по повелѣнію герцога Берри и короля Карла V собралъ преданія, касавшіяся феи Мелюзины. Эта исторія прошла черезъ руки другаго передѣльвателя, который придалъ героинѣ такой блескъ, что знаменитыя Французскія фамиліи Люксембургъ, Роганъ и другія дозволили поддѣлать немного свои родословныя деревья, чтобы происходить отъ славной феи. Отсюда ведетъ начало, вѣроятно переведенный съ Латинскаго, Французскій романъ въ прозѣ, напечатанный въ Женевѣ 1478 г.: *Cy finist le liure de Melusine en frācoys imprime par maistre Adam Steinschaber natif de Suinfurt en la noble cite de Geneve, lan de grace mil cccc lxxviiij ou mois doust. (1° goth.)*, — за которымъ въ 1489 г. появилась редакція Испанская, въ 1500 г. Нидерландская. Въ Нѣмецкой литературѣ изданіе «книги о Мелюзинѣ» вышло въ 1474 г., слѣдовательно даже раньше Французскаго; у Нѣмцевъ эта исторія печаталась очень часто и до сихъ поръ удержалась въ числѣ народныхъ книгъ (*Marbach's Volksb. Leipz. 1838 № 3*). Отъ Нѣмцевъ она перешла въ литературу Датскую и потомъ Шведскую; въ половинѣ XVI столѣтія, изъ Нѣмецкаго перевода явилась Чешская редакція: *Kronika kratochwilná o ctné a šlechtné ranně Meluzine, w Prostějowě 1555*, печатавшаяся и послѣ, и потомъ изъ того же источника немного позднѣе произошелъ Польскій переводъ (*Maciejowski, Piśm. 2, 898*), посредствомъ котораго исторія о Мелюзинѣ достигла наконецъ Русской старинной письменности.

Нашъ переводъ находится въ Толст. рукописи 2. 218 Публ. Б-ки XVII. Q. 8, скороп. XVII-го вѣка. Рукопись, написанная чрезвычайно старательно, заключаетъ только двѣ статьи: описаніе Царяграда и султанскаго двора, переведенное кажется изъ Старовольскаго и извѣстное также по другимъ спискамъ, и затѣмъ л. 83 — 185 романъ о Мелюзинѣ, неимѣющій заглавія,

какъ и первая статья, и потому отмѣченный въ печатномъ каталогѣ весьма неясно. Нѣсколько страницъ въ началѣ занято оглавленіемъ романа т. е. перечетомъ главъ его: «о произведеніи и началѣ Лозаны града, и како народъ тѣхъ господъ во Францыи начася», «како грабъ Емерикъ Потирскаго граба на угощеніе звалъ, и двоихъ дѣтей от него желаше, что онъ ему зѣло радъ поволилъ», . . . «како Раимунду мѣсто вымѣрено, елико кожа еленя обѣяти можаше, и како ему правомъ подтверди» и т. п. Въ послѣдней главѣ романа изчислены переводы исторіи, «которая съ Французскаго языка на Латинскіи переведена бысть лѣта отъ Рожества Христова 1400, съ Нѣмецкаго же на Полскіи преведена лѣта Господня 1569, — нынѣже съ Полскаго на Словено-Россискій языкъ преведена лѣта 7185 (= 1677) Января въ 12 день». Русскому переводчику принадлежитъ здѣсь конечно только послѣднее извѣстіе, а первыя находятся уже въ Польскомъ изданіи. Переводъ нашъ страдаетъ немного полонизмами; иногда приняты Польскія слова, иногда поставлены Русскія въ неправильной формѣ или значеніи, напр, «лозанчикъ» (житель Лозаны), «опаство», «поволилъ» и др.

Свѣдѣнія объ этомъ романѣ у *Grässe*, Sagenkr. 382 ff.; — *Dunlop* 405—406, 481; — *Brunet*, Manuel du libraire et de l'amateur de livres, Brux. 1838. 2, 532; — *Jungmann*, Hist. 67; — *Grimm*, D. Sagen 1, № 13. Изъ новыхъ изданій замѣтимъ: *Fr. Michel*, Mellusine, poëme relatif à cette fée poitevine, composée dans le XIV siècle, par Couldrette. Niort, Robin et Favre 1854.

Гораздо болѣе обратилъ у насъ вниманіе другой романъ, который въ позднѣйшей передѣлкѣ до сихъ поръ занимаетъ досуги читателей изъ простаго народа. Это — исторія о храбромъ князѣ *Петрѣ Златыхъ-Ключахъ* и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ Неаполитанской. Французскій романъ, бывшій первообразомъ нашей исторіи, также относятся къ числу сказаній объ эпохѣ Карла Великаго; древнѣйшую редакцію его находятъ уже въ XII столѣтіи. Въ немъ разсказывается судьба двухъ вѣжныхъ любовниковъ, Петра, графа Прованскаго, и Магелоны, у насъ называемой обыкновенно Магиленою, дочери

короля Неаполитанскаго: разлученные несчастными обстоятельствами, они долго страдали, не имѣя другъ о другѣ никакой вѣсти, наконецъ послѣ длинныхъ приключеній снова увидѣлись. Несмотря на разлуку, на бѣдствія, они не забывали другъ друга; наконецъ вѣрная любовь и благочестіе ихъ были награждены, и послѣ того Петръ Золотые-Ключи и прекрасная Магелона жило долго и счастливо. Сюжетъ романа — слишкомъ общій и развивается во множествѣ другихъ произведеній; можно впрочемъ замѣтить нѣсколько повѣстей, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ исторіи Петра и Магелоны. Такова въ Тысячѣ и Одной ночи повѣсть о любви Камаральзамава, принца острова Халедана и Бадурь, принцессы Китайской (*Habicht 2-te Ausg. 5, 1 — 125*), сходство которой могло быть и неслучайно, потому что Арабскій сборникъ имѣлъ несомнѣнную связь съ повѣстью и романомъ литературъ западно-Европейскихъ; таковы и Турецкія «приключенія Абдуль-Селяма и принцессы Шельниссы». Другой Французскій романъ, основанный на томъ же сюжетѣ, roman de Paris et de Vienne, имѣетъ большое сходство съ Петромъ Прованскимъ, но этотъ послѣдній, кромѣ общаго направленія рыцарскаго романа, отличается особенною чертою, именно отбѣнкомъ тихой набожности, который отразился и на имени героя, избравшаго своимъ девизомъ золотые ключи св. Петра. Исторія Петра и Магелоны въ свое время находила себѣ множество читателей, даже у Нѣмцевъ, несмотря на нѣкоторое противорѣчіе ея католически-благочестиваго характера съ реформаторскимъ движеніемъ тогдашней Германіи; средне-Нѣмецкая литература имѣла даже самостоятельную обработку этого содержанія въ поэмѣ: *Das ist der byzant* (*Gesamtabent. 1, 331 — 366*).

Первая извѣстная редакція романа относится уже ко второй половинѣ XV вѣка; до сихъ поръ остается однако не отыскана романская редакція въ стихахъ, и вообще южно-Французская, на которую указываетъ самая родина героя. Изъ провансальской поэмы, приписываемой Бернару де-Триви (*Bernard de Trivies*), въ 1457 г. сдѣлано было сѣверно-Французское передоженіе въ прозѣ, напечатанное въ концѣ XV столѣтія. Однимъ изъ древнѣйшихъ изданій, по Брюне, было: *La belle Maguelonne. Cy*

commence listoyre du vaillant cheualier pierre filz du conte de pro-
 ceuce et de la belle Maguelonne fille du roy de narles (imprjme a
 lyon par maistre Guillaume le roy), безъ означенія времени; пер-
 вое изданіе съ годомъ появилось въ 1490 г. Въроятно съ
 Французскаго исторія переведена была въ 1526 г. на Испан-
 скій, а отсюда въ 1650 г. переложена была на Каталонское нар-
 рѣчіе; впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ упоминаній въ Донъ-Кихотъ
 заключаютъ, что еще прежде существовала Испанская поэма
 того же содержанія, болѣе самобытно составленная. По Фран-
 цузскому подлиннику въ 1521 г. сдѣланъ былъ и Нидерланд-
 скій переводъ, въ которомъ проза перемѣшана со стихами; и
 только въ 1535 г. является Нѣмецкій переводъ Петра и Маге-
 лоны, магистра Витева Варбека. Изъ литературы Нѣмецкой
 романъ перешелъ въ 1662 г. въ Шведскую, но гораздо ранѣе
 въ Чешскую, гдѣ Historie o krásné kněžně Mageloně a udatném
 rytíři Petrowi вышла еще въ 1565 г. Въ новѣйшее время исторія
 Петра и Магелоны явилась на ново-Греческомъ и Исландскомъ
 языкѣ; въ народной литературѣ Французской и Нѣмецкой она
 до сихъ поръ печаталась множество разъ съ грубо гравирован-
 ными картинками. Большое число Французскихъ изданій ведетъ
 начало съ XV столѣтія; исторія вносилась и въ разные сборники
 рыцарскихъ и другихъ романовъ, напр. Bibliothèque des romans
 1779, Bibliothèque bleue 1769 и др., гдѣ исторія передана впро-
 чемъ въ подновленномъ видѣ, какъ и въ изданіи графа де-Трес-
 сана Corps d'extraits de romans de chevalerie, Paris 1782, 1.
 382 — 442. Одна изъ подобныхъ редакцій переведена была
 въ прошломъ столѣтіи на Русскій языкъ, подъ заглавіемъ
 «Исторія о славномъ рыцарѣ Златыхъ Ключей Петрѣ Прован-
 скомъ и о прекрасной Магелонѣ». М. 1780. Смол. 1796.

Потѣшная книга въ лицахъ «Петръ Золотые-Ключи», писан-
 ная уставомъ, добрымъ мастерствомъ, упоминается въ 1693 г.
 въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича (*Забѣлникъ*, въ От.
 Зап. 1854. 12, 117), но переводъ нашъ сдѣланъ былъ конечно
 еще раньше. Подлинникомъ его была Польская historia o Ma-
 gielonie królownie Neapolitańskiey, позднѣйшее изданіе которой,
 1701 г., упомянуто въ библиографическомъ словарѣ Эберта
 (Allg. Bibl. Lexicon, Leipz. 1821 — 30, № 12801; ср. *Maciejowski*,

Рісм. 3, 170). Г. Строевъ предполагалъ, что исторія Петра Золотыхъ-Ключей переведена съ Латинскаго; но во первыхъ Латинская редакція этой книги совершенно неизвѣстна, во вторыхъ многія слова Русскаго текста, какъ «шурмованье», «кроль», «шляхтичь» и т. п., не оставляютъ никакого сомнѣнія въ подлинникѣ. Впрочемъ языкъ перевода много лучше, чѣмъ въ книгѣ о Мелюзинѣ, и полонизмы не составляютъ замѣтнаго недостатка въ изложеніи, доходящемъ нерѣдко до чисто-народнаго склада. По нашему переводу XVII-го столѣтія составилось и лубочное изданіе, сохраняющее до сихъ поръ нѣкоторые слѣды стараго текста. Романъ передается здѣсь очень коротко, весь онъ помѣщается на восьми листахъ небольшого формата, украшенныхъ по обыкновенію приличными картинками. Лубочныя изданія, подъ заглавіемъ «повѣсть о благородномъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о благородной королевнѣ Магиленѣ» или «исторія о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной супругѣ его княгинѣ Магиленѣ», довольно извѣстны въ народномъ чтеніи и до нашего времени. Указываемъ далѣе и рукописи романа изъ XVII-го и XVIII-го столѣтія.

Вообще объ этомъ произведеніи см. *Grässe*, Sagenkr. 386 ff.; — *V. d. Hagen*, Gesamttabenteuer, Stuttg. u. Tüb. 1850. 1. cxxxiv ff.; — *Brunel*, Manuel 3, 508—509; — *Jungmann*, Hist. 67; — *Nizard*, Hist. des livres popul. 2, 455—459; — *Marbach's Volksb.* № 5; — *Simrock's Volksb.* 1, 41—125 die schöne Magelone.

Списки: — Забѣлина, въ скороп. сборн. XVII в., № 68, романъ занимаетъ л. 243—338, безъ заглавія и начальныхъ листовъ, нач. «что я тебѣ во всемъ вѣрна была» — разговоръ героини съ ея мамкой; — № 82, сборн. XVIII в., въ которомъ находится «исторія или повѣсть о славномъ и храбромъ рыцарѣ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ Неополитанской».

— Царскаго, № 438 сборн. XVII в., л. 177—249 исторія Петра, безъ начала и заглавія.

— Погодина, № 1774 сборн. XVIII в., л. 55—126 «исторія о славномъ рыцарѣ Неополитанскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ-Ключей и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ дѣвицѣ, о житіи и о походе ихъ», въ 48 статьяхъ или главахъ.

— Демидова, № 541 «исторія о храбромъ витезѣ Петрѣ Златыхъ-Ключей и о королевѣ Магиленѣ Неопалитавской».

Дубочная наша сказка переведена на Нѣмецкій въ *Russische Volksmärchen*, v. A. *Dietrich*, Leipzig 1831, 192—199.

Третій переводный романъ старинной нашей литературы, *повѣсть о преславномъ Римскомъ кесарѣ Оттонѣ*, представляетъ новый оттънокъ въ сравненіи съ двумя первыми и имѣетъ длинную литературную исторію, въ которой мѣняется и названіе и дѣйствующія лица, сохраняя главные обстоятельства содержания. Кесарь Оттонъ, или по другимъ западнымъ редакціямъ Октавіанъ, удалилъ отъ себя и оставилъ на произволъ судьбы супругу свою, которую клевета обвиняла въ невѣрности. Несчастливая мать, съ двумя маленькими дѣтьми близнецами, должна была идти, куда глаза глядятъ, и заснувши въ лѣсу отъ усталости, потеряла сперва одного сына, похищенного обезьяной, а потомъ и другаго, унесеннаго львицей. Впрочемъ ни тотъ, ни другой не погибъ: первый, Флоренсъ, былъ спасенъ однимъ воиномъ, воспитанъ имъ, и въ послѣдствіи, отличившись подвигами при нападеніи Египетскаго султана на Францію, былъ торжественно посвященъ въ рыцари. Судьба втораго сына была оригинальнѣе: когда львица унесла его, огромный грифъ схватилъ ее вмѣстѣ съ младенцемъ и опустилъ на далекомъ островѣ, гдѣ мать снова нашла своего сына, когда ей случилось плыть мимо этого острова. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью. Во время нашествія Египетскаго султана, Ліонъ, — названный такъ отъ похищенія львицею, — успѣлъ освободить Флоренса и самого Октавіана, захваченныхъ непріателемъ, и затѣмъ взялъ въ плѣнъ и Египетскаго султана. Слѣдуетъ общее свиданье: Октавіанъ или Оттонъ узнаетъ дѣтей и мирится съ ихъ матерью. Наконецъ Ліонъ женится на дочери короля Испанскаго и дѣлается его наслѣдникомъ, а Флоренсъ соединяется съ своей возлюбленной Маркебиллой, дочерью Египетскаго султана, принявшей вмѣстѣ съ отцомъ христіанскую вѣру, и дѣлается королемъ Англійскимъ.

Древнѣйшая извѣстная редакція этого сюжета есть Французская поэма, изъ которой въ послѣдствіи явился прозаическій романъ, изданный въ Парижѣ 1560 г., s. a., подъ на-

званіемъ *L'histoire de Florent et Lyon, enfans de l'empereur de Rome*. Но и Французская, и Англійская обработка романа указываютъ на Латинскую редакцію, служившую для нихъ основаніемъ; она до сихъ поръ неизвѣстна. Кромѣ Англійской существуетъ также Нѣмецкая передѣлка, XVI-го столѣтія, и затѣмъ Датская, Шведская и Нидерландская. Ближайшее отношеніе къ исторіи объ Оттонѣ имѣють другіе романы, напр. *histoire de Valentin et Orson*, переносящая дѣйствіе въ Константинополь, какъ и Французская народная книга подобнаго содержанія *histoire de la belle Hélène de Constantinople*, гдѣ мѣсто жестокаго Октавіана занимаетъ Греческій императоръ Антоній. Исторія Валентина и Орсона составлена по той же канвѣ, какъ и нашъ романъ: одинъ изъ героевъ точно такъ же получаетъ имя отъ медвѣдицы (*ourse*), какъ тамъ Ліонъ отъ львицы; отличіе только въ развязкѣ, которая въ Валентинѣ и Орсонѣ не такъ блистательна для героевъ. Эта послѣдняя редакція до сихъ поръ удержалась въ числѣ популярныхъ Французскихъ книгъ; у Нѣмцевъ напротивъ осталась исторія Октавіана.

Русскій переводъ романа относится опять ко второй половинѣ XVII вѣка, и къ тому же 1677 году, какъ исторія Мелюзины. Въ рукописи Царск. начала XVIII-го вѣка, заключающей это произведеніе, отмѣчено, что исторія переведена съ Латинскаго, но въ просмотрѣнныхъ нами спискахъ Погодина и Забѣлина, XVII-го вѣка, одинаково указывается Польскій подлинникъ, что и справедливо. Текстъ нашего перевода представляетъ поэтому нѣкоторые полонизмы, напр. царь «обрымскій» т. е. исполинскій (*olbrzym, obrzym* великанъ), «побожное житіе и т. п. Въ переводчикѣ видно впрочемъ знаніе своего дѣла; передавая подлинникъ онъ старался иногда писать высокимъ слогаемъ и употребляетъ риторическіе и книжные обороты.

Подробности объ Октавіанѣ у *Grässe, Sagenkr.* 279 — 281: — *Nisard, Hist. des livres popul.* 2, 525—530, такъ же 459—469; — *Simrock's Volksb.* 2, 241—424 *Kaiser Octavianus*.

Списки: — Погод. № 1771, рпсѣ XVII в. на 277 л. Первый листъ съ заглавіемъ писанъ позднѣе: «повѣсть изрядная, полезная же и утѣшная о Оттонѣ цесарѣ Римстѣмъ и о супругѣ его цесаревѣ Олундѣ, юже со двѣма чады своими въ

препустую и далечайшую пустыню изгна, клеветы ради и наглаголанія матере своея, и како дивнымъ промысломъ и чуднымъ строеніемъ Божиимъ по многихъ лѣтахъ въ познаніе и соединеніе придоша; преведесе сія чудная повѣсть с *Полскаго* языка на Рускій, лѣта 7185 году августа, а отъ Рождества Спасителя 1677», нач. «во время господствованія во Франціи краля Дагоберта, въ Римѣ государствуя великосильныи и непреодолимыи Оттонъ, славныи цесарь» и пр. На внутренней сторонѣ переплета приписка: «лѣта 7201-го (= 1693), генваря въ день, сія кнѣга *Дѣи Римскіихъ* о славныи цесаре Оттоне и о цесаревѣ его Маріи (sic), и о цесаревичахъ ихъ о Флоренсе и Леоне, Чюдова мѣтра соборного старца Марка Щербѣкова, келейная..., писана въ Нижнемъ Новѣграде, какъ былъ въ промышленникахъ; названія главъ писаны киноварью; — № 1770; рѣсь XVIII в. на 128 л. «исторія о Римскомъ цесари Оттонѣ и о цесаревѣ Алундѣ и о дѣтяхъ ихъ Леонѣ и о Фларенсѣ, выписана изъ Римскихъ лѣтописцовъ», нач. «во время государствованія во Францыи короля Догоберта, а въ Римѣ государствуя великосильныи и неприборимыи первы Оттонъ цесарь».

— Забѣлина, въ сборн. XVII в. № 68, л. 1—242 «повѣсть изрядная, полезная же и утѣшная о Оттонѣ цесарѣ Римстѣмъ и о супругѣ его цесаревѣ Алундѣ» и т. д. какъ въ Погод., съ тѣмъ же замѣчаніемъ: «преведесе сія чудная повѣсть с *Полскаго* языка на Рускій лѣта .. 85 (т. е. 7185) году августа въ .., а отъ рождества Спасителя 1677 г.» Первые два листа, по ветхости, склеены въ одинъ; переводъ тотъ же самый; — № 82, сборн. XVIII в. имѣетъ «исторію о Антонѣ цесарѣ Римскомъ и о супругѣ его цесаревѣ Алундѣ».

— Царск. № 448 сборн. 1718 — 32 г. «исторія изрядная, полезная и вельми дивна о преславномъ Римскомъ кесарѣ Оттонѣ и о супругѣ его цесаревѣ Алундѣ» и т. д. Въ одной изъ рукописей Каванск. университета, новѣйшаго письма, на л. 162—231 находится такъ же романъ объ Оттонѣ, безъ заглавія; см. Журн. М. Нар. Пр. 1854, Авг. стр. 40.

Въ сборникахъ XVII—XVIII-го столѣтія встрѣчается очень часто другая повѣсть, писанная на тотъ же сюжетъ; она короче Оттона и замѣчательна отсутствіемъ всякихъ собственныхъ именъ, мѣсто дѣйствія такъ же остается въ неизвѣстности; отъ

того повѣсть выходитъ довольно блѣдна и безлична. Названіе ея — «повѣсть, зѣло полезна, выписана отъ древнихъ (или: Палестинскихъ) лѣтописцевъ, изъ Римскихъ хрониковъ», или «повѣсть зѣло душеполезна и умилению достойна о царицѣ и о дву сынохъ ея, и о львицѣ», — названіе, такъ же неопредѣленное. Кромѣ того повѣсть отличается отъ исторіи Оттона и ролью, которую играетъ львица, похитившая ребенка. Унесенный ею въ далекое отъ людей мѣсто, ребенокъ выросъ и возмужалъ тамъ, наконецъ найденъ мореплавателями и взятъ на корабль, но львица всюду слѣдовала за своимъ питомцемъ, не оставляла его и тогда, когда онъ, привыкши къ человѣческому обществу, началъ свои воинственныя дѣянія и вмѣстѣ съ братомъ сражался съ полчищами иноплеменниковъ: львица участвуетъ въ битвѣ и истребляетъ множество враговъ. Любопытно, что подобная черта находится и во Французской народной исторіи о Валентинѣ и Орсонѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ нашей повѣсти прибавленъ эпизодъ о видѣніи царя, имѣвшемъ аллегорическій смыслъ и предвѣщавшемъ описанныя приключенія. Не такъ давно, эта вторая редакція романа объ Оттонѣ, снова появилась въ литературѣ простаго народа между изданіями, какія назначаются исключительно для него. Она издана по рукописи 1720 г. подъ заглавіемъ «Повѣсть зѣло душѣ полезна, выписана отъ древнихъ лѣтописцевъ, изъ Римскихъ хроникъ», М. 1847. 72 стр. Сколько извѣстно, до тѣхъ поръ повѣсть не была напечатана.

- Укажемъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ ея: — Толст. 2. 140 сборн. XVII—XVIII в. л. 917—931 безъ начала; — 5. 31 л. 162—193; — 5. 103 л. 85—109 вѣроятно то же.
- Забѣлина, въ сборникахъ XVIII в. № 67 и № 82.
- Погодина, въ сборн. XVII—XVIII в. № 1773 об. л. 4—32 «повѣсть зѣло полезна выписана отъ древнихъ лѣтописцевъ, изъ Римскихъ же хрониковъ (sic), коя (= како) царица молилася Пресвятѣи Богородицѣ», нач. «бысть въ Палестинскихъ странахъ».
- Царск. № 410 сборн. XVII в. л. 412—443; — № 424 сборн. XVII в. л. 130—177; — № 436 сборн. XVII—XVIII в. л. 117—140; № 440 сборн. XVII в. л. 336—371; —

№ 443 сборн. нач. XVIII в. л. 184—223; — № 446 сборн. нач. XVIII в. л. 164—178 ср. Погод. списокъ.

— Б-ки Московск. Общ. № 198 сборн. конца XVII в. л. 218—232.

Въ рукописяхъ, заключающихъ исторію объ Оттонѣ и Алундѣ, находится обыкновенно и *повѣсть правдивая о княгинѣ Альтдорфской*, которая вѣроятно и въ подлинникѣ помѣщена была вмѣстѣ съ Оттономъ, потому что предисловіе ея вспоминаетъ о «прежде писантѣй повѣсти цесаря Оттона» и выводитъ изъ нея нравственныя заключенія. Повѣсть имѣетъ цѣлю объяснить происхожденіе герба извѣстной фамиліи Гвельфовъ, «по предложеніи же *выжлецовъ*»: жена одного короля, осуждавшая свою очень плодовитую служанку, наказана была рожденіемъ вдругъ двѣнадцати сыновей, и рѣшилась погубить ихъ всѣхъ, кромѣ одного; намѣреніе это было бы исполнено, если бы король, или князь, возвращаясь домой не встрѣтилъ женщину, которая хотѣла утопить дѣтей въ рѣкѣ, называя ихъ щенками (*выжлецы*); отецъ узнавъ дѣтей по крику, взялъ ихъ у женщины, отдалъ на воспитаніе, и когда они выросли, торжественно представилъ ихъ роднымъ своимъ и призналъ ихъ собственными дѣтьми. Мать ихъ изъявила раскаяніе и была прощена мужемъ. Переводъ принадлежитъ вѣроятно тому же перу; языкъ отличается книжностью. Затѣмъ слѣдуетъ другая повѣсть подобнаго содержанія и замѣтки, конечно Польскаго переводчика, о разныхъ необыкновенныхъ случаяхъ плодовитости женщинъ въ Польшѣ; анекдоты такого рода указаны уже нами въ «*Великомъ Зерцалѣ*».

Преданія о происхожденіи Гвельфовъ см. у *Grässe, Sagenkr.* 73—74. Списки этихъ повѣстей находятся въ указанныхъ прежде рукописяхъ: — Погод. № 1771 об. л. 262 «повѣсть правдивая же и прилична ко прежде явственной (*sic*) о княгинѣ Анъдорфской, иже единнымъ чревоношеніемъ двоунадесятъ сыновъ породы», нач. «оказаясь въ прежде писанной повѣсти цесаря Оттона надъ цесаревою его Алоундою и надъ чалы его велико и лютое, суровое и жестокое мучительство» и пр., на об. 263 л. самая повѣсть; далѣе об. л. 272 «о нѣкоемъ вельможѣ, иже имѣ у себе тридесять

пов.

двоу сыновъ и восьмъ дочерей», нач. «Фридерикъ оныи цесарь Римскій»; — № 1770 об. л. 120 «исторія правдивая же и извѣстная о княгинѣ Алгдорской» и пр., нач. «оказася въ прешедшей (sic) повѣсти, коликое лютое мучителство» и пр., дагѣ «повѣсть истинная о предивномъ плодѣ», нач. «понеже есмы расположихомъ» и т. д.

— Забѣлина, № 68 л. 339—352 съ отдѣльнымъ счетомъ лист. 1—14) «повѣсть правдивая же и прилична ко прежде явствованъи о княгинѣ Алдорской, иже единымъ чревоношеніемъ дванадеса сыновъ породи», и проч.

— Въ упомянутой новой рукописи Каванск. универс., на об. л. 231—235 «повѣсть правдивая же и прилична ко прежде явственнѣи о княгинѣ Алгдорской» и пр. Журн. М. Нар. Пр. 1854. Авг. стр. 41.

Въ числѣ любимыхъ средне-вѣковыхъ романовъ была исторія о Аполлонѣ король Тирскомъ. принадлежащая къ циклу такъ называемыхъ «античныхъ» сказаній; у насъ эта повѣсть распространилась болѣе многихъ другихъ повѣстей. Она рассказываетъ любовь Аполлонія Тирскаго къ Тарсѣ, дочери короля Антиоха Сирійскаго, и несчастныя приключенія Аполлонія, который женился потомъ на дочери другаго короля, потерялъ жену и дочь, долго странствовалъ, отыскивая ихъ, наконецъ нашелъ и ту и другую здоровыми и невредимыми, и остатокъ своихъ дней провелъ благополучно. Въ прозаическомъ Греческомъ рассказѣ эта исторія была уже извѣстна въ XI столѣтіи; рукописи Латинскаго перевода, черезъ который она распространилась въ западныхъ литературахъ, восходятъ до XII вѣка. Отсюда ведутъ начало разныя редакціи этого произведенія: одинъ Латинскій переводъ напечатанъ былъ около 1470 года, слѣдовательно между древнѣйшими инкунабулами; другой вошелъ въ «Римскія Дѣянія», гдѣ составляетъ 153-ю главу Латинскаго текста; третій, писанный леонинскими стихами, принадлежитъ Готфриду Витербо. На другихъ Европейскихъ языкахъ Аполлоній Тирскій появляется очень рано. Испанская обработка относится къ XIII столѣтію; еще древнѣе Англосаксонская, за которою слѣдуетъ нѣсколько Англійскихъ переводовъ различнаго состава. О Французскихъ переводахъ на-

мекають уже Провансальскіе поэты; Голландская народная книга объ Аполлоніи Тирскомъ явилась въ концѣ XV вѣка, такъ же какъ Итальянскій прозаическій и стихотворный пересказъ романа. Нѣмецкая стихотворная передѣлка сдѣлана была въ XIII — XIV столѣтіи вѣроятно по «Римскимъ Дѣяніямъ», но и раньше этого времени Аполлоній Тирскій упоминается въ Нѣмецкой литературѣ какъ лицо извѣстное; затѣмъ слѣдуетъ другой Нѣмецкій переводъ въ прозѣ, по Витербо, — котораго editio princeps относится учеными къ 1471 году. Исторія напечатана была въ XV столѣтіи нѣскольکو разъ и теперь извѣстна какъ народная книга. Послѣ этихъ странствованій исторія Аполлоніи опять возвратилась въ Греческую литературу, въ переводѣ, сдѣланномъ 1500 г. Гавріиломъ Контіаномъ и печатавшемся не разъ въ Венеціи. Черезъ Нѣмецкій переводъ романъ явился въ Датскую и Чешскую литературу; рукопись Чешской исторіи, kronika o Apollonowi králi Tyrském, Добровскій относитъ къ 1459 году (Gesch. d. böhm. Spr. 303), но печатныя изданія довольно поздні. По Нѣмецкой, а можетъ быть и Латинской, редакціи составленъ былъ предполагаемый нами Польскій переводъ, изъ котораго заимствована была старинная Русская «исторія».

Нашъ переводъ составляетъ обыкновенно послѣднюю главу въ «Римскихъ Дѣяніяхъ», но нерѣдко встрѣчается отдѣльною статьею въ сборникахъ, какъ самая обширная между ними повѣсть. Большая часть рукописей, нами пересмотрѣнныхъ, представляютъ одинъ текстъ, съ неизбежными вариантами; но этого нельзя сказать объ одномъ спискѣ Забѣлина, имѣющемъ обширныя разнотченія противъ другихъ списковъ, такъ что надобно предположить или двойной переводъ Аполлоніи Тирскаго, или же постоянное переписыванье и поновленіе текста, тѣмъ болѣе возможное, что рукопись Забѣлина принадлежитъ XVIII вѣку. Въ этомъ послѣднемъ текстѣ исчезаютъ полонизмы стариннаго перевода, имя королевы Люцины (Lucina) передѣлано въ Русское «Лучница» и т. п.

Содержаніе романа точно разсказано у *Донлона* 35 — 36. Библиограф. указанія у *Grässe*, Sagenkr. 457—460; — *Simrock's*

Volksb. 3, 209—269 Apollonius von Tugus, весьма сходный съ нашимъ; — *Jungmann*, Hist. 66.

Кромѣ названныхъ при «Р. Дѣяніяхъ» рукописей Толст. 2. 15, Погод. № 1713, 1714, 1775, Царск. № 313, 440, 711, — отдѣльные списки Аполлонія встрѣчаются въ слѣдующихъ сборникахъ: — Толст. 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сборн. XVII в. л. 405—458 «исторія о Апполонѣ, королѣ Тирскомъ, и о Тарсѣ королевнѣ, — прикладъ, что печаль премѣняется въ радость», нач. «Антиохъ, король велики силы въ земли Греческой королевствовала»; — 2. 288 въ рукописи Домостроя XVII в., л. 180—20; вѣроятно то же.

— Публ. Б-ки XIV. Q. 27 сборникъ Фролова XVIII стол., л. 103—152 (или 54—99) «исторія о Аполлонѣ королѣ Тирскомъ и о королевнѣ Тарсѣ».

— Забѣлина, въ сборникѣ XVIII в. № 69 списокъ неполный.

— Царск. № 451 сборн. нач. XVIII в. л. 270—323 «прикладъ дивный: иному благъ Богъ и всемогущій, како предлагаетъ печаль на радость, повѣствуетъ о Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ и о Страсіи (sic) королевнѣ».

— Погодин., сборн. № 1773 л. 306—335 «повѣсть изрядная о Аполлонѣ, царѣ Кипрскомъ (sic) и о случаехъ и бѣдахъ и печалехъ въ мирѣ семъ, и яко человеколюбіе Божіе николи же оставляетъ до конца погибнути, — начаса же Антиохомъ царемъ», нач. «Антиохъ владѣтельный и великомогущій и многословущій цесарь Греческій».

Самымъ характернымъ представителемъ рыцарскихъ романовъ, переведенныхъ у насъ въ старину, можно назвать *исторію Бовы королевича*, которая, хотя и слѣдалась теперь почти синонимомъ пошлости и вульгарности, стоитъ однако внимательнаго разбора. Это конечно древнѣйшій между извѣстными у насъ западными романами, и потому любопытнѣйшій для историка популярной литературы. Первобытное отечество его давно уже указано въ общихъ чертахъ, и Як. Гриммъ, въ первый разъ яснѣе опредѣлившій его источникъ, сознается, что весьма трудно прослѣдить тотъ путь, какимъ достигло до старой письменности нашей средне-вѣковое произведеніе, бывшее прототипомъ сказки о Бовѣ королевичѣ. Имя героя указываетъ на извѣстный

рыцарскій романъ, относящійся къ циклу сказаній о Карлѣ Великомъ и внесенный въ знаменитую поэму-хронику среднихъ вѣковъ, *Reali di Francia*, которую прежде считали произведеніемъ самого Алькуина. Новѣйшіе ученые относятъ сочиненіе ея къ первой половинѣ XIV вѣка или раньше, потому что въ это время она упоминается какъ вещь извѣстная. Содержаніе *Reali di Francia* (т. е. *Franciae Regales*, по-Русски какъ бы «Королевичи Франціи»), въ полномъ составѣ поэмы, обнимаетъ исторію Карла Великаго съ его потомствомъ и предками, въ числѣ которыхъ находится и Константинъ Великій (ср. генеалогическую таблицу этого королевскаго рода, составленную по *Reali di Francia* Вал. Шмидтомъ, при *Sagenkreise d. Mitt.*, v. Grässe); поэма раздѣляется на шесть книгъ, изъ нихъ четвертая посвящена нашему герою, Буово д'Антоня. Послѣ перваго изданія, вышедшаго 1491 г. въ Моденѣ, поэма печаталась множество разъ до послѣдняго времени, и заключая въ себѣ богатый запасъ разсказовъ и преданій, сдѣлалась источникомъ для многихъ позднѣйшихъ поэтовъ и романистовъ. Исторія Буово д'Антоня такъ же нашла передѣльвателя. довольно самостоятельнаго: эта новая поэма, стихотворная, явилась въ первый разъ еще 1480 г. въ Болоннѣ, и до XVII столѣтія библиографы насчитываютъ до двадцати пяти изданій ея, — успѣхъ, какимъ могутъ похвалиться немногія другія произведенія. Кромѣ редакціи Итальянской, гдѣ Буово является предкомъ Роланда, есть другая обработка этого содержанія, сѣверно-Французская: мѣсто подвиговъ героя ясно указывается въ Англии, гдѣ онъ завоевываетъ Гемптонширъ, хотя уже отецъ его Гвидонъ носитъ прозваніе *d'Antona*, что означаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Саутгемптонъ, около котораго есть гора, до сихъ поръ извѣстная подъ названіемъ *Bevu-mount*. Отъ того Англійскіе ученые признаютъ Буово англосаксомъ и приурочиваютъ его дѣянія къ фактамъ своей первоначальной исторіи. Изъ старо-Французской поэмы составленъ былъ Пьеромъ дю-Ри (*Pierre-du-Ries*) стихотворный романъ: *Beuves d'Antone* (или *d'Hanstone*) *et de sa mie Sosianne fille du roi d'Armenie*, и потомъ Англійское стихотвореніе *Sir Bevis of Hampton*. Изъ того же источника произошелъ Французскій романъ въ прозѣ: *Le livre de Beufues danthonne et*

de la belle Josienne sa tye, напечатанный вѣроятно въ концѣ XV столѣтія, и давшій содержаніе Нидерландской народной книгѣ XVI вѣка *Beuvyn und Susiame*, и Англійскому старинному роману *Syr Bevis of Hampton*.

Такова была судьба исторіи Буово д'Антонна въ литературахъ западныхъ; неизвѣстны дальнѣйшія ея странствованія, послѣ которыхъ она дошла до нашей письменности. Русская потѣшная книга, въ лицахъ, о Бовѣ королевичѣ упоминается въ 1693 г. въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича (Забѣл. ib. 117), но по своему происхожденію несравненно старѣе. Опредѣляя начало ея, писатели наши доходили иногда до странныхъ предположеній, и Карамзинъ подсмѣивается надъ Миллеромъ, который въ академической рѣчи «о народахъ, въ Россіи обитавшихъ», сближалъ нашу сказку съ извѣстіями Саксона грамматика и сравнивалъ Боуса и Одина съ Бовой и Додономъ (И. Г. Р. 1, пр. 96). Макаровъ, въ Телеграфѣ 1830. 22, стр. 161, признавалъ сказку Итальяно-Французскою и объяснялъ имена дѣйствующихъ лицъ ея словами собственнаго изобрѣтенія, но потомъ, въ Телескопѣ 1833. 21, стр. 114, называлъ Бову народнымъ произведеніемъ, и даже приводилъ извѣстіе, что въ честь Полкана, или по его передѣлкѣ Полахана, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нашихъ совершается какое-то сельское торжество!

По собственнымъ именамъ героевъ, скорѣе всего можно принять подлинникомъ нашей сказки Итальянскую редакцію, потому что хотя имена эти и сильно предѣланы на Русскій ладъ, но очевидно происходятъ отъ Итальянскихъ. Мы не можемъ однако рѣшить, была ли заимствована наша сказка изъ отдѣльной стихотворной поэмы (*Buovo d'Antona, libro chiamato Buovo d'Antona*), или прямо изъ четвертой книги *Reali di Francia*; мы пользовались только этимъ послѣднимъ произведеніемъ, въ Венеціанскомъ изданіи 1667 г. Исторія Буово (въ 80 гл., р. 268—397) съ замѣчательной точностью передается въ нашей сказкѣ, впрочемъ довольно сокращенно; главныя обстоятельства соблюдены вѣрно, имена отчасти осмыслены Русскимъ произношеніемъ, отчасти же несходны съ Итальянскими, что зависѣло вѣроятно или отъ вариантовъ текста, или отъ того, что наши передѣльватели основывались на другой Итальянской

редакціи. Бова, *Buovo d'Antona*, есть сынъ короля Гвидона, *il duca Guidone d'Antona*; супруга короля называется несходно съ нашей сказкой — *Brandoria, figliuola del Rè Ottone bi Borgens di Guascogna*, дядька Симбалда — *Sinibaldo*; король Додо — *Duodo di Maganza*. Вѣрный слуга Личарда въ Итальянскомъ текстѣ замѣняется безыменнымъ посланникомъ; дѣвка чернавка называется просто *la cameriera*; градъ Суминъ — *Rossa Sansimone*: «младой Ангусей», какъ назвался Бова въ Армянскомъ царствѣ, — *Agostino*; конь его, *cauallo chiamato Rondello*, переводится просто «богатырскимъ» конемъ. Король Армянскій и дочь его Дружневна — *il Rè Erminione di Erminia, e Druziana*; король Маркобрунъ, который приходитъ «изъ града Данска» или изъ царства Задонскаго, есть *Macabrino, Rè di Polonia*. Когда родитель Друзіаны назначилъ турниръ, чтобы выбрать ей жениха, рѣшено было, *che à questo tal torneamento non venisse alcuno, che non fosse christiano*. При этомъ описывается, какимъ образомъ ѣхалъ Маркобрунъ на этотъ турниръ: *onde à questo torneamento vennero molti gentil signori d'Armenia magna, e d'Armenia minore, vennero molti signori Greci; fra gli altri vi venne Macabrino Rè di Polonia, laqual Città è posta sul mar maggiore, et signoreggiaua questa città insino al fiume del Danubio, et in Romania, di là da Costantinopoli verso il Danubio: Venne questo Rè Macabrino per mare; et venne per lo stretto d'Es-ponto con vn gran nauilio, et passò per lo Arcipelago, et costeggio Pelopes, l'Isola di Rhodi et l'Isola di Cipri* (р. 287). Богатырь Луконѣръ, получившій такое Русское имя, называется *Lucaferro di Buldras*; онъ восточнаго происхожденія и потому въ нашей сказкѣ отецъ его — Салтанъ Салтановичъ. Онъ также отправляется на турниръ, собравши большую дружину: *il padre gli armò gran quantità de Cauallieri Saracini, et venne in Bolsinara, et quiui ando cercando delli migliori, è più franchi Saracini del Mondo, et tanti valenti Turchi, quanti trouare vi potè* (р. 291). Самъ Люкаферро описывается какъ *huomo di sua persona molto franco*. Наконецъ Полкавъ-богатырь изображается слѣдующимъ образомъ:... *vnò chiamato Pulicane, era costui mezo huomo et mezo cane, cane era dal mezo in giù, et huomo era dal mezo in su. Questo Pulicane correua tanto forte, che nessuno altro animale non lo poteua gion-*

gere. e parlava molto bene, — era Pulicane figliuolo di vn save, e di vna donna Christiana, laquale fu signora di vna Città di Armenia chiamata Capadocia (р. 302). Вообще всѣ передѣлки именъ и обстоятельствъ говорятъ въ пользу непосредственности перехода Итальянскаго романа въ нашу популярную словесность; въ содержаніи и внѣшности сказки нашей нѣтъ никакихъ слѣдовъ другой посторонней обработки, что замѣтно во всѣхъ другихъ повѣстяхъ и романахъ, явившихся у насъ изъ литературы западныхъ. Существенное измѣненіе первобытнаго разсказа состоитъ только въ томъ, что къ нему въ обширныхъ размѣрахъ привился обыкновенный тонъ и подробности Русскаго сказочнаго эпоса. Важное доказательство старины нашей сказки представляютъ рукописи XVII в., излагающія ее въ такой отдѣланной формѣ, какую она могла получить только отъ сильнаго и продолжительнаго вліянія народности Русской. Въ старинныхъ спискахъ она отличается даже болѣе народнымъ складомъ, чѣмъ въ послѣдующихъ изданіяхъ, печатныхъ и лубочныхъ. Имя Бовы въ XVII столѣтіи было даже личнымъ именемъ.

- Списки: — Толст. 2. 215 Публ. Б-ки XVII. Q. 27 сборн. XVII в. л. 365—404 «сказаніа про храбраго витезя про Бову королевича, нач. «нѣвкоемъ было царствѣ, в великомъ государствѣ, въ славномъ градѣ во Антоновѣ» и т. д.; рукопись принадлежала подъячему Розряднаго приказа Ивану Федорову; — 2. 415 Публ. Б-ки XVII Q. 77 сборн. нач. XVIII в. л. 161—199 «сказаніе о храбромъ и прекрасномъ витязи Бовѣ королевичѣ и о прекрасной его королевнѣ Дружевнѣ».
- Погод. № 1773 сборн. XVII—XVIII в. об. л. 238—274 «сказаніе о храбрости витязя Бовы королевича зѣло послушати дивно», нач. «бысть нѣкій король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антоновѣ, младъ (юноша) велии и храбръ, и збиралъ себѣ во градѣ храбрыхъ витязей во златыхъ поясахъ, и охочъ былъ въ чистомъ полѣ тѣшитца съ соколы и ястребы и съ выжлецы» и т. д. вообще съ прибавками, которыхъ обыкновенно не бываетъ. — См. такъ же списки Погод. № 1778—1780.

Переводы нашей сказки въ *Dietrich, Russ. Volksm.* 68—118; — *Vogl, Die ält. Volksm. der Russen, Wien 1841,*

143—201. Безчисленныя губочныя изданія дѣлятся на двѣ категоріи: одна представляетъ «полную» исторію Бовы, на 32 листкахъ; другая, сокращенная въ послѣдствіи, помѣщается на 8 листкахъ подъ заглавіемъ: «исторія о храбромъ и славномъ витязѣ Бовѣ королевичѣ и о смерти отца его». Число печатныхъ изданій такъ же значительно.

IX.

Польское литературное вліяніе въ XVII столѣтіи. — Семь мудрецовъ. — Апофеогмата. — «Сибѣхотворныя повѣсти», средневѣковыя «ацціи». — Русское сказаніе о злыхъ женахъ. — Нѣкоторыя изъ новеллъ Бокиаччо въ старинномъ Русскомъ переводѣ.

Мы замѣтили уже значительное число фактовъ того посредничества, черезъ которое Польская литература приносила въ старинную Русскую письменность произведенія западной повѣсти и романа. Это посредничество составляетъ весьма замѣтное явленіе въ исторіи нашей древней литературы, хотя далеко не имѣло того характера общности, какимъ отличалось вліяніе Византіи. Это послѣднее происходило изъ тѣхъ причинъ, которыя вообще подчиняютъ одинъ народъ и образованіе другому народу и образованію: здѣсь одна сторона стояла выше другой по развитію и передавала ей плоды своей цивилизаціи и литературы, на сколько сама имѣла ихъ. Отъ того древній періодъ нашей словесности, особенно испытавшій Греческое вліяніе, въ цѣломъ составѣ своемъ носитъ слѣды Византійскаго характера. Не такъ обнаруживались связи, довольно впрочемъ тѣсныя, Русской и Польской литературы въ XVI — XVII вѣкахъ. Прежде всего между ними не существовало того важнаго отношенія, которое присоединяло нашу литературу къ Византійской, — не было единства въ образованіи. Византія сообщила намъ не только характеръ своей духовной жизни, но вмѣстѣ съ нимъ и обильную часть своего литературнаго достоянія, въ памятникахъ духовныхъ, историческихъ сочиненіяхъ, повѣстяхъ и сказаніяхъ; она передала намъ отчасти и особенности общественнаго быта, многія данныя своего законодательства, дѣялась наконецъ самыми дѣятелями на поприщѣ образованія.

Слѣдствіемъ было то, что въ древней литературѣ нашей Византійское вліяніе было господствующимъ фактомъ, наложившимъ свою печать на всѣ ея произведенія, хотя и въ различной степени. Напротивъ здѣсь направленіе дѣятельности политической и общественной были несходны, такъ что самая противоположность ихъ не допускала обширнаго вліянія со стороны Польской образованности, и литература Польская не могла дѣйствовать на Русскую всѣмъ объемомъ своего содержанія. При томъ, ея собственное зависимое положеніе относительно литературѣ западныхъ не давало ей авторитета при столкновеніи съ нашею. Отъ того, дѣйствіе ея ограничивалось частными случаями и отдѣльными родами произведеній; и знакомыя при ея посредствѣ съ многочисленными сказаніями среднихъ вѣковъ, наша литература тѣмъ не менѣе чуждалась явленій чисто Польскихъ, оставшихся у насъ почти неизвѣстными. Не говоря объ обширной полемической литературѣ о вопросахъ религиозныхъ, не входящей въ число фактовъ разбираемаго нами вліянія, у насъ переведены были нѣсколько историковъ и лѣтописцевъ Польскихъ, и потомъ нѣсколько книгъ технического характера, какъ Zielnik, существовавшій въ Русскомъ переводѣ по рукописи 1588 г. пр. Баузе, или сочиненій описательныхъ, какъ «Дворъ Турецкаго султана» и т. п., словомъ вещи, не имѣющія тѣснаго отношенія къ литературѣ въ собственномъ смыслѣ.

Существенная роль Польскаго вліянія состояла въ томъ, что оно принесло къ намъ знакомство съ повѣстями, романами и новеллами, которые въ передѣлкахъ и переводахъ распространены были во всей западной Европѣ, и въ XVI—XVII столѣтіяхъ появились въ Польской литературѣ черезъ Латинскія, Французскія, или чаще Нѣмецкія редакціи. Эти повѣсти встрѣтали у насъ большое сочувствіе, тѣмъ болѣе что Византійскій источникъ истошался, а потребность легкаго чтенія начала возрастать въ послѣднее время. Польская литература всего скорѣе могла быть посредницею въ этомъ случаѣ, потому что знаніе Европейскихъ языковъ было у насъ весьма незначительно и не могло поддерживать другихъ литературныхъ сношеній, между тѣмъ какъ Польскій языкъ извѣстенъ былъ очень многимъ. Старинные грамотѣи наши какимъ то чутьемъ находили въ

Польской литературѣ знаменитыя новеллы и романы и передавали ихъ на своемъ языкѣ.

Литературныя связи съ Польшею обуславливались двумя благоприятными обстоятельствами: распространениемъ Польскаго языка въ западной и южной Руси, въ слѣдствіе политическаго господства, и Польскимъ устройствомъ южно-Русскихъ училищъ. Оживленная полемика по поводу уніи и выходцы изъ южной и западной Руси, сдѣлали знаніе Польскаго языка въ самой Москвѣ довольно обыкновенною вещью. Переводъ съ Польскаго не представлялъ большихъ затрудненій, потому что переводчику нерѣдко случалось оставлять самыя выраженія подлинника, давая только имъ Русскую фонетическую фizioномию. Притомъ переводъ могъ совершаться мало-по-малу, почти самъ собой: Польская книга доставалась южно-Русскимъ читателямъ и легко передѣлывалась на ихъ литературный языкъ, имѣвшій много Польскихъ оборотовъ и выраженій, и потомъ, сгладивши отчасти свои Польскія черты, переходила къ Русскимъ читателямъ, у которыхъ съ нѣсколькими новыми поправками могла идти за Русскій переводъ. Что примѣры подобнаго рода были, можно заключать изъ нѣкоторыхъ списковъ переводныхъ повѣстей, чрезвычайно отягощенныхъ полонизмами; нѣсколько разныхъ списковъ даютъ возможность слѣдить за постепеннымъ преобразованиемъ языка отъ формъ на половину Польскихъ до чисто-Русскаго склада. Воспитанники Кіевской академіи могли способствовать этому ознакомленію съ Польской литературой: ихъ Польское образованіе произвело особенный книжный языкъ, представляющій странную смѣсь разныхъ началъ, такъ что и нѣсколько искусственный или натянутый языкъ переводныхъ повѣстей не былъ слишкомъ тяжелъ для того времени: къ нему привыкли, такъ же, какъ въ эпоху петровскую привыкли ко множеству словъ иностранныхъ или буквально передѣланныхъ съ иностраннаго.

Обращаясь опять къ фактамъ, замѣтимъ переводы новеллъ, появившіяся въ XVII столѣтіи. «Римскія Дѣянія» представляли большею частію только зародыши этихъ произведеній; въ другихъ сборникахъ новелла получала уже большее развитіе и сдѣлалась самобытнымъ литературнымъ явленіемъ. Такіе лег-

кіе и живые разказы передавала знаменитая въ средніе вѣка *повѣсть о Семи Мудрецахъ*. Литературная судьба ея очень любопытна: почти всѣ Европейскія и многія восточныя литературы имѣютъ или переводъ или передѣлку ея, въ продолженіе долгихъ странствій своихъ, она измѣняла самое содержаніе, варьируя его на одну главную тему, — такъ что, сравнивъ два противоположные вида ея, образовавшіеся независимо другъ отъ друга, нелегко привести ихъ къ одному прототипу. Первобытную редакцію повѣсти, корень всѣхъ позднѣйшихъ обработокъ, относятъ къ Индѣйской литературѣ; впрочемъ до сихъ поръ эти «притчи Сендабада» не были достаточно опредѣлены. Масуди, въ той главѣ «Золотыхъ Луговъ», гдѣ говорится о древнихъ царяхъ Индіи, упоминаетъ о философѣ Сендабадѣ, современникѣ царя Куру, написавшемъ книгу семи визирей, извѣстную обыкновенно подъ названіемъ книги Сендабада. По свидѣтельству одного Персидскаго писателя, книга Сендабада написана была при династіи Арзакидовъ, 256—323 г. по Р.Х.; Арабскій и Персидскій переводы этого произведенія появились гораздо раньше Калилы-и-Димны, хотя и не дошли до нашего времени. По этимъ древнимъ переводамъ составилось нѣсколько восточныхъ подражаній: одно изъ нихъ, «исторія царя, его сына, любовницы и семи визирей» вошло въ Тысячу и Одну ночь; того же содержанія передѣланный съ Арабскаго Турецкій романъ XV столѣтія, «исторія сорока визирей», въ сокращеніи переведенная г. Григорьевымъ (Москв. 1844. 1, 94—122), — и «исторія царевича Бактіара и десяти визирей», извѣстная въ Арабской, Персидской и Тюркской редакціяхъ. Въ Европѣ исторія Семи Мудрецовъ стала знакома посредствомъ Еврейскаго и Греческаго переводовъ. Еврейская редакція есть древнѣйшій извѣстный видъ повѣсти, и составлена по Персидскому или Арабскому переводу тѣмъ же раввиномъ Іоэлемъ, которому принадлежитъ и Еврейская редакція Калилы-и-Димны. Эпоха Греческаго перевода, сдѣланнаго по Сирійскому или Персидскому подлиннику Мих. Андреопуломъ, въ точности неизвѣстна (XI—XV ст.); съ этимъ переводомъ, носящимъ названіе *Συντίπας*, не должно смѣшивать другаго труда Андреопула, его перевода Персидскихъ басенъ предполагаемаго мудреца Синтипы

(*Syntipae phil. pers. fabulae lxiij*, изданы проф. Маттеемъ въ Лейпцигѣ 1781). Наконецъ Латинскій переводъ, сдѣланный съ Еврейскаго монахомъ *Dam Jehans*, получилъ уже названіе *historia septem sapientum Romae* и ввелъ эту повѣсть въ среду литературъ западныхъ. Ближайшей обработкой Латинскаго перевода было большое стихотвореніе трувера *Hebers* или *Herberts*, въ XIII столѣтіи, подъ названіемъ *les Sept sages de Rome*, или *Doloratos*; затѣмъ явился другой Французскій переводъ, къ которому примыкають Англійская стихотворная обработка и прозаическій Французскій *roman des sept Sages*. Впрочемъ, еще въ XII столѣтіи исторія о Семи Мудрецахъ извѣстна была во Французской литературѣ; та же повѣсть передавалась и подъ другимъ названіемъ: *Cassiodorius*. Главнымъ источникомъ, откуда расходилась эта повѣсть, былъ однако Латинскій: отсюда произошли такъ же Англійская редакція, Нѣмецкая (*Sieben weisen Meister*), Голландская, Датская, даже вторичная Латинская, обратно переданная на Латинскій языкъ юристомъ Модіемъ, который не зналъ, кажется о первоначальномъ Латинскомъ текстѣ. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія исторія Семи Мудрецовъ издавалась множество разъ и вошла въ число любимыхъ народныхъ книгъ, особенно у Французовъ и Нѣмцевъ; но не смотря на такую извѣстность этого произведенія, новая Итальянская редакція повѣсти: *Li compassionevoli avvenimenti d'Erasto*, явившаяся въ XVI вѣкѣ, опять имѣла большой успѣхъ и была переведена на Французскій, Англійскій и Испанскій. Съ умноженіемъ видовъ исторіи, разнообразилось и содержаніе редакцій, въ готовую рамку повѣсти вносились посторонніе рассказы, такъ что въ позднѣйшемъ «Эрастѣ» находится только одинъ рассказъ изъ тѣхъ, какіе помѣщены въ старинной Греческой редакціи. Имена дѣйствующихъ лицъ также измѣнились: въ Греческой редакціи царь называется Киромъ, а мудрецъ — Синтипа; въ стихотвореніи Герберта главное лицо, королевичъ, называется Лупиніаномъ, отецъ его — король Сицилійскій Долопатъ, а мудрецъ, которому поручено воспитаніе королевскаго сына — *Виргилій*, одна изъ любимѣйшихъ личностей классическаго міра, къ которой отнесено было въ средніе вѣка много фантастическихъ сказаній. Въ другихъ ре-

дакціяхъ царь носить имя Діоклитіана, а сынъ его — имя Флорентина, или же царь называется Понціаномъ, а имя Діоклитіана относится къ его сыну; въ числѣ семи мудрецовъ древняя Французская повѣсть, какъ и наша, упоминаетъ Катона, Лентула и проч. Исторія извѣтна была и въ Славянскихъ литературахъ: Чешская *kratochvilná kronika o sedmi mudrcích* относится къ XVI столѣтію; нѣсколько разъ издавался Польскій переводъ подъ заглавіемъ: *Historya pięcna y ucieszna o Popcyaniu cesarzu rzymskim, iako syna swego iedynego Dyoclecycana dał w naukę y ku wychowaniu siedmiu mędrcom, która w sobie wiele przykładów y powieści cudnych zamyka, każdemu człowiekowi ku czytaniu rozżyteczna y potrzebna*. Въ Русскомъ переводѣ не встрѣчалось намъ прямыхъ указаній на подлинникъ; по аналогіи, отчасти по языку, можно предполагать, что подлинникъ былъ Польскій. Въ позднѣйшихъ спискахъ изложеніе имѣетъ вообщемъ свои достоинства, такъ что повѣсть о Семи Мудрецахъ по передачѣ на Русскомъ языкѣ стоитъ много выше другихъ переводныхъ произведеній. Языкъ перевода — довольно правильный Славянскій, бывший въ книжномъ употребленіи XVI — XVII столѣтія. Текстъ представляетъ иногда весьма значительные варианты, что зависѣло если не отъ разныхъ переводовъ, то отъ позднѣйшихъ поправокъ стараго чтенія; на такія поправки ясно указываетъ одна Толстовская рукопись, гдѣ къ повѣсти замѣчено: «написашася и исправшася съ *древнихъ переводовъ*... въ 200 (т. е. 1692) году». Не имѣя теперь свѣдѣній объ источникахъ нашей редакціи, мы не можемъ такъ же указать и времени ея составленія; можно думать только, что она старѣе упомянутыхъ нами прежде повѣстей, переведенныхъ съ Польскаго. Списки ея довольно обыкновенны въ старыхъ сборникахъ.

Вообще о Семи Мудрецахъ — *Grässe, Lit.-Gesch.* 2, 1, 462—465; — *Dunlop, Gesch. d. Pros.* 196—198; — *Jungmann*, 143; — *Wiszniewski, Hist.* 7, 199; — *Maciejowski, Piśm.* 2, 894. Греческій текстъ Андреопула изданъ Буассонадомъ: *Συμπλας. De Syntipa et Cyri filio Andreopuli narratio*. Paris. 1828. Специальные изслѣдованія: *Le Roux de Lincy*, въ *Essai sur les fables ind.*, par *Lois-Deslongchamps*; *Adalb. Keller, Li Romans des*

sept sages, Tüb. 1836, — *Dyocletianus Leben*, Quedlinb. 1841: въ сожалѣнію, мы не пользовались изданіями Келлера.

Списки: Толст. 2. 184 Публ. Б-ки XVII. Q. 35 л. 461—559 «повѣсть о семи мудрецахъ», нач. «Божією помощію бысть въ Римѣ король Еліозаръ»; — 2. 215 Публ. Б-ки XVII, Q. 27 сборн. XVII в. л. 299—365 «повѣсти Римскіе области о нѣкоемъ цесарѣ именовемъ Елеазарѣ и о злой женѣ его и о сынѣ его Діоклитіанѣ и о семи мудрецахъ», нач. «бысть убо въ Римстей области цесарь именовемъ Елеазаръ, мудростію же не совершенъ»; — 2. 370 Публ. Б-ки XV. Q. 28 рукопись, по мнѣнію составителей Толст. каталога, *самою сочинителя* (!), потому что исторію Семи Мудрецовъ они приписывали извѣстному дьякону Каменевичу-Рвовскому; его же именовемъ г. Строевъ означаетъ повѣсть и въ каталогѣ рук. Царскаго; — 3. 45 Публ. Б-ки XV. O. 2, сборн. XVII в. л. 207—386 «сказаніе предивно. повѣсть о цысарѣ (sic) и о сынѣ его Діоклитіанѣ», нач. «повѣмъ убо вамъ вещь сицеву. Бысть убо» и др.

— Погод, сборн. XVII—XVIII в., № 1772 л. 101—187 «повѣсть о цесарѣ Еліозарѣ и о сынѣ его Діоклитіанѣ», нач. «повѣмъ убо вамъ вещь сицеву», какъ въ предыдущемъ спискѣ; — № 1773 л. 90—196 «повѣсть сія написашася о семи мудрецахъ, о цысарѣ (sic) Еліазарѣ и о сынѣ его Діоклитіанѣ зѣло послушати дивно», нач. «бысть убо въ Римстѣи области».

— Фролова, сборн. XVII в. Публ. Б-ки XV. Q. 31 л. 199—308 «повѣсть о семи мудрецахъ и о Діоклитіанѣ», въ 24 главахъ, безъ конца.

— Забѣлина, въ сборн. XVIII в. № 82 «Книга глаголемая Седмь Мудрецовъ, сказаніе предивныхъ повѣстей, о Римскомъ цысарѣ Еліозарѣ и о сынѣ его Діоклитіанѣ и о прелютой мачихѣ его и о семи мудрецахъ, — повѣсть изрядная»: — отрывокъ «гисторіи о цесарѣ Елизарѣ и сынѣ Діоклитіанѣ и о семи мудрецахъ», въ другомъ сборн. XVIII в. № 67.

— Царск. № 389 сборн. XVII в. л. 132—210; — № 440 id. л. 350—641; — № 693 сборн. XVIII в. л. 156—203.

— Списокъ исторіи находится въ одномъ сборникѣ Казанск. универс., XVIII вѣка, л. 1—49 «гисторіа о Діоклитѣ Рим-

скомъ и о семи мудрецахъ» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1864, Авг. стр. 30).

Повѣсть о Семи Мудрецахъ представляетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ новеллъ, соединенныхъ однимъ обстоятельствомъ главнаго сюжета, какъ онѣ соединены въ Испанскомъ «Графѣ Луканорѣ» и въ Итальянскомъ «Декамеронѣ»: манера, заимствованная изъ сказочныхъ сборниковъ востока. Въ большей части редакцій, между прочимъ и въ нашей, завязка и развязка повѣсти переданы такимъ образомъ. Одинъ король отдалъ своего сына на воспитаніе семи мудрецамъ, которые должны были научить его всякой премудрости; они поселяются съ воспитанникомъ своимъ вдалекѣ отъ отца, который между тѣмъ, потерявъ первую супругу, женился въ другой разъ. Лукавая мачиха ищетъ средствъ погубить королевича, чтобы доставить престолъ своимъ дѣтямъ, и проситъ короля призвать ко двору сына, уже кончившаго образованіе. Мудрецы посредствомъ астрологическихъ знавій своихъ увидѣли, что королевичъ будетъ *нѣмъ* въ продолженіе первыхъ семи дней по приѣздѣ къ отцу, и что отъ того угрожаетъ ему большая опасность; но дѣлать было нечего, и они отправились. Король съ радостью встрѣтилъ сына, но королевичъ вдругъ сталъ нѣмъ, не отвѣтивъ отцу ни однимъ словомъ. Мачиха воспользовалась этимъ, и, раздраженная отказомъ королевича исполнить ея желанія, рѣшилась отомстить и оклеветала его передъ королемъ, и въ подкрѣпленіе своихъ словъ рассказываетъ апологъ, гдѣ доказывается, что не нужно шадить дурнаго дерева, которое можетъ только повредить хорошимъ. Король въ гнѣвѣ велитъ казнить сына, — гибель его неизбѣжна, потому что онъ не можетъ высказать своихъ оправданій. Спасителями его являются Семь Мудрецовъ. Когда королевичъ былъ уже на мѣстѣ казни, первый изъ нихъ проситъ палачей подождать, идетъ къ царю и рассказываетъ ему повѣсть или притчу, гдѣ обнаруживается весь вредъ поспѣшности и довѣрія къ женщинамъ; увлеченный рассказомъ, король откладываетъ казнь. Тогда опять является на сцену мачиха, и рассказываетъ новую повѣсть, съ той моралью, что не должно поддаваться живымъ словамъ при-

дворныхъ совѣтниковъ, которые часто бываютъ причиною всякаго зла и королямъ и государствамъ.... Такъ идетъ въ теченіе семи дней: каждый разъ мачиха приводитъ короля къ пагубному рѣшенію и каждый разъ мудрецы отклоняютъ опасность. Наконецъ королевичъ снова начинаетъ говорить: онъ легко оправдывается отъ взведенной на него клеветы и, напротивъ, выставляетъ наружу всѣ пороки мачихи, которая терпитъ должное наказаніе, — въ заключеніе королевичъ рассказываетъ еще одну повѣсть, имѣющую отношеніе къ его собственной судьбѣ. Такимъ образомъ въ цѣлой исторіи, кромѣ главнаго ея сюжета, включено семь рассказовъ королевы, повѣсти каждаго изъ семи мудрецовъ и рассказъ королевича; впрочемъ, число вставныхъ повѣстей не во всѣхъ редакціяхъ одинаково. Что касается до характера ихъ, онѣ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ новеллами старой Итальянской и другихъ литературъ, какъ увидимъ изъ разбора повѣстей, находящихся въ нашемъ переводѣ. По словамъ Донлопа, немногія произведенія среднихъ вѣковъ могутъ доставить такой прекрасный примѣръ для объясненія генеалогіи «странствующихъ» рассказовъ и непостижимо быстраго перехода ихъ изъ одной страны въ другую, какъ повѣсть о Семи Мудрецахъ. Одни изъ ея рассказовъ принадлежатъ восточной фантазіи, другіе вставлены европейскими передѣльвателями, и всѣ вмѣстѣ служили образцами и источниками позднѣйшихъ повѣстей и исторій. Наши рукописи представляютъ слѣдующія повѣсти, заглавія которыхъ приводимъ по Толстовскому списку 3.45.

— Первая притча королевы «о нѣкомъ дрѣвѣ и о огородникѣ» (л. 225): возлѣ цѣлебнаго дерева выросло другое, маленькое, и господинъ, надѣясь, что молодое будетъ еще лучше, велѣлъ приставнику подрубить старое; но послѣ того и новое дерево, питавшееся соками стараго, засохло.

— Притча перваго мудреца «о псѣ и о соколѣ» (об. л. 230). Вѣрная собака вмѣстѣ съ соколомъ спасаетъ сына одного рыцаря, господина своего, отъ змѣи; рыцарь, повѣривъ словамъ глупой мамки и увидѣвъ на собакѣ кровь, подумалъ, что она загрызла ребенка и убилъ ее, и тогда только догадался объ ошибкѣ, когда возлѣ колыбели сына замѣтилъ мертвую змѣю.

Повтореніе знаменитой Валлійской саги о Львовелинѣ и его собацѣ; подобный сюжетъ мы видѣли впрочемъ въ Греческомъ и Русскомъ Стефанитѣ; эта же повѣсть «о псѣ и ужѣ» занесена и въ наши печатные сборники сказокъ (Дѣдушк. Прогулки, М. 1819, на 6 стр.).

— Вторая притча королевы «о нѣкоемъ вепрѣ и о пастухѣ» (об. л. 235). Въ одномъ лѣсу появился страшный вепрь; многіе рыцари погибли, отважившись нападать на него. Наконецъ король объявлялъ, что выдастъ свою дочь за того, кто успеетъ истребить свирѣпаго звѣря. Одинъ пастухъ, встрѣтивши въ лѣсу вепря, влѣзъ на виноградное дерево; вепрь бросился грызть корни, а пастухъ обрывалъ виноградныя вѣтви и кадалъ ему: вепрь началъ ѣсть ягоды и наконецъ уснулъ; пастухъ сошелъ съ дерева, убилъ вепря безъ всякой опасности для себя и получилъ обѣщанную награду. Пастухъ, который гладилъ вепря, чтобы усыпить его, изображаетъ царевича, который ищетъ погибели отца и прельщаетъ его словами мудрецовъ. Этотъ рассказъ такъ же повторяется въ указанномъ сборникѣ сказокъ.

— Притча втораго мудреца «о молодой женѣ» (л. 240) есть извѣстная новелла Боккаччо Decamer. VII. 4., которая встрѣчается у насъ и въ другой редакціи.

— Третья повѣсть королевы «о нѣкоемъ рыцарѣ убогомъ и о дѣтяхъ его» (об. л. 250), — вариантъ извѣстнаго рассказа у Геродота о томъ, какъ одинъ архитекторъ съ сыномъ обокрали сокровищницу Рампсинита; сюжетъ повторяется у нѣкоторыхъ Итальянскихъ новеллистовъ, въ старинномъ Французскомъ романѣ: *L'histoire du chevalier Berinus*, и другихъ обработкахъ (*Dunlop* 264), и въ сказкѣ Чулкова о двухъ ворахъ, дялѣ и племянникѣ (Рус. Ск. М. 1780. 2, 32—53).

— Повѣсть третьяго мудреца «о нѣкоемъ гостѣ, и о птицѣ, глаголемой сорокѣ, и о женѣ» (л. 257), — о томъ, какъ невѣрная жена хотѣла разубѣдить мужа въ обвиненіи, сдѣланномъ говорящей сорокой, и какъ мужъ, убивши сороку, узналъ потомъ справедливость словъ несчастной птицы: подобная повѣсть находится въ Тысячѣ и Одной ночи, гдѣ сорока замѣнена только попугаемъ, и такъ же въ исторіи сорока визирей (Москв. 1844. 1, 118—119).

— Четвертая притча королевы «о мудрецахъ, како ради корысти своея ослѣпиша цесаря» (об. л. 265). Семь мудрецовъ отняли зрѣніе у короля, чтобы онъ не могъ видѣть ихъ своекорыстнаго правленія; цесарь терялъ зрѣніе, какъ только выходилъ изъ своей комнаты. Наконецъ онъ сталъ грозить мудрецамъ смертью, если они не излечатъ его болѣзни; мудрецы призывали чародѣевъ, но бѣды поправить не могли. Тогда въ городѣ нашелся мальчикъ, одаренный великою мудростью; приведенный къ цесарю, онъ открылъ ему враждебныя чары, которыми его лишили зрѣнія, и цесарь, казнивши мудрецовъ, исцѣлился отъ болѣзни и самъ сталъ править государствомъ. Повѣсть приводится въ упомянутыхъ нашихъ сборникахъ подъ заглавіемъ сказки о семи мудрецахъ и о юношѣ (см. Дѣдушкинѣ Прогулки, Москва 1819, на 12 стр.; *Сахарова*, Р. Сказк. стр. 269).

— Повѣсть четвертаго мудреца «о нѣкоемъ рыцарѣ и о женѣ его, еже восхотѣ попа любити» (л. 275), — рассказъ въ родѣ Боккаччьевскихъ новеллъ. Прежде, чѣмъ жена измѣнила мужу, мать до трехъ разъ совѣтуетъ ей испытать характеръ мужа: для перваго раза она велѣла срубить любимое его дерево, и мужъ не сдѣлалъ ей ничего; она убила его любимую собаку, онъ опять ничего ей не сдѣлалъ; наконецъ жена предприняла третье испытанье, и на большомъ пиру, который задала ея мужъ, она какъ бы ненарочно стащила со стола скатерть и уронила блюда. Мужъ велѣлъ приготовить другой обѣдъ, и ничего не сдѣлалъ женѣ; но когда гости разошлись, онъ позвалъ «кровопуска» и велѣлъ пустить кровь женѣ изъ обѣихъ рукъ, до тѣхъ поръ, пока она стала «обмирати». Съ того времени ей уже не приходило въ голову чѣмъ нибудь возбуждать негодованіе мужа и она оставила свои замыслы.

— Пятая повѣсть королевы «о нѣкоемъ цесари, любящемъ злато, ему же гражане и горло златомъ залиша» (л. 288).

— Повѣсть пятаго мудреца «о Поликрасѣ мудрецѣ и о внуцѣ его Галианусѣ» (об. л. 298).

— Шестая притча королевы «о нѣкоемъ кралѣ и моржалкѣ, како злата ради приведе жену свою» (л. 306).

— Притча шестаго мудреца «о трехъ рыцарехъ и о старомъ рыцарѣ и о женѣ его, что онъ убилъ трехъ рыцарей»

(об. л. 312). Жена стараго рыцаря славилась своей красотой; ею прельстились три рыцаря; она назначает имъ свиданія и требуетъ отъ каждаго по тысящѣ златыхъ. Первый приходитъ въ первомъ часу ночи, другой въ полночь, третій «въ куроглашеніе»; жена беретъ деньги, а мужъ потомъ убиваетъ рыцарей,—но поссорившись потомъ съ мужемъ, жена не сохранила тайны и укоряла мужа смертью трехъ рыцарей; но цесарь велѣлъ казнить ихъ обѣихъ. Изъ многихъ разсказовъ, которые сравниваютъ съ повѣстью Семи Мудрецовъ замѣтимъ только повѣсти въ Римскихъ Дѣяніяхъ, Тысячѣ и Одной ночи, Французскомъ фавльо и Нѣмецкомъ стихотвореніи *die drei münche von Kolmaere*, въ которыхъ есть ближайшее сходство съ нею (ср. *Gesammtabent.* 3, xxxv — lxi, 163 ff.).

— Седьмая притча королевы «о нѣкоемъ королѣ, какъ у него увезе рыцарь кралеву, краль же ю отда ему самъ и пирова съ нею» (об. л. 318), — повѣсть, основанная на забавной интригѣ, которую рыцарь съумѣлъ поддержать своей ловкостью.

— Притча седьмаго мудреца «о нѣкоемъ рыцарѣ и о женѣ его» (л. 327), — извѣстный разсказъ объ Эфесской матронѣ у Петронія (*Satir.* с. 111. 112), но въ повѣсти Семи Мудрецовъ легкомысліе женщины выставляется еще ярче. Откуда и изъ Французскаго фавльо *de la femme qui se fist putain sur la fosse de son mari*, повѣсть перешла въ *Cento nov. antiche* nr. 56, къ новеллистамъ Кампеджи, Манфреда, затѣмъ повторилась у Лафонтена и Вольтера (*Zadig*, ch. 2) и пр. По словамъ патера Дюгальда, эта повѣсть такимъ же образомъ разсказывается и въ Китаѣ (*Dunlop*, 41).

— Повѣсть самого королевича Діоклитіана «о дву слугахъ цесарскихъ, и о Александрѣ и о Лодвикѣ» (об. л. 338). Эта повѣсть, вѣроятно изъ рукописнаго источника, вошла въ печатный сказочный сборникъ XVIII столѣтія, подъ названіемъ: «сказка о двухъ славныхъ богатыряхъ, Александрѣ и братѣ его Лодвикѣ, жившихъ между собою въ великомъ согласіи и готовыхъ умереть другъ за друга» (Историческія сказки, — первая о золотой горѣ и т. д. Въ Спб., 1793 года, стр. 59—98).

Переводы съ Польскаго познакомили насъ и съ другой стороны легкой литературы среднихъ вѣковъ. Западные сбор-

ники, въ родѣ «Римскихъ Дѣяній» или книги Петра Альфонза, соединяли въ себѣ разнообразныя рассказы: это были повѣсти изъ духовной или свѣтской исторіи, восточныя притчи и апологи, народныя басни и сказки, наконецъ даже мелкіе анекдоты, замѣчательныя слова, остроумныя отвѣты и поступки и т. п. Эти послѣдніе рассказы со временемъ вошли въ особенную моду; знакомство съ классическими писателями доставляло много матеріала для подобныхъ сборниковъ, и писатели знаменитые въ лѣтописяхъ средне-вѣковой литературы охотно посвящали свое время на составленіе этихъ полу-историческихъ, полу-анекдотическихъ компиляцій. Какъ въ древности расходились изреченія сибаритовъ, *Αἰσώπου γέλῳα* или *ἀποκρίματα*, такъ теперь приобрѣли большую извѣстность сборники въ родѣ *Regum memogandarum libri IV* Петрарки, или *De casibus virorum illustrium* и *De mulieribus claris* того же Боккаччо, который впервые возвысилъ новеллу на степень художественнаго произведенія. Здѣсь представляется чистый фактъ, самое событіе, уже безъ тѣхъ правоучительныхъ выводовъ, съ какими обращались къ читателю другія книги. Такимъ образомъ изъ прежнихъ литературныхъ памятниковъ возникло новое чтеніе, гдѣ интересъ дидактической смѣнялся простымъ историческимъ любопытствомъ. Появилось множество собраній анекдотовъ о знаменитыхъ людяхъ, особенно изъ Греческой и Римской исторіи, которая часто выводилась на сцену и въ другихъ случаяхъ, хотъ и не всегда къ стати, какъ въ «Римскихъ Дѣяніяхъ». Польская литература имѣла нѣсколько подобныхъ сборниковъ, напр. «Апофеегмата» извѣстнаго Рея изъ Нагловиць, вышедшія еще въ концѣ XVI столѣтія, «Апофеегмата» Витковскаго въ началѣ XVII вѣка и др. Въ нашихъ рукописяхъ встрѣчаются подобныя *Апофеегмата* въ четырехъ книгахъ, изъ которыхъ первая общааетъ изреченія знаменитыхъ философовъ, вторая «слова царей, королей, князей, воеводъ, сугклитикъ и иныхъ старѣшинъ», третья — изреченія Лакедемонянъ, четвертая — «гадательства честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ». Онѣ пользовались уваженіемъ и послѣ, и въ 1711 году были напечатаны подъ заглавіемъ: «Краткихъ, витіеватыхъ и правоучительныхъ повѣстей, книгі три. Въ нихъ же положены раз-

личныя вопросы, и отвѣты, житія, и поступки, пословицы, и бесѣдованія различныхъ философовъ древнихъ. Переведены съ полскаго на словенской языкъ... Повелѣніемъ же Царскаго величества напечатаны въ Москвѣ лѣта господня 1711 въ мартѣ. Второе изданіе: «Апофегмата то есть краткихъ вѣтѣватыхъ и правоучительныхъ рѣчей, книги три» и пр. М. 1716. 8° (ср. Сопик. № 2001). Другія изданія Спб. 1723. 1745. 1765. 1781. Слѣдовательно, въ печатномъ изданіи недостаетъ одной книги, противъ рукописныхъ текстовъ. Подлинникъ нашего перевода принадлежитъ Бѣняшу Будному и изданъ въ началѣ XVII столѣтія и нѣсколько разъ послѣ, подъ названіемъ: *Krotkich a wenzłowatych powieści, ktore po Grecku zową Apophtegmata, ksiąg czworo przez Bieniasza Budnego. Z rozmaitychъ przednieyszych authorow zebrane* и пр. (*Jochera, Obraz 1, 11. Maciejowski, Piśm. 3, 371*).

Рукописи: Публ. Б-ки XV. Q. 33 рук. XVII в. изъ собр. Каменецкаго, нач. «Апофегматъ, сіестъ соплетенныхъ краткихъ повѣстей книга 1-я» и пр.; въ другой книгѣ повѣсти названы сокровенными, въ 3-й и 4-й узловатыми; на 196 л.

— Толст. 2. 64 Публ. Б-ки XV. Q. 12 рукоп. конца XVII в., гдѣ Краткія и вензловатыя повѣсти написаны на Польскомъ языкѣ Русскими буквами; Русская рук. нѣсколько полтѣ.

— Царск. № 16 рук. конца XVII в. безъ начальныхъ листовъ. Рукописный нашъ переводъ въ началѣ отличенъ нѣсколько отъ печатнаго изданія Петровскаго, но въ концѣ очень близокъ: слѣд. издатель пользовался готовымъ переводомъ, который нашелъ въ старыхъ рукописяхъ.

Особенное развитіе новеллы и легкихъ, шуточныхъ рассказовъ дало другой колоритъ и собраніямъ анекдотовъ; веселая шутка получала въ нихъ болѣе и болѣе мѣста, и наконецъ въ сборники допускались и анекдоты весьма обценнаго содержанія. Нельзя сказать, чтобъ это было чистымъ нововведеніемъ, потому что и прежде, подъ предлогомъ наставительности, приводились подобныя повѣсти; но въ послѣдствіи эти рассказы стали собирать безъ всякаго намѣренія поучать любознательнаго читателя. Впрочемъ, эта литература вовсе не оскорбляла вкуса читателей, называя вещи ихъ именами и давая много воли

воображенію; потому что понятія о литературныхъ приличіяхъ были тогда вовсе не такъ строгі, какъ теперь. Съ теченіемъ времени образовался особенный разрядъ шуточныхъ сборниковъ, подъ названіемъ *Фацетій* (*Facetiae*), которые долго держались въ западныхъ литературахъ, находя себѣ множество читателей. Надъ собираніемъ фацетій т. е. смѣшныхъ и скандальныхъ разсказовъ и анекдотовъ, остроумныхъ изреченій и шутокъ, трудились иногда люди, очень извѣстные серьезными заслугами и ученостью: назовемъ между ними знаменитаго въ свое время Поджіо Браччіолини, котораго иные считаютъ даже основателемъ этого направленія въ популярной литературѣ. По крайней мѣрѣ со времени выхода его *Фацетій*, открылось сильное соревнованіе и надано было много другихъ *Фацетій*, собранныхъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ. Поджіо упрекали, что книга его не можетъ быть чтеніемъ приличнымъ для человѣка скромнаго; въ своихъ *Investiva* противъ Лаврентія Валлы онъ защищается такимъ образомъ: *quid mirum: facetias meas, ex quibus liber constat, non placere homini inhumano, vasto, stupido, agresti, dementi, barbaro, rusticano? At ab reliquis aliquanto quam tu doctioribus probantur: leguntur et in ore et manibus habentur, ut velis nolis: rumpantur licet tibi Codro ilia: diffusa sint per universam Italiam: et ad Gallos usque, Hispanos, Germanos, Britannos, caeterasque nationes transmigrarint, qui sciant latine loqui. Libet enim et mihi Valleam jactantiam prae oculis habenti paululum gloriari.* Слова его были совершенно справедливы: *Poggii Florentini Facetiarum liber*, изданный первоначально (s. l. et a.) въ 1470 г. въ Римѣ и въ Венеціи, имѣлъ много изданій въ XV и XVI столѣтіяхъ; переводы Итальянскій и Французскій такъ же получили значительный успѣхъ. Примѣръ Поджіо нашелъ множество подражателей; Латинскій языкъ не мѣшалъ конечно распространенію фацетій, потому что былъ въ то время языкомъ образованнаго общества и доступенъ былъ для читающей публики. Изъ послѣдователей Поджіо наиболѣе извѣстны были сборники Гейриха Бебеля, Фришлина, въ особенности *Iocoseria Меландра* (*Iocorum atque seriorum libri II.* 1600). Но скоро *Фацетіи* появились и на другихъ языкахъ. Въ Итальянской литературѣ пользовались большою любовью читателей *Motti e*

facezie Арлотто, сборникъ Корнаццини, *Facetie et motti arguti* Доменики; во Французской — знаменитѣйшая книга этого рода есть *Moyen de parvenir*, приписываемая обыкновенно Бераальду де-Вервиллю, но рѣзкость сатиры, сила выраженія, самобытность этого произведенія заставили нѣкоторыхъ видѣть въ немъ трудъ Раблѣ. Менѣе замѣчательны другіе Французскіе сборники, напр. *le Parangon des nouvelles honnêtes et délectables*, *le Facétieux reveille-matin*, *Facétieuses journées*, *Contes à rire*. У Нѣмцевъ лучшія произведенія этого рода: *Scherz mit der Wahrheit*, и *Schimpf und Ernst* Иоганна Паули, составленные старательно и разборчиво. Любопытно, что въ старинной описи библіотеки нашихъ государей въ XVII столѣтіи упоминаются нѣкоторые изъ этихъ юмористическихъ сборниковъ, напр. «Демокретусъ смѣющійся» т. е. *Democritus ridens*, одинъ изъ забавнѣйшихъ сборниковъ фацецій; сюда же относится безъ сомнѣнія «книжка на Нѣмецкомъ языкѣ о грубіянскомъ мужицкомъ невѣжествѣ» (см. Молодикъ 1844, стр. 147, 144). Содержаніемъ всѣхъ этихъ книгъ были по большей части какія нибудь смѣшныя приключенія, насмѣшки надъ легковѣріемъ и непостоянствомъ женщинъ, недогадливостью поселянъ; здѣсь выставлялись комическія стороны общественной жизни, забавные недостатки или притязанія разныхъ сословій и т. п., такъ что сборники фацецій примыкаютъ къ чисто-сатирической литературѣ; наконецъ здѣсь приводились остроумныя изреченія и фарсы. Всего менѣе была возможна при этомъ какая нибудь задуманная цѣль или точное распредѣленіе содержанія. Въ позднѣйшихъ собраніяхъ помѣщались и обширныя новеллы, точно такъ же, какъ старинныя собранія новеллъ въ родѣ *Cent nouvelles antiques* или *Cent nouvelles nouvelles*, похожи иногда на фацеции: въ послѣднемъ нерѣдко повторяются сюжеты, находящіеся въ книгѣ Поджіо; новеллы Морлини такъ же близко подходятъ къ этой категоріи.

Фацеции рѣзко напоминаютъ эпоху своего появленія особенными прихотями остроумія, которымъ нельзя отказать ни въ изобрѣтательности, ни въ забавности. Въ послѣдствіи шуточные сборники конца среднихъ вѣковъ удерживались только въ литературѣ популярной, потому что считались уже нарушающими принятые вкусы и приличія. Такъ и наши лубочныя кар-

тинки, впадая въ то же безцеремонное остроуміе, сходятся, напримеръ, съ Французскими народными книгами подобнаго направленія: Низаръ, упоминая эти послѣднія, отказывается отъ ихъ разбора и отсылаетъ читателя къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ (*Bibliotheca scatologica* въ *Journ. de l'amateur de livres*, t. 2. *Nisard*, *Hist.* 1, 436). Крайнюю степень развитія этой шуточной литературы можно видѣть въ чрезвычайно любопытной книжкѣ, изданной въ первые годы XVII-го столѣтія подъ названіемъ *Facetiae Facetiagum*: здѣсь обыкновенные сюжеты фацепцій передаются въ ученой формѣ; это — собраніе ученыхъ диссертаций о самыхъ вздорныхъ и забавныхъ предметахъ, диссертаций, на которыя потрачена однако страшная эрудиція, со множествомъ цитатъ изъ древнихъ и новыхъ писателей и строгими приемами схоластической науки. Эта пародія хотя и годилась для однихъ записныхъ ученыхъ, но представляетъ немало шутокъ истинно курьезныхъ.

Въ старинной Польской литературѣ западныя фацепціи приняты были съ большой охотой и даже затронули народную юмористическую струну. Къ тому времени и къ тѣмъ обстоятельствамъ можно относить происхожденіе нѣкоторыхъ народныхъ анекдотовъ, которые хотя и имѣютъ у насъ большую извѣстность, но едва ли могутъ считаться произведеніями самобытнаго Русскаго юмора. Не имѣя достаточно фактовъ для точнѣйшаго опредѣленія вопроса, остановимся на одномъ шуточномъ сборникѣ, переведенномъ съ Польскаго во второй половинѣ XVII-го вѣка. Это — *Смѣхотворныя повѣсти, contes à rire*, которыя, какъ означено въ Толстовскомъ ихъ спискѣ, «добрѣ съ Польска исправлены языка и читать поданы сто осмьдесятъ осмаго (7188 = 1680), ноемврія дня осмаго; преведнаго же ния отъ б начинаемо, въ числѣ аѣг слагаемо». Такимъ же образомъ этотъ Новгородъ-сѣверскій переводчикъ означилъ свое имя въ переводѣ книги Іоанникія Галятовскаго, по Толст. рукописи 2. 26. Подлинникъ нашихъ повѣстей есть, безъ сомнѣнія, книга, описанная Мацѣвскимъ: *Facescye polskie. Żartowne a trefne powiesci biesiadne, tak z rozmaitych authorow, iako tez u z powiesci ludzkiey zebrane* и пр. (*Pisn.* 3, 169), которой мы однако не имѣли подъ руками.

Вообще о фацеціяхъ: *Grüsse, Lit.-Gesch.* 2, 3, 681—688; — *Schollivius*, 262 ff.; — *Gervinus*, 4-te Ausg., 2. 301 ff. и др. Въ 1856 г. вышли цѣлыя изданія по этому предмету, принадлежащія Игн. Губу: 1) *Die deutsche komische und humoristische Dichtung seit Beginn des XVI-ten Jh. bis auf unsere Zeit.* Von Ignaz Hub. 2 Bde; 2) *Die komische und humoristische Literatur der deutschen Prosaisten*, его же.

Списки: — Толст. 2. 47 Публ. Б-ки XVII. Q. 12 рукоп. XVII в., л. 1—65 «Фрашки сирѣчь издѣвки: *факеціи* или жарты польски, издѣвки смѣхотворны московски» и т. д., на второмъ л. «повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыклостей обличительны, преведены съ Польскаго языка» и пр., листы очень перемѣшаны; даѣе, л. 65 «исторія вкратцѣ о Бохомѣ, еже есть о землѣ Чешьской», краткая Чешская исторія, совершенно не встаетъ принятая г. Сахаровымъ за Русскую народную сказку (Р. Ск. Спб. 1841. стр. хх).

— Забѣлина, рук. кажется XVII в. на 69 лист., № 70, не имѣетъ общаго заглавія. Здѣсь лучше сохранился составъ сборника, повѣстей немного больше, но Толстовскій списокъ правильнѣе написанъ.

— Въ каталогѣ Баузе, подъ № 84, какъ сообщено намъ г. Тихонравовымъ, находится «книга фацеціи или жарты, собраніе анекдотовъ и шутокъ, переводъ съ Польскаго, конца XVII в.»

Польскій сборникъ Фацеціи былъ очень похожъ на подобныя сборники другихъ литературъ, такъ что по содержанію Русскаго перевода можно составить довольно ясное понятіе объ этой отрасли популярной литературы. Въ началѣ его помѣщены рассказы и анекдоты о знаменитыхъ мужахъ древности, повторенные изъ другихъ сборниковъ, напр. анекдотъ «о Августѣ кесарѣ и о поэтѣ Виргиліи» (Толст. л. 2, Забѣл. л. 1) есть *Virgilii jocus in caesarem* изъ книжки: *Democritus ridens, sive campus recreationum honestarum, cum exorcismo melancholiae.* Amst. 1655, p. 16; анекдотъ «о Августѣ кесарѣ и о ближнемъ его сановникѣ» заключаетъ то же, что въ Декамеронѣ X, 1. рассказы вается о королѣ Альфонсѣ; «о Августѣ и о куницѣ Римскомъ и о любомудріи Августа» находится въ *Schimpf und Ernst*, изд. 1535, f. *lxxxvij*, wie ein Römer fil schuldig was, — адѣсь же

помѣщенъ и другой анекдотъ «о юноши подобившъ Августу», wie einer dem Keyser gleich sach. Въ новыхъ анекдотахъ дѣйствіе происходитъ отчасти въ Италиі, но чаще въ Германіи, напр. въ одномъ случаѣ ѣдутъ за покупками въ Нюрнбергъ, въ разсказѣ «о Каролѣ кесарѣ и обличеніи піаницы», этотъ послѣдній говоритъ: «азъ ли Ганусъ Шпилеръ, пивый у Фрелиха?» и т. п.; отсюда обнаруживается Нѣмецкое происхожденіе Польскихъ жартъ.

Помѣщенные далѣе рассказы любопытны иногда по своему отношенію къ нашей популярной литературѣ и народнымъ анекдотамъ, вѣроятно отсюда заимствовавшимъ иногда свои сюжеты. Много повторяется и въ «Похожденіяхъ Ивана гостинаго сына», гдѣ передѣлана и старинная рукописная исторія о Фродѣ Скобѣевѣ; сочинитель ихъ и здѣсь могъ пользоваться источникомъ рукописнымъ. Замѣтимъ нѣкоторые, болѣе извѣстные, рассказы:

— «О раздробившемъ по писанію куре»: странникъ приглашенъ былъ на обѣдъ, и когда хозяева просили его разрѣзать по писанію курицу, онъ голову курицы отдалъ хозяину, шею — его женѣ, крылья — дочерямъ, ноги сыновьямъ, а себѣ взялъ все остальное (Пох. Ивана, гост. сына 2, 8).

— «О поселянинѣ вдавшемъ сына учиться по Латинѣ»: какъ отецъ проучилъ сына, который, воротившись изъ школы, утверждалъ, что знаетъ по Латыни, а на дѣлѣ умѣлъ только къ каждому слову прибавлять *из*. Анекдотъ, передаваемый у насъ о Малороссіянинѣ, у котораго сынъ учился въ бурсѣ, находится уже въ книгѣ Оомы Мурнера, извѣстнаго Нѣмецкаго сатирика XV — XVI стол., подъ заглавіемъ: *Der Schelmenzunft anzeigung alles weltläufigen mutwills, Schalckheiten und Bübereien dieser zeytt* (первое изд. 1512), и въ Латинскомъ переводѣ ея поэта-лауреата Флитнера: *Nebulo Nebulorum, hoc est jocosaria vernaculae nequitiae censura*, 2 ed. 1634, p. 62 — 63 (ср. *Flögel, Gesch. d. komisch. Liter. Liegn. u. Leipz. 1786. 3, 196*).

— «О дву дѣвицахъ и о балверѣ» повторяется въ просто-народной книжкѣ: «Старичокъ-Весельчакъ» Спб. 1789 (о непостоянной дѣвицѣ). Рассказъ находится такъ же въ сборн. Забѣлина, XVIII в., № 69 л. 196 — 197.

— «О сницарѣ» т. е. скульпторѣ: о томъ, какъ онъ наказалъ любезника, волочившагося за его женой, — рассказъ близкій къ фавлю *du prêtre stucifié* (*Dunlop*, 497) и къ одному Мало-русскому анекдоту.

— «О шпынѣ (т. е. Франтѣ) и о демонѣ», анекдотъ, находящійся съ нѣкоторыми вариантами въ *Poggii Facetiarum liber* (*Lipczk* 1491): *de homine qui in somnis aurum reperiebat*, въ новеллѣ Морлини *de lusore quem diabolus decerit*, въ *Moyen de parvenir ch. xlvi* и др.

— «О нидерлянскомъ татѣ», — известная лубочная сказка о ворѣ и бурой коровѣ, пересказанная и Далемъ.

— «О дву татѣхъ и о протопопѣ» т. е. плебанѣ, какъ онъ вылечился отъ подагры, въ *Пох. Ив. гост. сына 2*, 113—116; тамъ же 1, 71 рассказано чудесное выздоровленіе больнаго, какъ здѣсь въ исторіи «о реценторѣ Каллимахѣ».

— «О невѣжливѣмъ гостѣ» пересказано въ *Пох. Ивана гост. сына 2*, 11—12.

— Анекдотъ «о судяхъ и о мздопріемствѣ», гдѣ рассказывается, какъ ловко судья рѣшилъ споръ двухъ противниковъ, изъ которыхъ одинъ подарилъ ему рыдванъ, а другой лошадей, — находится въ *Schimpf und Ernst*, f. *xxij*: *wie ein richter bestochen ward von beyden teylen*, въ *Nebulo Nebulorum* Флитнера, 2 ed. p. 100—102 и дважды въ *Democritus ridens* p. 1, 69.

Въ рукописи г. Забѣлина сборникъ фапцій раздѣляется на двѣ части, и вторая, л. 39, представляетъ исключительно «жарты о женахъ и хитростехъ ихъ», первообразы которыхъ находятся по большей части въ фавлю, новеллахъ и народныхъ разсказахъ. Замѣтимъ нѣкоторые:

— Анекдоты о Сократѣ и Пиктакѣ и женахъ ихъ, находятся въ *Democr. ridens* p. 29 *pluvia Socratica*, и p. 27 *concordia*, гдѣ вмѣсто Пиктака является дѣйствующимъ лицомъ *Leo Byzantius sophista*.

— Рассказъ о досадливой женѣ, утверждавшей, что лугъ не покошенъ, а постриженъ, мы видѣли уже въ «Великомъ Зерцалѣ»; послѣ фавлю *du pré tondu* онъ повторяется съ различными вариантами въ «Смѣющемся Демокритѣ» (p. 121 му-

lietum pertinacia), фацеціяхъ Фришлина р. 269, далѣе въ *Cop-tes du sieur d'Ouville, Moyen de parvenir* и многихъ другихъ сборникахъ. Мы встрѣтимся съ нимъ и въ чисто-народной сказкѣ.

— «О тяжести права женскаго»: во время бури на морѣ, плователи рѣшились выбросить за бортъ свой грузъ для облегченія корабля; одинъ изъ нихъ вмѣсто клади выбросилъ жену, говоря, что тяжеле этого для него ничего не было ни дома, ни на кораблѣ.

— «О упрямствѣ жены»: когда она утонула, то мужъ отправился искать ее вверхъ по рѣкѣ, не думая, чтобы она и здѣсь оставила привычку идти наперекоръ всѣмъ и каждому. — изъ фацеціи Поджіо *de eo qui ixogem flumine peremptam querebat*.

— «Жена грамотѣ научила медвѣдя» (Заб., об. л. 43), передѣлка разсказа о томъ, какъ Эйленшпигель въ Эрфуртѣ училъ грамотѣ осла.

— «О младыхъ и о старомъ», какъ послѣдній ловко отшутился отъ молодыхъ женщинъ, хотѣвшихъ надъ нимъ посмѣяться, — изъ фацеціи Поджіо: *juvencularum a calvo quodam faceta dilusio*.

Нападки на женщинъ интересны были для старинныхъ читателей, потому что стояли въ уровень съ ихъ понятіями; фацеціи примыкаютъ въ этомъ отношеніи и къ стариннымъ «словамъ о женахъ» и къ разнымъ народнымъ анекдотамъ изъ домашней жизни и юмористическимъ изображеніямъ, какія давно уже появились въ лубочныхъ картинкахъ. Мы упомянемъ здѣсь только объ одномъ собраніи повѣстей, которое встрѣчается въ старыхъ сборникахъ и принадлежитъ безъ сомнѣнія Русскому составителю. Въ старомъ Русскомъ быту женщина играла незавидную роль: въ этомъ согласны и отечественныя свидѣтельства той эпохи и замѣчанія иноземныхъ путешественниковъ и даже народная наша поэзія, всегда впадающая въ унылый тонъ, когда изображаетъ судьбу женщины внѣ родной семьи, въ чужихъ людяхъ. Понятенъ поэтому тотъ враждебный взглядъ на женщину, какой можно замѣтить уже въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей литературы: отъ нихъ и до позднѣйшихъ сочиненій XVII вѣка, письменность наша представляетъ не-

прерывный рядъ болѣе или менѣе рѣзкихъ выраженій этого взгляда. По вѣрному замѣчанію г. Забѣлина, переводныя произведенія духовной литературы и особенно сочиненія Златоуста, пользовавшіяся большимъ авторитетомъ, имѣли свое значеніе въ приложеніи къ самому Русскому быту. По крайней мѣрѣ, всѣ наши моралисты, начиная съ Даніила Заточника, часто повторяли положенія, встрѣченныя ими въ подобныхъ произведеніяхъ: Домострой въ нравственныхъ требованіяхъ своихъ нерѣдко слѣдовалъ готовымъ правиламъ; даже лѣтописцы считали нужнымъ вооружаться противъ «злыхъ женъ». По текстамъ словъ «о злыхъ женахъ», приведенныхъ въ упомянутой прежде статьѣ о псевдонимахъ (Изм. 4, 126—136), можно видѣть, что готовый матеріалъ легко соединялся съ мыслью Русскаго сочинителя; прибавивъ къ сентенціямъ Даніила или выпискамъ изъ Златоуста нѣсколько новыхъ вариантовъ, сочинитель вполне излагалъ свои понятія. Литературныя отрывки о «злыхъ женахъ» оставались одни и тѣже во все продолженіе до-Петровскаго періода; несмотря на все постоянство этихъ мнѣній, была еще потребность въ суровой характеристикѣ женщины, и Русскія «слова о женахъ» доходятъ иногда до крайности въ своемъ обличительномъ тонѣ.

Упомяная здѣсь о нихъ, мы имѣемъ въ виду связь ихъ съ литературой повѣствовательной. По большей части, цѣль ихъ бываетъ чисто дидактическая; сравненіями и уподобленіями дѣлалось наставленіе тому, кому оно было нужно, и примѣры историческіе завершали сказанное. Одно изъ такихъ словъ начинается вопросами: «егда загорится храмина, чѣмъ ее гасити? водою. Что болѣ воды? вѣтръ. Что болѣ вѣтра? гора. Что сильнее горы? человекъ. Что болѣ можетъ человекъ? хмель: отънимаетъ руки и ноги. Что люте хмелю? сонъ. Что люте сна? жена зла». Въ другомъ словѣ (Рум. № 359, л. 267—270), авторъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «лучше есть во утлѣ корабля плавати, нежели злой женѣ правда повѣдати: корабль утелъ товаръ потопляетъ, а злаа жена домъ мужа своего пусть створяеть и самого мужа своего погубить. Немочно человеку пѣшу въ полѣ заца постичи, а со злою женою спасенія не добыти. Злаа жена отгнаніе ангеломъ, угроженіе діаволе». Иногда

для большаго убѣжденія, кромѣ примѣровъ историческихъ, приводились и анекдоты, какъ сдѣлалъ и Даниилъ Заточникъ (ср. Изв. 4, 136). Изъ подобныхъ «словъ» мы замѣтимъ одно, подъ заглавьемъ «бесѣда отца съ сыномъ о женской злобѣ», обширнѣйшее другихъ и составленное безъ сомнѣнія Русскимъ сочинителемъ изъ тѣхъ матеріаловъ, какіе онъ могъ имѣть въ XVII или XVI столѣтіи.

Вотъ нѣкоторые списки «бесѣды»: — Румянц. № 363 сборн. XVII в. л. 513—543 «сказаніе и бесѣда премудра и чадолюбива отца преданіе и поученіе къ сыну свискателно отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отецъ, и премудраго Соломона, и Исуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ и искусныхъ, о женстѣй злобѣ», нач. «послушай, сыне мои, приклони ушеса свои, внуши словеса устъ моихъ, да скажу ти. Исперва сотвори Богъ чловѣка единаго отъ всѣхъ стхін» и пр.

— Толст. 2. 181 Публ. Б-ни XVII. Q. 35 сборн. XVII в. л. 365—378 «бесѣда отца съ сыномъ, свискателно отъ различныхъ писаній богомудрыхъ отецъ, отъ премудраго Соломана, отъ Исуса Сирахова и отъ многихъ философовъ, отъ искусныхъ мужей, отеческая преданія къ сыну, о женстѣй злобѣ, и обоихъ вкупѣ» (sic), нач. «послушай, сыне мои, внуши словеса» и пр.; — Толст. 2. 140 л. 868—888 не означенные въ описаніи и перемѣшанные отрывки той же бесѣды.

— Царск. № 431 сборн. XVII в. л. 1—63 «бесѣда отца съ сыномъ и т. д., ...отеческое преданіе и наказаніе къ сыну: о женстѣй злобѣ и о сыновней добродѣтели, обоихъ вкупѣ», нач. почти такъ же.

Женская злоба казалась до такой степени сильною и непреоборимою сочинителю «бесѣды», что главная мысль ея—развитіе аскетическихъ положеній во всей ихъ обширности. Чтобы сберечь сына отъ несчастій, какія можетъ навлечь женская злоба, отецъ совѣтуетъ ему совершенно избѣгать женщинъ, и въ отвѣтъ на сомнѣнія сына представляетъ разительные примѣры этого зла. Послѣ рассказовъ объ Адамѣ и Елѣ, авторъ, по полнѣйшему Румянц. списку, разсуждаетъ о томъ, что отъ

женъ «многія крови проліяшася и царства разоришася и царіе отъ живота гонзнули», что «горе граду тому, немже владѣтельствуеть жена; горе дому тому, немже владѣеть жена; зло и мужу тому, немже слушаеть жены»; онъ съ полнымъ простоушіемъ повторяеть упреки женщинамъ, сдѣланные еще І. Златоустомъ: «украшаютъ бо тѣлеса своя, а не душу, уды своя связали шолкомъ, лбы своя потягнули жемчугомъ, ушеса своя завѣсили драгими рясами, да не слышатъ гласа Божія, ни святыхъ книгъ почитанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія»; указываетъ, какое зло приноситъ жена въ семейный бытъ, лишая покоя своего мужа, и такъ далѣе: «женскіи разумъ, говоритъ онъ, яко хранина непокровенна и яко вѣтрило на верху горъ, скорообразно вертяшася....; лутче купити коня, или вола, или ризу, нежели злу жену поняти». Подобными словами хорошо выражаются тѣ понятія, изъ которыхъ развились и народныя наши изреченія: «бабій языкъ — чортово помело, вымететь изъ дому и хитреца и мудреца» — «гдѣ бѣсъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ» — «бей жену до дѣтей, а дѣтей до людей» — «женнину немочь догадка лечить» — «жена не горшокъ, не разобьется» и т. п.

На возраженія сына, отецъ приводитъ характеристику женщинъ, уподобляя ихъ дикимъ звѣрямъ и вообще описывая ихъ самыми мрачными красками. Онъ пересчитываетъ такимъ образомъ женщинъ: 1) лстивую и пронирыливую, 2) сварливую и злоязычную, 3) крадливую и лукавую, 4) лстивую..., 5) обавницу и еретицу, 6) медвѣдицу и лвицу, 7) змію и скорпію, 8) ехидну, 9) змію и василиску, 10) аспиду. Вотъ напримѣръ женщина, преданная колдовству: «издѣтска начнетъ у проклятыхъ бабъ обавничества навывать и еретичества искать, и вопрошати будетъ многихъ, каковъ ей за мужъ вытти и какъ бы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ, и взыщеть обавниковъ и обавницъ (колдуновъ и колдуней, *Толст.* 2. 281) и волшебствъ сатанинскихъ, и надѣ ѣствою будетъ шепты ухищрати и подѣ нозѣ подсыпати, и въ возглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты рѣзаячи, и надѣ чѣломъ втыкаячи, и всякія прилучившіяся къ тому промышляти, и коревіемъ и травами примѣшати, и всѣмъ надѣ мужемъ чаруетъ, сердце его высосеть,

тѣло изсушить, красоты въ лицѣ не оставить, и во очесехъ свѣтлость погубить, и всякому въ поношеніе вложить» и пр. Въ томъ же родѣ составлены и другія описанія, въ которыхъ иногда видны черты именно Русскаго быта. Общимъ характеромъ наставленій наша Бесѣда отца съ сыномъ напоминаетъ другое «отеческое наказаніе», принадлежащее Французской литературѣ: *Chastoiement que li peres ensaigne à son fils (Barb.-Méon, Fabliaux 1808, 2, 39—183)* — передѣлку извѣстнаго сборника Петра Альфонза, составленную въ XI—XII столѣтіи. Разказы, въ которыхъ отецъ передаетъ сыну нравственные уроки, разошлись въ послѣдствіи по всей Европѣ и получили особенную прелесть подъ перомъ Боккаччо и другихъ новеллистовъ; нѣкоторые мы замѣтили, говоря о Римскихъ Дѣяніяхъ; но здѣсь взглядъ на женщину, какъ и въ нашей Бесѣдѣ, отличается мрачною холодностью. Въ разныхъ нравоучительныхъ сентенціяхъ, *tirades d'une morale fort insipide et quelquefois très-malhonpéte*, по выраженію Леграна (*Fabl. 1779, 1, 194*), отецъ убѣждаетъ сына избѣгать женщинъ, какъ лютыхъ звѣрей. Онъ говоритъ, напрямѣръ, сыну:

Beax fils, sui lion et dragon,
Ors, liepart, et escorpion;
La male feme ne sui mie
Por losenge que l'en te die.
Prie Dieu molt devoltement
Le gloriox omnipotent,
Qu'il te deffende de lor art,
Et tu te gardes de ta part.

Сынъ проситъ отца разказать ему о нихъ, *quar com plus ge les connoistroie, de tant mielz garder m'en porroie*, — и отецъ сообщаетъ ему три повѣсти *de la male feme*. Такія понятія продолжаютъ и въ другихъ произведеніяхъ средне-вѣковой повѣсти. Не смотря на рыцарское уваженіе къ женщинѣ, отличающее эту эпоху, литература представляетъ цѣлый рядъ забавныхъ разказовъ, основанныхъ на правилѣ, что тѣлесное наказаніе необходимо для укрощенія злыхъ женщинъ и для подкрѣпленія добродѣтельныхъ. Разказы о томъ, какъ мужья находили въ палкѣ лучшее средство къ поддержанью до-

машняго счастья, съ одобреніемъ повторяются у многихъ Итальянскихъ новеллистовъ, даже у Боккаччо, въ повеллѣ о Соломоновомъ судѣ, *Decameron*. IX. 9. Такая же мораль не разъ проповѣдуется и въ фавль, напр. *de la dame qui fut corrigée*. Въ романѣ *Milles et Amys*, написанномъ въ самую блестящую пору рыцарства, развивается мьсль, что — *la mauvaise femme convient il battre et la bonne aussi a fin qu'elle ne se change*, — дурную жену надобно бить, да и хорошую такъ же, чтобы она не перемѣнилась (ср. *Dunlop* 249). Нельзя однако проводить аналогіи между этими примѣрами и нашими памятниками: что въ одномъ случаѣ было явленіемъ исключительнымъ, то въ другомъ является обыкновеннымъ и постояннымъ фактомъ; наша Бесѣда удачно совмѣщаетъ особенности отзывовъ о женщинахъ, которые представляются въ старой письменности Русской.

Вслѣдъ за общемою характеристикою, сочинитель, отвѣчая на возраженія сына, указываетъ примѣръ Адама, Ноя, Лота, Давида, и когда сынъ находилъ себя достаточно укрѣпившимся противъ женской *прелести* (т. е. коварства и обмана), отецъ отвѣчалъ, что не слѣдуетъ надѣяться «на мужество свое и на храбрость, еже жити со звѣремъ симъ — т. е. съ женщиной, — что укротити его, свирѣпѣе и безстуднѣе суще полскихъ звѣрей, невозможно суши убѣжати лютости ея: обрѣли бо есми въ писаниихъ, кто Соломона премудрого премудрея, или кто Самсона сильнѣе и Александра храбрѣе, — и они отъ женъ пострадали и скончались» и пр. За тѣмъ отецъ приводитъ слѣдующія исторіи:

— Въ «Старчествахъ» т. е. книгѣ этого названія нашель онъ исторію о томъ, какъ злая жена прельстила старца въ пустынѣ, погубила мужа и шестерыхъ дѣтей и наконецъ была сама наказана жестокою смертію (Румянц., об. л. 531).

— Повѣсть «про нѣкоего мужа» (л. 533): «...пришедше въ домъ къ женѣ вдовицѣ и хваляху людіе ему, да ся оженитъ ею, понеже юнъ баше; она же окаинная зловравно съ нимъ живяше нѣколико лѣтъ. По времени же умре жена, онъ же начать продавати дѣти своя и ея; людіе же кляняху его: что тако творить? Онъ же рече: егда возрастуть и будутъ обычаемъ въ

матеръ свою, тогда и меня продадутъ. И плакася о женѣ своей, людіе же глаголаху: почто плачешися? Онъ же рече: плачюся, дабы другая такова не была» (ср. Изв. 4, 136). Здѣсь присоединено такъ же изреченіе: «нѣкіи челоувѣкъ рече, — былъ есть въ трехъ нуждахъ: въ темницѣ, у шибалицы, и отъ дву нуждъ убѣжахъ, а отъ третія нужды, отъ злыя жены, не могу убѣжати.»

— Далѣе, л. 535, находится анекдотъ о Папиріи Римлянинѣ; указанный прежде въ Римскихъ Дѣянiяхъ и приведенный здѣсь по другой редакціи.

— Наконецъ упомянутая нами въ числѣ судовъ Соломоновыхъ повѣсть о Даркирѣ или Декирѣ, на л. 538 — 542, съ тѣмъ же заключеніемъ: «и рече царь: обрѣтохъ въ тысящѣ много мужей мудрыхъ, жены же мудрыя не обрѣтохъ ни во тмѣ единыя.»

Замѣтимъ здѣсь и «притчу о старомъ мужѣ» въ Толст. 2. 230 сборн. XVII—XVIII в. об. л. 38—41, нач. «бысть старын мужъ велии старъ. и сватался ко прекрасной дѣвицѣ», такъ же въ Погод. № 1776 рук. XVIII в. л. 4—8 «сказаніе о старомъ мужѣ и о прекрасной дѣвицѣ», нач. почти такъ же. Старый мужъ предлагаетъ дѣвицѣ слугъ и рабынь и портищъ многоцѣнныхъ: «украшу тебя, говоритъ онъ, аки цвѣтъ въ чистомъ полѣ и аки паву птицу прекрасную, аки Волгу рѣку при дубравѣ, и упокою тя во всемъ нарядѣ, и сотворю тебѣ пиръ великій, и на пиру велю всякую потѣху играти гуселникомъ и трубникомъ», — но дѣвица обличаетъ его, не жалѣя рѣзкихъ выраженій.

Возвращаемся къ «Смѣхотворнымъ повѣстямъ». За коротенькими анекдотами въ сборникѣ помѣщены довольно обширные рассказы, принадлежащіе области средне-вѣковой новеллы. Одинъ изъ нихъ «о женахъ, оболстившихъ мужей, како мужъ предъ женою каяся» (Т., об. 44—53. Заб. об. 56—64) есть передѣлка сюжета, знаменитаго въ средневѣковой литературѣ: замѣтимъ здѣсь только редакцію его въ басняхъ Биопая, въ фавлье *de la dame qui fit accroire à son mari qu'il avait revé* или *les cheveux coupés*, въ Декамеронѣ VII. 4. 8., и въ *Cent nouvelles nouvelles*, nr. 61.; обширная литературная исторія этого

сюжета собрана въ изданіи *Гагена*, Ges.-Abenteuer 2. xlii—xlix. Для противоположности прежнимъ рассказамъ, гдѣ женщины постоянно рисуются въ неблаговидныхъ чертахъ, собиратель вставилъ вторую повѣсть «въ поправленіе женамъ и во отвѣденіе укоризны на сихъ, о женѣ благочестивой» (Т. л. 62), вариантъ рассказа, помѣщеннаго въ Schimpf und Ernst (f. lxxij, von Ernst das ccclxxxvij). Третій рассказъ «о женѣ благоразумнѣй и о мужѣ непотребнѣмъ» въ Толст. л. 65, и въ Забѣл. сборникѣ № 69 л. 194—195, есть передѣлка фавль de la bourse pleine de sens, извѣстнаго и въ Нѣмецкой литературѣ (см. Ges.-Abent. 2, xix—xxi. 219—239 von den ledigen wiben).

Наконецъ въ «Смѣхотворныхъ повѣстяхъ» перешли въ старинную нашу повѣсть и нѣсколько новеллъ *Боккаччо*, — фактъ любопытный по его неожиданности. Однѣ изъ новеллъ, кажется, непосредственно изъ Декамерона перешли въ Нѣмецкій подлинникъ Польскаго сборника, другія отчасти передѣланы или взяты изъ другихъ редакцій. Въ нашемъ сборникѣ находится четыре новеллы.

— «О друзѣхъ, о Маркѣ и Шпинелетѣ» (въ Толст. и Забѣл. спискахъ и въ сборникѣ Заб. № 69 л. 188—191), новелла Декамерона VIII. 8, гдѣ друзья названы Zerra и Spineloccio; передѣлана въ Похожд. Ивана гост. сына 1, 79—82.

— «О женѣ и гостѣ» (Т. 38, Заб. 43 «о женѣ, всадившей гостя въ полбочку», и въ сборникѣ № 69 л. 195—196), новелла Декамерона VII. 2, повторенная въ рассказѣ Морлини de adultero, qui uxorem in praesentia viri in dolio permanentis retromarte delibabat, и во многихъ другихъ передѣлкахъ (Ges.-Abent. 2, xxxvi—xl); наша повѣсть не слѣдуетъ тексту Декамерона, и не имѣетъ картиннаго окончанія Итальянской новеллы.

— Повѣсть «о господинѣ Петрѣ и о прекрасной Касандрѣ и о слугѣ Николаѣ» (Т. 53—58, Заб. 47—53, № 69 л. 191—194), есть очень близкая редакція новеллы Боккаччо, Decam. VII. 7; какъ и предъидущій рассказъ эта повѣсть была значительно распространена, и извѣстна въ Нѣмецкой обработкѣ (*Dunlop* 242, 490).

— «О женѣ, оболстившей мужа, якобы ввержеса въ кладезь» (Т. 58—62, Заб. 53—56 «о гражданинѣ упивающемся и

о женѣ его») — новелла Декамерона VII. 4, отмѣченная нами и въ повѣсти о Семи Мудрецахъ. Она рассказана была прежде Боккаччо въ фавль de celui qui enferma sa femme en une tour (*Barb.-Méon* 2, 99—107) и повторена другими Итальянскими новеллистами.

Кромѣ того у насъ переведена была одна изъ прекраснѣйшихъ новеллъ Боккаччо и по мысли и по рассказу, Decamer. II. 9; это — «повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился з другимъ о добродѣтели жены своей» въ той же Толст. рукописи л. 86—101. Обширная литературная исторія этого сюжета, повтореннаго въ Индѣйскихъ сказкахъ Сомадевы, въ Тысячѣ и одной Ночи, въ Римскихъ Дѣянiяхъ, во многихъ средне-вѣковыхъ повѣстяхъ и романахъ, изложена въ томъ же изданiи Гагена, *Gesammtabenteuer* 3, lxxxiii—cxii. Нѣкоторыя обработки сюжета находятся въ ближайшей связи съ новеллой Декамерона. Источникомъ этой послѣдней считаютъ одно Французское стихотворенiе, но существовала и древняя Итальянская редакцiя рассказа, которою воспользовался Сансовино въ *Cento novelle scelte*; кромѣ стариннаго Нѣмецкаго стихотворенiя *von zweien kaufmannen* (*Ges.-Ab.* 3, 357—382), довольно далекаго отъ новеллы Боккаччо, есть другая Нѣмецкая обработка, болѣе съ ней согласная, именно народная книга: *Ein liebliche histori vnd warheit von vier kaufmendern*, изданная до 1489 года, — но она происходитъ кажется изъ Латинскаго источника, къ которому Гриммъ относитъ и новеллу Боккаччо.

Польская исторiя, служившая подлинникомъ для нашей повѣсти, едва ли не была непосредственнымъ пересказомъ новеллы Декамерона. Она явилась еще въ концѣ XVI столѣтiя, и въ 1583 упомянута въ Замойскомъ индексѣ *librorum prohibitorum* (*Jocher, Obraz* 3, 392. *Wiszniewski, Hist.* 7, 210); по указанiю Делевеля, она была напечатана въ 1571 г., упоминается и нѣсколько другихъ изданiй, въ XVI-мъ и XVII-мъ стол. (*Lelewela, Bibl. ksiąg dwoje, Wilno* 1823—26. 1, 181. 186. 2, 233). Повѣсть называется: *Historia krotofilna o kupcu ktory sie z drugim założył o cnote zony swoiey*, или: *Historya barzo piękna o Barnabaszu. Jako się ten zacny kupiec z drugim kupcem na cnotę zony swoiey założył o zakład niemały. Wszystkim cnym paniom*

ku pocieszę u przestrodze (*Мас.*, *Piśm.* 3, 88), — такъ что въ заглавіи сохранилось имя Генуэзца Бернабо, мужа героини. Русскій переводъ исторіи довольно удовлетворителенъ.

Ж.

Опыты Русской повѣсти. — Сказаніе о Саввѣ Грудцынѣ. — Рукопись старицы Маріи. — Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ. — Популярное чтеніе первой половины XVIII-го столѣтія: переводные романы и «жарты» или шуточные сборники.

Къ концу стараго періода нашей письменности, когда перешло въ нее много западныхъ повѣстей и романовъ, появляются и слабые начатки самостоятельной Русской повѣсти. Нѣтъ сомнѣнія, что въ старой словесности нашей не могла сколько нибудь полно развиваться эта литературная форма, и то, что можетъ быть отнесено у насъ къ этому разряду произведеній, не имѣетъ никакого опредѣленнаго характера. У насъ невозможны были конечно исторіи съ рыцарскими похождениями и романической любовью, но Русская повѣсть могла исполнить свое назначеніе и быть любопытнымъ памятникомъ литературы, если бы вѣрно рисовала отличительныя черты Русской дѣйствительности. Какъ можно было пользоваться фактами нашего стариннаго быта, показываютъ отчасти немногіе опыты Русской повѣсти, извѣстные теперь по рукописямъ. Какъ на попытку романа указывали у насъ иногда *повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ*, относя ее ко временамъ ц. Михаила Ѳеодоровича. Она встрѣчалась намъ въ нѣсколькихъ спискахъ; повидимому она читалась со вниманіемъ въ свое время: Толстовская рукопись повѣсти написана очень старательно и украшена картинками, — всего 22, — изображающими героя въ разныхъ случаяхъ его жизни. Сказаніе о Саввѣ Грудцынѣ есть какое-то соединеніе правоучительной повѣсти съ историческимъ рассказомъ; въ немъ нѣтъ той живости изложенія, какою отличается Фролѣ Скобѣевѣ, нѣтъ и такой одушевленной картины нравовъ, нарисованной по поводу приключеній героя. Правоучительное направленіе, которымъ проникнута наша повѣсть, было общемою наклонностью того времени, и сочинителю трудно было отъ нея освободиться; при всемъ томъ изложеніе не такъ страдаетъ отъ этого, какъ можно было бы ожидать.

Сюжетъ исторіи составляетъ судьба юноши т. е. Саввы, попавшаго во власть бѣса, которому онъ далъ на себя запись, и потому чудеснымъ образомъ освобожденнаго отъ погибели. Отецъ его, Оома, отправляясь съ товарами въ Персиду и желая приучить сына къ торговымъ дѣламъ, поручаетъ ему ѣхать къ Соль-Камской. Савва отправился и остановился въ Усольскомъ градѣ Орлѣ у стариннаго пріятеля отца своего, «прослыгіемъ Бажена Втораго.» Здѣсь завязывается у него любовная интрига, которая сначала шла удачно, но потомъ, послѣ одной размолвки между Саввой и предметомъ его страсти, принудила его оставить домъ Бажена. Юноша былъ однако напоенъ «отравнымъ зельемъ,» отчего «начать яко нѣкии огнь горѣти въ сердцѣ его;» словомъ, онъ былъ привороженъ къ своей любезной и нигдѣ не находилъ покоя. Въ это время начинаются сношенія его съ бѣсомъ, который обѣщалъ ничего не подозревавшему Саввѣ поправить его дѣла, если только онъ дастъ ему рукописаніе. Едва умѣя грамотѣ, Савва написалъ требуемое условіе, и не понимая самъ въ чемъ дѣло, отдалъ себя въ руки бѣса, который исполнилъ его желанія, и чтобы окончательно уловить юношу, представилъ его своимъ темнымъ властямъ. Между тѣмъ Оома, воротившись домой, услышалъ о безпорядочной жизни сына, и не имѣя отъ него никакихъ вѣстей, отправился его отыскивать. Савва, по совѣту своего новаго служителя, идетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Шую, поступаетъ въ солдаты и приобрѣтаетъ любовь полковника иноземца, который училъ новобранцевъ. Царь Михаилъ Федоровичъ посылалъ тогда войско подъ Смоленскъ; туда идетъ и Савва, и при помощи бѣса оказываетъ удивительную храбрость, побѣдивъ на поединкахъ трехъ Польскихъ богатырей. Бояринъ Шеинъ услышалъ о его подвигахъ, призвалъ къ себѣ и узнавъ его происхожденіе, велѣлъ воротиться къ отцу: Шеинъ зналъ Оому Грудцына и подозревалъ что-то недоброе въ поступкахъ Саввы. Въ Москвѣ, бояринъ Стрешневъ, до котораго дошла молва о подвигахъ Саввы подъ Смоленскомъ, приглашаетъ юношу въ свою службу.... Но вскорѣ Савва сдѣлался отчаянно боленъ, и тогда только принявъ свое страшное положеніе; послѣ долгихъ страданій, подвергавшихъ опасности его жизнь, онъ спасается отъ смерти и

отъ власти бѣса. Конецъ его жизни отличался благочестіемъ и добрыми дѣлами. — Вообще, и по характеру сюжета и его пружинамъ, повѣсть вполне принадлежитъ своему времени; это зародышъ романа, какой возможенъ былъ для нашей старой жизни и литературы. Содержаніе взято безъ сомнѣнія изъ дѣйствительнаго событія, какъ и вообще старинная повѣсть рѣже, чѣмъ нынѣшняя, выбирала своими героями лица выдуманная и идеальныя. Языкъ повѣсти есть обыкновенный книжный языкъ семнадцатаго столѣтія.

Списки: — Толст. 3. 34 Публ. Б-ки I. О. 75 рук. нач. XVIII в. на 41 л. «повѣсть (убо сія) страха и ужаса исполнена и неизреченнаго удивленія достойна, како челоуѣколюбивый Богъ, долготерпѣливъ сый, ожидаай нашего обращенія и неизреченными своими судьбами всякаго челоуѣка приводить ко спасенію, еже бысть во дни сія, и являетъ челоуѣколюбіе свое надъ родомъ христіанскимъ», нач. «бысть убо в лѣто 7114 (= 1606), егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ попусти Богъ на Московское государство богомерскаго отступника, еретика Гришку растригу Отрепьева»... На картинкахъ изображается напр., какъ «Ѳома отъѣзжаетъ изъ града Казани», какъ «жена Баженова подноситъ Савве волшебное зеліе», какъ въ селѣ Павловѣ «святый старецъ сказуетъ Савве, яко имѣть братство съ діаволомъ», и др.

— Погод. № 1774 сборн. XVIII в. л. 1—19 исторія Саввы Грудцына, безъ начала; писана разными почерками.

— Забѣл. № 73, сборн. XVIII в., такъ же неполный списокъ.

— Б-ки Моск. Общ. № 223 сб. новый, оборн. л. 724—770 «повѣсть зѣло предивная, бысть въ древняя времена, града Великаго Устюга купца Ѳомы Грудцына о сынѣ его Саввѣ, какъ онъ даде на себе діаволу рукописаніе и какъ избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскія»; — № 323 сборн. XVIII в. л. 195—213 «сказаніе, како нѣкій юноша Савва, прозываемый Грудцынъ, даде на себя бѣсу рукописаніе и съ нимъ хоуждаше, и спасенъ бысть въ церкви Казанскія Пресвятыя Богородицы во градѣ Москвѣ».

— Мы пользовались такъ же неполною рукописью исторіи, на 27 лист., сообщенною намъ г. Геннади.

Намъ неизвѣстны, къ сожалѣнію, другія произведенія, въ которыхъ могли бы найтись остатки старой повѣсти; ограничимся потому одними указаніями. Въ рукописи XVIII в. бывшей бібліотеки Царскаго № 453 л. 47—95 находится, на примѣръ, «исторія о славномъ храбромъ Александрѣ, кавалерѣ Россійскомъ;» не можемъ однако сказать, такого же ли рода герой этой исторіи, какъ Россійскій дворянинъ Фролъ Скобѣевъ, или это личность вовсе не интересная. Есть указаніе о другой повѣсти или романѣ въ родѣ Фрола Скобѣева — въ словахъ Макарова, который говоритъ, что въ старыхъ бумагахъ своихъ нашелъ повѣсть. «написанную весьма просто, но обезображенную рукою времени» (?); по свидѣтельству его повѣсть носила такое названіе: «о томъ, что случилось и приключилось съ Мадленою, дочерью дѣвицею Ивановою пана Тарновскаго, и о томъ, какъ онъ панъ Иванъ прощалъ ее, и какъ паны Поляки все еще были въ ненависти противу Руси», герой повѣсти Русскій (см. Пов. изъ Рус. нар. преданій М. 1834, стр. 107, пр.). Жаль, что слова Макарова очень сомнительны: повѣсть могла существовать только въ его досужей фантазіи, хотя онъ серьезно говоритъ о ней; передѣлка его не имѣетъ разумѣется никакого значенія. Назовемъ еще одно сказаніе, быть можетъ, передающее такую же семейную исторію, какъ Савва Грудцынъ; оно заключается въ сборн. Царскаго, XVIII-го вѣка, № 474 л. 92—157 подъ заглавіемъ: «сказаніе отчасти о доблестивнѣй и изящнѣй боярынѣ Θεодосіи Прокопьевнѣ, во инокиняхъ Θεодорѣ, по тезоименству земныя славы Морозовы, о единородной ея княгинѣ Евдокеи и о союзницѣ ихъ Маріи.»

Бѣдность старой нашей словесности въ произведеніяхъ поэтическаго и свѣтскаго характера даже не разъ давала поводъ къ поддѣлкамъ и подлогамъ, но всегда они были грубы или не ловки. Таковы, на примѣръ, древнія Новгородскія руны, занимавшія Державина; древнія Русскія поэмы, теперь будто отысканныя; «прозрѣніе въ будущее», рукопись будто бы XII-го вѣка на древле-Сербскомъ языкѣ и т. п. Съ гораздо большимъ умѣнемъ сдѣланъ былъ недавно любопытный подлогъ, скоро впрочемъ угаданный и не имѣвшій поэтому успѣха. Въ Новгородскихъ губ. Вѣдомостяхъ 1849 г. (№ 41. 42. 47) на-

печатана была по старинному подлиннику «Рукопись старицы игуменьи Маріи, урожденной княгини Одоевской.» Это дневникъ Русской боярышни XV—XVI вѣка, жившей въ Новгородѣ въ эпоху его паденія: дневникъ описываетъ жизнь боярской дочери въ домѣ ея отца, вводитъ читателя не только въ домашній бытъ, но и въ среду политическихъ событій того времени; иногда онъ удачно рисуетъ положеніе Русской женщины съ ея ролью въ семействѣ, съ ея чувствами и любовью, обставляетъ все это мелкими подробностями старинной жизни. Словомъ, дневникъ казался драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для литературы, въ которой до сихъ поръ не находили ничего подобнаго; это была вмѣстѣ и прекрасная старинная повѣсть. Но мистификація скоро открылась: г. Погодинъ обнаружилъ промахи новѣйшаго сочинителя, который смѣшалъ Іоанна III съ Іоанномъ IV, упоминалъ Русскую печатную книгу за пятьдесятъ лѣтъ до ея перваго появленія, перепуталъ названія старинныхъ чиновъ и должностей. Выѣшность описанной издателемъ рукописи такъ же выказала подлогъ сочиненія: рукопись названа харатейною и —склеенною столбцами, что дѣлалось, какъ извѣстно, только съ столбцами бумажными; притомъ харатья въ XVI столѣтіи есть излишняя роскошь, потому что тогда уже вошли въ общее употребленіе не только бомбицинь, но и простая тряпичная бумага. Г. Погодинъ перепечаталъ и самую повѣсть, въ переводѣ на нынѣшній языкъ, чтобы сдѣлать свои опроверженія несомнѣнными (Москвит. 1850. № 3, смѣсь, стр. 29—61). Прибавимъ, что и преднамѣренная неправильность книжнаго языка повѣсти въ той же мѣрѣ не удалась автору. Вотъ нѣсколько фразъ сначала, гдѣ сочинитель или слишкомъ насилдовалъ древній языкъ XV—XVI столѣтія, или же вставлялъ въ него новѣйшіе обороты: «обаче и живяше со невѣрны, не изменяшяся обычаямъ і егда придоша въ Великій Новъ-градъ, абіе возлюбима его Владыка, бояре и житой людъ и содѣлаша его діякомъ на вѣчв і правяше дѣлы земсти;» «желаше бо (я) греху мя и сетя дьяволей обнемлющу, неприменно (!) себѣ самой смертное убойство сотворити, ниже тому быти»....

Напечатанная недавно по старой рукописи исторія о *Фроль Скобьевъ* представляетъ чрезвычайно любопытный образецъ

старинной оригинальной повѣсти. Въ ней легко и игриво рассказываются похождения этого авантюриста, его любовь къ боярской дочери Аннушкѣ, женидьба на ней противъ воли строгаго отца ея, наконецъ примиреніе съ нимъ и благоденствіе «Россійскаго дворянина». Содержаніе принадлежитъ конечно истинному событію и сначала могло передаваться въ устныхъ анекдотахъ; записанная форма повѣсти обнаруживаетъ въ авторѣ умѣнье рассказывать; въ его простодушномъ изложеніи столько юмора, что и теперь повѣсть можетъ быть прочитана съ любопытствомъ. Случайность ея сохраненія позволяетъ думать, что она была не единственнымъ примѣромъ стариннаго романа, и что Фролъ Скобѣевъ имѣлъ своихъ предшественниковъ. Самостоятельный выборъ сюжета и его представленіе достойны вниманія въ томъ отношеніи, что повѣсть нисколько не страдаетъ подражательностью, какой легко было бы ожидать отъ Русскаго сочиненія подобнаго рода въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Въ концѣ прошлаго столѣтія исторія о Фролѣ Скобѣевѣ передѣлана была Лв. Новиковымъ въ Похожденіяхъ Ивана гостинаго сына подъ заглавіемъ: «Новгородскихъ дѣвухекъ святочный вечеръ съигранной въ Москвѣ свадебнымъ» (1, 112—152); исторія передается здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями и болыпими подробностями, и въ новомъ своемъ видѣ представляетъ любопытныя черты стараго Московскаго быта, въ половинѣ XVIII столѣтія. Изложеніе иногда гораздо рѣзче, нежели во Фролѣ Скобѣевѣ. Эта передѣлка и другія подобныя заимствованія показываютъ, что повѣствовательные памятники XVII и первой половины XVIII вѣка еще не были забыты во времена Екатерины. Они легко еще удерживались въ памяти и потому, что въ старомъ поколѣніи этой эпохи очень нерѣдки были люди, воспитанные на прадѣдовскихъ обычаяхъ, и для нихъ чтеніе старинныхъ сборниковъ сохраняло всю свою цѣну, какъ вполне соответствовавшее ихъ понятіямъ и степени образованія, или вѣрнѣе грамотности. Мы видѣли, что почти всѣ повѣсти и исторіи XVII вѣка, и даже древнѣйшія, весьма часто находятся въ рукописяхъ прошлаго вѣка; слѣдовательно старинная письменность, не смотря на все новое развитіе литературы, продолжала свое существованіе, основываясь на правѣ давности.

— Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ была найдена г. Бѣляевымъ при описаніи Погодинскихъ рукописей, поступившихъ въ Публ. Библіотеку, въ одномъ сборникѣ прошедшаго столѣтія. Она была напечатана въ Москвитинѣ (1853. 1, Ист. Матер. 3—16) по другой новѣйшей копіи, къ которой приведены были послѣ варианты Погодинскаго списка. Повѣсть называется здѣсь «исторія о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и столярной дочери Нардина-Нащоккина Аннушкѣ». Списокъ ея находится такъ же въ сборникѣ г. Забѣлина, XVIII в., № 82, подъ заглавіемъ: «исторія о Новгородкомъ дворянинѣ о Фролѣ Скобѣевѣ и Аннушкѣ — какъ онъ себѣ достигъ за семь рублей благополучіе», безъ конца.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о повѣстяхъ и романахъ, которые были популярнымъ чтеніемъ эпохи Петровской. Наши грамотѣи и книжники этого времени не ограничились тѣмъ запасомъ чтенія, какой представляло семнадцатое столѣтіе, и такимъ образомъ появилась новая письменность, не лишенная забавной оригинальности и по содержанію и по языку. Остатки ея до сихъ поръ влчатъ незавидное существованіе въ лицѣ Францеля Венеціана, Египетскаго рыцаря Полиціона и другихъ героев. Количество этихъ романовъ и нѣкоторыя удѣльшія указанія убѣждаютъ, что въ свое время они съ большимъ успѣхомъ наполняли досуги читателей — грамотныхъ недорослей, подъячихъ, сержантовъ изъ дворянъ и тому подобной читающей молодежи, которая распространила вкусъ къ этому чтенію до самаго конца XVIII столѣтія. Большею частію намъ неизвѣстны ни время появленія этихъ романовъ, ни имена переводчиковъ, но, безъ сомнѣнія, начало ихъ должно отнести къ эпохѣ Петра В., а вообще они составляютъ принадлежность первой половины прошлаго вѣка. Они очень рѣдко попадали въ извѣстныя собранія рукописей; приводимъ здѣсь тѣ романы, которые намъ извѣстны по рукописямъ или другимъ указаніямъ.

Между рукописями г. Забѣлина находится обширный сборникъ XVIII столѣтія, № 67, который почти исключительно составленъ изъ романовъ Петровскаго и позднѣйшаго времени, занесенныхъ въ сборникъ отдѣльными рукописями. Здѣсь помѣщены:

— «Исторія о Алфонзѣ Рамирѣ, королѣ Гишпанскомъ, и о прекрасной Ангеликѣ, принцессѣ Лонгобардской, — именуемая Неистовый Роляндъ», на 89 листахъ; исторія о Неистовомъ Роляндѣ находится такъ же въ Погодин. рукописи № 1983.

— «Исторія о принцѣ Адольфѣ и о островѣ вѣчнаго веселія», на 11 листахъ, — аллегорическая повѣсть, поражающая своей нескладницей; она переведена очень дурно, и несмотря на то, вошла въ число лубочныхъ изданій, гдѣ называется такъ же: «исторія о принцѣ Олодѣ Лападійскомъ и о островѣ вѣчнаго веселія», на 8 листкахъ, но нѣсколько сокращена противъ рукописи. Другой списокъ въ сборникѣ Забѣлина, № 82, безъ начала.

— «Исторія о королевичѣ Цылодонѣ Италіанскомъ и о баронской дочери Цыцыліи Гишпанской. послѣди бысть и королевую Италіанскою», на 23 л.

— «Исторія о Французскомъ графѣ Лафаріи и о прекрасной княжнѣ Маргаритѣ Медиоланской, слушаніемъ и чтеніемъ весьма утѣшающая», на 22 л.; въ сборникѣ Забѣлина № 82 встрѣчается та же «исторія о Европскомъ кавалерѣ Лафаріи и о прекрасной Медиоланской княжнѣ Маргаритѣ».

— «Исторія Елизаветы королевы Англинской» и пр.: повѣсть извѣстна была такъ же подъ названіемъ исторіи Арсаса и Размѣры или Размиры, страстныхъ любовниковъ, разлученныхъ Елизаветою и погибающихъ жертвами взаимной привязанности. Другой списокъ ея въ томъ же сборникѣ Забѣлина № 82.

— «Исторія о великомочномъ рыцарѣ Гендрикѣ, курфюрстѣ Саксонскомъ и о презящной Мелендѣ, дочерѣ Лодвика, курфюрстера Брандбургскаго», на 38 л.

— «Исторія о двѣцѣ Ляцыонѣ, баронской дочерѣ, Аглицкихъ бароновъ» и пр., на 9 лист.

— «Исторія о Ипполитѣ, графѣ Аглинскомъ, и о Жуліи, графинѣ Аглинской же, любезная и всему свѣту куріозная инвентура» и пр. на 42 л.; она встрѣчается такъ же въ рукописи Моск. Общ. № 324 сборн. конца XVIII в. л. 180—220 «исторія о графѣ Иполитѣ и о графинѣ Жуліи Англинскаго государства»; въ собраніи Бередникова такъ же находится исторія «о Аглинскомъ графѣ Ипполитѣ и любительницѣ его Жуліи» (Извѣст. 4, 199).

— «Гисторія о Евдонѣ и Берѣѣ», на 70 лист., почти съ тѣми же дѣйствующими лицами, какія въ Неистовомъ Роландѣ; романъ называется такъ же исторіей разбойника Борбоса, играющаго въ ней большую роль. Другіе списки ея: въ сборникѣ Фролова, конца XVIII в., Публ. Б-ки XIV. Q. 27 л. 1—57, безъ первыхъ девяти листовъ; въ рукописи г. Черткова, «куриозная гисторія о Евдонѣ и Берѣѣ, переведена съ *Нѣмецкаго* языка на Руской» (Всеобщ. Библ. Россіи 1, 526); вѣроятно то же въ рукописи Погодинскаго собранія № 1984.

Этой исторіей оканчивается сборникъ г. Забѣлина, очень характеристичный въ томъ отношеніи, что составленъ былъ очевидно исключительнымъ любителемъ подобнаго чтенія. Въ другихъ рукописяхъ г. Забѣлина такъ же сохранилось много остатковъ этой письменности:

— Въ одномъ сборникѣ XVIII в. № 69 находится неполная повѣсть «о королѣ Делѣѣ Сирскомъ, какъ незапно жену свою выдалъ за мужъ», потомъ л. 21—26 такъ же неполная «исторія о королѣ Оиванскомъ Антонинѣ и Луцыи королевнѣ, дочери Алфена Тирнацкаго и о сынѣ ихъ Урлихѣ.» и далѣе л. 27—32 «повѣсть о королевичѣ Кипрскомъ Веліамѣ, какъ не вѣдавъ женился на сестрѣ своей родной.» нѣсколько отличная отъ другихъ романовъ XVIII вѣка, и можетъ быть принадлежашая XVII столѣтію.

— Въ сборникѣ XVIII в. № 73 заключаются 1) исторія «о Египетскомъ царевичѣ Полеонционѣ», находящаяся и въ рукописи Бередникова: «исторія о Египетскомъ цесарѣ о Поленционѣ и о прекрасной королевѣ Милитинѣ» (Изв. 4, 199); далѣе 2) неполная «гисторія о королевичѣ Францѣ Имензоліусѣ Гишпанскомъ и о прекрасной королевнѣ Раксанѣ», которая въ рукописи г. Черткова называется: «гисторія, а въ ней пишеть о Францѣ кралевичѣ Гишпанскомъ и о Роксанѣ, кралевнѣ Великобританской» (Вс. Библ. Россіи 1, 526); наконецъ 3) «Аделеида Африканская», повѣсть, переведенная съ *Французскаго* на Россійскій языкъ въ Спб. 1761 года.

— Въ рукописи XVIII в. № 74 находится «гисторія о Клеонтѣ и Рамирѣ.»

— Въ упомянутомъ сборникѣ № 69 сохранилась и ста-

ринная релакція одного изъ этихъ романовъ, уцѣлѣвшаго въ простонародномъ чтеніи до сихъ поръ; именно, на л. 37—184 помѣщена «исторія о храбромъ Гишпанскомъ рыцарѣ Венцыанѣ, а въ Малтійскихъ островахъ, по свидѣтельству Малтійскихъ ковалеровъ, за храбрую ево поступку, нарекли ему второе ковалерское имя Францель, — и о прекрасной Гишпанской королеви Пресіанѣ, выписано изъ древнихъ гранографовъ» (sic) и пр. Заглавіе исторіи очень длинно и кудреватое, изложеніе напоминаетъ романы XVII столѣтія, по особеннымъ архаизмамъ языка. Другой списокъ указанъ въ росписи книгамъ и рукописямъ Россійской Академіи, Спб. 1840, стр. 158.

Библиотека г. Черткова, кромѣ приведенныхъ, имѣетъ другіе романы XVIII столѣтія и значительно дополняетъ списокъ ихъ. Выписываемъ ихъ заглавія:

— «Исторія о великославномъ песарскомъ кавалерѣ Парижѣ и о прекрасной королевской дщери, именемъ Вѣнѣ» (Вс. Библ. Россіи 1, 526).

— «О изгнанномъ Римлянинѣ Эвѣимусѣ. *стацкой* романъ (Staatsgeschichte) съ образца Французскаго Телемака, переведенъ съ *Нѣмецкаго* на Руской въ 1723 году, списанъ въ Москвѣ въ 1745 году,» въ 2-хъ частяхъ (тамъ же, 1, 527).

— Вѣроятно той же эпохи «Случай Телемаковы сына Улиссова», можетъ быть отличные отъ другихъ переводовъ Фенелонна романа, изъ которыхъ одинъ находится въ рукописи Моск. Общ. № 161 «Похожденіе Телемака, сына Улиссова, сложенное чрезъ господина Франсоа де Салиньякъ де ла Моттѣ Фенелонъ и пр., переведена 724 года:» другой изданъ въ 1747 г. Спб., но сдѣланъ былъ еще въ 1735. Объ этомъ послѣднемъ Тредьяковскій въ предисловіи къ своей Тилемахидѣ сообщаетъ такое свѣдѣніе: «коль ни благоразумный и ни *добронравный* переводилъ его мужъ, и языкъ разумѣвшій Французскій; однако не обратившійся ни мало въ словесныхъ наукахъ, не могъ произвести перевода своего такъ, какъ всеконечно надобно было. Списки, съ недостаточнаго его во всецѣломъ содержаніи перевода, еще беспредѣльно недостаточнѣе произникли; а *обносясь повсюду*, расплодили и сами спискижъ съ себя, но толь пренесовершенны, что Тилемаха въ нихъ по заглавному токмо по-

читай имени узнавать стало можно. Изъ такихъ точно списковъ одинъ достался Академической типографіи, которая Тилемаха и произвела печатнымъ тисненіемъ».

— «Погубленный Рай, чрезъ г. Мильтона героической поемой представленный; перев. съ Франц. б. А. Г. Строгановъ, въ Москвѣ въ 1745 году,» въ 12 книгахъ или пѣсняхъ; другой экземпляръ этого перевода, по указанію г. Черткова, хранится въ Общ. Люб. Росс. Словесности (Вс. Библиот. 1, 526—527).

Въ библиотекѣ Моск. Общества находятся кромѣ Телемаха слѣдующіе романы того же времени:

— «Исторія о славномъ Саксонскомъ королѣ Ефродитѣ и о сынѣ его, славномъ и великомъ ковалерѣ Максіонѣ и о прекрасной принцессѣ Раксанѣ» въ сборникѣ XVIII в. № 324 л. 135—180.

— «Зерцало восточныхъ принцессъ, романъ отъ госпожъ Фаньяны, съ Французскаго на Россійскій языкъ переведенной Шляхетнаго кадетскаго корпуса гефрейтеромъ Васильемъ Будаковымъ, мая 30 дня 1757 года».

Въ Толстовскомъ собраніи Публ. Б-ки романовъ XVIII столѣтія такъ же немного:

— «Славная гисторія о Мелинтесѣ и Аріаниѣ, о Паламедесѣ и Епихарисѣ, и о прочихъ», въ 16 книгахъ, на 345 л., рукопись начала XVIII в., по каталогу Толст. 1, 405 Публ. Б-ки XV. F. 23.

— «Исторія о Зелимѣ и Дамазинѣ» Толст. 5. 91 на 112 л., писанная въ апрѣлѣ 1756 г., вѣроятно тотъ же переводъ, который былъ напечатанъ въ 1761 г. Спб.

Погодинское собраніе, кромѣ упомянутыхъ романовъ, имѣетъ «сказаніе о царевичѣ Фирсисѣ» въ рукописи № 2004 и какую-то повѣсть XVIII в. безъ заглавія подъ № 1794.

Въ библиотекѣ Царскаго, въ рукописи № 311 помѣщена «прекрасныя Аріанны пріятная и любезная гисторія» въ 16 книгахъ, на 262 л., въ концѣ которой прибавлено: «оная гисторія кандуктора Сергея Сукова, списана въ 755 году, въ апрѣлѣ 19 числѣ, при крѣпости святыя Елизаветы», — вѣроятно переводъ извѣстной въ свое время книги *Таландера* (Aug. Bohse),

Ariadens Staats- und Liebesgeschichte, Leipz. 1705 (см. *Grässe*, Lit.-Gesch. 3, 2, 255).

Намъ встрѣтилась въ одной рукописи XVIII в. «гисторія о Гишпанскомъ знатнаго роду шляхтичѣ, служившемъ при королевскомъ дворѣ въ драбантахъ, именуемомъ Долтернѣ, и о прекрасной Гишпанской королевнѣ Элеонорѣ, зѣло удивленію достойна, и о многобѣдственныхъ ихъ случаяхъ, и потомъ какъ получили радость и корону цесарства Римскаго», на 67 лист.

Въ одной рукописи Казанск. универс., XVIII-го столѣтія, на л. 94—194 находится «гисторія о Колеандрѣ, цесаревичѣ Греческомъ, и о прекрасной Неонилдѣ, цесаревнѣ Трапизонской» (Журн. М. Н. Пр. 1854, авг. стр. 31).

Въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія упоминается «Азіатская Баниза», романъ, знаменитый въ концѣ XVII-го вѣка (*Klipphausen*, Asiatische Banise, см. *Grässe* ib. 3, 2, 251. 255). Кажется, существовалъ такъ же какой то романъ или исторія «о Валтасарѣ, королѣ Табурецкомъ», имя которой написано раза два въ сборникѣ Забѣлина № 67; списки ея намъ не попадались. Болотовъ говоритъ въ запискахъ своихъ, что въ Петербургѣ, у дяди своего, бывшаго въ военной службѣ, читалъ онъ рукописный романъ, переведенный съ *Французскаго* «Эпаминондъ и Целеріана», около пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія (Отеч. Зап. 1850. 5, 33).

Безъ сомнѣнія здѣсь приведено далеко не все, относящееся къ этому отдѣлу старой письменности. Романы расходились не только въ низшемъ слоѣ грамотныхъ людей, но и въ среднемъ классѣ общества; странствующие торговцы книгами развозили ихъ по всеѣмъ концамъ Россіи, какъ и до сихъ поръ развозить книги ихъ потомство. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія рукописныя «гисторіи» уже вызывали сатирическія выходки. Одинъ изъ журналовъ 1769 г., «И то и сію», съ неподдѣльнымъ юморомъ подшучиваетъ надъ *весьма славными* сочиненіями, «подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ имянъ», каковы, напримѣръ, исторіи «о побѣгѣ изъ пушкарскихъ улицъ бѣлаго пѣтуха отъ куриць, о Фролѣ Скобѣевѣ, Азіатская Баниза»; или рассказываетъ исторію одного господина, который «по прекращеніи приказной

службы кормить голову свою переписываніемъ разныхъ исторій, которыя продаются на рынкѣ, какъ то, напимѣръ: Бову королевича, Петра Златыхъ-Ключей, Еруслана Лазаревича, о Францѣ Венеціанинѣ, а Геріонѣ (— исторія, которая намъ не встрѣчалась —), о Евдонѣ и Берфѣ, о Арсасѣ и Размѣрѣ, о Російскомъ дворянинѣ Александрѣ, о Фролѣ Скобѣевѣ, о Барбосѣ разбойникѣ и прочія *весьма полезныя* исторіи, и сказывалъ онъ мнѣ, — говоритъ авторъ, — что уже сорокъ разъ переписалъ исторію Бовы королевича, ибо на оную бываетъ больше *походу*, нежели на другіе такіе драматическіе сочиненія». Перелавая читателю одинъ свой сонъ, издатель говоритъ, снова вспоминая о *весьма славныхъ* исторіяхъ: «появились изрядные румяны на всемъ моемъ лицѣ, и началъ я походить тогда на Евдона или на Береу, которыхъ видалъ въ Москвѣ на Спаскомъ мосту въ продажѣ». Наконецъ герои этихъ романовъ даже прославляются журналомъ въ стихахъ. Сумароковъ, въ епистолѣ о Русскомъ языкѣ, съ своей стороны вооружался противъ этой рукописной литературы:

« Не нужно, чтобы всѣмъ надъ речами потѣть,
А правильно писать потребно всѣмъ умѣть.
Но льзя ли требовать отъ насъ исправна слога;
Затворена къ нему въ ученіи дорога.
Лишь только ты склады немного поучи,
Иволь писать Бову, Петра Златы Ключи....»

Нападки имѣли конечно основаніе въ большой привязанности извѣстнаго рода читателей къ этимъ произведеніямъ, приносившимъ немного пользы и для ума и для сердца. Всѣ эти романы чрезвычайно похожи одинъ на другой: ихъ герои одарены обыкновенно всѣми достоинствами и добродѣтелями; любящія сердца страдаютъ отъ разлуки, враговъ или препятствій, и въ концѣ достигаютъ обыкновенно вождедѣннаго брака. Эта особенная категорія романовъ во Французской и Нѣмецкой литературахъ XVI—XVII столѣтій была продолженіемъ прежнихъ рыцарскихъ исторій, но продолженіемъ безцвѣтнымъ и монотоннымъ; изъ этого источника они появились и въ Польской литературѣ XVII—XVIII вѣка. У насъ они переводились съ Нѣмецкаго и Французскаго; но очень многіе романы, какъ исто-

рія о рыцарѣ Гендрикѣ и другія, переведены были съ Польскаго. Большею частью подлинники нашихъ исторій не указываются, но переводы съ Польскаго могутъ быть угаданы и безъ объясненія, по неправильностямъ и полонизмамъ въ языкѣ; напр. въ романахъ попадаются такіа выраженія: безъ *жадной* притчины, *зосталъ* (сдѣлался) кавалеромъ, *мусимъ* плакать и т. п. Въ нихъ замѣтны нерѣдко и общія черты языка, принадлежащія Петровской эпохѣ, особенно употребленіе иностранныхъ словъ, какія тогда были у насъ вездѣ приняты, напр. произносить *дишператныя* рѣчи, бѣжать на *сикурсъ*, придти въ *алтерацію* т. е. измѣниться въ лицѣ, *персоны* оставили по себѣ *куріозность*, *ассамблея*, *волунтеръ*, *куранты* и т. п. Сантиментальныя объясненія героевъ и героинь, безпрестанныя въ этихъ исторіяхъ, передаются у насъ чрезвычайно галантерейно, и отъ того иногда очень забавны: всѣ легкіе и свободные обороты подлинника выходили по-Русски тяжелы и нелѣпы, такъ что наши переводы бросаютъ новый невыгодный свѣтъ на эти романы. Лишнее было бы судить строго объ этой литературѣ; ея оправданіе заключается во времени и читателяхъ; она любопытна для насъ только какъ одна черта въ характеристикѣ стариннаго популярнаго чтенія, внѣ котораго она лишается всякаго значенія. На книгахъ изъ народнаго чтенія всегда остается какой то отпечатокъ понятій и вкусовъ этого класса читателей, — и, конечно, странно было бы ставить ихъ въ уровень съ кореннымъ литературнымъ развитіемъ и вооружаться противъ ихъ отсталости и незрѣлости, какъ дѣлаетъ Низаръ, говоря о народныхъ Французскихъ книгахъ.

Къ той же эпохѣ относятся и нѣкоторыя стихотворныя сочиненія, забавнаго и шуточнаго содержанія, и сборники анекдотовъ въ родѣ Смѣхотворныхъ повѣстей. И то и другое, подъ общимъ названіемъ *примпровъ* (*przykład, beispiel*) и *жартъ*, встрѣчается въ рукописи XVIII-го столѣтія, изъ Погодинскаго собранія № 1777. Сначала, л. 1 — 126, въ ней помѣщены анекдоты, въ родѣ тѣхъ, какіе указаны прежде и въ рукописяхъ XVII-го вѣка; здѣсь смѣшаны два разные сборника: сперва приведено нѣсколько анекдотовъ изъ Смѣхотворныхъ повѣстей, а далѣе, послѣ 27-й главы, начинается другой сборникъ, пере-

веденный уже въ XVIII-мъ столѣтіи; оба вмѣстѣ заключаютъ 226 мелкихъ разсказовъ. Дальше, на л. 126—183 Погодинской рукописи находятся «увеселительныя жарты» съ такимъ объясненіемъ:

— «хотя не для историческаго чтенія,
сочинены нѣкоторымъ человѣкомъ для увеселенія,
самыя забавныя жарты, —
охотно читать какъ играть въ карты».

Здѣсь помѣщены 32 исторіи, написанныя силлабическими виршами. Увеселительныя жарты были переведены безъ сомнѣнія съ Польскаго, около половины прошлаго столѣтія, и по особенностямъ языка очень сходны съ переводными романами того же времени, — и здѣсь та же любовь къ иностраннымъ словамъ и шероховатость фразы.

Подобнаго рода исторіи находятся такъ же во Фроловской рукописи Публ. Б-ки XIV. Q. 27, конца прошедшаго столѣтія, въ которой помѣщены только четыре разсказа подъ заглавіемъ: «гисторія о разныхъ куріозныхъ амурныхъ случаяхъ» (л. 68 — 94). И въ Погодинскихъ «жартахъ» и въ этой «исторіи» передаются иногда тѣ же сюжеты новеллъ, какіе мы видѣли въ Смѣхотворныхъ повѣстяхъ, но съ прибавленіемъ новыхъ забавныхъ разсказовъ, содержаніе которыхъ достаточно характеризуется заглавіемъ Фроловской рукописи. Это были вообще позднѣйшія обработки старинныхъ новеллъ, перешедшія въ Польскую литературу изъ Нѣмецкаго или Французскаго источника. Подъ названіемъ жартъ и *куріозовъ* Польскихъ эти исторіи долго были чтеніемъ простаго народа, и въ 1789 году напечатаны были въ извѣстной простонародной книжкѣ: «Старичокъ-Весельчакъ, разсказывающій давнія Московскія были и Польскія диковины» (Спб., 70 стр.). Послѣ перваго, самаго полнаго, изданія, книжка перепечатывалась много разъ до нынѣшняго времени; она не измѣняла своего прежняго склада и до сихъ поръ сохранила уродливыя вирши XVIII-го вѣка. Все содержаніе книжки заимствовано изъ «увеселительныхъ жартъ,» списки которыхъ находятся въ Погод. и Фроловской рукописяхъ; сходство ихъ часто буквальное. Въ то же время нѣкоторые изъ увеселительныхъ жартъ перешли и въ лубочныя из-

данія; такова извѣстная исторія «о купцовой женѣ и прикащикѣ,» переложенная на Русскіе нравы и напечатанная на 8 лубочныхъ листкахъ, съ приличными тексту картинками и надписями: содержаніе повѣсти о лукавой женѣ и прикащикѣ рассказано уже въ Старичкѣ-Весельчакѣ и въ Фроловскомъ сборникѣ, лист. 86—91.

Столько извѣстная въ лубочныхъ изображеніяхъ исторія о курѣ и лъстивой лисицѣ помѣщена въ той же рукописи на л. 32—52 подъ общимъ заглавіемъ: «куріозные дѣйствія кура и лисицы,» за которымъ слѣдуетъ другое: «исторія о прекрасномъ курѣ доброголасномъ, какъ онъ прииде на покаяніе къ лисицѣ, къ премудрой духовницѣ.» Въ рукописяхъ г. Забѣлина встрѣчается и эта «повѣсть изрядная о курѣ и о лисицѣ, како его прелстила лисица» въ сборникѣ № 82, и другіе списки.

Въ заключеніе указываемъ въ старинныхъ рукописяхъ и нѣкоторыя произведенія народной словесности.

Сказки и эпическія *былины*, получившія въ послѣдствіи только сказочный интересъ, перешли въ рукописи уже давно, по крайней мѣрѣ съ XVII-го столѣтія. Въ старинныхъ сборникахъ встрѣчались намъ попытки записывать народные рассказы и пѣсни, и лучшимъ, замѣчательнѣйшимъ примѣромъ этого должно назвать прекрасную «повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молотца во иноческій чинъ,» — встрѣченную нами въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII-го вѣка, № 1773, и напечатанную въ Современникѣ 1856, № 3, стр. 49—68, съ замѣчаніями г. Костомарова, и потомъ болѣе исправно въ Памятникахъ и образцахъ народнаго языка при Извѣстіяхъ II-го Отд. Акад. (стр. 401—416). По мысли и исполненію, *повѣсть* о Горѣ-Злочастіи занимаетъ средину между сказкой, былинной и такъ называемыми «стихами.» Сюжетъ ея, представляющій олицетвореніе Гора и борьбу его съ самоудѣяннымъ добрымъ молодцемъ, принадлежитъ къ лучшимъ мотивамъ нашего сказочнаго эпоса; по его развитію, стихотвореніе имѣетъ неоспоримыя достоинства, дающія ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей народной поэзіи. Въ то же время оно

отличается тѣмъ назидательнымъ значеніемъ, какое составляетъ особенность духовныхъ стиховъ: все начало стихотворенія посвящено объясненію нравственной темы, лежащей въ его основѣ. Если въ духовныхъ стихахъ общенародное творчество выразилось слабѣе, чѣмъ въ древнихъ былинахъ и миѳическихъ сказкахъ, то и въ нашей повѣсти можетъ быть признано участіе отдѣльнаго автора. Мы думаемъ по крайней мѣрѣ, что нѣкоторыя части стихотворенія выказываютъ родъ литературной отдѣлки, а не были готовымъ произведеніемъ народной фантазіи. Обширное введеніе, не вполне сохраненное рукописью, и нравственныя наставленія, вложенныя въ уста честныхъ родителей добраго молодца, не соответствуютъ другимъ примѣрамъ нашего эпоса, который больше заботится о быстромъ изложеніи событій и мало останавливается на подобныхъ чертахъ. Участію одного автора не противорѣчитъ прелесть языка, вполне проникнутаго всѣми началами народно-поэтическаго выраженія: языкъ могъ быть усвоенъ отдѣльнымъ авторомъ, если этотъ послѣдній умѣлъ схватить коренную идею преданья и остаться ей вѣрнымъ. Обстановка сюжета напоминаетъ нерѣдко приемы сказочнаго эпоса: таково преслѣдованіе добраго молодца Горемъ, изложенное очень картинно:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
а Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
а Горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
а Горе пришло съ косою вострою,
да еще Злочастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
« быть тебѣ, травонька, посѣченной,
« лежать тебѣ, травонька, покошенной,
« и буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной».
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
а Горе за нимъ съ частыми неводами;
еще Горе злочастное насмѣялося:
« быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловеной,

• быть тебѣ да и съѣденой,
• умереть будетъ напрасною смертію!»
Молодець пошелъ пѣшь дорогою,
а Горе подь руку подь правую....

Разнообразныя превращенія Гора здѣсь очевидно не простыя метафоры, а сознательное еще повтореніе поэтическаго образа, извѣстнаго и по другимъ памятникамъ. Вспомнимъ хоть повѣсть о Соломонѣ. О томъ, что въ этомъ стихотвореніи старый Русскій бытъ отражается съ его достоинствами и недостатками, было уже говорено въ помянутой статьѣ г. Костомарова (О Горѣ-Злочастіи см. такъ же статьи: г. Буслаева, въ Русск. Вѣстн. 1856, № 13—14; г. Костомарова въ Соврем. 1856, № 10, и замѣтки о журн., ib.).

Былины такъ же вносились въ сборники. Въ рукописи Забѣлина, XVIII в. № 71, находится «гисторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ»; въ другой рукописи, № 82, помѣщена исторія Ильи, безъ начала, и «сказаніе о трехъ богатыряхъ, Ильѣ Муромцѣ, Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ»; по рукописи Забѣлина напечатана сказка объ Ильѣ Муромцѣ въ изданіи г. Аванасьева, стр. 56—61. Вѣроятно по старинному же списку напечатана была въ первый разъ лубочная «исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ-Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ» на 8 листкахъ съ картинками, повторенная въ изданіи г. Аванасьева, стр. 53—58. Лубочныя изображенія богатаго и Лазаря, Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Чурилы, по словамъ г. Снегирева, изданы еще въ 1656, 1658 и 1686 годахъ. Прошлому столѣтію принадлежитъ замѣчательный сборникъ былинь Кириши Данилова и рукопись Бѣльскаго, изъ которой г. Сахаровъ заимствовалъ напечатанные имъ тексты былинь и сказокъ. Кромѣ былинь, извѣстныхъ и по изданію Калайдовича, въ рукописи Бѣльскаго находятся слѣдующія сказки: 1, Добрыня Никитичъ; 2, Василій Буслаевичъ; 3, Илья Муромецъ; 4, Акундинъ; 5, о семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ; 6, Змѣй Горынчица; 7, Соловей сынъ гостинной, Ивановичъ; 8, Иванъ гостинной сынъ; 9, Алеша Поповичъ; 10, Емеля дурачекъ; 11, Шемякинъ судъ; 12, о семи мудре-

цахъ и о юношѣ; 13, о чудныхъ и зѣло умильныхъ гусяхъ-самогулахъ; 14, о Жарь-птицѣ и Иванѣ паревичѣ (Рус. Нар. ск. 1841. стр. 269). Здѣсь соединены, слѣдовательно, и пересказы былинь, и сказки, и переводныя исторіи.

Духовные *стихи*, изданные г. Кирѣевскимъ, опять принадлежатъ старой письменности. Стихъ о Голубиной книгѣ находился и въ сборникѣ Кириши Данилова; замѣчательный списокъ стиха есть въ рукописномъ собраніи г. Ундольскаго (см. Изв. 3, 47—48). Повѣсть о Лазарѣ, вѣроятно однозначительная со стихомъ, печаталась на лубочныхъ листахъ еще въ XVII столѣтіи. Въ сборникѣ Кириши нѣкоторыя стихотворенія занимаютъ средину между чистыми былинами и стихами о святыхъ и мученикахъ, напримѣръ «сорокъ каликъ со каликой,» гдѣ пересказана исторія Іосифа, соблазняемаго женой Пентефрія; въ другой былинь (стр. 252—265) являются дѣйствующими лицами царь Сауль Леванидовичъ и сынъ его Константинъ, имена, принадлежащія такъ же стиху о Ѳеодорѣ Тиронѣ. Духовные стихи, или народные или книжные, записаны въ Румянцовской рукописи конца прошлаго вѣка, № 408. При лучшемъ знакомствѣ съ нашей старинной письменностью, можно будетъ безъ сомнѣнія найти и болѣе древніе памятники этого рода, и указать отношеніе между современными «стихами» и прежними попытками излагать подобныя преданья въ литературной формѣ. Въ повѣсти о Соломонѣ, прежде нами разобранной, можно видѣть переходъ отъ книжнаго сказанія къ народному произведенію, гдѣ еще не совершенно изгладилась черты подлиннаго разсказа и не вполнѣ развито народное эпическое начало. Въ одной изъ рукописей г. Тихонравова, конца прошедшаго столѣтія, записано между прочимъ начало «повѣсти о Ѳеодорѣ Туринѣ,» очень сходное съ текстомъ Кирѣевского (Чтенія, 1848. 9, стр. 145); это могъ быть или списокъ со словъ, какъ былины Данилова, или же копія съ болѣе стараго подлинника. Помѣщенная въ той же рукописи «повѣсть о Ѳеодорѣ жидовинѣ» служитъ примѣромъ того, что книжныя сказанья ивогда мало-по-малу измѣнялись подъ вліяніемъ народнаго авторства и переходили потомъ въ устную словесность: въ этой повѣсти нѣтъ уже первоначальнаго разсказа, нѣтъ книжнаго тона, но она еще не пере-

работана до такой степени, что бы ее можно было поставить рядомъ съ другими «стихами», какъ первую повѣсть.

Небольшой сборникъ Тихоураова начинается «нравоученіемъ о стяжаніи и чтеніи святаго писанія» и состоитъ изъ короткихъ статей духовнаго содержанія. Въ послѣдней тетрадки сборника находится повѣсть о Ѳеодорѣ жидовинѣ, нач. «...во святомъ градѣ Іерусалимѣ, жилъ былъ Ѳеодоръ жидовинъ, и побѣхалъ Ѳеодоръ жидовинъ на трехъ кораблехъ во градъ Іерусалимъ ко царю хлѣба кушать, и какъ присталъ къ берегу, и на томъ берегу стоитъ иконописецъ» и т. д.; на л. 6 «повѣсть о Ѳеодорѣ Туринѣ — пострада за вѣру христіанскую», только одно начало: «во славномъ градѣ Іерусалимѣ, у святой церкви Михаила Архангела, выходилъ царь Константинъ Сауловичъ ко святой заутрени Богу молитися, иде (sic) и изъ чиста поля вылетала калена стрѣла и становилась калена стрѣла противъ царя Константина Сауловича, подъ его скоры ноги, самъ поднимаетъ царь Константинъ Сауловичъ, взговорить что въ трубу трубить: свѣтъ мой, князя и бояря и люди почетныя»....

Нѣкоторыя сказки такъ же находили мѣсто въ старинныхъ сборникахъ. Впрочемъ до сихъ поръ извѣстно очень мало подобныхъ текстовъ; указываемъ, что было нами встрѣчено въ рукописяхъ.

— Весьма извѣстная въ лубочныхъ изданіяхъ «сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ, о его храбрости и невообразимой красотѣ царевны Анастасіи Вахрамѣевны,» на 32 л., помѣщена въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII вѣка № 1773, на л. 207—238 подъ заглавіемъ: «сказаніе и похождение о храбрости, о младости и до старости его бытія, младаго юноши и прекраснаго Русскаго богатыря, зѣло послушати дивно, Еруслана Лазаревича», начин. «бысть въ царствѣ царя Картауса» и пр. Нѣсколько отлично отъ другихъ чтеній сказка передается въ Толстовскомъ сборникѣ XVIII столѣтія 5. 62, Публ. Б-ки XVII. Q. 4, на л. 22—35 подъ заглавіемъ: «сказаніе о царствѣ царя Картауса и о дядѣ его Лазорѣ Лазоревичѣ и о сынѣ его Ерусланѣ Лазоревичѣ и о его походе», начин. «бысть въ нѣкоемъ царствѣ, былъ царь нѣки именемъ Картаусъ, а у того царя Картауса былъ дядя князь

Лазерь Лазоревичъ, да у того же царя Картауса садился за столъ на всякой день по 5,000 людей, а тѣмъ людемъ исходило корму на всякой день 1,000 быковъ, да по 3,000 барановъ, а послѣ стола вывозили костей за градъ по 30 возовъ» и т. д. Въ этой сказкѣ встрѣчается вообще много очень извѣстныхъ эпическихъ мотивовъ, но есть и нѣкоторыя отличія отъ другихъ сказокъ, напр. Татарскія имена богатыря Еруелана, коня алоктигирея и пр., и другія подробности, которыя еще требуютъ объясненія.

— Въ Погодинскомъ сборникѣ XVII—XVIII в.. № 1772, на об. л. 187—189 помѣщена безъ заглавія сказка о *ныколемъ молодцѣ, конѣ и саблѣ*, къ сожалѣнію неконченная. Приводимъ отрывокъ, чтобы дать понятіе о томъ, какіе прекрасные тексты сказокъ могутъ быть отысканы въ старыхъ рукописяхъ. Изложеніе этой сказки чисто-народное, вполнѣ сохраняющее эпическій складъ произведенія:

«Въ древнихъ было лѣтехъ, а въ дальнихъ странахъ, коли-де себѣ отликой молодецъ, смолода былъ бѣлъ-кудрявъ, конь у него былъ буръ-косматъ, на ухо лысъ, задняя нога по оворокъ бѣла, передняя нога по лопатку бѣла, и всего того хорошае было у добра коня 12 примѣтъ: ротъ какъ насть, языкъ какъ рукавъ, грива колесомъ, уши колпакомъ, окорока висли — памяти вышли (?), олень и мышки — заечьи почки (?), хвостъ какъ кутасъ, круглыя копыты, что полные морскіе раковины, а очи у добра коня что великія питья чаши, на лобъ вышли, — весь молодецкой конь въ примѣтахъ, что лютой звѣрь. И коли-де себѣ отликой дородной молодецъ осѣдлаетъ своего добра коня и вскинетъ на него свое сѣдло черкасское и подстегнетъ двѣнадцатъ подпругъ бѣлого шелку шемахинского, — у всякіе подпруги пряжки красного-золота аравитцкого, — и положить на добра коня свою узду тесмяную, и остегнетъ на себя свой полный садакъ, а въ немъ 300 стрѣлъ, полъ-100 кибирей, 70 аргичевъ, 80 ташлыковъ, 30 свергъ, oprиченно надобныхъ стрѣлъ, а всякая стрѣла морская трость, на трое колото и на четверо строгано, и наливано въ нихъ красного золота аравитцкого, — и опояшетъ на себя свою молодецкую вострую саблю тулушманку, пошире дравицы, а немногимъ

ноуже тесницы, за конемъ съ сажень, а передъ конемъ съ локоть, а кована она въ красноѣ-дорогѣ-заморскомѣ булатѣ, огничко вострое сабли дорога каменн самотвѣтного, а у ноженъ оконца красного золота аравитцкого. И свѣдали про тое его молодецкую вострую саблю во многихъ далныхъ ордахъ многіе царевичи и королевичи, и учали изъ далныхъ ордъ своихъ къ добру молодцу послы посылати, чтобы съ его молодецкіе вострые сабли сняти образецъ великіе ради хитрости и мудрости. Образца не сняли и прочь по своимъ далнымъ ордамъ розѣхалися. И учалъ себѣ отликой молодець своею вострою саблею похвалитися: «не потому-де моя молодецкая вострая сабля (дорога), что она кована въ заморскомѣ краснѣ-дорогѣ булатѣ; потому-де моя молодецкая вострая сабля дорога, что ее ковали 70 мастеровъ съ семидесять городовъ, а всякой мастеръ ималъ отъ своего хитрого мастерства по семи сотъ рублевъ. Еще-де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога; потому-де моя молодецкая вострая сабля дорога, что здѣлана она хитростію и мудростію.... въ ней же каталися два дорогіе зерна бурминскіе отъ майдана и до долу (?). Еще-де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога; потому-де моя молодецкая вострая сабля дорога, что ково азъ тою саблею ни тиновалъ, тотъ отъ единого разу живъ не ѣживалъ». И коли-де себѣ отликой дородной молодець сядетъ на своего добра коня и выѣдетъ въ чистое поле и заиграетъ»....

Любопытно было бы найти окончаніе этой замѣчательной сказки: отчего въ ней такое изобиліе Татарскихъ словъ? Внизу страницы, въ рукописи прибавлено: «сія книга Троицкого монастыря подъячего Анеима Шешкова, а писалъ самъ своею рукою лѣта 7204 (= 1696), севтября».

— Въ рукописяхъ нерѣдко встрѣчается любопытная сатира стараго времени, которую у насъ не совсѣмъ вѣрно относятъ въ область сказки, — *судное дѣло у леща съ ершомъ*. Эта сказка напечатана г. Сахаровымъ по его старому списку, гдѣ она имѣетъ такое заглавіе: «въ морѣ передъ большими рыбами, сказаніе о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетининѣ, о ворѣ, о разбойникѣ, о лихомъ челоувѣкѣ, и какъ съ нимъ тягались рыбы

лещь да головель» (Русск. Ск. 1841, стр. 154 — 174). Сказка очень известна и по лубочному изображенію, на большомъ листѣ, съ подписями, которыхъ недостаетъ въ напечатанномъ текстѣ. Отрывокъ сказанія находится въ очень ветхой рукописи Публ. Б-ки, XVII вѣка, XV. Q. 35, на семи листахъ; другой списокъ есть въ упомянутомъ прежде сборникѣ Забѣлина № 67, на пяти страницахъ подъ заглавіемъ: «списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у леща съ еришемъ», начин. «рыбамъ господамъ, великому осетру и бѣлугѣ, бѣлой рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярской, лещъ съ товарищи» и т. д., — списокъ замѣчательный. По словамъ г. Сахарова, эта повѣсть, «носитъ на себѣ отпечатокъ какой то непонятной намъ сатиры», — напротивъ, если непонятно для насъ что нибудь другое въ нашемъ сказочномъ эпосѣ, то нѣтъ ничего яснѣе этой сказки. Заглавіе ея, особенно въ Забѣлинскомъ списокѣ, очень хорошо объясняетъ, въ чемъ дѣло: это явная сатира на старинное дѣлопроизводство, подобіе котораго удачно сохраняется въ самой сказкѣ и ея внѣшней формѣ. Въ сущности она вовсе не принадлежитъ къ сказочному эпосу, съ которымъ не имѣетъ общаго ни по мысли, — потому что сказочный эпосъ совершенно независимъ отъ сатиры, ни по изложенію, — потому что здѣсь нѣтъ обыкновенныхъ эпическихъ приемовъ. Это чисто-литературная сатира XVI — XVII вѣка, въ данной формѣ возможная только въ тогдашнемъ Русскомъ бытѣ.

— Другимъ примѣромъ подобной сатиры можетъ служить *Шемякинъ судъ*, старинное произведеніе, не разъ повторенное и въ новѣйшихъ литературныхъ обработкахъ. Не распространяясь теперь о литературной исторіи этого сюжета, представляющей любопытныя данныя, замѣтимъ только старинный списокъ сатиры въ Толстовскомъ сборникѣ XVII — XVIII вѣка 2. 230 Публ. Б-ки XVII. Q. 41, л. 42 — 46, гдѣ повѣсть называется «судъ Шемяки суды, выписано изъ Польскихъ книгъ», начин. «въ нѣкихъ мѣстѣхъ живяше два пустытника, единъ богатъ, а други убогъ, богаты же ссужая многа лѣта убогова и не возможе его скудости исполнити» и пр. Изложеніе очень сходно съ известнымъ лубочнымъ изданіемъ; единственный

важный вариантъ находится только во второмъ приключеніи бѣдняка, который, упавши съ полатей, убиваетъ ребенка у попа, а не у простаго мужика. Довольно трудно объяснить ссылку на Польскія книги, изъ которыхъ будто бы выписана эта повѣсть; въ самомъ текстѣ нѣтъ никакихъ особенностей, принадлежащихъ обыкновеннымъ переводамъ съ Польскаго, потому что сказка написана смѣсью стараго книжнаго языка съ народнымъ, и потому всего скорѣе могла быть записана Русскимъ грамотѣемъ. Быть можетъ, все основаніе этой ссылки заключается въ томъ, что въ оригиналѣ Толстовскаго списка повѣсть была помѣщена съ какими нибудь сказаньями, дѣйствительно переведенными съ Польскаго, и писецъ желая указать свой источникъ, неправильно отнесъ и «судъ Шемяки» къ Польскимъ книгамъ. Замѣтимъ, что въ Забѣлинской рукописи XVIII вѣка № 73 находится «исторія о бывшемъ у нѣкоего короля предивномъ шутѣ, и о Шемякинѣ судѣ, и о протчихъ посмѣятельныхъ женскихъ притчинахъ», гдѣ, сколько можно судить по заглавію, Шемякинъ судъ соединенъ съ упомянутыми прежде Польскими «куріозами» или жартами: очевидно, что будучи списанъ съ подобнаго подлинника онъ легко могъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ же Польскихъ куріозовъ. Списокъ Шемякина суда находится, какъ мы замѣтили, и въ старейшей рукописи Бѣльскаго (*Сахарова*, Русск. Ск. стр. 270).

— Въ Толстовскомъ сборникѣ XVIII вѣка 5. 62 Публ. Б-ки XVII. Q. 4 на л. 8—9 помѣщена повѣсть *о дву братьяхъ о Еремѣ и о Ѳомѣ*, начин. «были себѣ да жили два человекъ, торговыя люди» и пр. Ерема и Ѳома, представляемые теперь на лубочныхъ изображеніяхъ, олицетворяли для Русской фантазіи глупость и нелѣпость; пѣсня объ ихъ похожденияхъ цѣликомъ перешла въ пословицы или составлена изъ пословицъ. Для сравненія съ текстомъ рукописнымъ, довольно полнымъ, могутъ служить варианты, напечатанные въ *Отеч. Зап.* 1841, № 5, библ. стр. 58 и другихъ изданіяхъ.

Таковъ былъ объемъ старинной повѣсти Русской, сколько мы могли опредѣлить его по извѣстнымъ памятникамъ письменности, которыми мы имѣли случай пользоваться. Многаго недостаетъ въ этомъ очеркѣ, но большая часть фактовъ собрана, и дополненные въ послѣдствіи они представляютъ полную картину свѣтской литературы въ древней Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что откроется еще не одно замѣчательное произведеніе поэтической старины Русской, если только будутъ разбирать памятники съ любовью; мы, по крайней мѣрѣ, не жалѣемъ объ употребленномъ на работу времени: сказанья о Соломонѣ, Девгеніево Дѣяніе, повѣсть о Горѣ-Злочастіи и другія произведенья, нами указанныя, составятъ интересную и не лишнюю значенія страницу въ исторіи древне-Русской литературы. Незвѣстность памятниковъ, относящихся къ старинной повѣсти, заставила насъ ограничиться только изложеніемъ фактовъ. Въ настоящемъ положеніи вопроса о старой литературѣ нашей, опредѣленіе фактовъ есть дѣло первой необходимости; оно можетъ точно указать предѣлы, въ которыхъ совершилось развитіе Русской мысли и фантазіи и дальше которыхъ оно не имѣло силы проникнуть, и можетъ дать лучшее разрѣшеніе споровъ, поднимаемыхъ сантиментальными партизанами старины и ихъ скептическими противниками. Результаты явятся сами за изслѣдованіемъ, и каковы бы они ни были, они должны быть приняты наукой, не смотря на упорство частныхъ мнѣній. Характеръ старинной Русской повѣсти ясно открывается изъ разбора ея произведеній: существенныя черты ея — подражаніе, недостатокъ самобытнаго, ограниченность литературнаго значенія — были только отраженіемъ общаго характера старой письменности нашей: съ немногими исключеньями, и та и другая наиболѣе важны, какъ пособіе для исторіи быта и нравовъ.

Въ послѣдствіи постараемся представить обзоръ матеріаловъ и литературно-историческія замѣтки о Русскомъ сказочномъ эпосѣ, который живымъ преданіемъ сохраняется въ устахъ народа.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

II. Приводимъ выписку изъ Румянц. Александрін, Сербской редакціи, № 175, начиная съ 1-го листа.

«Житіє и последованіє достоѣпнимъ чѣкомъ и воиномъ оустрмляющимсе на брани, еже ѡбо чтити и разѣмѣти и слышати блженнаго мужа пра Александра, како воєва и како назвасе прѣ всей земли подсолначной. Начнемъ ѡже ѡ рожденіи и ѡ смѣрти его.

«Бистъ великой премѣдрости и храбрости и крѣпости ѡтвердившихсе въ лѣто (и пр. ср. въ Оп. Р. Музея)... рождесе сѣмъ емѣ тогда и нарече име емѣ Александръ, еже по Грѣчьскомъ езикѣ зоветсе избраннь, и по истиннѣ избранъ и благъ всемъ являшесе; не бѣ же емѣ ѡ плѣскаго рожденія, ни ѡ члѣвческаго ѡтвора, но бѣимъ промисломъ, иже всегда помагаше емѣ. Имаше къ всакомѣ истиннѣю любовь и езикъ непотворнь; податливъ и милостивъ къ всемъ сыгрешающимъ, и правъ сѣдѣ имаше; сими 4-ми добродѣтели четиремъ краемъ землѣ прѣ самодржаць назвасе, и сими добродѣтели всакій прѣ свое црѣтво требѣе држати. И тако Александръ творе, великимъ градовомъ и странами прѣ назвасе, колико ни умъ члѣвчъ постигѣти възможе, ни на разѣмъ дойти Александрове добродѣтели, дшевиѣи же и плтасцей.

«Начнемъ ѡбо ѡ рожденіи Александрове.

«Говоре сѣмъ Филиповъ бити емѣ, но не бѣди то, но Нектеванъ пра Египьтского сѣмъ есть, и Олимпіади, жежи Филиповы. Сій Нектеванъ, Египьтскимъ странами прѣ, влховною хитростію и звѣздочтіемъ прѣ бѣше, къ бою и рати нейдеше, ни войскомъ ни ѡружіямъ противляшесе, но на помощь себе имаше влховнѣю хитрость, и всемъ околнимъ езикомъ противляшесе и ѡдолеваше. И вси ѡжолніе црѣе чѣждахѣсе, что ѡчинити лѣквомѣ семѣ влхѣ. Егупьтскомѣ прѣ, — вса бо блгая земли ишей и богатство влховною хитростію възетъ и къ своей землѣ приложити, ни же страждемо; но ѡбаче нетрпимъ вещь сію влховнѣю, нѣ васи събравшесе на землѣ Егупьтскѣю пойдемо, и Нектевана ѡ црѣтва изгнавше, и блга

иша ѡпеть къ себе възмемо, а ѡнь есть бездѣтнъ и безъ наслѣдія, вѣховнъ и страшливъ, и вса земля та противитсе. Бѣху же съвѣщали ѡни езицы на Нектенава: Перси, Ивери, и Арапи, и Аксіани, Віѡпи, и Елапи, и иніе вѣсточны езицы; и то видевъ Егуптскій црѣ краишній, црѣ именовъ Вѣрвѣрихъ, и всплакавсе, и рече: ѡ тешко тебе, великій въ градовехъ Егупте, до нбсѣ възнесесе, и до ада... съвидеши; рука твоя бѣ на всехъ, нѣя же рука всехъ на те; здѣ сладости насытилсе еси, нѣя же горкаго яда наситишисе, но идемъ къ Нектенаву црѣ, и исповѣмъ емѣ бившее, понеже неизчѣтвеніе вѣсточніе црѣве и войске идуть нанъ. И пришьде, пристѣпивъ къ немѣ, и рече: вѣсто ти бѣди црѣ, понеже вѣскоре свой животъ въ самрѣтѣ преиѣниши, Даріе бо црѣ Персидскій, кой бѣ такмитсе (?) приде на межде земле твоее съ вѣсѣми вѣсточными войсками, и хочеть поразити Егупать тебе ради, но савѣкъши свою войскѣ на бой, и изяди прѣма ихъ, нѣ никто же можеть ѡдолѣти силой войскѣ и храбромъ витезомъ ихъ, — црѣ рече — црѣ на цра и юнакъ на юнака и коня, и тако чѣсть и помощь имать; црѣтво многими людьми състоитсе, како и море многими влнами, и тако страшно являетсе плавающимъ по немъ. И то Нектенавѣ Верберихъ рече, и насмѣясе црѣ и рече: добро сътворилъ еси, понеже възвестилъ еси мнѣ дошастіе цра Даріа и другихъ вѣсточныхъ црѣй на Егупать; мудрій страшливъ не биваетъ, раты многими людьми не бывають, но добримъ и храбримъ срѣемъ; многаши единъ вѣлкъ многи еленѣ гонитъ, и единаго вѣлка скоченіемъ много стадѣ ѡвѣць разгонитсе, нѣ ти пойди и реченное ти ѡ мене створи, нинихъ съходи и мнѣ гласъ послаай. И се рекъ Вервериха ѡправи, самъ же писа книге по всехъ градовѣхъ и странахъ Егуптскихъ готовитсе на брань, битисе за землю и за црѣтво свое; но гдѣ Бѣ не хочеть, члѣкъ не можеть. И сіе рекъ, вѣниде въ полату црѣкъ и вѣховно врачеваніе сътвори и златѣ рѣооумирію водѣ наплни и ѡ воска на водѣ двѣ войскѣ учини, съпротивиѣ войскѣ свою, и хитростію сътвори битисе войскамъ, и видѣ свою войскѣ ѡ Персійскей войске побіенѣ, и виде црѣ бѣгущіе Егуптскіе крѣмще корабли ратніе и уважахѣ войскѣ въ Егупть, и велми всплакасе и рече: ѡ горе тебе, Египте, во много лѣтехъ прославилсе еси съ црѣемъ своимъ Нектенавомъ и въ единомъ лѣте погибнете; несть бо на земли радости, иже не преиѣнитсе въ жалость, ни слава, коя не погибаетъ, но, ѡ горе тѣмъ, иже надѣютсе въ вѣшабнѣю хитрость и помощь; прилвчно есть насланяющемсе на воду когда се ѡпре, тогда въ водѣ погрезнетъ. И въ безчастіе приде црѣ Нектенавѣ, и въ Египте не могаше бити, ни

съ войскомъ битисе, жалосте исплѣннвсе, браду и главѣ свою ѡстрѣга, и въ полнощи нѣ прѣскихъ полаты избѣже и удалисе, въ незнае стране земле ѡтїиде, и приде въ Филиппѣсъ градѣ, идеже его никтоже не знаяше, и седеше въ нѣкоемъ мѣсте скривѣ въ градѣ, и врача себе назоваше и майстора хитра ѿ Егѳптьскихъ звездочатьцѣ.

«**Ѡ** нашѣдшихъ воиска^х на Егѳпть.

«Войскѣ свою Египтене многѣ избѣише и къ дворомъ прѣа своего Нектенава придоше и не ѡбретоше его въ прѣскихъ полатахъ, и велми всплакашесе, и ѡбретоше писаніе прѣво на ѡдрѣ его, глѣще сице: миліи мои Египтени, зла вашего не могохъ зрѣти, но ѡтидохъ ѿ васъ старѣ въ инѣ землю до 30 лѣтъ, и по тридесетехъ лѣтехъ наки приидѣ къ вамъ младѣ. И то писаніе възмиши Егѳптене, изляше ѣ златѣ и стлѣпъ високѣ срѣде Египта поставише въ мѣсто прѣа, и въ рукѣ его положены писаніе, его же самѣ писалъ бѣше, и възложише вѣнѣцъ на главѣ его, сами же къ Пасидонѣ бѣ своемѣ притекоше, и за Нектенава прѣа своего молишесе и выпрашахѣ его: где есть? **Ѡ**нѣ же къ нимъ въ свѣ явисе и рече имъ: до 30 лѣтъ имать прїити къ вамъ младѣ, и мѣчь не ѣломленъ десницы Перской притупити и враги ваше Перси подъ ноги положить.

«Въ Македонїи вра^х вели^х бистѣ Нектенавѣ.

«Филиппѣ же прѣа Македонскїи имаше прицѣ, име ее бистѣ **Ѡ**лимбіада, и всегда скорбѣ имаше зане неплодна бѣше, но ѡбразомъ красна бѣше зѣло, и въ великой любве прѣа съ нею пребиваше. Егда же идеяше прѣа Филиппѣ на воскѣ (sic), и призва царцѣ къ себе **Ѡ**лимбіадѣ и целова ее всесѣрдечно и рече ей: милая моя **Ѡ**лимбіадо, аще не зачнеши ѡтроче до пришѣствїа моего, не има дуже видѣти ѡчи мои, — и сіе рекѣ на войскѣ ѡтїиде. **Ѡ**лимбіада же ѡскрбе и въ тѣзе велицей ѡста, не вѣде что сѣтворити. Едина же ѿ рабинѣ знаяше ю, понеже скрѣбитѣ ѡтрочети ради неимѣнїа, и рече къ **Ѡ**лимбіади прїицы, госпожи своей: не скрби, госпоже моя, есть въ наше^м градѣ члѣвкѣ Егѳптенинѣ, ижѣ хитрѣ словомъ и дѣломъ; мнитмисе, когда те види, сѣтворитѣ ти срѣцѣ хотенїе, — сіе же слыса **Ѡ**лимбіада въскорѣ за Нектенава посла.

«Приде же Нектенавѣ къ прїицы.

«И рече емѣ **Ѡ**лимбіада: ѡ члѣвчѣ Егѳптенине. истинна ли есть, что азѣ слышала ѡ тебе, понеже хитростїю твоею можешѣ разрешити ѣтробѣ мою, и силномѣ прѣа Филиппѣ сердце ѡвеселити, и великѣю мою жалость на радость ѡбратити; да аще се истинна будетѣ, твори несѣмненно еже вѣси, и великѣю часть и дарѣ ѿ мене прїимеши, и великѣ ѣ Македонїи наречешисе.

«Нектенав' же видѣвъ Ѡлимбїадѣ

«И велии дивляшесе глѣпотѣ лица ея и ѡчиима взираше на нь, и главѣ преклонивъ стояше; ѡна же помышляше еда хочеть вьскорѣ бѣседовати са нею, ѡн' же стое млче. И рече емѣ Ѡлимбїада что ме трудшии, ѡ члѣвче, аще имаши силѣ творити, твори еже вѣси. Ѡн' же видѣвъ красоту лица ея, оустрмленъ бысть въ срѣце любовїю, и рече къ Алимбїадѣ: виждѣ, црице, понеже бѣзи хотеть бити с' тобою, Амона и Финеса, да аще припѣстиши къ себе, мѣти великомѣ прѣ наречениесе.

«И се слыша Ѡлимбїада и възрадовасе радостїю великою зѣло, понеже своемѣ снѣ мѣти назоветсе, и повелѣ Ѡлимбїада, да сьтвореть емѣ камарѣ малѣ близъ полате црѣкїе, яко да казѣеть ей дохожденїе ба Амона и Финеса. И приде Нектенавъ (сѣ р. Амонь) къ ней самъ въ ѡбразѣ ба Амона и рече — таковъ есть ѡбразъ Амоновъ: глава ѡрля, на ней рози василисковы, ѡнашь аспидовъ, ноги львови, крыла грифова злата и червлена, — сице въѡобразисе Нектенавъ и ввійде къ Ѡлимбїадѣ, и бистъ сѣ нею, и рече ей: блѣженна ти въ женахъ Ѡлимбїадо, яко днѣсь зачеть снѣ, вьсемѣ свѣтѣ црѣ. И сїе рекъ, изшѣдъ вьць, ѡна же ѡста льстивна, — и приде завтра къ ней и рече ей: хранисе въ чистотѣ, и тако приходитъ к' тебе бѣ Амонь, и егда приде време родити ти, призови ме къ себѣ, и что ти азъ рекѣ створи. И семѣ тако бившѣ, —

«Присѣтѣвъ часъ рожденїя и пристѣпи Нектенавъ къ црїцы и рече ей:

«Придржи въ себе не родити, дондеже блгїй часъ приидеть, зане аще въ сїй часъ... родшии, раба и непотребна члѣвка, зане коло крѣга небеснаго въ лунѣ стоять; мало потерпи, дондеже нбснїе планиты на Ѥставѣ станѣтъ, и стихїе преступленїе створеть, тогда родити хочещи црѣ црѣмъ, зѣло мѣдра члѣвка. Ѡна же претрпѣвши се и роди снѣ великого Алексєв. ра»

III. Одно изъ Троицкихъ сказанїй приводимъ по Румянцовскому хронографу XVII вѣка, № 456, л. 198—202; варианты указаны по другому Румянц. хронографу № 459, гдѣ повѣсть находится на л. 7—17, и по хронографу, сообщенному намъ г. О., гдѣ она помѣщена на об. л. 10—25.

«Повѣсть о созданїи и плѣненїи Тройскомъ и о конечномъ разоренїи, еже бысть при Давидѣ, царѣ Юдѣйскомъ.

«Бяше въ первая времена царь нѣкїи именемъ Придешъ. И въ нѣкїи день бывшу ему на ловѣ въ нѣкоемъ морскомъ отоцѣ,

у него же отъ единья страны течаше великое море, а отъ другія страны Скомандра рѣка¹, а отъ третіе страны Пелешино море, а отъ четвертыя страны стояше лугъ Дудома², а отъ пятые страны удоль, идѣже растяху дровіе и цвѣти много-различніи. Видѣвъ же царь доброту мѣста и нача здати градъ во имя свое, и послѣ своего живота повелѣ сыну своему здати. Такожъ и прочія заповѣдаху коиждо сыну своему, и съ прежнимъ паремъ, иже нача здати, всѣхъ шесть до Троила царя, иже вѣще всѣхъ дѣло сотвори и нарече во имя свое Троя градъ. Троиля же роди Пріама царя, у него (же) парица именемъ Якама,— и въ ноци видѣвъ сонъ и сказа мужу своему, Пріаму царю, и рече: родихъ я главню, и възыде на небо главня и паки возвратися и паде въ море и изыдоша изъ моря искры, яко пламень, и падоша на Тров и погорѣ весь градъ. Пріамъ же сказа сіе бояромъ и пророкомъ волхвующимъ и мудрецемъ и всѣмъ людемъ, и рѣша ему: господи царю, родится отъ жены твоея сынъ, его же ради изгоритъ и разорится Троя градъ и не останеъ камень на камени. Царь же рече женѣ своеи: егда родится сынъ наю, да повелимъ его убити. Жена же рече ему: зѣло рада сіе сотворити. Егда же роди парица Якама сына своего и видѣ его красна зѣло и зжалися яко мати³, и не може убити, но повивъ его въ ризы многоцѣнныя и съ нимъ много сребра и злата и повелѣ его поврещи внѣ града⁴; и обрѣте его пастырь овчій старъ, емужь роди жена сына, и повелѣ ен обрѣтеннаго отрока кормити. И бывшу ему седми лѣтъ и нарече его Фарижь пастыревичъ, и хожашу со отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фарижь же связываше⁵ два вола и боляхуся, и кіи преогаше, тому⁶ сплеташе вѣнецъ отъ ма-сличія, кіи же⁷ не одолѣваше, тому вѣяше отъ сламы, и полагаше има на рогу. И егда возрасте Фарижь, хожаше съ добрыми витязи, сіи рече съ дѣтми боярскими, и преодолеваше ихъ во всякой игрѣ и прободе за щитомъ единого витязя. И въ то время бракъ творяше Велешь царь, и призва всѣхъ бояръ и

1) Въ нашемъ спискѣ: отъ другія реки скомандрова река; поправлено по О.; мелкиѣ ошибокъ мы указывать не будемъ. 2) Такъ въ Р. 439, друг. до дома. 3) яко мати недост. въ Р. 436. 4) далече отъ града въ О. 5) связываху въ Р. 436. 6) тому недост. въ Р. 436. 7) и съ нимъ же въ нашемъ спискѣ.

болярынь и Фарижа пастыревича, и придоша на оно веселіе три жены, ихъ же пророчицы нарицаху, и едину не позваша, яко свадлива бѣ. Она же за оно незваніе помышляше, како бы сваду учинити, и сотвори яблоко злато, и написавъ на немъ: которая отъ трехъ тѣхъ женъ и пророчиць благообразнѣйши, да будетъ той златое яблоко, — и повелѣ воврещи яблоко въ вертоградъ, его же обрѣтоша тріе оны жены, и прочетше молаху Фарижа пастыревича каяждо ихъ, да присудитъ ей яблоко. Послѣди жъ третьяя рече: присуди мнѣ сіе яблоко и повѣжь мене добрѣйшу тѣхъ⁸ и дамъ ти⁹ Елену царицу Менелая царя Греческаго, иже бысть всѣхъ насъ и всѣхъ Греческихъ женъ добрѣйши и дамъ ти¹⁰ имя ново и будетъ имя твое Александръ Фарижь и да ти повѣмъ отца и матеръ, нѣси бо того старца сынъ, но отецъ ти есть Пріямъ царь и мати Екама царица. И присуди Вѣнуши госпожи яблоко, и слышавъ отъ нея сія¹¹, возвеселися зѣло и взя прошеніе у старца, иже отецъ ему нарицашеся, и поиде въ Трою градъ и пріять его Пріямъ царь, отецъ его. и мати его, нарица Екама. И призва царь Пріямъ пророки и волхвы и рече: кто ми поспѣшитъ еже¹² еще наздати Трою градъ, и азъ дамъ ему три мѣры злата. И слышаста два рукодѣлца (дїавола) земленная¹³, прїидоста и рѣста къ царю: мы хоцемъ создати, да намъ даси, и наю¹⁴ знаи, — и начаша здати: и Тебушь бѣ гуселникъ, гудяше въ гусли и зидашеся градъ Трои, гдѣ они повелѣваху; а Нептенабушь именовъ идяше въ море и ношаше изъ моря варъ и каменіе и воду. И совершиста все дѣло и рѣста цареви, да имъ дастъ¹⁵ еже обѣща, и разумѣста, яко прїобидѣ ихъ и разгнѣвастася и рекоста: мы есмя сотворили Трою градъ, мы же умыслимъ како разорити. Во дни Пріямовы Ипитеръ волхвъ, его же и пророкомъ нарицаху, прорече, яко хоцетъ Александръ прїити въ Греки и царицу Елену взяти, ея же ради Троя разорится; такоже и жены оны, иже разгнѣвашася яблока ради златаго, ихъ же пророчица нарицаху, помышляху, како бы Трои разорился. Испросижеся Александръ Фарижь у отца

8) *тѣхъ* недост. въ нашемъ спискѣ. 9) *да ти дамъ* въ друг. списк. 10) такъ въ Р. 459 и въ О.; въ нашемъ спискѣ: *дамъ*. 11) *сія* недост. въ нашемъ сп. 12) *еже* нед. въ Р. 456. 13) *дїавола* здѣсь на полѣ; въ др. списк. въ текстѣ, и нед. *рукодѣлца*. 14) *наю* Р. 456. 15) *да и намъ дастъ* Р. 456.

своего Пріяма царя и приде къ Менелаю, царю Греческому, еже есть Еллинскому, служити со многимъ богатствомъ и со отроки; и слышавъ Менелаи царь, изыде противу ему далече, и цѣлова его, и рече ему Александръ: придохъ азъ, царю, служити тебѣ не на златѣ и сребрѣ, но да разумѣши, кая будетъ честь сего ради на твоємъ дворѣ. Слышавъ же сіе, Менелае царь возвеселися зѣло, и введе его къ Еленѣ царицѣ въ полату и ядяху наединѣ и піяху червлено вино; и егда умываху руцѣ и убрусомъ утираху, Александръ писаше на убрусѣ червленымъ виномъ къ Еленѣ сице ¹⁶: царица Елено, люби мя, яко же и азъ тебе. Посла же Менелае царь къ брату своему Агемену царю, глаголя: буди о семъ весель, брате мои, хотятъ мнѣ служити братія мои цари. Отписа же ему братъ его: азъ о семъ весель есмь, яко мы самодержцы есмы, а о семъ нѣсмь весель, яко наша братья придоша служити намъ, но и зѣло озлобихся; блюдися, да не придетъ чужая доброта и возьметъ нашу честь, а намъ будетъ великая срамота. Слышавъ же Менелае озлобися и рече: како нѣсть драго брату моему моя честь. Слышавъ же Менелае, яко отвержеся отъ него русагъ какакимскіи ¹⁷ и собравъ многу войску ¹⁸, поиде на нихъ, и Александру повелѣ. Онъ же сотворися боленъ и лежа въ царской полатѣ: егда, рече, здравъ буду, гряду во слѣдъ тебѣ, — и по отшествіи Менелая царя, изыде Елена царица съ дѣвцами проходити по граду и съ боярынами Греческими. Александръ, восхитивъ Елену царицу подъ пазуху, и вшедъ въ борзый корабль со отроки своими, и приде подъ Трою градъ. Тройсти же господіе не хотяху изыти противу имъ ¹⁹, вѣдуще, колика хошетъ пролитися Трой кровь за Елену; изыде же противу ему отецъ, Пріямъ царь, и прія за руку его, а мати его, Якама царица, прія Елену царицу за руку и введоста въ полату. Слышавъ же Менелае царь о Еленѣ, возвратися скоро отъ войны; увѣде же и братъ его Агемень ²⁰ царь и собравъ вся воя скоро и приде къ Менелаю и печальна быста зѣло царя ²¹, глаголюще: какова срамота учинися нама, —

16) къ Елене сіе царицы въ нашемъ спискѣ. 17) руса какакимскіи въ нашемъ сп. 18) въ рук. *воину*. 19) *ему* въ О. 20) *Агаменонъ* въ О. и Р. 459. 21) *печальни быста цари* въ нашемъ спискѣ.

и собраша силу воиску. И приде къ нимъ на помощь Аякъшъ, Соломониковъ сынъ, съ тридесятью катаргъ, и потомъ приде Паламидъ²², Придековъ сынъ, съ тридесятью корабли; и по семъ нѣкии человекъ, Урекшишь именовъ, Лентешевъ²³ сынъ, сотворися буй²⁴, да не причастится Тройской крови, нача песокъ орати, а соль сѣяти: царя же повелѣста поврещи малаго сына его предъ ораломъ, и аще будетъ бѣсенъ, то преоретъ его; — и егда повергоша, абие состави воли не орати и поведоша его ко царемъ и рече Урекшишь: изволивъ быхъ за три лѣта тещати съ бѣснымъ псомъ, нежели причастится Тройской крови, иже хоцетъ быти Елены ради царицы. Бяху же и инии мнози, придоша ко царемъ на помощь ото многъ²⁵ островъ, и отъ суша, и отъ воскраи сущихъ²⁶ моря, отъ Аѳинъ, и тоземцы, и отъ Феталля и ото Архія и отъ всея Еллады и отъ иныхъ многихъ. Бяше Менесивесъ отъ Аѳинъ, Несторъ отъ.....²⁷, Идоменевесъ отъ Крита, Тлипелемъ же отъ Рода, вси родъ имуще отъ благородныхъ и отъ царскихъ кровей, мужи храбрии; евоининъ же Ахиллеи сѣяше паче всѣхъ человекъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егожь и ироя нарицаху: сего поставиша цари рати началника. Бѣ же рать многочисленна: 1170 кораблей исходятъ убо отъ отечества; посланъ убо бываетъ Ахиллеи отъ храбрыхъ друзи, и на острова нападаша, и поплѣниша сушу, и тщахуса напасти на Трои, яко многимъ богатствомъ кипяше и хотяще отмстити обиду Елены ради. Видѣвше же Трояне толику рать, собравше себѣ пособники, Кари и Ликаони, Миси и Меони²⁸, и Оруги, придруживъ же весь Асійскій языкъ и родъ, противу изведоша безчисленно воинство; въ Троадѣ же устроя вѣще 50,000 мужей²⁹, и много время проводиша брань творяще, и сперва добрѣ ополчахуса на брань, да яко же искусиша³⁰ Ахиллево стремленіе и храбрость, сѣдяху при стѣнахъ заключившеса. И потомъ же нѣкая жена, именовъ Велеша, волхвующи, ея же пророчицу нарицаху, иже обладаше

22) Паламедъ въ наш. сп. 23) Лентешевъ въ О. и Р. 459. 24) бѣсенъ въ О. и Р. 459. 25) отъ сто въ наш. сп. 26) отъ воскраи моря отъ сущихъ аѳинъ въ наш. сп. 27) испорчено: от пиладисевес, от саламина ея; это послѣднее есть кажется имя Аякса. 28) Имиони въ наш. сп. 29) Такъ въ Р. 459. 30) искусишася Р. 456.

волшвеніємъ морскими волнами, — у нея же убиша кошту³¹ бояре Агемена царя, и сего ради разгнѣвася, пусти волненіе на мори, да погубить вся корабли Греческая. И озлобистася царя и воспросиша Колкаша попа; онъ же повѣда имъ, яко кошту ради хошетъ васъ потопити пророчица, и глаголетъ, яко аще не дастъ Агемень царь мнѣ своя дщери Цвѣтаны, не имамъ ихъ пустити. Царь же Агемень оскорбися зѣло, и не хотя дати свою дщерь Цвѣтану, и устави бурю и придоша подъ Трою. Изыде противу имъ Екторъ царь, Пріямовъ сынъ, и инии мнози боляре, и нача стрѣляти Екторъ стрѣлою со огнемъ и единѣмъ пушеніємъ погружаше три корабли Греческія, и Аякшъ Соломоничевъ защиты своимъ щитомъ 17 кораблей отъ живаго огня Екторова. И поиде Менелая царь на вѣрѣ, нача Пріаму говорити, да отдасть ему³² Елену царицу; Александръ же не хотяше, но восхотѣ поразити Менелая, — аще бы его Пріямъ царь не защитилъ. И потомъ Екторъ царь творяше брань и поражаше множество Греческихъ вой на всякъ день; — и бояшеся гласа Ахиллеева; и поиде Ахиллеи подъ своимъ знаменіємъ противу Ектору царю и состастася и ястася за руки и не хотѣста ся бити въ тои день. И бяху плѣнили гречестіи витязи Рижеуша попа дщерь Реужду, и видѣвъ ю Агемень царь, братъ Менелая, яко добра зѣло, и взятъ ю себѣ въ жену. А Рижеушъ попъ сынъ Тебуга бога, и увѣдѣвъ Тебугъ разгнѣвася зѣло и пусти своимъ волшвеніємъ великъ недугъ въ Греческую войску, и мнози умираху, дондеже обратиша дщерь Рижеуша попа. Потомъ же Трояны дерзостны сотвори Паламидова смерть, — притупи Ахиллеєво стремленіе, любяше бо Ахиллеи Паламида зѣло³³ и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань: Диснеєсъ нисіотенивъ³⁴ храняше ненависть на Паламида и оболга его къ царемъ, яко Трояномъ хошетъ добра, — и побиша Паламида каменіємъ. О горе, какова твориши зависти, — онъ же ничесоже рекъ, точію глаголь сев: о убогая истинно, тебе плачу, ты бо первѣ мене погипе, — и тако умре. Ахиллеи же тяжцѣ проплакавъ о немъ и не хотяше

31) кошту въ О. 32) ему недост. въ Р. 456. 33) въ нашемъ спискѣ: *потомъ же трояны дерзостнымъ сотвори Паламедови смерть, притупи Ахиллеи Паламида зѣло . . .* 34) въ др. сп. испорчено окончательно.

изыти на брань, и отъ сего бысть дерзость Ектору и того победникомъ, и составляетъ на Еллины брань крѣпкоратную, и падаютъ, якоже класы, Греческая, сирѣчь Еллинская тѣлеса, и езера кровемъ проліяшася. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дондеже убіенъ бысть Патрокліе, егоже любляше зѣло Ахиллея, отъ руку крѣпкую Екторову³⁵, и сіе того принуди потещи на трояны: изыде убо Ахиллея на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ полки, и побиваетъ первоборца. И паки призываетъ Пріямъ на помощь Амазоніи и паки брань крѣпка, умирають мнози и отъ всѣхъ убо пусть бысть Пріямъ; и умоли Тантія³⁶, Индѣйскаго царя, и посылаетъ множество безчисленно воинства. Индіяне жь вси чернообразни, ихъ же видѣвше Гречестіи вой во странныхъ зрацѣхъ и убояшася отъ зрака ихъ оружія, и отъ звѣрей устрашишася, ихъ же Индія кормить³⁷. Нощію бѣжати мысляху³⁸ и оставити Трои, но обаче ополчишася къ чернообразнымъ и индѣйскими кровми очервишася, Нивія и Скомандровы струя обрашахуся кровми. Въ сихъ же наста Еллиномъ торжество, паче же и варваромъ и всѣмъ покой отъ ратей и отъ трудовъ, и убо Еллинствъ, еже есть Гречестіи, и Тройское множество вой воедино смѣшахуся, и никому же содѣяти ничесоже и никтоже смѣяше, праздника ради. Потомъ же видѣ сонъ въ нощи парица Еутропія, жена Ектора царя, сына Пріямова, и возбнувъ отъ сна, приде въ ложницу свекра своего, Пріяма царя, и нача со слезами глаголати ему, да не пушаетъ сына своего Ектора во утрей на брань ко Ахиллею, яко убіенъ, рече, будетъ. И сказа ему сонъ: видѣхъ, яко изыде изъ Троя мечка, а изъ Греческія исы³⁹ вепрь, и начаста ся бити, и посѣче вепрь мечку и повлече его въ Греческія полки, и къ тому не видѣхъ его; и аще пустиши Ектора, то не чаи его видѣти, — и утѣшивъ ея Пріямъ и проводи ю въ ложницу. И егда бысть заутра, уготовася Екторъ царь на брань ко Ахиллею, и изыдоша противу ему Тройскія госпожа, и мати его, и парица жена его, и сестры его, возбраняху ему, да не

35) *руки крѣпкія екторовы* Р. 456. 36) такъ въ др. спискахъ; *Тантанія* Р. 456. 37) *Индіянѣ кормятъ* въ наш. сп. 38) такъ въ др. сп. 39) такъ въ О. и Р. 459; въ нашемъ спискѣ: *войны т. е. войски.*

исходитъ на брань; онъ же не послушаше, и мати его Екама, молящи не изыти и спастися, плачющи и ятра отверзаючи единою рукою, другою же сосца изношаше, и глаголаше: о чадо, сихъ усрамися, и мене самую помилуй, аще когда ти сосца сія придахъ, забыти творящи⁴⁰ дѣтскихъ скорбей; помяни убо воспитаніе оно⁴¹ и даруй ми, еже пощадѣти ся самому. И жена его, взявши, метну сына своего предъ нимъ, моляше: помилуй, рече, мене самую и сего любезнаго, — и не послушаше; она же рече: о Екторе, пожди мене мало, — и шедши въ ложницу, совлече брачныя ризы и облечеса въ черныя во вдовичныя, и пришедъ предъ него, глаголя: о Екторе, аще не обратишия, имамъ сія азъ носити по тебѣ, — и симъ не предложи его на жалость, и не послуша, но поиде противу Ахиллея. И шедшеса, не бишася въ тои день, но завѣтъ положиша, еже битися завтра; и въ тои день уби Екторъ 7 уровъ⁴² Греческихъ, еже есть седмь полковъ, и завтра изыде Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ, и наѣха Ахиллеи Ектора, и убивъ, прободе его и паде мертвъ, и возьмъ его Ахиллеи понесе на свои станъ, потѣмъ же разбиваетъ и полки, и побиваетъ ратоборца. Убьенну же бывшу Ектору дерзосердому, столпу Тройскому, мужу тяжку и храброму, во оружіяхъ воспитанну, язвыносящу на персѣхъ, прежь даже Еллини не пришли и составили брань: соплеташеса сей со юнцы дивіими, — видѣвше же сіе, Троистіи велможя и господіе начаша жалостно плакати, и взя Пріямъ царь на себя нищяя и худая ризы и гусли, и поиде во Греческую войску и нача пытати Ахиллеева стану, глаголя: его же днесъ Богъ наставитъ, да мене накормитъ и напоитъ грѣшнаго и страннаго, — и доиде на Ахиллеевъ станъ и нача густы въ гусли жалостно зѣло и даша ему Ахиллеи⁴³ отъ вечера своя ясти и пити, и по вечерѣ легоша спати, упившеса. Уснуша же и стражіе, и Пріямъ царь нача искати сына своего Ектора царя и обрѣте его лежаща на постелѣ мертва, со Ахиллеемъ лежаща. И видѣвъ его Пріямъ, и воздохнувъ отъ сердца зѣло, Ахиллеи же возбнувъ и устрашися и рече: кто еси ты? Онъ же рече:

40) въ рукоп. *творящихъ*. 41) *воспитанія оно* въ Р. 456. 42) *седмивуровъ* въ Р. 456. 43) *Ахиллеи* нед. въ О. и Р. 459.

азъ есмь Пріямъ царь, ишу сына своего, Ектора царя. Рече Ахиллеи: аще ты еси, и азъ отъ страха твоего мертвъ есмь. И рече Пріямъ: не боися, господине, отъ младенства нѣсмь того сотворилъ, да спяща витязя погублю, но прошу сына своего Ектора. И рече Ахиллеи: аще кленешимся, азъ понесу Ектора на свою плещу въ Трою по вѣрѣ и клятвѣ, да здравъ вниду и изыду. И вземъ Ахиллеи завтра Ектора и понесе его въ Трою и предасть его Тройскимъ госпожамъ, и начаша его плакати, и рече Пріямъ царь ко Ахиллею: поидеѣ въ церковь Аполлона клятися, еже къ тому не воеватися, дабы остало⁴⁴ сѣмъ Трою, и дамъ ти свою дщерь Поликсену, коя во всѣхъ госпожахъ Тройскихъ добрѣйши. И во церкви кляся первіе⁴⁵ Пріямъ и отступи, и преклонися Ахиллеи клятися, и ту себе скры Александръ Фарижъ, Пріямовъ сынъ и Диевъ, и устрѣли Ахиллея ядовитою стрѣлою въ пяту, занеже бѣ весь вооруженъ, точію плѣснѣ его безъ желѣза, и избѣгоша вонъ; Ахиллеи же падъ на издыханіи послѣднемъ. Ошути жь сія Диевесь, яздыше бо съ нимъ, и съ нимъ Діогонъ⁴⁶ и Ея теламоняннъ: вкупѣ же убо въ церковь вскочивше, обрѣтоша крѣпкаго ироя, еже естъ Ахиллея, лежаща и кровни обліянна и угасша и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящими очима его покрытѣя тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста и нападъ на перси его Ея великіи⁴⁷, съ плачемъ ко Ахиллею рече: о ратемъ разрушителю, исполние крѣпкорукіи, кто погубити тя возможно, двояростнаго? Онъ же едва прогласиѣ рече: убиста мя лестию⁴⁸ Александръ Фарижъ (и Диевъ), — и сія рекъ издыше. Видѣвъ же сія Пріямъ царь озлобися зѣло и совлече со Ахиллея оружіе все и пусти ко обѣма царема, и сказа имъ: како вѣру его, еже со Ахиллеемъ, преступша, и аще велита, да⁴⁹ тѣло его принесу къ вама. И плакаша зѣло, видѣвше оружіе Ахиллеево, и повелѣста Пріаму царю сожеши тѣло его и всыпати въ корчагу, да сотворимъ, рече, гробъ его на далечной земли, — и сотвори Пріямъ тако, сожже плоть его, и всыпавъ въ златыи корчагъ и посла царема. И видѣвше, царя и Гречестии полцы дивншася, глаголюще: о

44) осталося въ др. сн. 45) первіе въ О. 46) Дийонъ въ О., Діогонъ въ Р. 459. 47) велика въ О. 48) убѣи мя Александръ и пр. въ Р. 456. 49) азъ въ О., велите въ О. и Р. 459 и т. д., двойств. вм. множ.

сила и слава Ахилеева, како ты не совзимаху вси градове и отоцы, и здѣ единъ корчагъ нѣсть тебе полнъ. Видѣвши же Екама царица, яко хоцетъ скончатися Трои, посла сына своего меншаго Полидора, и съ нимъ злата много къ Полинещеру⁵⁰ царю, на онъ-поль моря, иже царствоваше всей Погажи, дабы остало сѣмя Трои. Потомъ же паки мужъ убьенія и закланія, и паки кровми обляся земля Тройская, и паки окровавлени быша Скомадровѣ струя, дондеже волхвнымъ пророчествомъ изрекоша, яко нѣсть мощно ратию взяти Троя, но токмо лестию единою⁵¹. И абіе содѣяша коня древяна, велика зѣло, и затвориша въ немъ мужа храбрыи и сами отоити творяхуся ко отечеству своему, коня же оставиша у пристанища и сами скрышася во островѣ. Видѣвши же Трояне пристанище пусто, коня же единаго стояща, и недоумѣюще дивляхуся и сперва убо мняху все прелестъ⁵², коня же погубити мысляху, во огнь или въ море вврещи. Но занеже приде время еже взятю быти Трои, во градъ⁵³ увѣщавше ввести коня, яко образъ и корысть отъ сопротивныхъ, и ови убо внесоша его, и питіемъ и играмъ себе вдавше и уснуша глубокимъ сномъ: мужіе же, крьющеся, изшедше полкомъ⁵⁴ и зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ; и сіе видѣвши, Еллини вскорѣ пловуще придоша къ Трои, и вратомъ отверстомъ бывшимъ отъ преже вшедшихъ, яко вода вліяшася множество воиска Греческаго. Твердоньрному жь сиде пріятю бывшу Трои, — индѣ же пишеть, сткломъ и мѣдью и воскомъ сотвориша фарижа сѣра, тѣмъ же образомъ аки конь, и въ немъ затвориша 300 витязей, сирѣчь бояръ вооруженныхъ, и егда его ввезоша во градъ, врата разоривше⁵⁵, непрошедшу ему во врата, тогда воины разбивше главами стекло и скочивше, многи изсѣкоша; достиже же и все множество воиска въ кораблехъ и по суху; — изсѣкоша же Тройскія велможа, а иныхъ въ море пометаша, изведоша же Александра и Елену царицу къ Менелаю, и рече ему Елена: о господи царю, ты бысть въ вѣки кривъ, чему мя остави со Александромъ Фарижемъ, да мя прелеститъ своимъ невѣрствомъ? И отвѣща ей

50) въ рук. *Полинещеру*. 51) *единою вед.* въ О. и Р. 459. 52) *лестъ* въ Р. 456. 53) *въ домъ* Р. 456. 54) *молкомъ* въ Р. 456. 55) *затворивше* въ О. и Р. 459.

царь: госпоже Елено, яко отсель азъ сотворю — тебе инъ никтоже не прельститъ⁵⁶, — и повелъ ея со Александромъ усѣкнуги, и съ ними Поликсену, дщерь Пріямову, повелъ усѣкнуги на гробъ Ахиллеевъ, яко ея ради погибе; и Екаму царицу, мать ея, даша на подѣлъ⁵⁷, съ нею же и прочая госпожа и болярыни. Ведоми же плакахуся зѣло, царица же Екама утѣшаше ихъ: азъ имамъ ваши слезы утолити, — и прочая же жены восхищаеми бяху отъ чертогъ новоженныхъ⁵⁸, и младенцы ударяеми бываху о стѣну, и земля наводняема баше кровми падающихъ, и проста рещи, плачь вся содержаше, и все лютое и горкое содержаше градъ; и огневи предають и поналяють отъ основанія, еже во градѣхъ прекраснаго и пріязднаго Троя. И увѣдѣвъ сія царь Полимнешерь и повелъ заклати Полидвора царя, Пріямова сына, и воврещи его въ море; и ту присташа корабли Гречестіи, и взятъ Екама царица ведро, еже почерпѣсти воду, и обрѣте сына своего мертва и возопи гласомъ велимъ, плачущися. Тогда слышавъ Полимнешерь царь, изыде на утѣшеніе Екамѣ царици, и восташа съ нею Тройскія госпожа, избодоша царя Полимнешера ножи; сія увѣдѣвше, граждане побиха ихъ каменіемъ, и Екаму царицу⁵⁹. Возвратижеся⁶⁰ Менелаеть царь со всѣми Греки съ побѣдою и съ великою честію, стоя подъ Троемъ лѣтъ 10 и мѣсяць 7, и тако скончася Тройское царство. Написа же повѣсть о Тройскомъ плѣненіи творецъ Омиръ. Ахиллеи же сей бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша» (?).

III. Девгеніево Дѣланіе приводимъ изъ Погодинскаго сборника № 1773, об. л. 342 — 361, такъ же не сохраняя всѣхъ мелочей написанія (но не чтенія), такъ какъ списокъ уже поздній; очевидныя ошибки исправлены.

«Деланіе прѣжнихъ времѣнь и храбрыхъ члѣкъ, ѿ дерзости и ѿ храбрости і ѿ бѣдрости прекраснаго Девгеніа.

«Бѣ нѣкая вдова царска роду и предала себя ко спасенію — отъ перкви николи же отхождаше, — и бысть у нея три сыны

56) *яко азъ сотворю да тебе и пр. въ О.* 57) *подѣлокъ въ О.* 58) *нововведенныхъ О. и Р. 459.* 59) *и Екаму царицу нед. въ О. и Р. 459.* 60) *возвратишася О. и Р. 459.*

велелѣпны и велеозарны, молитвою же матери своея дѣюще храбрость о дѣлехъ своихъ. У тойже вдовы бысть дщерь велелѣпна и велеозарна красотою лица своего, и услыша о красотѣ¹ дѣвицы тоя Амиръ царь Аравитскіе земли и собравъ войска своего множество много и поиде пакости творити (въ) Греческой землѣ, для ради красоты дѣвицы тоя. И прииде въ домъ вдовы тоя и восхитивъ прекрасную дѣвицу Амиръ царь мудростію своею и невидимъ бысть никимъ же въ Греческой землѣ, но токмо видѣ единая жена стара дому того; а мати ея въ то время бысть у церкви Божіи, а сынове во иной странѣ на ловлѣ. И прииде же вдова та отъ церкви Божіи, и не обрѣте прекрасной своей дщери и нача вопрошати въ дому своемъ рабъ своихъ и рабынь о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: «не вѣдаемъ, госпожа, дщери твоей прекрасной», — но токмо единая жена стара дому того видѣла и сказала госпожѣ своей вдовѣ: «прииде, госпожа, Аравитцкіе земли Амиръ царь, и исхитивъ дщерь твою, а нашу госпожу, мудростію своею и невидимъ бысть въ земли нашей». И слышавъ же то вдова отъ рабы своея и нача терзати власы главы своея и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери и рече: «увы мнѣ, окаянной вдовицѣ, аще бы были чада моя дома, да шедъ бы угонили Амира царя и отняли бы сестру свою». По малѣ же времени придоша въ домъ чада ея и видѣвше плачь матери своея, и начаша вопрошати матери своея: «скажи намъ² мати наша, кто тя обидилъ, царь ли или князь града сего; токмо насъ не будетъ въ животѣ, то жь ты обидима будешь». Рече жь имъ мати ихъ: «чада моя милая, никимъ же необижена града сего, развѣ имѣли есте у себя вы едину сестру и та нынѣ исхищенна руками Амира царя Аравитцкіе земли, — и урва ми сердечное кореніе, и унзе мя яко бездушную трость, а нынѣ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не преслушати вамъ заповѣди моя: идите вы и угоните Амира царя и отоймите сестрицу свою прекрасную; аще сестры своея невозмете, и вы и сами тамо главы своя положьте³ за сестрицу свою, и я оплачу и объ васъ, яко безчадна суть». И рекоша же сынове ея: «мати

1) въ рук. *красотъ ея* и пр. 2) въ рук. *намъ, намъ*. 3) въ рук. *положе*.

наша милая, не скорби ты о томъ, дай намъ благословеніе свое и молитву; вскорѣ скроемъ путь свой», — и препоясаша на себя оружія своя и вѣдоша на кони своя, и поѣхаша, яко златокрылатое ястребы, кони же подъ ними яко летаху, и доѣхаша сумежъя Срацынскія земли и срътоша нѣкоего срацынина, стражи блуша, и начаша братаничи вопрошати его: «повѣждь намъ, братіе, колко до жилища вашего Амира царя?» Срацыненинъ же изовлече мечь свой и течаше на нихъ дерзостно, а чающе яко бѣглецы суть, а не вѣдая ихъ дерзости. Спочивъ же ихъ меньшей братъ и ухвативъ же срацынина за горло и примча его ко братіи своей и хотяше его убить: рече жъ болшій братъ: «братія моя милая, чѣмъ намъ о срацыненина мечь свой сквернить, и мы осквернимъ о самого Амира царя, той бо есть намъ виненъ». А сего срацыненина привезаша на горѣ у древа, а сами поѣхаша путемъ тѣмъ и срътоша иныхъ многихъ стражей Амира царя, отъ великія рекомыя рѣки багрянцы; бѣше же ихъ числомъ 3000. Видѣша же братія великую стражу Амира царя, и рече жъ имъ болшій братъ: «братія моя милая, — во единомъ ли мѣстѣ намъ ѣхать на стражу Амира царя?» И рече середній братъ: «братія моя милая, то есть стража великая Амира царя, и мы раздѣлимъся на трое». Болшій братъ поѣде съ правыя руки, середній въ болшій полкъ, а меншій съ лѣвую руку, и поскочиша на амировыхъ стражей и начаша ихъ бити, яко добрые косцы траву косити, — овинхъ изсѣкоша, а овинхъ связаша и приведоша на гору високу, и гваша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца, и пригнаша ихъ на гору и побиша, токмо тремъ мужемъ животь даша провоженія ради ко Амиру царю. И начаша ихъ вопрошати: «повѣждьте намъ, срацыняне, во градѣ ли вапъ Амиръ царь пребываетъ или внѣ града?» Отвѣщавъ же имъ срацыняне: «господіе ⁴ три братіе, Амиръ царь нашъ внѣ града пребываетъ, за семь поприць отъ града, и подъ тѣмъ градомъ многіе шатры у него стоятъ, а въ шатеръ во единъ многія тысячи вмѣщаются сильныхъ и храбрыхъ кметей: единъ на сто напустить.» И рекоша же братаничи: «братія срацыняне, аще ли бы мы не

4) *доме въ рук.*

боялися Бога, давно бы васъ смерти предали. но вопрошаемъ васъ: повѣждайте намъ, каковъ шатерь Амира царя вашего?» Рекоша же имъ срацыня: «Амира царя шатерь черленъ, а по подолу зеленъ, а по шатру золотомъ и серебромъ и жемчюгомъ укаченъ и драгимъ каменіемъ украшенъ; а у брата его шатерь синь, а по подолу зеленъ, а по шатру тако жъ золотомъ и серебромъ украшенъ⁵, а ныне многія шатры стоятъ, а въ нихъ пребываютъ многія кмети, а емлютъ у царя прибытку на годъ по 1000 и по 2000, силніи и храбріи суть: единъ на сто человекъ наѣдетъ». Братаничи же⁶ отпустиша тѣхъ срацынъ трехъ ко Амиру царю своему словомъ вѣсть да не рекъ бы онъ такъ Амиръ царь, что мы придоша къ нему татемъ. — и рече срацыняномъ братаничи: «пойдите вы во свояси». Срацыняне жъ ради бысть отпушенію ихъ, сказаша царю своему; слышавъ же то Амиръ царь и ужастенъ бысть, и призвавъ кметевъ своихъ и рече имъ: «братія моя, силніи кмети, видѣхъ я ночесъ сонъ, яко ястребы три біюще мя крылы своими и едва не предложиша на тѣлѣ моемъ ранъ, завеже братаничи сіи придуть, а начнутъ про творити». Въ то жъ время пріѣхаша братаничи къ шатру Амира царя и начаша кликати Амира царя: «царю. поиди вонъ изъ шатра, повѣждь намъ Амиръ царь, что еси неумѣешь на пути стражей ставити; мы жъ къ шатру твоему пріѣхаша безо всякія обороны, а нынѣ повѣждь намъ... пришелъ и исхитилъ еси сестру нашу татбою; аще бы мы втѣпоры были дома, то не могъ бы⁷ ты убѣжати съ сестрою нашею, но злою бы ты смертію умеръ, но и вся бы земля твоя отъ насъ въ работѣ была, а нынѣ повѣждь намъ, гдѣ сестрица наша?» Отвѣшавъ же Амиръ царь: «братія моя милая, видите гору онук велику и прекрасну: тамо бо посѣчены многія жены и прекрасныя дѣвицы, тамо же и сестра ваша посѣчена, занеже она не сотворила воли моея». И рекоша же царю братаничи: «зло ти отъ насъ будетъ», — и поидоша они на тою гору искати сестры своея, мертвого тѣла ея, и видѣша на горѣ многія жены и прекрасныя дѣвицы посѣчены, и начаша сестры своея тѣла искати, и обрѣтше едину

5) въ рук. а нынѣ. 6) братаничъ въ рук. 7) не ѣмогъ бы въ рук.

дѣвицу прекрасну зѣло, и начаша по ней слезы испушати, чающе, яко сестра ихъ. Рече же имъ меньшій братъ: «братіе, нѣсть сестры нашей, то есть не наша», — и сѣдше братаничи на кони своя, и вопіяше пѣснь ангелскую велегласно ко Господу: «благословенъ Господь Богъ нашъ, научая руцѣ мои на ополченіе и на брань», — и рече они между собою: «попомнимъ, братіе, слово и приказъ матери своея: днемъ ся родили, днемъ ся мы и скончаемъ⁸ — по повелѣнію матери своея и главы своя положимъ за сестрицу свою». И прискочиша къ шатру Амира царя и шатеръ его на копья своя подвѣша, и рече же имъ Амиръ царь: «братія моя милая, отгѣдите вы прочь отъ шатра сего и измечите вы межъ собою жребій, кому отъ васъ со мною выиметца жребій битись: аще мя преодолѣете, то и сестру свою возмете; аще азъ васъ преодолѣю, и мнѣ годно васъ всѣхъ посящы». Братаничи жъ отгѣхаша отъ шатра его и начаша метати жребія, и вергоша жребія впервыя и выняся жребій меньшему брату на брань ѣхать; братія жъ въвергоша въ другой рядъ жребія, што не меньшему ѣхать битися противъ Амира царя, понеже силенъ есть, — и въ другой рядъ выняся жребій меньшему жъ брату битися; они же вергоша жребій и въ третьей рядъ, выняся меньшему жъ брату на брань ѣхать битися со царемъ Амиромъ, занежъ они съ сестрою изъ единыя матері утробы вмѣстѣ шли и во единъ день роженія ихъ. И начаша братаничи меншово брата крутить, а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ аки солнце сіяетъ, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тма темно, — братія же ангелскую пѣснь ко Богу возсылающе: «Владыко, не поддай созданія своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу», — и сѣдшы жъ они на кони своя и сѣхася они вмѣстѣ со Амиромъ царемъ, и начаша ся сѣщы саблями и ударишася межъ собою копьями. Видѣша жъ то срацыняне и многія кмети дерзость меньшого брата и рекоша Амиру царю своему: «великій господине, Амуре царю, отдай имъ сестру ихъ и пріими миръ отъ нихъ, се бо единъ меньшій братъ ихъ крѣпость твою побѣждаетъ; аще совокупятца вси три

8) скончаемъся въ рукоп.

во едино мѣсто, то вся земля наша отъ нихъ въ работѣ будетъ. Меньшій ихъ заѣде создаи Амира царя и удари его межъ плечъ и долу его съ коня сверже, и ухвативъ же его за власы и при-мча его ко братіи своей. И рекоша⁹ вси срацыняне веле-гласно Амиру царю: «отдай, Амуре царю, сестру ихъ имъ, да ты не погубяшь до остатку»; рече имъ Амиръ царь: «помилуйте мя, братіе милая, днесь крещуся во святое крещеніе, любви ради дѣвицы тоя, да буду язъ вамъ зять». Рекоша же братаничи: «брате, Амуре царю, власть имамъ посѣпши ты и власть имамъ пустити ты, — какъ намъ за холопа выдать сестру свою, а нынѣ повѣждь намъ, гдѣ сестра наша?» Рече же имъ Амиръ царь слезно: «братія, видите оно въ полѣ прекрасно, — тамо стоятъ многія шатры, а въ нихъ сѣдитъ сестра ваша, а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражіе ея стрежаху далече отъ шатровъ». Слышавъ же то братія радостны быша и поскочи-ша¹⁰ къ шатру ея и прискочиша; стражіе же не рекоша имъ ни-чегожь, а чаюше, яко приходцы суть, а не чаюше, яко братія ея. И придоша же братія къ шатру и внидоша въ шатеръ къ сестрѣ своей, и обрѣтше же сестру свою на златѣ¹¹ стулѣ сѣ-дящу и лице ея покровенно драгимъ магнитомъ; начаша же братаничи вопрошати слезно: «повѣждь намъ, сестрица, дер-зость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единомъ словомъ, то отымъ же главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да по-томъ не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву». Въ то жь время Амиръ царь собра триста верблюды и наполни на нихъ драгаго злата аравитцаго и далъ братаничемъ въ дѣ-ровяхъ, любви ради дѣвицы тоя, и рече имъ Амиръ царь ко братаничемъ: «помилуйте мя, братія моя, отвергусь я вѣры своея и днесь крещуся во святое крещеніе, да буду вамъ зять». Рекоша же братія къ сестрѣ своей: «повѣждь намъ, сестрица наша, аще со Амиромъ царемъ сраму добыла еси, то мы отымемъ главу его и отвеземъ въ Греческую землю, да не бу-детъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву». Рече же дѣ-вица ко братіи: «никакоже, братія, не имѣйте никакова о мнѣ

9) рекоша имъ въ рук. 10) поскочиша стражіе въ рук. 11) на злате....

во умѣ своемъ, — коли я исхищена Амиромъ царемъ, и тогда было при мнѣ 12 кормилицъ, а нынѣ боюсь поношенія отъ людей и отъ своихъ сродницъ, занеже бысть половеница; занеже и азъ повѣдала Амиру царю дерзость вашу, и Амиръ царь всегда ко мнѣ прѣбъжжаше единою мѣсяцомъ и издавеча на меня смотряше; лице мое повелѣ сродичемъ своимъ скрывать, а въ шатеръ никто николиже входяше; а нынѣ, братія моя милая, хошу къ вамъ глаголати, да прежь хошу васъ заклинати молитвою матери нашея — да не преслушати вамъ заповѣди моея, — аще толко отвержетца Амиръ царь правдое вѣры своея, и двесь креститьца во святое крещеніе и иного вамъ зятя¹² таковаго не обрѣсти, занеже славою славенъ и силою силенъ и мудростию мудръ и богатествомъ богатъ». Рекоша же братія къ сестрѣ своей: «совокупить васъ матерня молитва со Амиромъ царемъ», и рекоша братаничи Амиру царю: «аще хошешы быть намъ зять, и ты отвергися вѣры своея поганья, любве ради сестры нашея; днесь крестись во святое крещеніе и поѣди къ намъ въ Греческую землю, по любимой своея дѣвицы». И рече же имъ Амиръ царь: «братія моя милая, не дамся азъ вамъ; не суть Гречена, яко полонивъ зятя въ домъ свой ведутъ; нарекуся азъ вамъ зять съ великою честию, хошу прежь ѣхать и избрать верблюды со всей земли и наполнити на нихъ богатства, и хошу избрати сильные кмети, а хто хошетъ со мною итти во святое крещеніе; и прииду къ вамъ въ Греческую землю и нарекуся вамъ зять и буду славенъ и богатъ, а вы коней своихъ не томите, подождите мя на дорогѣ». Братія жъ взяли сестру свою и поѣхаша путемъ своимъ, а Амирскій царь (?) прѣхавъ къ матери своей и къ брату своему и нача имъ прелестию глаголати, да чтобы его не уняли, и рече матери своей: «мати моя милая, что ходихъ въ Греческую землю и половихъ себѣ любамую дѣвицу и придоша во слѣдъ ко мнѣ братія ея и начаша со мною битись, и единъ отъ нихъ, меншы братъ, крѣпость мою побѣдилъ; аще бы совокупились все три брата во единое мѣсто, то и вся земля наша отъ нихъ въ работѣ была». Рече же мати ко Амиру царю, сыну своему, гнѣвно и власы главы своея нача

12) *зятя* въ рук.

терзати и лице свое и рече ему: «на што нарекаешься царемъ и сильный кметъ у себя имѣшы, придатку емлютъ по 1000 и по 2000, и ты иди нынѣ и совокупи войска своего, и иди въ Греческую землю, и побѣди братію, и любимую дѣвицу приведи ко мнѣ». Амиръ же рече къ матери своей прелестію: «мати моя, азъ хошу тожь сотворить, собрати воя своя много и иди пакости творить въ Греческую землю». И рече братъ Амиру царю: «пойдемъ, брате, вскорѣ, собравъ войско свое, да не допустимъ братію еѣ любимую дѣвицею во градъ». И рече Амиръ царь ко брату своему: сяди ты, брате, на престолѣ моемъ, а язъ единъ хошу ѣхати пакости творити въ Греческой землѣ». Въ то жь время Амиръ царь посади брата своего на престолѣ своемъ, а самъ собра войска много, и собра богатства и верблюды со всей (земли) и наполни на нихъ драгаго злата аравитцакаго и каменія драгаго многоцѣннаго. Видѣвъ же то Срацыняне, яко на рать не ходять тако, а ѣе глаголаша ему ничего. Доиде же Амиръ царь до сумежія Греческія земли, и рече Амиръ царь ко Аравитяномъ¹³: «братія моя милая, силніи и храбріи Аравитяне, хто хошетъ со мною дерзость творить, той поиди со мною въ Греческую землю пакости творити». И рече отъ нихъ единъ Аравитянинъ, во устѣхъ имѣя у себя дванадесять замковъ, и рече велегласно ко Амиру царю: «великій государь, Амуре царю, придоша¹⁴ отъ Греческія земли въ нашу Срацынскую землю три юношы, и единъ отъ нихъ крѣпость твою побѣди; аще бы всѣ были три совокупилися во едино мѣсто, то бы и земля наша отъ нихъ вся въ работѣ была; а нынѣ ты хочешь итить въ Греческую землю, то они насъ и до остатку всѣхъ погубять». Амиръ же царь, отпустивъ богатство, наполненныя казны верблюды, впередъ въ Греческую землю, и взявъ немного кметей своихъ и поиде въ Греческую землю. Братаничи же не доидоша Греческаго града за пятьдесятъ (верстъ) попришь и сташа на полѣ; сестра же ихъ начатъ имъ молитися: «братія моя милая, не введите мя въ срамъ великій отъ человекъ и отъ своихъ сродникъ, занеже азъ исхищена была рукама Амира царя; подождите зятя своего нареченного Амира царя». До малѣ же

13) *аравитля* въ рук. 14) *придошъ* и ниже *побѣдишъ*, въ рукописи.

времени придоша къ нимъ Амиръ царь со всѣмъ (войскомъ) богатствомъ и съ верблюды, наполненныя златомъ и серебромъ, и рече Амиръ царь: «слава Богу, благодѣющему мнѣ, яко сподобилъ мя Богъ братію въ очи видѣти». И рекоша братія ко Амиру царю: «рабе Христове, буди ты намъ зять». Два же брата, болшыи и средней, съ сестрою своею поѣхаша во градъ ношю, народа ради, и выидоша въ домъ матери своея, и видѣвъ же мать два сына и дщерь свою и рече имъ слезно: «сестрицы вы сною добыли, а братца изгубили есте»; и рече ей сынове ея: «радуйся, мати, и веселися, братъ нашъ меншій пребываетъ съ зятемъ нашимъ нареченнымъ, со Амиромъ царемъ, а нынѣ ты, мати, dospъвай бракъ великъ, занежъ еси добыли зятя — славою славенъ и силою силенъ и богатствомъ богатъ, а нынѣ намъ ево ввести во святое крещеніе». И взяше патриарха града того со всѣмъ соборомъ и придоша на Ерантъ рѣку и сотвориша купель, и выидоша изъ града (вонъ) множество народа. Видѣвше же (то) братаничи истомна Амира царя отъ народа, братаничи же повелѣ Амира царя вскорѣ крестити во имя Святаго Духа, и крестиша его самъ патриархъ, а отецъ былъ крестной царь града того. И поидоша въ домъ матери своея и сотвориша бракъ великъ, преславенъ зѣло, и сотвориша свадбу по 3 мѣсяцы; и потомъ Амиръ царь сотвори себѣ особый дворъ и полаты и жити нача съ своею любимою дѣвицею. По томъ же времени услыша мати Амира царя, что онъ крестися и отвергся вѣры своея, любве ради дѣвицы тоя, и нача терзати власы главы своея и собра воиска своего много (же) множество и рече имъ: «кто имѣеть дерзость внити въ Греческую землю къ господину своему Амиру царю и извести его изъ Греческія земли съ любимою дѣвицею его?» И рекоша жъ ей три Срацыняне: «мы, госпоже, идемъ въ Греческую землю и отнесемъ . . . книги ко господину своему, царю Амиру». И она же имъ даша много златницъ и дана имъ три кони: конь, рекомыи *вѣтреница*, вторыи *троль*, третіи *молнія*: «аще выидете¹⁵ въ Греческую землю и увидите господина своего Амира царя, и

15) выидеть въ рук.

изведите его изъ Греческія земли, и сядете на вѣтреницу, и вы невидими будете никимъ же; аще выидите въ Срацинскую съ господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со дѣвицею его любимою, и сядите вы на громъ-конь, и тогда услышатъ вси Аравитяне¹⁶ Срацынскіе земли; аще сядете на молнію и невидими будете въ Греческой землѣ». Срацыняне же взяша три коня и книги ко Амиру царю, и поѣхаша путемъ своимъ, и пріѣхаша подъ градъ Греческій, и сташа виѣ¹⁷ града въ сокровенномъ мѣстѣ, и всѣдоша на молнію, и невидимъ бысть въ греческой землѣ. Тоя же ношы царица Амира царя, прекрасная (царица) лѣвица, видѣша сонъ и ужасна бысть , и повѣдаша братіямъ своимъ: «братія моя милая, видѣла я сонъ: въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылатыи соколъ и ятъ мя (за руку) и взнесе изъ полаты моея, и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и соколъ мя опусти». Братія же собравше во градѣ вся волхвы и книжницы и фарисеи, и повѣдаша сонъ сестры своея, и волхвы же рекоша братіямъ: «госпожу нашу, прекрасную дѣвицу, зять вашъ новокрещенныи Амиръ царь, по повелѣнію матери своея, хоцетъ исхитити изъ полаты и бѣжати въ Срацинскую землю, и съ любимою сестрицею вашею; а три врана, то суть три Срацыненина — стоятъ за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислани суть ко Амиру царю отъ матери съ грамотами». Братія жь пришедь ко Амиру царю и начаша его вопрошати и обличать; онъ же кленяся имъ живымъ Богомъ, и вземъ же они Амира царя и поѣхаша съ нимъ за городъ съ книжницами и съ фарисеями, и обрѣтоша за градомъ три Срацыненина, и они жь изымаша ихъ и начаша вопрошати. И они же имъ сказаша всю тайну, и взявъ ихъ во градъ и крестиша ихъ во святое крещеніе, и начаша жить у Амира царя, а кони ихъ вземъ Амиръ царь и роздалъ братаничемъ, шурьямъ своимъ. И потомъ книжницы начаша проповѣдывать о рожденіи Девгеніевѣ, и потомъ царица Амира царя прія плодъ во утробѣ своей, мужеска полу, и родить сына, и нарекоша имя ему Акрить, и ввергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему: прекрасныи Девгеней. а крестиша его самъ патриархъ, а мати

16) аравитіи въ рук. 17) с немъ въ рук.

крестная царица града того, — и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ, на первоенадесять лѣто и на второе начаша копьемъ играти, а на третеенадесять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть гораздъ на драгантѣ храбовать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ велики; лице же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велики великии яко чашы, пристрашно зрѣти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учивены многіе звонцы — отъ прегуданія и умъ челоуѣчь не можетъ смыслить, а какъ юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ челоуѣчь исхититца. На четвертое же лѣто¹⁸ на 10 ѣздилша прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: «чадо, рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити», и повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати со юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чюдеси, како сій юноша прекрасный: младъ, хочеть звѣривую дерзость имѣти. Отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеней посмѣявся и рече: «отче, не тако звѣрей ловать, но поѣдемъ въ далныя пустыя лѣса». Отецъ же его поѣде съ нимъ, и многія люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходить и смотрити какова звѣря, и видѣ прекрасный Девгеній лося бѣгуща и сугна его пѣшь, яко борзые . . . борзаго фарыжа¹⁹, и догнавъ, ухвативъ его за задніе ноги и раздра его на двое, и влече его положе на руку и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуща. Девгеній же храбрый видѣвъ медвѣдя и поскочи, и догнавъ медвѣдя, розодравъ его челюсти и разодравъ его на двое; и видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вси людіе и удивихася зѣло: людіе же многи ту стояху и дивляхуся. По малѣ же времени видѣвше отецъ его изъ острову бѣгуща, изъ густова лѣсу, лю-

18) *лѣто на 14 т. е. ді*, по ошибкѣ въ рук. 19) *Вѣроятно, безъ пропуска, борзые борзаго фарыжа.*

тый звѣрь разѣмше челюсти своя и хотяше проглотити юношу; отецъ же его рекоша: «чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая, зри живаго — на тя бѣжитъ и хошетъ тя поглотити; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему». И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечъ свой и скочи къ нему встрѣчу, и удари его мечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ острова и радостенъ бысть зѣло, и приѣхавъ къ сыну своему и поцѣлова его во уста и во очю, како дарова ему Богъ таковаго отрока и подасть силу надо всѣми храбрыми и силвыми, и рече отецъ сыну своему: «о свѣтозарное солнце, преславный Девгеній, отъ поту звѣринова и от-хля медвѣжая порты на тебя изрудилися; но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темного — есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему ни кто притѣти, понеже бо въ немъ многая чудеса творятся²⁰, и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ своими рукамы омыю лице твое и руцѣ и нозѣ». И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чудеси, и придоша ко источнику, и нача отецъ сыну своему лице омывати и руцѣ и нозѣ, и рече сынъ, прекрасный Девгеней: «отче, руцѣ мой моешь, а еще имъ калнымъ быти;» по томъ же словеси прилетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣя, яко чело-вѣчи²¹, и видѣвъ же то преславный Девгеній, и взя мечъ свой и поскочи противу его и удари мечемъ его, и отня ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вси людие и дивишася чудеси его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоцѣнные порты съ драгимъ златомъ аравитскимъ, а перерукавіе съ драгимъ магнитомъ, и потомъ же юноша сяде на конь свой, рекомый на борзый фарь, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть, звонцы же его доброголасныи начаша прегудати, и приѣхаша въ домъ къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видѣвше сына своего, и любезно цѣлова его, и съ тое поры прекрасный Девгеней царевичъ нача помышляти о дѣлехъ ратныхъ.

20) *творяща* въ рукоп. 21) *человѣчь* въ рук.

«Посланіе Филипата²² и отъ дочери его Максиміаны къ Девгенію прекрасному.

«Слышавъ же то Филипатъ и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тенето. Филипатъ же храбръ и силенъ добръ и много у себя войска имѣеть; такоже и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣеть, и войско ихъ силно и храбро добръ, яко Македоняне. И поидоста на преславнаго Девгенія царевича и не доидоша града Греческаго и сташа на рѣкѣ Ефрантѣ, и послаша Максимьяна грамоты съ прелестію ко преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишеть: «о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней, ты царствуешы во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ, яко май мѣсяць во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцѣ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа листьвенные листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, приди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Ефрантѣ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже нѣсть помышленія никавова жь». И прочеть же тое грамоту преславный Девгеній и посмѣявся и рече отцу своему: «отче, хошу, ѣхать видѣти преславна и храбра Филипата и Максимьяну дѣву». Рече же къ нему отецъ его, Амиръ царь: «чадо мое милое, преславный Девгеней, рано тебѣ въ силную рать ѣхать; еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничево ратного дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипатъ въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максимьяна, дщерь его, мужскую дерзость имѣеть, и войско ихъ храбро и много зѣло». Девгеній же отписавъ грамоту и посла Грека мужа, а въ грамотѣ пишеть: «срамъ ми есть великъ въ томъ — противо дѣвицы ѣхать битися, а ты, старый Филипатъ, во мнозѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко миѣ». Прочеть же грамоту Максимьяна дѣвица и рече Греку мужу: «никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не имѣй помысла во умѣ

22) Въ рук. постоянно вмѣсто этого имени (находящагося въ древнемъ спискѣ) пишется *Филипъ-пала*; см. отъ въ рук. о.

своемъ никакова, занеже пріѣхали мы юности твоей видѣти». Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видѣть храбрость Филипата, и поять съ собою Грековъ немного и возме молитву у отца своего и у матери, и вборзѣ съде на конь свой и рече отцу своему: «отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имѣйте, никакоже отъ руки человѣческія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога и на силу Божию и на вашу молитву». И поѣде въ путь свой и пріѣде на рѣку, рекомую Ефрантъ, и ста на берегу и посла Грековъ своихъ къ Филипату и къ Максимьянѣ дѣвицѣ; и видѣвъ же то Филипатъ, Девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всемъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ, и ухвативъ копьѣ свое и попре въ рѣку концемъ и перескочи чрезъ рѣку пѣшъ, яко соколя дюжей отъ руку ловца, и завопи гласомъ велимъ, велегласно: «дайте мои борзѣ конь, рекомый фаръ», и всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву косить: въ первомъ поскокѣ тысящу поби войска Филипата; а въ другой рядъ скочилъ, такожде 1000 жъ побилъ; а въ третій нагна Филипата самого и удари ево копьемъ, тупымъ концемъ, межъ плечъ и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуше отца ея Филипата, и заправка копьѣ свое хотяше пробости преславнаго Девгенія созади его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати копьѣ ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обоихъ, а войско ихъ, иныхъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша и гнаша ихъ предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища и перегнаша ихъ чрезъ рѣку. Въ ту жъ пору старый Филипатъ обратяся къ Девгенію и рече: «о златокрылатый ястрябъ, преславный Девгеній, ты славенъ еси и силенъ во всехъ насъ сильныхъ и храбрыхъ, а еще ты есть храбрѣе и силнѣе на семъ свѣтѣ преславный Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а протчая воинства его не можетъ земля держати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея нѣсть на семъ свѣтѣ краше, — мнози цари и короли храбри и силнии суть, а никто не можетъ ея пояти, —

кто не прѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъ-
лѣхатъ; развѣ тебя Богъ одаритъ, а нынѣ пощади мя и старость
мою, отпусти мя». Рече же ему преславный Девгеній: «хочу
преже проповѣдати; аще истинну сказахъ ми еси, тогда пушу
тя, толко²³ возложу знаменіе на лице твое, протчаго ради вре-
мляни». Потомъ же и Максимьяна нача ему молитися: «о свѣто-
зарное, свѣтлое солнце, преславный Девгеній, мвози ко мнѣ
цари и короли, присылалися ко мнѣ храбрїи и силни, во мнозѣ
силѣ, а никто мя не оскверни единымъ словомъ; всѣ добѣждени
моими руками, а нынѣ Богомъ покоренна еси тебѣ; аще ты
совокупишыся со мною, да будемъ мы вмѣстѣ, и силы нашей
не можетъ держати никтоже». И рече ей преславный Девгеней,
дѣвицѣ Максимьянѣ: «не имѣю не отъ какова чловѣка по-
мощи, кромѣ милости Божїи и матернїа молитвы; та ми по-
можетъ». А Девгеній же мудръ бысть великии и взя книгу и по-
смотри²⁴ въ нея о житїи своемъ и о смерти, и досмотрився въ
книзѣ той: аще Девгеній прекрасный совокупится съ Ма-
ксимьяною дѣвицею, то житїа его шеснатцать лѣтъ; аще до-
стигнетъ прекрасной Стратиговны, и то житїа его тринацать...²⁵
лѣтъ, — и кликнувъ велегласно къ Греку мужу: «пойди ко отцу
и къ матери моей и поздравствуй ему отъ меня великимъ здра-
вїемъ и реки имъ: радуйся отче съ матерїю моею, — что по-
мыслихъ Филипата и Максимїана дѣвица, да не бысть имъ
такое, — а сего старого Филипата везите ко отцу моему, а Ма-
ксимїану дѣвицу отдайте матери моей; аще къ ней при-
коснется хотя единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей
день живъ быти». И отпусти ихъ впередъ, а самъ назади по-
лѣхаша и прїѣхаша въ домъ ко отцу своему и къ матери; отецъ
же его и мати ради бысть зѣло, сождавъ своего сына, пре-
славного Девгенїа. Преславный же Девгеней нача мыслить во
умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, а Максимьяну дѣвицу
повелѣша матери своей беречь и держати въ великомъ бре-
женїи, и нача прекрасный и преславный Девгеней у отца своего
и у матери безпрестани умоляти, како бы ему видѣть пре-
славнаго Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и

23) тако въ рук. 24) смотри въ рук. 25) еще цифра, кажется 6.

прекрасную Стратиговну. Отец же его нача увимать: «чядо мое милое, уймися отъ сего помысла: многіе то помышляше о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ея». Преславный же Девгеній взя молитву у отца своего и матери, и совокупи волъ своя много, и взя съ собою драгоцѣнныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и сяде на борзой свой фарь, и поѣде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сужежья Стратиговы земли, и недоѣзжая до града за пять версть и остави воинство свое и повелѣ имъ межъ себе около стражу крѣпкую имѣти, дабы не скрали ихъ, а самъ поѣде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, которой въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову, и пріѣде во градъ, во врата града Стратигова, и встрѣте юношу Стратигова двора, и вопрошаше юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Отвѣщавъ же ему юноша: «нѣсть господина нашего Стратига царя дома, но въ иной странѣ ловы дѣветь²⁶ и съ четырьмя сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, вно нѣсть такыя прекрасныя на семь свѣтѣ; многіе суть пріѣзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а никто въ очі ея не видалъ, и никто живъ изъ царства сего не выѣзживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинства его, а воинству его и смѣты нѣтъ, а храбри суть таковы: единъ на сто напуститъ, и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣетъ, иному никому на ея зрѣть неподобно.... развѣ тебе». И слышавъ же то Девгеній прекрасный радостенъ бысть зѣло, зане.... и въ книгѣ указано ему прикасатися ко Стратиговнѣ и жить ему тридесять 6 лѣтъ съ нею; и поѣде же Девгеней прекрасный градомъ Стратиговымъ, и пріиде ко двору Стратигову, и нача възирати на дворъ Стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приниче ко оконцу и видѣ красоту Девгеніеву и нача во умѣ своемъ помышлять, занеже есть красенъ, а не силенъ; Девгеней же ѣдзиша по двору и возвратися назад...²⁷ и пріѣхаша въ станъ свой съ новопріемнымъ

26) *дѣвоче* въ рук.; подобныхъ ошибокъ вообще много въ текстѣ. 27) Заглавное здѣсь и далѣе точками не могло быть прочитано на послѣднемъ листѣ рукописи, истертomъ и заклеенномъ.

юношею, и нача веселитися во всю ночь, и повелѣша людемъ своимъ въ тинпаны и въ набаты бити, и въ сурны играти, сіи рѣчь трубить, и въ гусли играть. И услышавъ же то прекрасная Стратиговна, начаша вопрошати мамокъ своихъ, что-де сіе за играніе подъ градомъ нашимъ велегл рече же ей мамъки: «то-де, госпожа наша Стратиговна, прїѣде подъ градъ вашъ изъ Греческія земли царевичъ, Девгеній прекрасны, и преславны, и храбрый, а хоцеть тебя взяти» Во утриже поѣде опять во градъ Стратиговъ прекрасный Девгеній на своемъ бѣломъ конѣ, у коего здѣланы звонцы въ гривѣ, и прїѣхаша ко двору Стратигову, и нача на конѣ своемъ ѣздить, а гудцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играть, и отъ того игранія умъ (человѣчь?) исхититьца. И слышавъ же то Стратиговна и приниче къ оконцу своему, и видѣ Девгенія, и рече кормилицемъ своимъ: «идите на дворъ и спросите его, что велию дерзость имѣеть сей юноша ко двору нашему». И выиде же кормилица и нача ему глаголати: «о свѣте, свѣтозарное солянце, младый юноша, велѣла тебѣ говорить государыня наша, жалуючи тебя, в..... ты красенъ, а не силенъ, что имѣеш... ружіе и дерзость ко двору сему и из... ты изъ града вонъ, отъкуду еси прїѣхалъ; аще ли ты заѣдетъ отецъ мой и братія.....»

IV. Отрывокъ изъ **Варлаама и Иоасафа**, именно «притча ѿ инърозѣ», взятъ изъ Толстовскаго списка XV вѣка 2. 89, Публ. Б-ки I. Q. 315, об. л. 67—69. Рукопись писана не однимъ почеркомъ; первый продолжается до 27-го листа, и эта часть имѣеть и нѣсколько отличное правописаніе.

....Дша же своѧ ѡставльши^т гладо^т таати и тмами стра^ти злаа — по^тбнї быти мню мѣжеви бѣжашоу ѿ лица ѧворога, иже не терпа гла ѧго и страшнаго ѧго прерывканїа, но крѣпко бѣжаше, да не бѣдетъ емоу въ свѣ^т. Внегда же течаше быстро, въ великоую нѣкоюю впаде пропасть; внегда же впастьца емоу в ню, и за древо нѣкое похитивса, крѣпко держашеса, и на россеѣ нѣкоей нозѣ оутвердивъ, мняше прочек в мирѣ быти и въ твердыни; възрѣвъ оубо и видѣ двѣ мыши, бѣлоу оубо кдїну, друугоую же черноу, по^тгрызающи же непрестанно древа, кже ѡнъ блше похитивса, и ѣлико же оуже вмагѣ приближающимаса ѧма в сїк^т

искоренити. Въсмотрѣвъ же въ дно пропасти, і видѣ зміа страшна видѣніемъ і огнемъ дышоуща, і іаро извѣрующаса, оуста же страшно разиноваше, пожрети его градоуща; възрѣвъ же паки на степень онъ, на немже бѣаше нозѣ свой оутверди, видѣ четырь главы аспідовы ѿ стѣны изникша, на нейже стоаше. И възрѣвъ очима, видѣ ѿ вѣтвы древа ѡного мало меда каплюща, оставивъ оубо пещиса ѿ одержащиъ его бѣда, како вѣшоудоу оубо инорогъ, люте неистоваса, ищеть снѣсти его; долоу же горькыи съміи знаеть пожрети его; древо же, за не же бѣ са оухитилъ, кѣлико же в малѣ іскоренитиса хотѣше; нозѣ на полсцѣ і невѣрнѣ степени оутверди бѣаше; і толикиъ і таковыъ солъ забывъ, оустремиса ко сла^асти малаго медоу ѡного.

(Толкованіе притчи сей, что ѣсть мыши. і что ѣсть инорогъ, і что ѣсть каплющій малаа капля медѣ).

Се ѣсть подобное прѣлести мира сего прельщающа, его же сказаніе нѣтъ реку ти: инорогъ оубо ѡбразъ ѣсть смрти, гонащъ оубо — постигнути градоущи адамскыи ро^а; пропасть же — миръ ісполнь сы всацескыъ солъ і смртоносныъ сѣтнѣ; древо же, кѣже^а о двою мышю, непрестанно погрызаемое, его же оухитѣше держимса — время кѣ когдождо съкращаваему і скончаваему днѣмъ і нощью, і къ посѣченію помалѣ прѣближаетса; четыре аспиды, иже ѿ четырь прѣлестныъ стигѣ съставъ — съставленіе члѣскаго телесе назнаменуоуѣ, имже бесчинно носимъ і матоущимса, тѣлесноу разрушакѣса съставленіе; і къ сѣмже огнеобразныи онъ і неистовыи змѣи страшноу проѡбражаѣтъ адовоу дутробоу, жадающеу приати мира сего красна, а паче боудоущи блѣгъ изволившии^а; медовнаа же капля — сладость извлаѣтъ мира сего слакы^а, ими же той прелщаа своиъ другы не оставлаѣтъ і ѿ своимъ пещиса спсєвнѣ.

V. Выписка изъ Стефанита и Ихнилата сдѣлана нами по Толстовскому списку 3. 45; лучшимъ текстомъ должно впрочемъ назвать чтеніе Погодинской рукописи, нѣсколько полнѣйшее.

л. 97 — 101. «Стефанитъ же рече: како можеша повредити лва, много суща тебе силнѣйша и многи други имуща и послушники? Ихнилать же рече: не взирай на мое неможеніе

1) въ рукописи *кѣже*, вѣроятно неправильно.

и смиреніе; не бываетъ бо побѣда силою и мощію тѣлесною; но мудрестію и разумомъ и добрымъ совѣтомъ великоумныхъ мужъ; мнози бо отъ сильныхъ немощными побѣдишася.

... *«Притча о вранѣ и о змѣи.* Глаголетъ бо ся, яко вранъ нѣкій вогиѣздяшеся въ нѣкоемъ дровѣ, въ горѣ, и отъ нѣкоего змія на всяко время обидѣтъ бываше, — и птенца его снѣдаше. Яко убо множицею змѣй творяше таковое, и шелъ вранъ къ нѣкому своему другу — звѣрю, и рече къ нему: хочу тебе совѣтника сотворити, не вѣси бо, каковая стражу отъ змѣи, и мнитѣмися полезно быти тому, миѣ приблизитися ему спящу и очи ему извертѣти. Звѣрь же рече: не добръ совѣтовалъ еси, но промысли хитрость ину, ею же оного погубиши, ты же невредимъ пребудеши, — да не подобно постражеши жаравлево.

... *«Притча о жаравлѣ и о ежѣ.* Глаголетъ бо ся, яко жеравъ нѣкій при блатѣ пребывая, исполнену рыбъ, и отъ нихъ же питаеся, состарѣвъ же си и на логъ не возможе подвизатися, и гладомъ одержимъ, востужи си и поведе въ нѣкую гору, и восхода обрѣте ежа во своей скорби. Ежъ же рече къ нему: что ради печаленъ еси и скорбенъ? Онъ же воспримъ рече: како ма¹ скорблю. — первіе пребывахъ при блатѣ нѣкоемъ и отъ рыбъ его питаехя; многимъ обидѣмъ суще; днесь же узрѣхъ два рыбаля, приходяща на мѣсто то и другъ другу бесѣдующа, како всю ту рыбу изловятъ. Бжъ же, послышавъ отъ жаравля, приде къ рыбамя и повѣда имъ, еже слышавъ отъ жаравля; они же пришедше къ жаравлю и рѣша: нынѣ кощемъ совѣтника тя имѣти, услышахомъ бо, яко рыбаляри нѣцы совѣтноваху изловити насъ. Жеравль же рече: ни едино вамъ предлежитъ художество, точію прейти отъ мѣста своего во иное мѣсто тростяно и водно, идѣ же доволну пищу обрѣтше и добръ живуще забавитесь предлежащія бѣды. Рыбы же рекоша: пренеси убо ты насъ на таковое мѣсто; онъ же рече: боюся, да не прежде предложенія вашего придуть рыбаляри, обаче елико ми есть мощно, се сотворю, — и начатъ съ таковою притчею преносити по малу рыбы въ нѣкоей губѣ на

1) въ рук. *мако*; поправлено по друг. св.

берегъ, и тамо ядате ихъ. другимъ рыбамъ мнящимъ, яко въ порученное мѣсто преносить ихъ, еже сохранитися и соблюстися тѣмъ тамо. И тоже ископа яму безумный инѣмъ; самъ впадесе въ ню. Во единъ убо отъ днѣй умоли ежъ жаравля пренести и того, якоже и рыбы; примъ же его жеравль и отнесе на гору, вдѣже и рыбы снѣдаше, совѣтова же и того снѣсти. Видѣвъ же ежъ кости рыбныя, тамъ лежащая; и уразумѣ лести и въ себѣ помышляше, яко нужно смертенъ буду, аще противлюся жаравлю, или аще покорюся, единъ судъ приму; нынѣ же смыслихъ, да не бесчестною смертію постражу, но или добръ жити ми или добръ умрети, тако бо благоумному подобаетъ, — и напрасно обзинувъ жеравлеву шею устами и нужно удави его.

«Сего же ради таковая сказахъ ти, о вране, яко да увѣси, яко враждующей нѣкогда нѣдцы своими сѣтми лти бывають. Но подобаетъ ти тако змѣву погибель промыслити: смотри долу женскія красоты чеснѣиша и похити ю, и отнесъ, во гнѣздѣ змѣвѣ положи ю, его же ради по ней послѣдствуютъ нѣдцы, обрѣтше же змѣя и убьютъ его, — еже и бысть. Тако бо сотвори вранѣ и избавленъ бысть отъ змѣя.»

«Рече же Ихнилать Стефаниду: сія сказахъ, да разумѣши, яко мудрость есть болше крѣпости: Стефанидъ же рече: аще не бы противу мужеству мудрость; оставилъ убо быхъ таковая бесѣдовати тебѣ, но вкупѣ съ храбростию и разуменъ еси. Ихнилать же рече: истинну реклъ еси, яко таковъ есмь; но имамъ низложити его по искушенію, дерзаю бо и вѣрую многимъ вещемъ, еже быша во многихъ, иногда бо и заяць лва низложилъ есть....»

л. 188—194. «И рече царь къ философу: разумѣхъ вся реченная притчи тобою, еже реклъ ми еси; протче скажи ми, философе, како кто когда достигъ желанія своего и не могій добръ содержати его, и абіе паки погубить е. Философъ же воспримъ и рече:

«Притча о пмощехъ. Глаголетъ бо ся, яко пмощы нѣдцы, царя у себе имуще состарѣвшася зѣло и заматорѣвшна многими лѣты, и старости его ради изгнаша и отъ царскіа власти. Онъ же всякимъ недоумѣніемъ одержимъ бывъ, приде къ нѣкоей смо-

ковницѣ, стоящей при брезѣ морстѣмъ, и пребываше у нея и ядше отъ плода ея. Во единъ же отъ днѣй ядушу ему смоквы, и паде изъ руки его една смоква, и коже примгши дивія желва и изъяде, и удивися желва, питающесе смоквами, о немъ же пионикъ посмѣяся, и оттуду не престаеше желва питающися смоквами. Она же сладку пищу обрѣтши, и домъ свой забы, и сего ради подругъ ей малодушествоваше велми и искаше притчу, како бы пионика погубилъ и подруга своего возметь. И единою бо отшедши желва въ домъ свой, и скорбна друга своего обрѣтши, и рече къ нему: почто вижу тя скорбна и драхла и болна суще? Онъ же рече: въ болѣзнь лютую впалъ есмь, и вѣсть ми исцѣлѣнія обрѣсти, аще не получю сердце пиониково. Она же недоумѣвшесе о сей рѣчи и помышляше въ себѣ, яко ино сердце не имамъ обрѣсти, точию гостя своего, — ея же и преступленіе быти разумѣвши, дивяшесе помышленьми и недоумѣяшесе, что сотворити. И пришедъ къ пионку, пригласи его; онъ же воспроси ея о коснѣніи; желва же отвѣща: ни о чесомъ же укоснѣхъ точию зане срамляюся тебе и не имамъ достойно воздаянія о благодарѣніи твоємъ воздати тебѣ. Пионикъ же рече: не помышляй таковая, вѣсть бо азъ таковъ, еже отъ своихъ любовныхъ искати воздаяніе; паче же ты миѣ благодателница была еси, таковыми бѣдами одержима и изгнана суши, угѣшаюши мя. Желва же рече: хошу еще утвердити любовь посреди насъ суши, утверждаютъ бо ся трѣми вещми, сіи рѣчь, еже въ домъ въ дружній вхожденіе, и сродникомъ зрѣніе, и посѣщеніе, иже вкупѣ пребываніе. Пионикъ же рече: тако составляетца любовь, о дружко, иже въ слабости житія своего живушен. Желва же рече: истинну реклъ еси, достоить бо другомъ совершенную любовь и сердечную отъ своихъ друзей искати, а иже за вѣкихъ ради житейскихъ потребъ любовь составляети, не на твердѣмъ основаніи зиждеть. Понеже бо не подобаетъ отъ любовныхъ ино ничтоже искати, точию сердца проста и чиста, и вѣры правы и истинны. Телець же, аще безъ млека матеръ свою ссетъ, прогнѣваетца, яко прогнану быти отъ нея; азъ же хошу, яко да придеши въ домъ мой, живу же азъ во островѣ травноноснѣмъ, яко тмами исполнено благихъ плодовъ, ихъ же око чловѣка нерадива не видѣ....., ухо лѣниваго не слыша, ни

на сердце челоуѣку увыду не взыде, — яже уготова Богъ любящимъ его, и славу мою узриши по писанному: видите, друзи, въ радость Господа своего, — азъ бо на рамо свое взявши, отнесу тя. И вѣрова пионкъ, взыде на желву и ношашеся по пучинѣ морстѣй отъ нея, и егда быша на среди пучины, косно плаваше (желва и) ста помышляюще, како погубити пионка. Видѣвъ же пионкъ коснѣніе желвино, и уразумѣ леть и глаголаше въ себѣ: еда на мя нѣчто зло умысли желва? — и тако рече: вижу тя, о дружко желва, въ попеченіи и размышленіи, и боюся тебе о томъ, и повѣждь ми, любезная, что убо есть попеченіе твое и косное плаваніе, како не повѣси ми, такову другу вѣрну ти сушу? Попрошаю тя убо о семъ, да повѣси ми истинну. Желва же, отвѣщавъ, рече: печаль ми есть велика зѣло, яко дошедъ въ домъ мой, и не обрящещи вся достойная, якоже хочу азъ; на одрѣ бо лежитъ подругъ мой. Пионкъ же рече: не пецыся о семъ, ни что же бо ползуетъ печаль, но пецыся паки о врачевныхъ быліяхъ. Желва же рече: глаголютъ врачевстїи отроцы, яко пионково сердце можетъ исцѣлїти болѣзнь ону. И се слышавъ пионкъ свою погибель и въ себѣ рыдаше, глаголя: оле моего безумїа, яко нѣсмъ сего узналъ, паче и стару ми сушу, въ таковыхъ злыхъ мене вложи и преблазни сія желва; иже бо въ малыхъ тѣснотахъ и скудости пребывая, безпечално житїе живеть, желая же чести, безъ скорби (не) бываетъ. Таже и къ желвѣ рече: вскую, любимая, не сказа ми таковое слово преже, даже не изыдохъ изъ дому моего, яко да и сердце свое съ собою взялъ быхъ; законъ бо есть намъ сицевъ, да егда къ любовному идетъ, то сердце свое дома оставляетъ, для тоя ради вины, дабы нѣчто лукаво, у друга сѣдячи, не помыслити. И сія слышавши, желва воспячь возвратися и плываше радующїяся и донесе пионка на брегъ; онъ же на сушу наступивъ тощъ и на смоковницу взыде. Желва же долу стоя и вопїяше: снїли скоро, друже, яко да поїдемъ, — пионкъ же, отвѣщавъ, и рече: аще снїду, до конца сердце свое не прїобряшу.

И тако изрече философъ: разумѣи, о царю, иже бо кто желанїе свое по хотѣнїи своемъ найдетъ благо, и не совершитъ ѓ, в время мимоидеть и ничесо же паки получитьъ.

VI. Обращаясь къ Римскиимъ Дѣяніямъ, приводимъ три разные разказа: первый изъ Румянцевской рукописи № 363 л. 553 — 556; второй изъ Погодинскаго сборника № 1964 об. л. 221 — 227; третій изъ Румянцов. сборника № 371 об. л. 367 — 370. Этотъ послѣдній, какъ мы замѣтили, не находится въ Латинскихъ Gesta Romanorum.

О невѣрности и крѣпости тѣла, глаголетъ же ся виною, яко не въспрати тайны женамъ. Бѣ нѣкто знаменитъ воинъ у нѣкоего царя; той же воинъ нѣкою виною разгнѣвавъ его, посла же друговъ своихъ молити о себѣ, да упросять ему милости у царя. Друзи же его упрочиша къ нему у царя благодать, обаче повелѣ царь (воюну) быти къ себѣ съ гадательствомъ тайнымъ, дабы ко двору его ѣхалъ и шелъ, и да приведетъ вѣрнаго пріятеля, и утѣшника, и невѣрнаго друга. Слышавъ сія воинъ, таковой неявленный приказъ, и смутися, паче же недоумѣваяся, како сотворити. Случися же во время то пріити къ нему нѣкому переходнику; воинъ же напомянуса рещи къ женѣ своей тайно: «вѣси ли, яко пришелцы имѣютъ у себя сребро; аще утаиши, азъ пришедшаго убію, а сребро имѣти будемъ себѣ»; она же съ клятвою утаити обѣщася¹. Егда же веи уснуша, воинъ же той воста, возбуди оного пришелца, и повелѣ ему въ путь свой итти, уби же телца и изсѣче его въ части и вложи въ мѣхъ, разбуди жену свою, показа ей мѣхъ, глаголя, яко въ томъ мѣху глава и рудѣ и нозѣ, его же азъ убихъ оного пришелца, а тѣло его загребъ въ коморѣ, въ тайнѣ мѣстѣ. Загребе же и мѣхъ, и показа ей своего сребра нѣколико, яко взявъ у ового убитого пришелца. Егда же прииде день ѣханія его ко царю, тогда взя съ собою по правую руку и страну пса, и на руку малого своего сына, а жену по лѣвую страну; егда же приближися ко двору цареви, возложи правую ногу на пса, и тако якобы пѣшь шелъ, и тако шелъ ѣздно и пѣшо, и прииде тако предъ царя. Узрѣ же его царь со всѣми его предстоящими, удивися, како исполни неявленный и тайный приказъ и рече ему царь: «гдѣ есть твой вѣрный пріятель»? Тогда воинъ, взявъ мечъ, удари странною пса своего, песь же отъ ударенія далеко

1) въ рук. *оставити увещася.*

отскока, — егда же воинъ кликну его, паки къ ногамъ его притече, — и рече царю: «то есть мой вѣрный другъ-приятель.» Царь же похвали его, рече ему: «чтожь есть твое утѣшеніе?» Воинъ же показа на отроча свое, рече: «се есть мое утѣшеніе, той же мя всегда веселитъ дѣтскими глумленіи.» Царь же рече: «гдѣ твой другъ невѣрный и непріятель?» Воинъ же удари жену свою, глаголя: «чесо ради тако непристойно на царя, государя моего, смотриши»², — жена же возопи: «мужеубійца проклятый, за кую вину біеши мя? Или такожде мя хошеши убить, яно же убилъ еси вчера пришелца, малыхъ ради пѣнязей?» Тогда воинъ, мужъ ея, паки ударя, глаголя: «проклятая жено, чесо ради на мя клеветеши?» Она же лють нача вопити, злослова его, рече: «идѣте по мнѣ, укажу вамъ мѣхъ, въ которой мужъ мой вложи голову и руцѣ и нозѣ, убивъ странного пришелца, а тѣлю закопавъ въ землѣ, въ коморѣ.» Тогда царь повелѣ слугамъ, да идутъ съ нею и свидѣлствуютъ; слуги же шедше, во³ указанномъ отъ нея мѣстѣ мѣхъ изъ земли взяша, обрѣтоша же телцово мясо, и доумѣвахуся, и пришедше, царю повѣдаша. Услышавъ сія царь и увидѣвъ премудрость воина своего, зѣло его похваливъ и по семъ бысть велми любимъ царемъ и умре въ покою.

Притча о нѣкоемъ велможѣ. Бысть въ Римской области, въ нѣкоемъ градѣ нѣкій царь, имѣя у себе нѣкоего ближнего челоуѣка, и устрои его у себе въ чинѣ дворечества. Челоуѣкъ же той имѣя обычай всегда на ловъ ѣздити, и во единъ убо отъ днѣй повелѣ слугамъ своимъ ископати ровъ велми глубоку (на) уловленіе звѣремъ, идѣже обыче на поле ѣздити. И во единъ убо отъ днѣй по нѣкоему случаю впаде въ той ровъ лютый звѣрь левъ, и змія, и пиенкъ, и — баше въ годъ зимы, — нападе на той ровъ снѣгъ велій, яко и устія рва того не видѣти. Звѣріе жь тѣ бяху въ рову подъ снѣгомъ и недоумѣвахуся, что сотвориши, зане рову тому глубоку сущу и не возмогоша излѣсти изъ него. По времени жь нѣкоемъ восхотѣ той дворецкой видѣти самъ ровъ той, и абіе выѣха за градъ единъ, и приближися, идѣ же ровъ ископанъ, и по невѣдѣнію наѣде на устіе

2) этого слова недостаетъ въ рук. 3) не въ рукоп.

рва того, и впаде въ него вкупѣ и съ конемъ своимъ, и не видѣ помогающаго ему въ бѣдѣ пагубы своея. Звѣри жь ти не видѣша его, онъ же нача звати великимъ гласомъ, иже кто бы его извлекъ. Случижеся по нѣкоему случаю путемъ тѣмъ ѣхати на ослятѣ нѣкоему населнику.... въ дебрь ради дровія, и вожаше во градъ, тѣмъ жену свою и дѣти прекормлевая. И егда населникъ той услыша изо рва человекъ великимъ гласомъ вопіюща, и абіе остави осла, прииде ко рву и видѣ человекъ внутри рва стояща вкупѣ и съ конемъ своимъ и рече ему населникъ: «ты кто еси и како въ ровъ сей впаде?» Онъ же глагола ему вся поряду, како впаде въ ровъ, и еще рече ему: «милой брате мой, помози ми, да не злѣ умру въ семъ мѣстѣ, зане излѣсти не могу, аще кто не подасть ми руку помощи.» Населникъ же глагола ему: «не имамъ у себя верви, чимъ извлещи ты изъ рова сего, и азъ возвращуся въ домъ свои верви ради, и день мнѣ сей тунѣ пройдетъ, жена же и дѣти голодомъ помрутъ, съ ними же и азъ; понеже обычай имамъ по вся дни въ дебрь сію на осляти ѣздити и дрова въ градъ возити и продавати, тѣмъ питатися со всѣми.» Человекъ же, въ ровѣ стоя, обѣщася ему дати злато довольно. — «аще извлечеши мя». Населникъ же слыша отъ него обѣщаніе злата и взя осла свое, и поиде къ дому, и пришедъ въ домъ свой, оставивъ осла своего и взявъ вервицу и иде скоро до оногo рва и пусти вервицу въ той ровъ. Левъ же видѣ вервицу висящу и ухватися за ню; населникъ же той, мня, яко человекъ ухватися за вервь, и нача извлещи вонъ, и извлече, и видѣ лва велми страшна, и ужасенъ бывъ велми и мнѣвъ себѣ, яко поглотити его хошетъ; левъ же веселымъ лицемъ нача радоватися и нозѣ его лобызати и прилѣжно на населника...., яко бы молвити ему, что избавилъ его отъ толикія смерти, и абіе оставивъ населника и иде въ пустыню. Населникъ же второе пусти вервь въ той же ровъ; змія же видѣ вервь и охажия за вервь; населникъ же той мня, яко онъ человекъ обѣяся за вервь, и нача его влещи вонъ, и егда извлече и видѣ змія велми страшна, и абіе въ страхѣ вниде велій; змія же смотряше сѣмо и овамо и приближися къ населнику и положи главу свою на ногу его, творяше, яко ей любовь сотворилъ и избавилъ ея отъ толикія смерти, и оставивъ

населника, тече во внутреннюю пустыню. Населникъ же той еще пусти въ третіе вервь, и абіе пиоикъ узрѣ вервь и ухватися за вервь; населникъ же нача влещи его вонъ, и видѣ пиоика велми велика и сумнѣся зѣло; пиоикъ же воспрянувъ и видѣ себе изо рва извлечена, и нача велми веселитись, и веселяся отиде въ дебрь. Человѣкъ же той, иже стоя въ ровѣ, велми нача звати, глаголя: «избави мя отъ толякія лютыя смерти.» Населникъ же въ ровѣ спусти вервь и извлече человѣка того изъ рова вонъ; человѣкъ же той нача населнику молитись, обѣщавая дати ему злато много, аще извлечетъ и коня его; населникъ же той нача съ нимъ влещи коня тою же вервию, и извлекша и коня его. Человѣкъ же, бывшій въ ровѣ, всѣде на конь и поѣха во градъ, къ населнику жь глаголя: «во время подобво прииди къ дому моему и возмеша благая своя.» По времени же нѣкоемъ прииде къ дому человѣка того населникъ онъ, и рече ко оному цареву человѣку, его же извлече изъ рова: «дай же ми обѣщанное злато, елико обѣщался еси дати ми за избавленіе смерти своя.» Онъ же рече: «когда хотѣхъ ти дати?» Населникъ же рече: «егда извлекохъ тя изъ рова.» Онъ же рече: «не вѣмъ того.» Населникъ же нача дворецкому оному стужати словесы, прошая у него злата; онъ же разгнѣвася на населника и повелѣ слугамъ своимъ бити его безъ милости; слуги же биша его нещадно и еле жива его оставиша. Населникъ же, отдохнувъ мало отъ ранъ и воставъ, иде въ домъ свой и нача велми болѣти отъ великихъ ранъ, яко ни рукою мало двинути можаше; жена же его, ходяще по граду, и прошаше милостыни, и что собираше, тѣмъ мужа своего кормляше. Не по малѣ жь времени онъ населникъ исцѣлѣ отъ ранъ и отъ болѣзни премѣнися, и касается прежняго своего дѣла, и прииде въ дебрь и по нѣкоему случаю изломи сѣкиру и хотѣ возвратитися въ домъ свой. Пиоикъ же сіе видѣвъ и взлѣзъ на высокое древо и нача ломати и метати къ населнику, и наметалъ, яко ни въ три (дни) не перевозити ему во градъ: населникъ же то разумѣвъ, яко той пиоикъ, его же изъ рова извлече, и мня воздарованіе ему за то, и обречения осла дровы и отиде въ домъ свой. Въ другій же день паки прииде въ ту же дебрь и видѣ змія, грядуща къ себѣ, велми велика и страшна, носяща во устахъ

своихъ камыкъ зѣло честенъ и драгъ, яко и свѣтъ отъ него паче огня, и нача ужасенъ быти. Змій же приде къ ногамъ его, населника, и положи предъ ногами его онъ камень и абіе отыиде въ дебрь; населникъ же онъ, взавъ камыкъ и помысли въ себѣ, яко «и звѣріе воздарованіе ми даша за избавленіе смерти ихъ; злый же онъ человекъ и обѣщаннаго ми не да, еже что ми обѣщася дати за смерть свою,» — и обременивъ осла своего, отиде въ домъ. Въ третій же день паки приде на прежнее ему дѣло въ дебрь, и срѣте его левъ velmi свѣрѣпъ и страшентъ; населникъ же онъ смотряше сѣмо и овамо, гдѣ бы могъ скрытися, и не бѣ гдѣ ему скрытися. Левъ же приближися къ населнику и вземъ его усты своими и поведе его во внутреннюю пустыню; населникъ же, плача и рыдая, мня въ себѣ, что левъ водеть его къ вертепу своему на снѣденіе дѣтямъ своимъ, — и приведе его къ вертепу своему, и бѣ въ томъ вертепѣ три ослята velmi обремены; в емъ усты своими за узды тѣхъ ослать и приведе къ населнику и даяше ихъ; населникъ же той бояшеся и не смѣя приступити, взятъ же левъ тѣ ослы усты своими и поиде изо внутреннія пустыни къ дому населничю. Населникъ же за нимъ послѣдова со ослатемъ своимъ и егда левъ приведе въ домъ населничъ ослата, и оставивъ ихъ, самъ же отиде во внутреннюю пустыню. Населникъ же, снявъ со ослать обременіе, а ослата такоже учредивъ на мѣста обычная, и поиде во градъ и повелѣ проповѣднику клякати по всему граду о изгубшихъ ослатехъ з бремены; аще кто изгубилъ ихъ и онъ бы взялъ, — и не обрѣтесе никаковъ человекъ во всемъ градѣ, кто бы изгубилъ ослата. Населникъ же отиде въ домъ свой и отверзе бремена и видѣ много множество золота и сребра, и каменіи драгаго, и бисерія многоцѣннаго, и отъ сего velmi обогатися. По времени жъ нѣкоемъ населникъ онъ сотвори велию вечерю и созва весь родъ свой, и друзи и сосѣди, и нача съ ними веселитися, и егда придоша въ веселіе многое, населникъ же онъ показавъ онъ драгій камыкъ единому отъ друговъ своихъ: другъ же его, видѣвъ онъ дивный камыкъ, velmi удивися. Не по мнозѣ же времени доиде въ слухъ, во уши царя о камыцѣ ономъ честномъ; царь же призва населника того и вопросы его: «повѣждь ми, человекъ, аще

имѣши у себе таковъ камыкъ, о немъ же слышалъ есмь, яко зѣло честенъ и драгъ?» Населникъ же къ нему отвѣща: «о царю, есть таковъ камыкъ,» и вопросы же его царь, откуда и како обрѣте, онъ же сказа ему вся по ряду яже о себѣ, каковъ бѣ, и о дворецкомъ его и о избавленіи смерти его. Царь же, слышавъ сія словеса, и удивися, повелѣ дворецкаго своего въ заточеніе послати, населника же того возведе въ чинъ его, и имѣніе его дворецкаго тому населнику повелѣ взять — и домъ, и раба, и села, все ему поручи и владѣти повелѣ.

Прикладъ дивнаго устроенія нѣкоего благодѣльца и праведнаго судии. Во градѣ Римстѣ, по случаю житія, паче же добрыхъ всѣхъ дателя Бога промысломъ, иже возоставляетъ отъ гноища и посаждаетъ съ могущими, нѣкій отъ нищетнаго и худаго житія вчинися первѣе въ воинство и потомъ въ коемъждо чиновначалствѣ пробывъ, и по сихъ достиже въ тиронскій санъ, отътуду же учинися и первосовѣтникъ цесарю. Обаче, поминая случая, яко непостояннаго законоположника, иже даетъ и отъемлетъ, — ризу оную нищетную, юже первѣе носаше, вложивъ въ золотый, сотворенный со драгими каменіи ковчегъ, во внутренней своей полатѣ постави, и токмо единъ тамо вхожаше, изимая грубую ризу, по вся дни смотря, оплакуя первое свое житіе и поминая, коликая претерпѣвая бѣдствованія прѣжде, и тако увѣщевая себе, еже никому же обиды, ниже напасти сотворити, но ко всѣмъ милость и судъ праведный имѣти. Се же ему доброе намѣреніе творящу, оклеветаша его къ цесарю, яко въходя въ сокровенную храмину чаруетъ. Цесарь же той кротокъ бѣ зѣло, не яростнымъ возрѣніемъ, но кротостнымъ разсмотрѣніемъ сіе испытати сице изволи: повелѣ, въ неже время увидеть сановникъ той въ сокровенную полату, себе извѣстити. И егда, тому тамо вшедшу, внезапно цесарь по извѣщенію прииде, узрѣ же въ золотомъ ковчегѣ гнусную ризу, вопросы: «что есть,» — онъ со смиреніемъ припадая кланяшеся, не хотѣ тайны извѣстити, обаче принужденъ, рече: «цесарю великій, Богъ, иже насъ ради нищету претерпѣти изволивый, изведе мя отъ пещи нищеты, и подавый ми хладъ росный, еже возмощи, благоволивый же ми приити въ славу сію, юже имамъ при держа-

въ твоей, учить, глаголя: научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; сего моего Владыки внимая азъ спасительнаго повелѣнія, смотря сію мою первую, нищетную, скверную, ризу, обучаюся, еже ко всѣмъ быти милостиву, якоже и азъ потребовалъ въ моемъ первомъ житіи отъ всѣхъ милости, и кротку, и не презориву, и ниже обидѣти, и благо-рассмотрѣливый, всѣмъ неотрочный судъ подавати, и милость отъ тебе бѣдствующимъ испрошати. Сіе въ совѣсти моей обношу пророческое слово, еже рече: человекъ, въ чести сый, не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ; — обаче и въ скотѣхъ по естеству обрѣтается множайшая любовь, азъ же, яко образомъ создавшаго мя почтеный, въ нихъ же искусихся самъ, не помогу ли сроднымъ всѣмъ человекомъ въ напастехъ? Се смотрѣнія моего на гнусную мою первую ризу вина: молю державу твою, да отпустиши сему намѣренію моему». Сія цесарь слыша о дивнѣмъ дѣлѣ сановника своего, удивися радостотворно и со слезами облобызая его главу, ублажая и прославляя яко вѣрнаго пріятеля государству своему, и возложи всего государства своего правленіе предоброму тому.

VII. Сказаніе о Мутьянской воєводѣ Дравулѣ въ древнѣйшемъ извѣстномъ спискѣ находится въ Румянц. сборникѣ № 358, откуда и заимствуемъ его.

Ⲡ Мѣтъѣнско^а воєво^а 1.

Бѣ в Мѣтъѣнскои земли воєвода Гре^аскыя вѣр^а хрѣ^ани^а. и мѣне^а Дравула Латынскы^а азыко^а. а наши^а дѣво^аль Рускы^а. толико злом^аро яко житье ѿго по имѣни е^а. Ⲙ Тѣрск^а прѣа придоша неког^аа к немѣ поклясаріе^а посѣ^а 2. ег^аа внидоша і поклониша^а емѣ по своємѣ обычаю. свои гла^а 3 не снимаа шапо^а. ѿнже воспреси в ни^а что ра^а таково оучинисте великомѣ гдѣрю придосте. и великѣ срамотѣ оучинисте. Ⲡни^а ѿвѣща^а: такѣ^а обычаи земли наше^а гдѣри держа^а. Ⲡнѣ^а гла имѣ: хоцю и а^а вашѣ^а закона потвѣр^аити докрѣ^а 4 стоите. и повѣлѣ своимѣ гвоздѣ

1) Когда слово написано всѣми буквами, но изъ нихъ нѣкоторыя выкинуты для лучшей поименительности вверхъ, мы пишемъ его обыкновеннымъ образомъ, напр. *внѣша* = *внидоша*. 2) *посѣ* есть глосса. 3) т. е. *съ своимѣ главо*. 4) *поправлено изъ другаго слова; а. б. да крѣче?*

железноѣ вза^т и колпаки и^х къ глѣвамъ ихъ прибавати и ѿпоустити и^т, ре^т. шедши скажите гдѣрю вашомѹ. ѿ навѣкъ ѿ ва^т тѹ срамотѹ трыпѣ^т, а мы не навыхоу^м. да не посылае^т к на^м своего ѿбы^та і ко ны^м земля^м и ко и^х гдѣремъ, кои^х не хотать имѣти : —

Ѡ послѣ^т ты^х разбѣривса црѣ ѿ то^м. и поидѣ воиско^м на Дракѹлоу со мно^гими силами, ѿнѣ^х собравѣ вса елико имахѹ оу себа воиска. и здари^т на ни^х ночью. и мно^гство избѣ Тѹрковѣ. и не възможе противѣ мно^гы^х людѣи малыми лю^дми битиса. и возвратиса кои с нимъ с боѹ то^{го}. и на^т свои^х пресматривати са^м каковы ѹ ко^т раны. оу ко^т рана сперодѹ. то тѣмъ чѣ^т и жалованіе подаваше. и витаземъ е^{го} вчинаше. а кои создади раненѣ то^т на ко^т повелѣ сажати. то беглецѣ смер^т. да коли поидѣ на Тѹркы, глѣ воискѹ своѣмѹ. кто хоче^т смр^тть помыслити. то не ходи со мно^го^у ѿстани зде. Црѣ же слыша^т то и поидѣ про^т со мно^гы^м срамѹ^м, и не возмо^ж нанѣ поити.

Црѣ Тѹрскыи посла к немѹ поклицара да емѹ дань дасть. Дракѹла же почтѣ велми поклицара и показа емѹ всѣ своеѣ имѣніе. и ре^ч емѹ: азѣ не токмо хощю дань дати црѣю. но всѣмъ своимъ воиско^м. и со всѣю казною хощю к немѹ на слоужбѹ ити. и ты възвѣсти црѣю, ка^к поидѹ к немѹ, чѣтобы по своѣи земли не велелѣ миѣ и лю^дмъ мои^м никое^го зла ѹчинити свои^м лю^дмъ. и га^т хощю скоро по тобѣ поити. Црѣ же слыша^т ѿ посла свое^г, что Дракѹла хоче^т ко мне поити слоуж^ти, зѣло^б ра^бы томѹ, бѣ бо ратова^т тог^ды со восто^чными црѣями и странами. и посла скоро по градѹ^м и по всеи земли своѣи. да коуды Дракѹла поиде^т и никто^ж бы емѹ зла не ѹчинѣ, но и чѣ^т емоу воздавали. Ѡнѣ же поидѣ тако е^днеи по земли Тѹрскои и внезапноу вернуоуа и на^т пленити грады и села и мно^г мно^гство плени и иссѣче, ѿвы на колье посажа, а ны^т сожигаше. и до младѣнцѹ^в сѣнцѣихъ млеко не ѿстави. и всю тѣ^х землю поустѣ вчини и мно^г хрѣтанѣ во свою землю пленены^х возврати. и мно^г користи добы, приставовѣ тѣ^х почтивѣ рекѣ ѿпоустити — повѣстѣите црѣю, како видѣсте. сколько могѹ, стѣко емѹ послоужилѣ. бѹ^ть емѹ слоуж^тба моа емѹ^т оу^дѣна, и ещо емѹ послоужю. Црѣ же ничто^ж емѹ зла вчини срамо^м побеженѣ. — Колико грозенѣ бы^т Дракѹла во своѣи земли. ненавида зла комѹ вчинити. разбоа. татѣы. или кою нѣжю или неправ^доу. то никако^ж боу^ть живѣ, аще сѣнни^т. или боари^т. или простои члѣк^о, аще и мно^г бѣгатства мѣ хтѣ не мо^жть искѹпити ѿ смр^ти. — Не-

5) вѣроятно, заглавіе. 6) вм. этого неправильно: *бѣ бо*. 7) вѣроятно лишнее.

накое ѿ блане кладѣ хлѣбѣ и сяздѣ. и мнози к томѣ истоиникѣ вѣти
пришли ѿ многы стрѣ. и вѣхѣ ѿ истоиника тоѣ. Дракоула вчини чарѣ
великѣ дивнѣ и златѣ, и постави на истоиницѣ томѣ, и аще кто пѣше
чарою тою златою и павы поставлаше на томѣ мѣсте, и никто смѣ-
ше взать ю ѿ страха. елико ѿ пребы.

8

Ѿ послѣ. Тако бо обычан има Дракѣла. ѿколѣ к немѣ при-
хожане носолѣ ѿ црѣ и ѿ кнѣзѣ. и ѿ крола неизащне и не ѣмѣше
противѣ козне ѿго ѿвѣщати, то на коѣ ѿго всажаше гла: не а пов-
инень твоѣи смрѣти ни ты рци на ма зло что, ни гдрѣ твои. Аще
гдрѣ твои вѣдаѣ тобѣ малѣшна, неѣчена, посла та ко мне к велико-
шномуу гдрю, то гдрѣ твои ѣоѣ та ѣ; аще ли самѣ дрѣнѣлѣ ѣ не
наѣчивса то са оубѣ ѣси себа. И тако поклисарѣ вчинаше коѣ великѣ
полащенѣ весь. и нанѣ всажаше, а ко гдрю ѿго горче ѿписаше. Со про-
чимѣ ѿ Оугорскѣ корола приѣ к немѣ Матѣшна поклисарѣ. Ла рѣ-
домѣ не ма чѣвкѣ. и повѣле имѣ сести сѣ собою на ѿбѣдѣ, средѣ трѣ-
пѣ. и преѣ нимѣ лежаше коѣ злаѣ весь великѣ. добель и высѣ. и вос-
проси поклисарѣ¹⁰. повѣжѣ ми, что раѣ оучиниѣ азѣ сѣи коѣ тако? По-
клисарѣ же велми ѣбоѣ и гла: гдрю мнѣтѣи тако. некоѣ великои чѣкѣ
преѣ тобою согрѣшиѣ. и хочеѣ¹¹ почестнѣю семѣ смрѣтѣ вчинити паче
ныѣ. Дракѣла же рѣ: право рекѣ ѣ. ты ѣ великѣ гдрѣ. королевскѣ
поклисарѣ, тобѣ вчинень сѣи коѣ. Ѿнѣ же ѿвѣщавѣ рѣ. аще гдрю до-
стоинѣ смрѣти дѣлѣлѣ боудѣ. твори еѣ хочеѣ. прѣвѣденѣ ѣси соуѣла: не
ты ми ѣчини¹² смрѣтѣ, но а самѣ. Дракѣла же розмиѣ и рѣ: аще бы
ми ты не тако ѿтвѣщаѣ. воистинѣ быѣ бы ѣ на сѣ коѣ. И почтивѣ ѿго
велими и ѿдаривѣ ѿпоусти, гла: ты во правдѣ ходи на поклисарство. а
прочѣи да не деѣзнетѣ, но прѣвѣе ѣмни бѣдетѣ, каѣ с великѣ гдрѣ гово-
рити. — Некоѣа же ѿбѣдоваше Дракѣла поѣ трѣпѣ мртвыѣ чѣвкѣ.
и на коѣе всаженыѣ множество ѿколо трапѣзе ѿго. и послы ѿколѣ
прихожаѣ к немѣ и тѣтъѣ ѣдаѣ хлѣбѣ и пословахѣ¹³. Ѿнѣ средѣ
ихѣ ѣдаше. слѣугѣ ѿго преѣ нимѣ стоѣше и смраѣ ѿнѣ не могли тер-
пѣти. затисноуѣ нѣ ста и головѣ на сторонѣ склони. Дракѣла же

8) пропускаемъ нѣсколько строкъ, довольно нескромныхъ. 9) Со прочими
въ рукописи неправильно, кажется, отнесено къ предыдущей фразѣ. 10) въ руко-
писи проклисара. 11) должно быть: хочещи. 12) л. б.: учиниши. 13) т. е. испол-
няли посольскѣи обязанности.

воспроси его: что ра^а тако чиниши? ѿспо^арю, сира^а сего не мог^у тер-
пѣти. Драк^ула же тоу повелѣ^а 14 е^г на н^о посадити. и ре^ч. тамъ ти е^с
высоко, мно сира^а теба не доиде^т.

Единоу^к пѣсти веленіе по своіи земли. г^л.а. да кто старъ. и ч^и
недоуж^е или врѣденъ, слѣпн^ы или хро^м. вса^{кы} недѣгомъ ѿдержи^т. да
вси ти при^атъ ко мнѣ. и да сотворю^у ва^м всѣ^х бес печали. и собира^а къ
нем^у вси недѣ^нн^ы. бещисла нищи^х, чаю^ш ѿ него великой м^лти. ѿн^ъ
вчини велик^ы храм^ы и собра^а и^х тоу. и повелѣ^а и^м дати г^л.ти и п^ти до-
во^но. ѿн^ы идоша и возвеселиша^а. Драк^ула^к прине^а къ н^и г^л.а: что
ещо вы треб^уете ѿ мене? ѿвѣщаша^к и рѣкоша вси: вѣда^е, г^л.рю, бѣ
да твоѣ вели^кство, какъ та бѣ вразуми^т. ѿн^ъ г^л.а имъ: хотите ли,
и^а васъ сотворю бес печали на сѣ^м свѣте и ничимже и^зжени б^удѣте.
ѿн^а чааше ѿ не^г велико н^ѣчто и г^л.ша вси: хоче^т г^л.рю. ѿн^ъ по-
вѣле хра^к заперѣти и сожже ихъ ѿгнемъ. и г^л.а ко богар^о своимъ: да
вестѣ что сотвори^т. првое да не ст^ѣжамъ лю^дмъ и никто^б б^ѣтъ нищ^ь
в моеи земли, но вси б^ѣгати, второе свободихъ и^х, да никто^б ѿ н^ихъ по-
страже^т на сѣ^м свѣ^тѣ ѿ нищеты и ѿ недѣга.

Единоу^к придоша къ нем^у ѿ Ѣгорскіа зем^ль два Латинина мниха
м^лти ра^а. ѿн^ъ повѣле ихъ розвести разн^о. и призва^а едино^у къ себѣ.
и показ^а ем^у вокр^у двора мно^го мно^гство бещисленое на кол^ы лю^д.и. и
на кос^ѣ. и воспроси его Дракоу^у: добро ли то азъ тако творю? Мних^ы
с^л.а ем^у: ни, г^л.р , зл^о чинишь. без м^лти кажнишь. подоба^етъ г^л.рю
м^лтв^ѣ быти, а тѣ, и^к на кол^ѣ, м^чници с^ѣтъ. И призва^а 15 же и др^угого
мн^и. и вопроси его тако^к. ѿн^ъ ѿвѣщавъ ре^ч. ты г^л.рю ѿ Ба по-
ставленъ еси лихотворищи^х казнити, а добротворищи^х жаловати. а си
лихотворили. ино 16 по свои^м дѣл^омъ восприа^{ли}. ѿн^ъ же призвавъ перво^у
мн^ихъ и г^л.а ему: да почто ты из монастыра и своіи к^ѣи ходишь по ве-
ликомъ г^л.ремъ, не знаа ничто^к, а н^ѣтъ самъ е^с г^л.алъ іако тѣ м^чници с^ѣтъ.
и іа^к хочу и тебѣ м^чника сотвори^т. сирѣ^ч и^зчинити. и повѣле^а н^го на ко^у
посади^т, а др^угомъ повѣлелъ дати .н^ѣ. дѣкати зла^т. ты е^с разуменъ
ч^л.вкъ. и повѣлелъ его с поч^тью ѿпустити на воз^ѣ до Ѣгорскыа
зем^л.а. — Неког^да при^а къ нем^у к^нецъ ѿ Ѣгорскыа зем^л.и. въ его
гра^д.и. и по его заповѣди ѿставивъ возъ на ѡлиціи пре^д полатою и това^р
свои на возѣ. а са^м спаше ѡ полатѣ. и прише^аши некто^б Ѣкрадѣ с воза
рѣ^з дѣкати зла^т. К^нецъ и^дтъ къ Драк^уле и повѣда ем^у погоубленіе зла^т.

14) въ рукоп. повелл. 15) такъ въ рукописи. 16) въ рукоп. ии.

Дракъла же гла к немъ: поиди, в сию ношь ѡбраще^м злато. и повелѣ по встѣ градъ искати тата. аще не ѡбращете тата, то ве^и гра^а погублю, — и повѣле свое злато пол^нти на возъ ношбю. и прило^х еди^н златыи. кѹпе^н же воставъ ѡбрѣте злато. изочте и в^н. и г^н.¹⁷ и ѡбрѣташе ѡднѣ лишнїи златнїи и шо^а ко Дракъле: гдрю, ѡбрѣто^х злато и бы^и единѣ лишнїи златоѣ. Тогда привѣдоша тата то^г и со злато^м. И гла кѹщю: иди с миро^м. аще бы ми е^и не исповѣда^х злата и лишнего, то бы^и велелѣ и тебѣ с смѣ татѣ на ко^г посадити. — Единою же идѣщю емѣ поу^тѣ и ѹзре ненакое^н сиромакѣ^н срачицю хѣлоу и дравѣ и воспро^и и его Дракъла: имаша ли женѣ? Ѡнѣ^н ѡвѣща^н ре^н. гдрю, имашѣ. Гла емоу Дракоу: вѣди ма в до^м твой. И прише^а и видѣ женѣ его младѣ сѣще и здравѣ, гла и жени: не сѣла ли еси лнѣ? Ѡнѣ^н гла: гдрю, иво^г има^н, и показа емѣ левѣ. И гла Дракъла жене: да почто ты имаѣши лѣность к иѣви своѣму, моу^н твои долже^н ѡрати и сѣати. а тебѣ хранити. ты бо должна е^и моужю своѣму ѡдежу свѣлоу и лѣпѣ вчинити. а ты и срачищи не хочещи нара^нти, а здрава сѣщи тѣло^м, — ты е^и повнїна а не моу^н, — и повелѣ еи рѹцы ѡсеци, а троу^н на ко^г посади^т.

Ѡучиниша мастери емѣ бочки железныа и всыпа в ни^и злато и поло^н их в рѣкѣ. а мастеровѣ ты^и поече. да никто^н ѹвѣсть со дѣланно^г имѣ. сеп^н тѣзонимѣныи дѣавѣ. Неког^а же поидѣ кра^и ѹгорскїи на Дракъла^н воиско^н. Ѡже поидѣ противѣ емѣ. и срѣтоша^и и ѹдариша ѡбѣи. и ѹхватиша Дракълоу жива. Ѡ свои^и зданѣ по крамогѣ. и приведенѣ бы^и ко краю. и повелѣтъ е^г имѣ^нти в темницю. в Вышегород^н на Дѣнаю выше Боудина д^н ми^н. вѣ лѣ^н. а на Мѹтъанской земли посади иво^г воеводѣ: — ко сѣдаше в темници. и не оста своѣго злаго ѡбыѣ. но мыши лѣва. и птици покѹпаа на торгѣ и тако казнаше и^т. ѡвѣ^н на ко^г сажаше. а ины^и глѣвы ѡсѣкаше, а сынои перѣѣ ѡщипа^н пѹщаше. и набѣчиса в тѣмници шити и темѣ кормаше^н.

Ег^а же кра^и Матия^н извѣде к^г ис темници и привѣ^а его на Боудино. и дасть емѣ домѣ в Пѣщи противѣ Боудина. и ещо в корола не бы^и, и слоучи^и неког^имѣ злодѣю прибечи на е^г дво^р. и сохранитися емѣ тоу. Гонашїи же е^г найдоша. Дракоула^н взе^н мечь свои и искочи ие полаты. и ѡсѣче глѣвѣ приставѣ держашѣо^г злодѣа и злодѣа испѣсти. про-

17) т. е. дважды и трижды. 18) такъ слѣдуетъ читать: въ рукописи не вѣрно *кроматъ*; сиромакѣ, въ южно-Слав. нар. и Малорусск. = бѣднякъ, бо-быль. 19) въ рук.: *на^нраки*.

чи же бѣжаша. И пришеши къ кралю и повѣда емѣ бывшое. кра же посла к немѣ и вопроши а что ра^а тако сотвори еси? Онъ же тако ѡвѣща: зло никое^к вчини^т. но ѡ самъ себа ѹбилъ. находа разбоиническы на до^к велико^г гдѣра. аще бы^и пришо^и ко мне тотъ кобиревъ. и азъ бы^и во свок^к домѣ нашѣ бы^т то^г злодѣя и его выдѣ. или прости его ѡ смрти. Краль^к нача дивити со всеми ср^цю его.

Оумрши же томѣ воєводѣ на Мѣтъаньской земли. и кра^к посла к немѣ в те^нницу да аще восхоцеть быти на Мѣтъаньской земли воєводою. яко^к и пръвѣе. да тог^а Латыскю вѣр^у приметъ, аще^к не восхоцеть, то в темници ѹмрѣт. Дракѣла же возлюбѣ паче²⁰ врѣменная. бесконечн^ог ѡпаде православиѣ и ѡстѣпи и тинны. ѡставивъ свѣта и приа^т тмѣ, оувы не возможе темничныя тагости понести. и оуготови на безаконно^е м^чнѣе без^конечное. ѡставити православн^ю вѣр^у хрѣтъанскю Греческоюю. и приа^т Латынскоюю прелестъ. Краль^к не токмо дасть кмѣ не тою^ю воєво^дство на Мѣтъаньской земли, но и сестрѣ свою^ю ро^дноюю дасть за него в женѣ. и ѡ нем^к ро^д в. сѣна. Поживъ яко .1. лѣ^т и тако скончаша во прелести.

Конечъ^к его сице: живащю емѣ в Мѣтъаньской земли и придоша на землю тѣ Турковѣ. и на^ша плени^т. Онъ^к оударисе на нѣ^т. и побегоша Тѣрци. Дракоулино^к воиско без мѣти сечахѣ. Дракѣла же возгна на горѣ ѡ радости да види^т како секоу^т Тѣрковѣ. ѡторгыше ѡ вонска его мнѣще яко Тѣрки и оудари е^т ѣдинъ копьемъ. ѡнъ^к видѣ^т яко ѡ свои^т ѹбивае^т. и тѣ оуби свои^т оубийци е^т чл^вкъ. его^к мнози копьями избодоша. и тако оубьенъ бы^т.

Краль^к взе^т сестрѣ свою^ю со в сѣомы еѣ во ѹгорскю землю на Боуди^и. еди^и при кравеви сѣе живеть. а дру^ги оу борѣнско^г бискупѣ бы^т. и при на^ш ѹмре. а третїи старишии Михаилъ тѣт^ь на Боуди^и видѣх^о, ѡ кра^к Турковѣ прибежа^т ко кралю. ещо не женивса прижи^т его съ дѣвочкою.

Стефа^и же Молодовскїи ис кравеви воли посади на Моутѣаньской земли. некоего воєводѣ вла^да, воєво^дскаго^к сѣна. Бы^т той воєвода вла^д ѡ мѣла^т ногѣ бы^т сѣенни^и, инѣ^и, игѣмѣ в монастыри. да роустрѣса. и съ^т на воєводство на Мѣтъаньской земли. и женилѣса. и мало побы^т. и Стефа^и его оуби^т. и женоу е^т ѡна^т и нѣ^т на Мѣтъаньской земли воєводствѣетъ.

20) послѣ этого еще разъ повторено *взлюбѣ*.

VIII. Отрывокъ изъ книги о Мелюзинѣ сравниваемъ съ подлинникомъ, въ одномъ Польскомъ изданіи, вѣроятно XVII-го столѣтія, напечатанномъ готическими буквами. Выписываемъ 35-ю главу романа:

«О пораженіи волота отъ Гоэроя и како передъ нимъ волоть упалъ израненъ.

«Воскочивъ же волоть и ухватилъ дрѣво толсто и долго, будто великую шолгу, ида съ нимъ къ Гоэрою и нача вопрошати: «откуда еси ты и чево хочешъ?» Рече Гоэрой: «не пришелъ есмь съмо на разговоръ къ тебѣ, но чтобъ тебе живота лишити.» Въ томъ напустилъ на него Гоэрой и ударилъ его древомъ въ груди, яко опрокинутися ему, а воставши отъ земли, рече Гоэрою: «вѣрю, что ты не играешъ со мною,» и погна съ древомъ на Гоэроя изо всей силы, хотя его вдругъ поразити. Тогда отъ него Гоэрой, поворотивъ конемъ, въ сторону свернулъ, и тотъ часъ съѣдши съ коня, паки обратился къ нему, боясь, чтобъ коня не ранилъ, понеже одного того токмо съ собою имѣлъ. Волоть же съ поднесчимъ древомъ за нимъ бѣжа, застановилъся, смотря, что хочеть дѣлати — съ коня съѣдши, пѣшъ возвратилъся къ нему. Разсуждая волоть въ себѣ первый онъ ударъ, понеже укрѣпитися не могъ, чтобъ не упасть, рече ко Гоэрою: «правда, что далъ еси толь жестокій ударъ, яко отъ него пасти понудилъся; аще бы лать потому не имѣлъ, конечно бѣ съ того удару не всталъ; однакоже, дондеже что далѣе съ тобою сотворю, повѣждь ми, откуда еси ты и какъ тебе зовутъ?» Онъ же отвѣща: «Гоэрой есть съ великимъ зубомъ, пріѣхалъ есмь зъ далекой страны для тебя, но не подчиваешъ мене, яко гостя благопріятна.» Отвѣща волоть: «инъ ты еси, который племянника моего Гедеона убилъ еси, и инъ тожъ учинити думаешъ, но тотъчасъ узнаешъ, на ково наѣхалъ еси,» и въ томъ къ нему зъ древомъ скочилъ. Но Гоэрой, прилѣжно взирая намѣреніе его, сперва уступилъ ему; волоть же, погрѣшивъ крѣпкимъ вельми напускомъ, какъ ударилъ въ землю, едва могъ дрѣво изъ земли вынять, и такъ Гоэрой ударилъ ево мечемъ своимъ въ правое плече, яко и латы не здержали, и такъ усѣкнулъ въ плече, яко и рука ему обвисла, и такъ съ него стали латы опадывать, но лѣвою, рукою

владѣль, испысилъ Гоѳроя одною рукою, видя его быти одной руки, и схватя древо одною рукою удари Гоѳроя толь сильнымъ ударомъ, яко егда Гоѳрой ускочилъ отъ удару и дрѣво ушло въ землю на полтора локтя и переломилось пополамъ. Видя же Гоѳрой волота безоружна, паки прискочилъ къ нему съ мечемъ и уцѣкнулъ его возлѣ горла, отчего и ошейникъ желѣзный опадъ. Однакоже тотъ ударъ о переднюю оперся доску, яко не вельми повредилъ его. Видя волотъ, яко пособи ниоткуда не имѣлъ, дабы инымъ оружіемъ могъ противитися, кивуся къ Гоѳрою, и кулакомъ толь крѣпко въ шлемъ ударилъ, яко едва Гоѳрой состоялъ; въ томъ волотъ за плеча хватилъ; Гоѳрой же, мечъ уронивъ на землю, сталъ съ нимъ боротся и всячески Гоѳрой употреблялъ и пошибалъ, однако же никогда силы волотовой не одолѣлъ, аще бы не раны изнимали волота и въ борбѣ и въ подвигѣ. Какъ вспотѣлъ, и такъ растворилися раны, сталъ исходити рудою, а Гоѳрой, хотя то и видѣлъ, однако же толь долго въ борбѣ пребывати не восхотѣлъ, ибо тошно убо было, и нача одинъ другаго пушати, смотря за чтобъ по семь приняты. Гоѳрой же на свой мечъ взиралъ, какъ бы его наскорѣе захватити, бояся, чтобъ волотъ не упередилъ его; волотъ же помысли я къ горѣ, бояся, чтобъ ему Гоѳрой вертепа въ горѣ не отнялъ. Но какъ распустилися, всякъ кивуся къ своему промыслу, ибо то Гоѳрой хотя отдыхая тихонко ко своему шлемъ мечю, однакоже волотъ въ томъ ничево не помѣшалъ, но паче къ тому поспѣшалъ, чтобъ яко наскорѣе къ вертепу своему приблизитися могъ, о чемъ Гоѳрой не помышлялъ, и скоро бѣгство его завидѣлъ....»

Jako Gofroy Olbrzymą poraził, iż przed nim Olbrzym uciec musiał z miejscą poranioną.

Porwawszy się Olbrzym, pochwycił drąg mięszczy y długi, a idąc z nim ku Gofroiowi, pytał go zkądś ty, y czego tu chcesz: Gofroy do niego rzekł: Nie przyjechałem do Ciebie na rozmowę, ale iżbym Cię żywota zbawił. Olbrzym odpowiedział: więc mi żyć nie dasz proszę Cię miej lutość nądemną.

W tym przytarł nąn Gofroy, uderzył go w piersi kopią, że się aż wznak wywrócił. A porywając się z ziemię, rzekł do Gofroia: Wierę ty zemną nie igray: Potym zápedził się z drągiem ná Go-

ужа ползуца, борзостію ринувся и сцѣпшася съ нимъ и начаша ся ѣсти между собою. Ужь убо пса изъяде во многихъ мѣстехъ, а песь ему одолѣ и до смерти загрызе; отъ крови же ихъ стечеса вся хранина. Егда же песь и ужь брашася между собою, извалиша отроча изъ колыбели и оторвася колыбель, покры отроча. И удавивъ же песь ужа и ляже на немъ близъ у колыбели.... Придоша же во хранину мамки отрочате, видѣвше же хранину кровію сплывшуся, и пса лежаща кровава, и колыбель опровержену, отрочате жъ неузрѣвше, — мѣвше, песь отроча и изъяде, и разбѣжашася. Единя же мамка приде къ рыцаревѣ, плача и вопія велимъ гласомъ: о не вѣси, госпожа, песь сына вашего изъяде до смерти и леже у колыбели. Рыцарева же, слышавъ смерть сына своего, велимъ гласомъ воскрича: слышавъ же рыцарь кричаніе жены своея, притече и рече къ ней: о чемъ плачеша? Она же рече ему: се прибѣжа мамка и сказа — сына наю изъяде песь до смерти. Рыцарь же, слышавъ, вземъ мечъ свой и иде борзо въ домъ свой, приде во хранину, гдѣ бѣ сынъ его, и видѣ ю кровію стекшуся, а колыбель сына своего на земли поверженну, и пса близъ ея лежаща, лижуца колыбель. Песь же узрѣ господина своего и скочи къ нему радуся; онъ же изытъ мечъ, и ткну его, и пресѣче на двое, и подня колыбель, и обрѣте сына жива, спяща; нача же смотрѣти, откуда по хранинѣ учинися кровь, и обрѣте ужа великого заѣдена, и оскорбѣся о псѣ скорбію велию зѣло, нача плакати, понеже уби неповиннаго такова разумна для слова жены своея.

Об. л. 235 — 238, повѣсть королевы:

О нѣкоемъ вепрѣ и о пастушѣ. Бысть нѣкій король, имѣ въ государствѣ своемъ великій лѣсъ, въ немъ же лѣсу живяше дикій вепрь, бѣ же лють зѣло, по всякимъ мѣстомъ проходя изъѣдаше люди. Придоша же ко кралю всѣ люди его господарства, моляху его съ великимъ воплемъ, да избавить ихъ отъ насилія вепрева. Король же посла многихъ рыцарей на того вепря, повелѣ его убити; вепрь же рыцарей всѣхъ поби; король же посла (въ) второе и въ третье, онъ же и тѣхъ всѣхъ поби, в о семъ король въ недоумѣніи бысть. Имяше же король той дщерь единородну, и пусти клнчъ по всѣмъ градомъ госпо-

дарства своего, иже кто убьет вепря того, да дастъ за него дщерь свою. Случижеса нѣкако единъ нѣкто пастухъ, пася скотину, за поясомъ же имѣ у себя сѣкиру, и узрѣ его вепрь той, напусти на него, онъ же утече у него на великое древо виноградное: вепрь же нача древо подъядати, пастырь же нача ягоды рвати и вѣтъвіе съ ягоды вепрю метати. Вепрь же нападеса на ягоды, нача ихъ ясти, а пастырь же болши нача къ нему метати, и наядеса вепрь ягодъ до великіе сытости, и ляже подъ тѣмъ древомъ спати. Пастухъ же узрѣ его спяща и надклонися на него, единою рукою держася за древо, а второю нача вепря чесати, и узна его спяща крѣпко, и изять топоръ и уби его до смерти. Король же выладе за него дщерь свою, послѣди же его той пастухъ кралевствова на его мѣсто.

(Королева вывела изъ этого слѣдующую мораль, для убѣжденія короля:)

Сія же цесарева изглагола и рече цесарю: разумѣй, аже ти глаголю — приличнѣ людіе не возмогоша стояти противъ тебя: а пастухъ — знаменіе твоего злаго сына, еже надъ тобою своею мудростію умышляетъ; смоквіе же метаніе къ вепрю знаменуетъ проклятыхъ его мудрецовъ, еже умоляютъ тя лестными словесы; чесаніе же вепря, пастуха того, претворитъ, еже сынъ твой и съ своими мудрецы лживыми своими словесы умолвивъ тя, хоцетъ убити и на твоємъ престолѣ сѣсти и господствовать.

Об. л. 250 — 255, еще повѣсть королевы:

О нѣкоемъ рыцарѣ убогомъ и о дѣтехъ его... Бысть нѣкій рыцарь древле въ Римѣ, имѣя у себя единого сына и двѣ дщери; обычай же имяше той рыцарь часто на битвы ѣздити во многіе господарства, споемлючи съ собою всюды и сына своего, и въ тѣхъ ѣздѣхъ имѣніе свое истощи все и одолжа великимъ долгомъ, и нача глаголати сыну своему: о милый сыну, азъ убо при старости, а ты младъ еси, еще же имѣю двѣ дщери, сестрѣ твои, не имѣю же съ чѣмъ ихъ отдати за мужъ, долгу ради своего; но что сотворю — на разбой ли поѣдемъ, или учнемъ красти, да искупимся отъ долгу своего, и было бы намъ чѣмъ пятитися. Сія же слыша сынъ, похвали совѣтъ отца своего. Бысть же въ то время цесарь въ Римѣ Октевянъ, охочъ бѣ

до злата и виѣя у себя многое множество злата, насына же себѣ велко полату злата и постави стражи. Рече же сынъ того рыцаря ко отцу своему: отче, сотворимъ мотыги, и подкопаемъ полату, и воземъ злата доволно. Рыцарь же похвали совѣтъ сына своего, и сотвориша собѣ мотыги, и шелше подкопаша полату, и взяша злата, елико возмогова, и тѣмъ златомъ искупишася отъ всего долгу своего. Стражи же полаты узаша, кимъ шѣстомъ изъ полаты злато крадено, и поставиша въ томъ мѣстѣ великій котелъ смолы, разваря. Они же придоша во вторыа украсти злата и поидоша въ скважню, идѣ же прокопаша; видѣ же прежде отецъ его, и егда пустися и урвася въ котелъ, въ смолу по груди, и рече къ сыну, дабы къ нему не отпущался. Онъ же пустися бережно и не увязе въ томъ котлѣ; видѣвъ же отецъ, что невозможно его сыну его избавити изъ котла, и рече къ сыну своему: о чало, одинако мы умрохомъ, примь мечъ и отсѣки главу мою, и возми злато доволно и главу мою съ собою, мене же остави безглавна, да не познанъ будеши. Онъ же злата взялъ елико возможе, и примь мечъ, отсѣче главу отцу своему и положи ю въ мѣхъ и отнесе съ собою. На утріе же придоша стражи и взяша татя безглавна и повѣлаша о немъ цесарю: цесарь же повелѣ трунъ мертваго татя по всему граду возити по улицамъ и по малымъ переулкамъ, и посла за нимъ люди многи и рече имъ: смотрѣти прилѣжно, — да егда въ коемъ дворѣ узрите, еже тѣло мертвое видѣвши начнутъ плакати, сихъ изымайте и приведета ко мнѣ. Возиша же его много по улицамъ, и привезоша въ улицу, идѣ же живяше сынъ его и дщери; узрѣша же дщери отца своего мертва возима и воскричаша великимъ гласомъ и начаша плакати. Сынъ же его, заслышавъ кричаніе сестръ своихъ, борзо ринувся къ нимъ, извлече ножъ и укололъ себя въ бедру и рече сестрамъ своимъ: егда вы поимають и начнутъ спрашивать, вы же рѣкта имъ, что по мнѣ плачете. Слуги же цесаревы, слышавше въ томъ дворѣ кричаніе, и ринушася имати, и узрѣша брата лежаща поколота и сестры надъ нимъ плачущеся, и мнѣвши правду, отъидоша отъ нихъ. Цесарь же повелѣ мертвое тѣло обѣсити и висѣ два лѣта, а сынъ его не соиме и не похрани.

Сія изрекъ, цесарева нача глаголати къ цесарю: внимаеши ли, о превеликій, преславный господарю мой, еже ти изрекохъ? Онъ же рече ей: зѣло внять, о любимая ми, да не и мнѣ отъ моего сына тоже будетъ; на утріе же сынъ мой да умретъ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 79—80. Въ новой редакціи *Данила Заточника*, напечатанной во второмъ томѣ «Русской Бесѣды» 1856 г., находится между прочимъ нѣкоторые слѣды сказанія о Синагрицѣ. Въ числѣ афоризмовъ Заточника приводится, на примѣръ, слѣдующій: «аще бы котлу золоты кольца во ушію, но дну его не избыти черности и жжевія его» (стр. 106), — что говоритъ и Акирь въ поученіи Надану: «сыну, былъ ми еси якоже котлу прикованъ золотъ колцѣ, а дну его не избыти черности». Изреченіе Заточника безъ сомнѣнія заимствовано прямо изъ нашего сказанія и представляетъ новый фактъ въ доказательство его давней извѣстности.

Стр. 144—145. Въ дополненіе къ тому, что сказано нами о всеобщемъ распространеніи численной формулы и ея значеніи въ народной поэзіи, приводимъ слова Гюка объ одной древней Китайской книгѣ, которая представляетъ поразительную аналогію съ другими фактами. «Le premier livre qu'on met entre les mains des élèves est un ouvrage très-ancien et très-populaire; on le nomme San-dze-king, ou livre sacré trimétrique... Les cent soixante et dix-huit vers que contient le San-dze-king forment une sorte d'encyclopédie, où les enfants trouvent un résumé concis, un tableau admirablement bien fait de toutes les connaissances qui constituent la science chinoise. On y traite de la nature de l'homme, des divers modes d'éducation, de l'importance des devoirs sociaux, des nombres et de leur génération, des trois grands pouvoirs, des quatre saisons, des cinq points cardinaux, des cinq éléments, des

cinq vertus constantes, des six espèces de céréales, des six classes d'animaux domestiques, des sept passions dominantes, des huit notes de musique, des neuf degrés de parenté, des dix devoirs relatifs, des études et des compositions académiques, de l'histoire générale et de la succession des dynasties. Enfin l'ouvrage se termine par des réflexions et des exemples sur la nécessité et l'importance de l'étude. (Нис, L'Empire Chinois, 2-me éd. Paris 1854. t. 1, p. 126—127).

Стр. 175—177. Списокъ «Зрѣлища житія человѣческаго» находится такъ же въ сборникѣ г. Забѣлина XVIII в., № 78; здѣсь названо и имя трудившагося надъ переводомъ этой книги, извѣстнаго переводчика посольскаго приказа, Андрея Виниуса. Заглавіе ея слѣдующее: «Зрѣлище житія человѣча, въ немъ же изъяснены суть дивныя бесѣды животныхъ со истинными къ тому приличными повѣстями, въ наученіе всякаго чина и сана человѣкомъ; новопреведено изъ Нѣмецкаго языка всѣмъ во общую пользу трудолюбіемъ Андрея Андреева сына Виниуса въ парствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лѣто воплощенія Бога Слова 1674». Рукопись писана въ 1693 году.

Стр. 197. Притча о *пустынникѣ*, особенной редакціи, независимой отъ Римскихъ Дѣяній, находится въ рукописи Публ. Б-ки XVI столѣтія, XVII. О. 14, на л. 135—139 подъ заглавіемъ «слово о судбахъ Божіихъ неиспытанныхъ, молившу о нихъ нѣкому черноризцу, дабы видѣлъ судьбы Божіи», начинается: «баше нѣки отходникъ чернецъ, исполненъ всея добродѣтели, и моляшеся Богови, глаголя сице: Господи, дай же ми увѣдѣти, что суть судіи (д. б. судьбы) твои различніи, — створи постъ великыи тоя ради вины, и не прояви ему Богъ, имже немощно есть человѣку вѣдати того. Онъ же томляшеся, моля Бога о томъ; хотя же извѣстити ему Богъ, да ся не томить безъ ума, но вложи ему мысль тако ити посѣтити ветхаго левми старца, далече суша отъ него....» Потомъ рассказаны такія же приключенія во время его странствованія съ ангеломъ, какія приводятся и въ Римскихъ Дѣяніяхъ.

Стр. 205. Въ дополненіе къ изложенію повѣсти о хмѣльномъ питіи, приводимъ замѣтку, сообщенную намъ г. Пекарскимъ. Съ нѣкоторыми вариантами повѣсть эта находится въ

рукописи Публ. Б-ки изъ Погодинскаго собранія № 1261; здѣсь помѣщены статьи, излагающія разныя мнѣнія старовѣровъ, и въ концѣ «о антихристѣ и о скончаніи міра и о страшномъ судѣ свидѣтельства отъ Св. Писанія, — выписано изъ *Книги Вѣры*, изъ тридесятой главы», т. е. изъ печатной извѣстной книги, которою мы не имѣли случая пользоваться. Въ этой статьѣ приводится и упомянутая повѣсть; заключение послѣдней передано такимъ образомъ: «и разнесся то піяное питіе въ Цыцарію и въ Литву и по всѣмъ царствамъ и странамъ, потомъ же на кончину вѣка сего и къ намъ приде злая брань матерная на оскверненіе земли и воздуха и твари; затѣмъ приде въ Русскую страну антихристово питіе сухое табака». Нѣкоторыя сказанья подобнаго рода упомянуты такъ же въ статьѣ г. Буслаева о Горѣ-Злочастіи, въ Русск. Вѣстникѣ 1856, № 13—14.

Стр. 237. Къ приведеннымъ прежде указаніямъ на рукописи изъ собранія г. Забѣлина, добавляемъ и другія указанія, вновь сообщенныя намъ г. Забѣлинымъ. Въ сборникѣ № 79 изъ XVIII вѣка находится еще одинъ списокъ романа о Петрѣ Златыхъ-Ключей, подъ такимъ заглавіемъ: «гисторія о Французскомъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключей и о Неполитанской королевнѣ Магиленѣ».

Стр. 262. Списокъ *Апофөгматъ* есть въ рукописи XVII в. № 77 подъ заглавіемъ: «книга Апоөгматъ или извѣщаніе, сіе есть соплетенныхъ, краткихъ и красныхъ повѣстей».

Стр. 266. *Смѣхотворныя повѣсти* или Польскіе жарты находятся въ сборникахъ XVIII столѣтія № 80, безъ начала, и въ № 81, гдѣ указано то же время перевода: 8 ноября 187 г., въ 72 главахъ. Въ концѣ послѣдней рукописи нѣсколько прикладовъ безъ нумераціи, Шемякинъ судъ, и опять приклады и притчи царя Соломона.

Стр. 280. Еще одинъ списокъ повѣсти о Саввѣ *Грудцыннѣ* встрѣчается въ томъ же сборникѣ № 80, подъ заглавіемъ: «повѣсть зѣло предивная, бысть въ древняя времена и лѣта, града Великаго Устюга купца Оумы Грутцына о сынѣ его Саввѣ, како онъ даде на себя дьяволу рукописаніе и како избавленъ бысть милосердіемъ Пресвятыя Богородицы Казанскія».

Стр. 289. Къ романамъ первой половины XVIII-го столѣтїа присоединяемъ еще одинъ: «гисторїя о Россійскомъ матросѣ (?) Василю Коріотскомъ и о прекрасной королевиѣ Иракліи Флоренской земли» въ рукописи № 79. Въ сборникъ № 80 находится другой списокъ романа уже нами упомянутаго: «гисторїя о Полиционѣ, цесаревичѣ Египецкомъ и о прекрасной королевиѣ Милитиѣ Италіанской».

AUG 6 - 1947

